

Издательство

АПЕКС

Норильск

2022

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
А 58

Эдгарт АЛЬТШУЛЕР

НЕБЕСНЫЙ БЛЮЗ

А 58 **Альтшулер, Э.Б.**
Небесный блюз / Э.Б. Альтшулер. — Норильск : АПЕКС,
2022. — 104 с.
ISBN 978-5-93633-181-7

Роман охватывает временной отрезок в несколько десятилетий XX века, посвящён непростым взаимоотношениям между взрослыми людьми.
18+

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Альтшулер Э.Б., текст, 2022
© Издательство «АПЕКС», оформление, 2022

ISBN 978-5-93633-181-7

От автора

Билет на поезд Москва–Ленинград в купе СВ был мной заказан за два месяца до поездки. В Ленинграде я должен был выступить в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации. Купе оказалось свободным. Только приготовился переодеться в спортивный костюм, чтобы лечь на полку и ещё раз, в спокойной обстановке прочитать свой отзыв на диссертацию, как в купе впорхнула молодая женщина лет тридцати с небольшим, оригинальной формы чемоданчиком.

— Добрый вечер, уважаемый господин. Как я рада вас видеть! Меня зовут Элеонора. Это моё полное имя, но вы можете называть меня Нора.

— Профессор Барсуков, — представился я в свою очередь.

— Очень приятно, — ответила женщина.

— А почему вы с порога предложили называть себя Норой?

— Так как вы явно из семитских народов, то позвольте мне пользоваться при нашем разговоре второй частью своего имени.

— Оригинально. Вы со всеми так откровенны?

— Нет, конечно, — и она громко рассмеялась.

— А теперь, Нора, объясните мне, пожалуйста, заявленную прямо с порога при виде меня радость.

— Дело в том, что вы, как мне кажется, серьёзный человек и не будете мне мешать слушать музыку и читать книгу.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Почему?

— Потому что я так хочу.

— Это не ответ. Может же возникнуть какая-то совершенно непредвиденная ситуация?

— Нет, не может. В таких вагонах едет, как правило, приличная публика. Вы, пожалуйста, отвернитесь к окну. Мне нужно переодеться.

— Конечно, конечно.

— Только свет выключите, пожалуйста.

— Пожалуйста.

Весь процесс переодевания, со всеми подробностями, полностью отражался в окне, но Нору это обстоятельство совершенно не смущало. Закончив переодевание и включив свет, она выглядела приятной девочкой.

— У вас есть ещё ко мне вопросы, уважаемый профессор?

— Есть. Чем вы занимаетесь в жизни?

— Пустяками: пишу стихи, мелкую прозу, исторические обзоры. Вот сейчас еду в Ленинград на двухдневный семинар, посвящённый творчеству Александра Блока.

— Извините, а за счёт чего вы живёте? Ведь сейчас за это платят смешные деньги.

— Вы хотели спросить не за счёт чего, а за счёт кого?

— Поправка принимается.

— Отвечу, не таясь. За счёт своего друга. Он — ведущий сотрудник солидного научно-исследовательского института. Какого точно — не знаю. Я однажды присутствовала на его лекции в Политехническом музее. Там мы с ним и познакомилась.

— И кто он по специальности?

— Историк. Темой его лекции была гражданская война в России. Он так интересно о ней рассказывал, что я вам передать не могу.

— Чем же его лекция вам так понравилась?

— Правдивой жестокостью. Анализируя разные исторические эпохи, он делает вывод, что только людская вражда и кровавая нетерпимость друг к другу переворачивают страницы времени.

— Серьёзный вывод. И что, как вы считаете, должно из этого следовать?

— Должна восторжествовать библейская мораль: возлюби ближнего, как самого себя.

— Замечательно, но не оригинально.

— Согласна, но я так считаю.

— Извините за нескромный вопрос... Вы у него живёте?

— С чего вы взяли? У него есть жена, которая за ним трогательно ухаживает. Я просто прихожу к этим людям в гости. У них замечательная библиотека.

— И что вы там читаете?

— Как правило, исторические книги, которые мне рекомендует хозяин. А потом, за вечерним чаем, мы их вместе обсуждаем.

— Вы профессионально занимаетесь историей?

— Нет. До встречи с этим человеком я окончила педагогический институт по специальности «Русский язык и литература». А сейчас заочно учусь на историческом факультете Московского государственного университета.

После небольшой паузы, которая возникла, не понятно по какой причине, Нора продолжила свой рассказ.

— Откровенно говоря, мне эти беседы не очень важны. Я просто влюблена в этого человека.

— А как же его жена терпит ваше присутствие?

— Совершенно спокойно. У неё нет ко мне никаких притязаний. Ему уже далеко за семьдесят и он серьёзно болен.

— Чем же вас, Нора, покорила этот пожилой человек?

— Я не могу точно ответить на ваш вопрос. Это что-то внутреннее и сложное... По всей видимости, своей культурой и добротой.

— И всё?

— И всё. Я готова слушать его часами. Он не рассказывает. Он советует с собеседником, постепенно приближаясь к тому, что он хочет от него услышать.

— Интересная ситуация...

— И вообще, смотреть в глаза этого человека — огромное удовольствие.

— А от чего оно возникает?

— Даже не знаю... Но это — завораживающая ситуация.

Я проговорил со своей попутчицей почти всю ночь, поспав под утро всего несколько часов. Расставаясь, я ей дал свою визитную карточку.

— Вы — интересная женщина, Нора. Звоните, когда будет время и желание пообщаться. Кстати, как фамилия вашего любимого учителя?

— Это не имеет значения.

— Понятно... И последнее. Позвольте полюбопытствовать: почему вы в течение всего вечера ничего у меня не спросили, а только отвечали на мои вопросы?

— Потому что мне совершенно не интересна ни ваша точка зрения на то, что я рассказывала, ни ваша жизнь. Я своего любимого человека не могу, да и не хочу ни с кем сравнивать.

— Ну что ж. Всего вам хорошего.

— И вам также.

Весь день в Ленинграде, я вспоминал женщину, с которой ехал ночь в одном купе. Что-то меня в ней задело, а что-то просто напрягло...

Неужели она придумала весь этот рассказ про любовь? Неужели у ней была другая цель, кроме того, чтобы поделиться своей жизненной историей со случайным попутчиком?

С одной стороны, она — взрослый человек. Что хочет, то и делает. А с другой, мне были совершенно непонятны её взаимоотношения с этим, по всей видимости, незаурядным человеком. Но в чём же, всё-таки, был смысл её ночного разговора со мной?..

Выполнив свою миссию официального оппонента и поздравив диссертанта с успешной защитой, я вечером того же дня отправился в обратный путь. Ехал в купе один, без попутчика, и думал о том, что же произошло со мной прошлой ночью. Кого я встретил на своём пути — влюблённую женщину или прожжённую аферистку? Почему я никак не среагировал на молодую попутчицу, которая, мягко говоря, нестандартно себя вела и, в некотором смысле, просто меня провоцировала?

И тут меня пронзило: это была не моя женщина. Я к ней не испытывал, кроме любопытства, никакого интереса. Она была мне, во всех отношениях, безразлична. А что касается её, берущих за душу откровений, то они, по всей видимости, предназначались не мне. Меня даже можно было бы заменить каким-нибудь неодушевлённым предметом и эффект был бы тот же самый.

Тем не менее, меня до самой Москвы не отпускал вопрос: что же возникает между мужчиной и женщиной, независимо от их возраста, социального положения, состояния здоровья, уровня образования, культуры и массы других обстоятельств? Что располагается внутри очень ограниченного интимного пространства, рассчитанного только на двоих, оказавшихся близкими по многим признакам людей?

Ответ на него я искал в течение многих лет и одним из гипотетических вариантов решил поделиться с вами в предлагаемой книге «Небесный блюз».

Желаю приятного чтения.

*В любом из нас спит гений.
И с каждым днём всё крепче...
М. Жванецкий*

Пролог

Откровенно говоря, Владимир Николаевич Калмыков не горел желанием идти в этом году в отпуск, но обещание, данное жене, съездить в Москву и познакомиться с её родителями, обязывало его это сделать. Да и с институтом Беатрис нужно решать вопрос, так как срок её академического отпуска подходит к концу.

Семья Калмыковых взяла в отпуск три чемодана и две сумки. Причём, один чемодан был полностью загружен подарками для родственников. Так как багажного отделения в самолёте Ил-14 предусмотрено не было, то все громоздкие вещи — чемоданы, рюкзаки, мешки — складывались в хвосте самолёта, а остальное — сумки, коробки, пакеты — рассовывалось под креслами и в проходе. При каждом маневре самолёта весь багаж перемещался по его полу и не было исключено, что на кого-нибудь из пассажиров он обрушится. Многочасовой перелёт был, в принципе, не особо утомителен, но сидение в одном положении, без возможности вытянуть ноги, дало о себе знать, когда они спустились по трапу.

— Володя, нас кто-нибудь встречает? — недовольным тоном спросила Беатрис.

— Нет. Мне неудобно пользоваться служебным транспортом в отпуске. Для этого есть такси.

— Опять ты демонстрируешь своё буржуазное воспитание и классовую деликатность. Кому это всё нужно?

— Мне, красавица моя. Мне.

— А мне — нет. Ты должен думать, прежде всего, о своей семье, а потом о том, кто что скажет. Понятно тебе?

— Понятно, гражданин начальник.

— Ну всё, Володя, заканчивай свои пустые шуточки из прошлой жизни и иди вперёд.

Владимиру Николаевичу Калмыкову, руководителю самого крупного в Норильске строительного комплекса, на котором работали десятки тысяч человек, доставляло огромное удовольствие подчиняться жене. И хотя был женат на Беатрис уже полтора года, он никак не мог до конца поверить, что такая красавица согласилась выйти за него замуж.

Москва встретила Калмыковых слякотью и ночными заморозками. Но в отличие от своего первого приезда в Москву два года назад, когда он ехал один в своё пугающее прошлое, сейчас у Владимира Николаевича было другое настроение. С ним была его любимая Бася. И тем не менее, он чувствовал внутреннюю тревогу — предстояло знакомство с её родителями. На тёплый приём он, конечно, не рассчитывал, но всё-таки надеялся, что ему позволят объяснить, как их дочь оказалась в Норильске.

— Володя, что ты такой озабоченный? — спросила жена

— Ничего... Всё в порядке

— Нет, не всё. Тебя что-то беспокоит?

— Бася, любимая моя, ничего меня не беспокоит. Вот думаю, что делать с тётиной дачей?

— Ну не обманывай меня. Я же знаю, о чём ты думаешь?

— О чём?

— Выгонят тебя сразу мои родители или всё-таки выслушают.

— Нет, в самом деле, о тёте! Твоим родителям сколько лет?

— Они моложе тебя.

— Ну вот. А моей тёте больше семидесяти. Кто ей ещё поможет, если не я?

— Это верно. А как ты собираешься ей помогать?

— Что-то своими руками сделаю, благо в лагере работал рабочим на стройке, а на какие-то работы приглашу людей.

— А ты не забыл о списке, который я подготовила для Москвы?

— Ну как я могу забыть! Это чревато большими для меня неприятностями.

— Можешь не сомневаться.

— Только я боюсь, что мы за три недели не успеем всю программу выполнить.

— При желании — всё успеем.

— А скажи, моя любимая, почему в твоём списке нет пункта «Встреча с друзьями»? Или у тебя их нет?

— Почему нет? Есть. Школьные, институтские, дворовые... Только у нас на это нет времени.

— А я думаю, что ты просто стесняешься меня им показывать.

— Володя, ну что ты такое говоришь?

— Говорю, что есть. А я, между прочим, прилично играю на рояле и неплохо пою романсы в оригинале на русском, французском, итальянском... А также могу почитать стихи Ахматовой, Цветаевой, Гумилёва.

Кстати, С Лёвой Гумилёвым был хорошо знаком. Так что не подведу тебя.

— Я вижу, что ты обиделся, дорогой?

— В некотором смысле — да.

— Но я даже не знаю, как эту встречу организовать!

— Я знаю. Раньше в Москве, до конца двадцатых годов, в каждом приличном ресторане существовали небольшие банкетные залы с музыкантами. Я там с родителями часто бывал.

— Да что ты говоришь?

— Представь себе. Ты только мне скажи, на сколько персон заказать банкет, а остальное я решу.

— И всё будет, как ты рассказал? Романсы и стихи?..

— Не сомневайся. Пойми, моя дорогая, что в основе большой любви всегда лежит большая мировая культура в любом её проявлении — музыке, поэзии, живописи. Она и только она является фундаментом проявления искренности человеческих чувств, независимо от возраста и всех остальных признаков влюблённости.

— Это ты о ком говоришь?

— О нас, о нас...

— Дай, дорогой, я тебя поцелую.

Часть I.

Возвращение в прошлое

Глава 1. Родные люди

1.1

С приездом в Норильск Беатрис жизнь Владимира Николаевича Калмыкова кардинально изменилась. Приезжая на работу, как и прежде, к восьми утра, в восемь вечера он, как правило, возвращался домой, чтобы больше времени провести с молодой женой. Единственный день, когда он приходил позднее обычного, был вечер субботы, когда Владимир Николаевич со своими старыми друзьями по Норильскому лагерю ходил в баню.

Дома теперь было интересно, вкусно и тепло. Но сегодня Владимир Николаевич нашёл свою жену в слезах:

— В чём дело, моя красавица? О каких волнующих кровь событиях горюем?

— У тебя, Володя, всё шуточки на уме. Целый день сижу дома одна. Ты ведёшь себя как квартирант — только ночевать приходишь.

— Как квартирант, говоришь? Да, но за какие деньги снимаю койку.

— Причём тут деньги?

— Не скажи. Иногда деньги очень нужны. Помню, прилетел я несколько лет назад в Москву из Норильска. Настроение ужасное. Так вот. Взял такси в аэропорту, а водитель предлагает попутчиков до города. Я, естественно, отказался.

— К чему ты мне это рассказываешь, Володя?

— А к тому. Ехал я в Москву первый раз после пятнадцати лет жизни в Норильске, и мне нужно было побыть одному. Только одному. Глаза полные слёз. Ну и заплатил я водителю три счётика за эту поездку.

— Ладно, Володя, закажи мне, пожалуйста, разговор с родителями. Как они там, бедненькие, без меня. Я ведь у них одна.

— Это я тебе сделаю завтра без проблем. И не расстраивайся, всё будет у нас хорошо.

Каждую неделю Беатрис просила мужа, чтобы он организовал через коммутатор Норильского комбината телефонный разговор с мамой и

папой. Трудность состояла в том, что они должны были явиться к определённом часу на переговорный пункт Главного почтамта Москвы. Разговор с дочерью, несколько раз, как правило, прерывавшийся из-за помех в радиосети, обычно заканчивался слезами обеих сторон и обещаниями Беатрис скоро приехать в гости. Но сегодня Владимиру Николаевичу, прямо с утра, позвонил начальник управления по внешним экономическим связям Норильского комбината Владимир Васильевич Коноплёв:

— Привет, молодожён. На работу регулярно ходишь? А то говорят, что ты со своей Басей всё запустил — пьянку, друзей, баню.

— Хожу, хожу, — со смехом ответил Калмыков.

— Молодец. Я вот по какому поводу тебя, Владимир Николаевич, беспокою. Сейчас в Москве формируют группу отраслевых специалистов для посещения комплекса металлургических предприятий Японии. Хочу подать твою кандидатуру для включения в список делегации. С директором согласовано. Ты согласен?

— Нет, не согласен.

— Почему? Такая возможность возникает весьма редко. Всё-таки Япония...

— Не могу я оставить жену одну в Норильске. Она тут, по сути, никого и ничего не знает.

— Да ты не волнуйся, мы за ней приглядим.

— Вот как раз этого и боюсь. Так что, извини, Владимир Васильевич. В следующий раз.

— Ладно, до встречи.

— Будь здоров.

А через несколько дней Беатрис, в самом деле, пожаловалась мужу, что нет у ней ни работы, ни подруг, ни знакомых. Ничего. Да и заняться нечем — читает книжки, в основном, художественные, и бренчит на пианино, пока муж с работы не придёт. На письмо в институт о предоставлении ей академического отпуска по семейным обстоятельствам, в связи с выходом замуж и переездом на жительство в другой город, ответа не последовало.

— Володя, ты можешь с кем-нибудь из норильского медицинского мира поговорить о моём трудоустройстве? Всё-таки у меня за спиной два с половиной курса медицинского института.

— Могу, но не хочу.

— Почему?

— Потому что в Норильске, Бася, всё население — это девяносто

процентов заключённых и только десять — вольнонаёмных. И, следовательно, больных и здоровых людей в такой же пропорции.

— И что? Я знаю, что ты меня привёз в тюремный край. Так что выбирать мне не из чего.

— И всё равно не хочу, чтобы моя жена общалась с зеками. Это не очень приятное занятие.

— Ты же общаешься — и ничего. Почему я не могу?

— Потому что я среди них много лет прожил и к ситуации, связанной с матом и грязью, привык.

— И я со временем привыкну. В конце концов, дорогой мой мужёнок, будущий врач не должна чураться среды своей профессиональной деятельности. Если, правда, он — настоящий врач.

— Ну, не хочу. Я эту среду знаю с изнанки. Мне просто страшно за тебя.

— Володя, ты же сам мне рассказывал, пытаюсь произвести на меня неизгладимое впечатление, о великом враче и музыканте Альберте Швейцере.

— Рассказывал, пока это не касалось моей жены.

— Ты что такой двуличный?

— Нет, я одноличный, Но всё равно не хочу.

— Володя... Не шути со мной. Я — мусульманка. Зарежу тебя ночью как барашка и лишится страна молодого перспективного руководителя.

— Ладно, давай сделаем таким образом, а то ты ещё и вправду меня зарежешь с твоим татарским темпераментом. Я завтра договорюсь с руководством городской больницы, чтобы тебя временно взяли на работу медицинской сестрой в какое-нибудь отделение.

— А почему временно?

— Потому что в следующем году мы с тобой едем в большой отпуск. Я уже переговорил с директором комбината. Во-первых, познакомлюсь, наконец, с твоими родителями, а во-вторых, восстановимся в медицинский институт на заочный факультет. Согласна?

— Согласна.

— Ну и хорошо.

1.2

Гафур Раильевич Шамаев уже полчаса сидел за обеденным столом и вертел в руках телеграмму от дочери Беатрис.

«Дорогие папочка и мамочка! Спешу вам сообщить, что мы с моим

мужем Володей прилетаем в Москву десятого мая. Я просто счастлива, что скоро вас увижу и обниму. Авиабилеты у нас уже на руках. Правда, сегодня нелётная погода — мороз восемнадцать градусов плюс сильный ветер. Но думаю, что ко дню нашего вылета из Норильска атмосферные условия будут благоприятными. Целую вас крепко. Ваша дочь Беатрис».

Шамаев как-то без особой радости смотрел на текст телеграммы. Помимо того, что в ней было более восьмидесяти слов, она ещё содержала двенадцать точек и запятых, что, в принципе, в телеграммах недопустимо.

— Это же сколько нужно было заплатить за такую телеграмму? — думал про себя Гафур Раильевич. — Просто ужас. Нужно будет поговорить с дочерью. Нельзя так швыряться деньгами, хоть и на Севере живёшь. Не так мы её воспитывали.

Он озабоченно оглядел свою убогую комнату со старой самодельной мебелью. Ну и что теперь делать? Куда мы гостей положим в одной комнате? Придётся нам с Земфирой на время их пребывания в Москве ночевать у сестры. Это очень неудобно, но другого выхода нет... Кроме того, дочь с мужем нужно будет кормить. У кого денег занять? Все такие же, как мы. Придётся пойти на базар и что-то продать...

А что продать? Надо с Земфирой посоветоваться, хотя она в этом ничего не понимает. Всю жизнь простояла у плиты...

Нерадостные мысли, связанные с приездом дочери, вызвали у Гафура Раильевича старую боль в правом боку. Это была память о том бое, когда немецкий солдат хотел сапёрной лопаткой отрубить ему голову. Гафур видел оскал немца и залитые кровью глаза, но сделать уже ничего не мог. По всей видимости, немец выбрал неверный угол удара и сапёрная лопатка вместо головы вонзилась ему в спину. Эти невралгические боли возникали у Гафура Раильевича каждый раз, когда он нервничал. Врач сказал, что с этим он будет жить до конца дней своих.

Гафур Раильевич закурил. Курил он самые дешёвые папиросы «Прибой», растягивая одну пачку, в целях экономии, на два дня. Сейчас он кольцами выдыхал дым, что говорило о его хорошем настроении — всё-таки приезжает в гости единственная дочь. Он с удовольствием имел бы ещё детей, но материальное положение, да и всякие бытовые неприятности не давали возможность осуществить это желание.

«Кстати, — подумал он, — нужно всю родню пригласить для знакомства с молодой семьёй. Это человек двадцать — не меньше.

Сколько же это будет стоить?

Ужас... Ну, да ладно. Главное, что у Баси, судя по письмам, всё складывается хорошо.

Ещё надо поговорить с директором, чтобы он разрешил провести вечер с родственниками в красном уголке нашего предприятия...

А если нет? Даже не знаю, что и делать...

Жалко, что мама умерла, а то бы порадовалась за внучку, да и подсказала бы что-нибудь.

Можно, конечно, поговорить с папой, но для этого нужно улучшить момент, чтобы он себя нормально чувствовал и что-то соображал, а не кашлял. Это трудно, но попробовать можно...»

Гафур Раильевич не заметил, как за своими горестными мыслями задремал и вдруг проснулся, не успев заснуть...

«А что я, вообще, знаю о папе. Нужно будет его ещё раз расспросить. Известно, что он был очень непростым человеком. В 1900 году его, тринадцатилетнего мальчика, увидел отдыхавший в Крыму один из помощников главного балетмейстера Императорского театра. Рауль танцевал на улице какой-то народный татарский танец...

А потом что?

А потом, к сожалению, не помню...

Нет — вспомнил...

Завороженный пластикой и музыкальностью уличного танцора, помощник балетмейстера по приезду в Санкт-Петербург всё подробно пересказал своему начальству. Начальство поручило ему съездить в Крым и привезти в театр юное дарование. Рауля приняли в школу-пансионат при Императорском театре с государственным обеспечением.

Очень интересно. И дальше что?

А дальше Рауль, не выдержав нагрузки репетиций и спектаклей, сбежал домой в Крым, но был насильно возвращён. По окончании училища папу зачислили в труппу Императорского театра. А вскоре он познакомился и женился на русской белошвейке, которая имела собственную двенадцатиметровую комнату в центре Санкт-Петербурга.

Правильно — мама у меня русская, а отец — татарин. В 1911 году родился я. Меня назвали Гафуром. В 1917 революционном году Императорский театр закрылся и молодой, способный танцор, мой папа, оказался без постоянной работы. Правда, пролетарии тоже хотели петь и плясать, поэтому папа без дела не сидел — вёл в Санкт-Петербурге кружки художественной самодеятельности по клубам.

А дальше что? Ну, это я уже хорошо помню.

Когда наступили годы НЭПа, папа, мама и я переехали в более сы-

тую и спокойную Москву. Папа стал давать частные уроки танцев, получая за это хорошие деньги, а мама — обшивать богатых горожан. Это позволило папе, через несколько лет, перевезти из Крыма в Москву своих родителей и младшую сестру...»

1.3

Гафур Шамаев рос весёлым и общительным мальчиком. Хорошо учился в обычной московской общеобразовательной школе, занимался спортом и никаких признаков танцевального таланта не проявлял. Зато с раннего детства его тянуло ко всяким машинкам, танкам, пушкам, подъёмным кранам. Мог часами разбирать и собирать какой-нибудь замысловатый механизм, не замечая время. Его особые способности в механике заметили, когда он ещё учился в подмосковном техникуме на электромеханическом отделении.

А потом началась Вторая мировая война и Гафура призвали в армию. Всю войну он прослужил в авиационном полку техником по ремонту самолётов. Демобилизовавшись, почти год не мог в Москве устроиться на работу по специальности. Никуда не брали с национальностью «крымский татарин», пока не помог случай. Обходя, как обычно, предприятия своего района и получив очередной отказ о приёме на работу, Гафур с улыбкой обратился к инспектору отдела кадров:

— А хотите, уважаемый, я вам почищу радиоприёмник? Он у вас будет работать, как новенький!

— Что? Не понял твоего предложения. Ты зачем сюда пришёл — устраиваться на работу? Вот. А у нас для тебя работы нет.

— Да причём тут работа? Я вам частоты разведу, а то вместо музыки слышны только шумы и хрипы.

— Попробуй. Но учти — денег я тебе не дам.

— А я бесплатно. Просто слушать невозможно, что он вытворяет.

После того, как Гафур за двадцать минут наладил радиоприёмник, инспектор пригласил его присесть.

— Слушай, парень. Скажу тебе честно. Не возьмут тебя никуда на работу через кадровую структуру предприятий. Ну не возьмут. Ты должен устроиться туда, где есть возможность не оформляться официально.

— А как мне найти такое предприятие? Меня, куда не приду, дальше отдела кадров не пускают.

— Понятно. Я сейчас напишу записку своему старому знакомому,

который заведует одной электрической конторой. Ну, так: что-то починить, отремонтировать, почистить, как ты говоришь, и всякое прочее.

— Что за контора?

— Записывай адрес. Там должны тебе помочь.

Контора оказалась городским комбинатом по оказанию бытовых услуг населению. Его оплата за выполненные работы состояла из двух частей: шестьдесят процентов — в кассу, сорок, по-чёрному, — начальнику. Гафуру, как правило, поручали делать то, за что никто не брался, но деньги в конце месяца платили из рук в руки. Через год бригадир пригласил его к себе в каптёрку:

— Присаживайся, Гафур. Скажи, ты доволен своей работой у нас?

— Доволен, очень доволен.

— Это хорошо. Начальник берёт тебя на штатную должность. Будешь работать, как работал, но теперь со всеми социальными выплатами: больничные, отпускные, внеурочные и т. д. Плюс ежемесячная премия. Согласен?

— Да. Большое спасибо.

— Ну, иди работай.

— А вскоре Гафур женился на симпатичной работящей Земфире, с которой познакомился в гостях у земляков. Свекровь научила свою невестку шить, и они вдвоём стали неплохо зарабатывать.

В 1934 году у Гафура и Земфиры родилась дочь Беатрис, в которой отец души не чаял. Всё свободное от работы время он уделял только своей девочке, одевал её, как куколку, и ни в чём не отказывал. Мечтал, чтобы она окончила медицинский институт и стала врачом.

Но тут в его семью пришла страшная беда: Бася влюбилась в какого-то немолодого строителя и уехала к нему жить на край земли, в Норильск, о котором никто из его родственников и знакомых даже понятия не имел.

А сегодня Гафур Раильевич получил из Норильска большую телеграмму, что его дочь со своим мужем Владимиром прилетают в отпуск.

Сейчас он сидел, понурив голову, и ждал жену, которая, как всегда нехстати, ушла в магазин.

— Гафур, что ты сидишь в такой темноте, — зажигая свет, строго сказала Земфира. — И накурил, как в дешёвой чайхане.

— На, мать, почитай, что я получил от Баси, — и он протянул жене телеграмму.

— И что ты расстроился? Тебе бы от счастья петить и прыгать до потолка, а ты сидишь, как похоронил кого-то.

— Как подумаю об этом незнакомом мужчине Владимире, муже нашей Баси, так слёзы наворачиваются на глаза. Мало того, что он заманил её туда, где нормальные люди не живут, так ещё, по его вине, она бросила институт, о котором мы с тобой всю жизнь мечтали.

— Ну, с институтом они решат вопрос без нас. Тем более, что со слов Баси, Владимир какой-то большой начальник. А всё остальное обсудим при встрече с ними.

— Легко сказать — при встрече. Как я с этим человеком, укравшим единственную дочь, буду разговаривать? И, главное, о чём? Как, вообще, смотреть мне в его бесстыжие глаза?

— Разберёмся, Гафур, заранее не паникуй. Ты лучше поговори со своим начальником. Может, он даст тебе полугрузовую машину? Люди едут с севера, у них много багажа.

— Не поеду я в аэропорт встречать Басю и её мужа. Не поеду. Тем более что они даже не указали номер рейса и время прибытия самолёта. Не сделаю ни одного шага навстречу этому хищнику, этому бездушно-му мужчине. И тебе, Земфира, запрещаю.

— Гафур, у тебя сердца нет. Кому ты хочешь показать свой гордый характер — родной дочери? Так она это знает. И вообще, что ты хочешь от своего единственного ребёнка?

— В любом случае, я не собираюсь раскрывать объятия незнакомому человеку. Хорошее отношение родителей жены нужно заслужить.

— Правильно говоришь, Гафур, но для этого нужно время. Поэтому поживём — увидим.

1.4

Гостиница «Будапешт» была в Москве многие годы одной из самых престижных и дорогих. Старинное здание, большие шикарные номера, а главное — абсолютная тишина. Всё в гостинице располагало к покою и хорошему настроению. Проблемы получить в ней двухкомнатный люкс у супругов Калмыковых не было. Норильчане устраивались в ней, как правило, по протекции и с хорошими подношениями. За обедом в ресторане гостиницы Владимир Николаевич заказал себе двести граммов коньяка, но напряжение не спадало. Он чувствовал, что предстоит пережить холодный, а может быть, даже скандальный, визит к родителям жены.

— Володя, — спросила Бася ласковым голосом, чтобы несколько

разрядить обстановку, — ты заказал для поездки к папе и маме ведомственную машину или такси?

— Такси, — жёстко ответил Калмыков.

— А что ты так нервничаешь? Всё будет хорошо. Я своих родителей знаю — если они увидят, что у меня всё в порядке, ситуация сразу станет нормальной.

— Только я не знаю, к чему готовиться. Я так понимаю, что парадом в доме командует твой папа...

— Правильно понимаешь, но и не последнюю роль играет мама. А вообще, ты оденься попроще — никаких галстуков. Папа их не носит и не любит.

— Да куда уж проще — рубашка и свитер.

— Да, вот ещё. Продукты, которые мы с собой привезли из Норильска, раздели и сложи в две коробки: одна коробка — родителям, другая — бабушке. У нас к старикам относятся особым образом.

— Хорошо... А маме подарок ты сама вручишь?

— Да, но это нужно сделать таким образом, чтобы папа не видел.

— Понятно.

— Ну, вот и всё. А в остальном ориентируешься по обстановке. Они у меня люди простые и приветливые.

...Кнопочка звонка, под которой было написано «Шамаев Г. Р. Нажать три раза», ответила резким перезвоном. Первой перед входной дверью стояла с цветами Беатрис. За ней, на несколько шагов сзади, с большой коробкой, полной продуктов, — Владимир Николаевич. Последним — водитель такси со второй коробкой в руках. Открыл дверь трясущимися руками небритый мужчина лет пятидесяти. Это был папа. Обняв дочь и не отпуская её несколько минут из своих объятий, он застопорил всё движение. Потом та же процедура, не меньшей длительности, повторилась с мамой. Никто никого не торопил, все терпеливо ждали.

— А это мой муж Владимир Николаевич, — тихо произнесла Беатрис, освободившись из маминых объятий. — Прошу любить и жаловать.

— Здравствуйте, Калмыков, — представился Владимир Николаевич, готовый к приветствию.

— Очень приятно, — ответила только мама.

Папа сделал вид, что не расслышал этих слов, и пошёл, не оборачиваясь, в свою комнату. Остальные продолжали толпиться в коридоре. К Владимиру Николаевичу подошла поздороваться только мама. Она протянула ему руку и на несколько секунд задержала её в своей, как

будто проверяя своим материнским чутьём, как дальше вести себя с зятем. Чтобы расплатиться с водителем такси, Владимир Николаевич вышел на лестничную площадку, а когда вернулся назад, в коридоре уже никого не было.

Семья Шамаевых занимала в четырёхкомнатной коммунальной квартире одну комнату площадью тридцать шесть квадратных метров. С помощью платяного шкафа родители в своё время отделили одну треть комнаты от остальной площади и обустроили её для дочери. Здесь и жила Беатрис, пока вдруг не уехала из Москвы в Норильск, где вышла замуж. А сейчас она приехала к родителям в гости и привезла знакомиться с ними своего мужа, который, по внешнему виду, годился ей в отцы.

Владимир Николаевич зашёл в комнату Шамаевых последним. За большим столом уже сидели мать и дочь, а в углу, несколько поодаль от всех, расположился папа. Садиться Калмыкову никто не предлагал. Он предвидел трудности при знакомстве с родителями Беатрис, но ситуация носила какой-то угрожающий характер.

Калмыков второй раз в жизни почувствовал страшную для себя опасность. Первый был связан с тем, что 11 октября 1939 года следователь Блинов объявил ему, молодому парню, приговор — десять лет лагерей строгого режима. Это было очень неприятно. Но, во-первых, ожидаемо, а во-вторых, за полгода, проведённых в тюрьме, он понял, что люди везде живут. Сейчас было совсем другое дело. Мысли одна другой хуже крутились у него в голове: «Почему другое дело? Сейчас идёт речь о будущем моей семьи... В каком смысле о будущем?.. В прошлом... Мусульманская семья... Авторитет отца непререкаем... Как скажет, так и будет...

Что скажет?

Скажет: «Нет», — и выгонит в шею. Всё.

Что — всё?..

А то, что она мне не жена. У татар свои законы, свои принципы и обычаи в подборе мужа для единственной дочери, о которых ты, русский человек, понятия не имеешь...»

Калмыкова бросило в жар.

«Что делать, если такое сейчас прозвучит? Как бы он поступил там, в Норильске, окажись в такой ситуации?..

Стоп. На зоне было одно неписаное правило — никогда не торопись с ответом. Постарайся выиграть время. Подумай и потом отвечай».

Владимир Николаевич достал, не торопясь, из брючного кармана

расчёску, расчесался и, без приглашения, сел за стол, выложив руки на скатерть. Возникла небольшая пауза, которую нарушил сам отец:

— Воевал?

— Нет.

— А почему руки в каких-то рубцах?

— В лагере сидел.

— Долго?

— Девять лет. С 1939-го по 1948-й.

— За что?

— За антисоветскую деятельность. Статья 58, часть вторая.

— Беатрис знает об этом?

— Да. Она всё знает.

— Это хорошо, что от жены ничего не скрываешь. И всё равно. Как могло случиться, что наша дочь — молодая неопытная девушка — оказалась в твоих лапах? Да ещё в ссыльном крае?

— Ну, это длинный разговор, Гафур Раильевич.

— Ничего, у меня время есть. Рассказывай, Владимир Николаевич, чтоб мы знали, с кем породнились.

1.5

После этого короткого разговора напряжённость в комнате Шамаевых несколько смягчилась. Первой это почувствовала Земфира, жена Гафура Раильевича. Она стала быстро накрывать на стол, заставляя его национальными татарскими блюдами. Видно было, что они серьёзно подготовились к встрече с дочерью и её мужем. И тем не менее, обстановка оставалась какой-то тяжёлой и гнетущей. Никто ни за кем не ухаживал, каждый ел и пил, что хотел.

Владимир Николаевич аккуратно положил себе на тарелку кусочек какого-то мяса, попробовал его, но больше ничего кушать не стал. Он встал из-за стола, подошёл к картонному ящику, который принёс с собой, и выставил на стол бутылку коньяка, банку икры, банки крабов, шпроты, копчёную рыбу. В общем, всё то, что на Норильском комбинате называлось гостевым набором. После этого сел на своё место, открыл бутылку коньяка и попытался налить хозяину дома, но тот быстрым движением накрыл стакан.

Владимир Николаевич, больше никому ничего не предлагая, налил себе полстакана коньяка и без тоста выпил. Ему это было очень нужно, так как в горле стоял ком вопросов, на которые у него не было ответов.

И главный из них был: почему в доме любимой женщины его принимают, как врага?

И этот вопрос хозяина дома не заставил себя ждать:

— Скажите, Владимир Николаевич, каким образом наша дочь, студентка третьего курса столичного института, оказалась за Полярным Кругом? Как вы её туда смогли затащить? Да ещё, ко всем неприятностям, заставили выйти за себя замуж?

— Виноват, Гафур Раильевич. Я вашу дочь никуда не затаскивал и ни к чему не принуждал. Просто я люблю вашу дочь и этим всё сказано. Если бы я жил в Батуми, я бы её в Грузию, как вы говорите, затащил, а так она приехала в Норильск.

— И что она делает в этом вашем Норильске?

— Уже почти год работает в городской больнице медицинской сестрой. Думаю, что в ближайшее время продолжит учёбу в Московском медицинском институте, но только на заочном факультете.

— Каким образом? Вы что — волшебник? Поступление в институт стоило нам с женой больших денег. А сейчас даже не знаем, что делать.

— Не волнуйтесь, Гафур Раильевич, ни о деньгах, ни об институте. Всё будет в полном порядке.

— Вы это, Владимир Николаевич, на каком основании заявляете?

— На основании законного права вашей дочери продолжить обучение в Московском медицинском институте.

— К сожалению, у вас там на Севере одни права, а у нас здесь — другие.

— Склонен с вами согласиться, Гафур Раильевич, но работа в норильском медицинском учреждении устраняет все вопросы к вашей дочери. И ещё. Жизнь в Норильске меня научила идти к решению любой проблемы прямым путём: завтра мы сначала пойдём и поговорим с деканом факультета. Если это не даст нужного результата, то постараемся встретиться с ректором мединститута. А дальше видно будет.

— Ну вы — наивный человек, Владимир Николаевич. Вы же в Москву приехали! Здесь всё другое и, в первую очередь, люди. Встретиться с деканом — очень непростое дело.

— Во-первых, я — коренной москвич. Родился и вырос в Москве. А во-вторых, смею вас заверить, Гафур Раильевич, люди везде одинаковые — есть порядочные, а есть подонки.

— И что вы этим хотите сказать?

— А то, что порядочный человек сразу поймёт законность нашей просьбы о предоставлении академического отпуска вашей дочери по

семейным обстоятельствам, а подонки начнёт крутиться и что-то вымогать. Тогда у меня есть другие аргументы...

— Какие? Ведь это же московский мединститут!

— Ну и что? Законы везде надо уважать. Хоть воровские, хоть государственные.

— Это правда...

— Вы позволите, Гафур Раильевич, я вам расскажу один случай из моей прежней жизни. Зимой 1942 года я работал на каменоломне. Бригадиром. В бригаде было около 10 человек, все заключённые. Страшный мороз, но принцип был один: все работают, никаких поблажек. И надо же, у меня украли варежки. Ни работать, ни закрыть наряд не могу. Через минут двадцать мне варежки вернули со словами: «Теперь в нашей бригаде на одного работника меньше». Заметьте, Гафур Раильевич, ни товарища, ни зэка, а безлико так, между прочим. Меньше — и всё. Может, замёрз, может, заблудился, а может, просто свои убили... Кто его знает... Тундра...

— Зачем вы мне это рассказали, Владимир Николаевич?

— Затем, что всегда и везде нужно поступать по совести, уважаемый. Даже на каменоломне. Лагерную систему ликвидировали год назад, но это ничего, по сути, не изменило. Кто честно работал на зоне, тот также работает, освободившись из лагеря. А кто халтурил и воровал, тот продолжает это делать и на воле.

— Я однажды видел в кинохронике, как на воротах немецкого концлагеря было написано: «Труд делает свободным». Как вы к этому лозунгу относитесь, Владимир Николаевич?

— Никак, так как в этом лозунге нет самого важного слова — человека. Процесс труда и его результаты можно совместить только в случае, если труд осуществляет разумный, заинтересованный в результатах своего труда человек.

— Это вы что-то про коммунизм говорите?

— Про человека при коммунизме. Такой человек берёт от общества столько, сколько ему надо. И не больше. Вот через этот замечательный принцип тогда у людей всё есть.

— К сожалению, Владимир Николаевич, в нашем государстве лозунги движутся в одну сторону, а живые люди — в другую.

— Ну -ну... Интересная у нас с вами, Гафур Раильевич, получилась беседа. Очень содержательная. Бывший зэк уговаривает бывшего фронтовика добросовестно работать.

— Согласен с вашими принципами, но не со всеми.

1.6

Разговор между Шамаевым и Калмыковым явно не клеился. Уж больно они были разными по характеру, образу жизни, интересам, взглядам на жизнь. Единственно, что их объединяло, так это Беатрис — замечательная молодая женщина. Дочь и жена. Но нормальное общение между ними окончательно прекратилось после того, как Калмыков выставил на стол коньяк, шампанское и различные норильские деликатесы.

— Вы зря это всё с собой принесли, Владимир Николаевич. Во-первых, мы с женой это не кушаем, а во-вторых, вы пришли в мусульманский дом и должны уважать хозяев, приготовивших национальный стол. Всё, во всяком случае, попробовать.

— Я уважаю. Что-то попробовал со стола, но мне это блюдо не понравилось. Мне бы сейчас хорошей северной рыбки или копчёное мясо оленя с острым соусом.

— Тогда каждый из нас будет пить и кушать свои продукты, хотя это выглядит со стороны не очень красиво, — подвёл итог гастрономическому разговору хозяин.

— Я надеюсь, что вы когда-нибудь приедете к нам в гости, Гафур Раильевич, и мы вас угостим настоящими северными блюдами.

— Спасибо за приглашение и приятного аппетита. Но я, Владимир Николаевич, если не возражаете, хочу у вас ещё кое-что спросить.

— Пожалуйста. Спрашивайте.

— Вы какого года рождения?

— Тысяча девятьсот девятого. Появился на свет в начале этого ужасного века. А если бы родился лет на сто раньше, был бы уважаемым и богатым человеком.

— Я то же дореволюционный. Только на два года моложе.

— Очень хорошо. Мы почти одногодки.

— А вам не кажется, уважаемый, что вы моей дочери в отцы годитесь?

— Кажется, но что делать, жизнь так сложилась. Понимаю, что несколько поздно женился, но я в этом совершенно не виноват.

— Как это не виноват? Вам же никто не мешал это сделать раньше.

— Мешали, и даже очень. Сначала меня советская страна арестовала и посадила на десять лет. А когда вышел на свободу, ещё пять лет осматривался, пока Усатый не умер.

— И, всё-таки, зачем вы женились, Владимир Николаевич?

— Извините, Гафур Раильевич, но вы сформулировали свой вопрос не совсем корректно. Вместо вопросительного «зачем» здесь точнее было бы использовать слово «почему».

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Почему?

— Сразу вам отвечаю: потому что влюбился без памяти в вашу дочь. А это чувство — не подконтрольно возрасту.

— А можно более конкретно ответить?

— Можно. Потому что встретил первый раз в жизни замечательную девушку — красавицу, умницу, замечательную хозяйку.

— А то, что она — крымская татарка?

— Ну и что? Кстати, в Норильске было много крымских татар — прекрасные люди. И вообще, только негодяи, исходя из своих корыстных соображений, делят людей на национальности, а потом натравливают их друг на друга, решая свои проблемы. Больше мне добавить нечего.

— Чего так?

— Всё остальное вам нужно спросить у Беатрис, почему она выбрала меня и вышла за меня замуж.

— Извините, но по нашим обычаям, когда мужчины говорят — женщины молчат. И если вам не сложно, ответьте за неё, пожалуйста.

— Ну, вы и задали мне задачу, Гафур Раильевич. Ну что ж, из уважения к вам, постараюсь ответить. Женщинам, как правило, нравятся умные и щедрые мужчины, с которыми интересно и легко жить. Вот во мне ваша дочь увидела именно такого мужчину.

— Это вы хорошо сказали про женщин, но мой вопрос не о женщинах, а о мужчинах.

— А что о них говорить? Основной обязанностью мужчины в жизни является заботиться о своей семье.

— Понимаете, Владимир Николаевич, в мусульманской семье у мужчины может быть несколько жён.

— Значит, нужно обо всех заботиться. В русской семье тоже может быть несколько жён, только в отличие от мусульманской, каждая последующая исключает наличие предыдущей. Согласитесь, что положение русской жены более комфортно.

— С учётом того, что Беатрис — моя дочь, могу согласиться. Но с точки зрения мужской природы, темперамента, воспитания, традиций, а также покоя в семье мусульманский подход мне больше нравится.

— Ладно, Гафур Раильевич, что нам с вами выяснять? Честно скажу — для меня важнее и дороже вашей дочери никого в жизни нет. Я когда

делал ей предложение, обещал, что она будет жить, как королева. Свои обещания я стараюсь выполнять. Так что спасибо вам за дочь.

— Пожалуйста. Только учтите, уважаемый, яд из женщины нужно выдавливать сразу и до конца, а не ждать пока он сам вытечет из неё по капле.

И при этих словах все дружно расхохотались.

1.7

Программу поездки в первый для себя отпуск из Норильска Беатрис составляла несколько дней, стараясь ничего не упустить. Сначала она её написала, как учат в школе, на черновик, что-то добавляя и исправляя, а потом переписала на чистовик. Количество пунктов в программе, только связанных с Москвой, набралось целых двенадцать. Проанализировав их и расположив по степени важности, получился, с учётом месячного пребывания в Москве, следующий список:

1. Мои родители
2. Дедушка Раиль
3. Медицинский институт
4. Тётя Света (Володя)
5. Красная площадь
6. Большой театр
7. Малый театр
8. Концертный зал им. Чайковского
9. Театр Вахтангова
10. Парк имени Горького
11. Моя школа и подруги
12. Театр оперетты

Когда Калмыков пришёл с работы и покушал, Беатрис положила перед ним какой-то листик бумаги:

— Володя, посмотри, пожалуйста. Я написала список того, что мы должны посетить в Москве. Сделай свои замечания или предложи что-нибудь дополнительно.

— Бася, дорогая моя, я заранее со всем согласен, что ты написала. Не хочу смотреть. Мы обязательно выполним всю твою программу.

— Ну, посмотри, Володя. Прошу тебя. Что я, зря старалась?

— Хорошо, посмотрю, только немного позже.

После ужина Владимир Николаевич пересел со стула на диван и прикрыл глаза. Сегодня был очень тяжёлый рабочий день: несколько

совещаний, две аварии, заседание парткома. Кроме того, из-за пурги долго добирался на работу и с работы. Он взял в руки листик, который подготовила Бася, и стал внимательно читать. В принципе, добавлять или исправлять в программе жены было нечего, за исключением того, что он хотел встретиться со своим знакомым по Кисловодску доктором Крыловым.

Но упоминание в списке тёти Светы сразу всколыхнуло в нём воспоминания об их последней встрече три года назад. После женитьбы он сразу ей позвонил и получил очень трогательную поздравительную телеграмму. Кстати, тётя Света взяла с него честное слово, что они, когда будут в Москве, обязательно придут к ней в гости...

— Ну что, Володя, ты прочитал мою программу?

— Да, Бася, прочитал. Всё хорошо, только не понял, зачем нам посещать Красную площадь?

— Станный вопрос! Там похоронены вожди нашего государства — Ленин и Сталин.

— И что с того?

— Нужно почтить их память.

— Дорогая, любимая моя жена Бася. К месту, где лежат трупы, неважно вождей или простых граждан, не следует приближаться. От них исходит неприятный отвратительный запах.

— Но вожди же забальзамированы. Ты что не знаешь это, Володя?

— Знаю, но это в моём представлении об их захоронении ровным счётом ничего не меняет. Кстати, в Норильске, до последнего времени, вообще кладбищ, как таковых, не было.

— А как же хоронили людей?

— Никак. Обливали трупы хлоркой и оставляли лежать там, куда их свалили ранее. В основном, в придорожных канавах.

— Но это же не по-людски!

— По-людски, не по-людски... Время было такое...

— А потом?

— А потом стали хоронить как обычно — на кладбище. У меня там несколько друзей похоронено.

— Так я не совсем поняла, что же ты предлагаешь сделать с нашими вождями?

— Я предлагаю снести Мавзолей и убрать их трупы с Красной площади. Похоронить их нужно, как положено по христианскому обычаю, в гробах. Единственное, чтобы я сделал: гробы так глубоко закопать в землю, чтобы люди о них навечно забыли.

1.8

Май в Норильске — первый тёплый месяц после тяжёлой и суровой зимы. Это, конечно, не весна. Просто что-то переходное от продолжительной зимы к короткому лету. Ещё лежат во дворах огромные сугробы снега, абсорбировавшие за долгую зиму всю грязь городского воздуха, и свисают с козырьков крыш пугающие своими размерами сосульки. А везде, куда не пойдёшь, не понятно откуда взявшееся за длинную зиму огромное количество мусора: тряпок, досок, бутылок, банок, коробок и других отходов, неожиданно появившихся из-под тающего снега. Конечно, на севере есть и другая весна — с чистым белым снегом, звенящим воздухом, смешными мелкими животными, любопытно высывающимися из своих норок. Но для этого нужно отойти от города в тундру не менее чем на пять-семь километров.

А сейчас, в весенней Москве, Владимир Николаевич ликовал. У него, от майских запахов, маленьких листиков на деревьях, робких почек и тёплого солнышка, внутри всё пело и играло. Он уже много лет не чувствовал ничего подобного. Его прошлый приезд в Москву, в 1954 году, пришёлся на хмурый холодный февраль. В памяти отложилась только слякоть на улицах, масса плохо одетых людей и злые озабоченные лица. Ну и ещё скользкие от неубранного льда и снега городские тротуары. Правда, всё это было сущими пустяками по сравнению с тем, что он встретил тогда свою любимую Беатрис.

Сегодня Владимир Николаевич с женой были приглашены на обед к тётке Свете — младшей сестре его отца. Единственному родному для него из большой семьи Калмыковых во всём мире человеку. Он позвонил ей накануне, чтобы договориться о дне и часе визита.

— Володя, дорогой мой, ты не возражаешь, если я вас приглашу на обед в воскресенье? К трём часам дня?

— Ну конечно, не возражаю! Тётя Света, поступайте, как вам удобно. Мы же в отпуске.

— Дело в том, Володя, — стала извиняться тётя, — что я должна в субботу пройтись по магазинам и всё купить. В будний день я просто не успею это сделать.

— Тётя Света, что вы оправдываетесь. Я всё прекрасно понимаю.

— Ну вот и умница.

— Но у меня появилось новое, совершенно оригинальное предложение: давайте мы вас пригласим в наш ресторан при гостинице. Прекрасно пообедаем и обо всё поговорим в тепле-светле.

— Нет-нет, ни в коем случае!

— Тогда у меня есть для вас другое предложение. Мы с женой всё закупим к обеду и привезём с собой.

— Володя, ты, что, хочешь меня обидеть? Дело же не в том, что на столе. Дело в том, что я хочу приготовить всё своими руками. Покормить вас своей домашней едой. Это не только вкусно, но и символично.

— Да понял я, тётя Света. Всё понял.

— Тогда я вас жду в три часа в воскресенье. Не опаздывайте.

— Будем вовремя. Не волнуйтесь.

— До встречи. Привет жене.

От разговора с тётей у Владимира Николаевича остался тяжёлый осадок. Было ясно, что она обиделась на его неуклюжие предложения.

«Что я неправильно сказал?..»

А то. Вместо того, чтобы предложить в чём-то помочь, влез со своими норильскими замашками: пойдёте в ресторан... И вообще, ты понимаешь, что такое накрыть стол в наше время в Москве? При полном дефиците в магазинах! Это нужно сначала продукты найти или достать, что одно и то же, купить, принести... Это же не как тебе — мешками каждую неделю привозят домой...

А какая сумасшедшая работа тётке предстоит — всё приготовить на коммунальной кухне!

В общем, ляпнул какую-то очередную глупость, вместо реальной помощи... И что теперь делать?

Ничего... Просто найти возможность загладить свою вину.

Каким образом?

А ты подумай... Ведь не зря получил высшее образование в стране прогрессирующего социализма...»

1.9

Светлана Ивановна с нетерпением ждала дорогих гостей. Перед их приходом она помыла комнату, убрала всё лишнее с дивана и тумбочек, в том числе фотографии мужа и сына, помыла оба окна. А главное, привела себя в порядок. Всё-таки — жена племянника, и она должна ей непременно понравиться. Что касается угощений, то она их готовила, чтобы ничего не забыть, по списку: селедочка под шубой, яйца, фаршированные куриным паштетом, спаржа под майонезом, маслины с луком, заливная рыба, бульон и пирог с мясом. На второе — свиные отбивные с жареной картошечкой, и на закуску — свой фирменный

«Наполеон». И не забыть поставить на стол бутылку водки и бутылку грузинского вина...

Гости пришли вовремя. Впереди, с огромным букетом цветов, шёл Владимир. За ним, с большой коробкой торта, его жена Беатрис. Молодые, весёлые, они просто ворвались в её комнату. Коммунальная квартира Светланы Ивановны давно не слышала столько шума и смеха.

— Ой, тётя Света, а я три года назад даже не заметил, что у вас такая маленькая комнатка.

— А что ты тогда мог заметить? Лежал весь день на диване и страдал по своему Норильску. Пока не уехал в Кисловодск.

— А что, Светлана Ивановна, Володя в прошлый приезд жил у вас? А я думала, что он в гостинице останавливался.

— У меня, у меня. И даже изредка выходил из дома, а возвращаясь, всё и всех критиковал.

— И вы ему позволяли в этой эковской шапке гулять по Москве? Это же позор и стыд!

— А что я могла с ним сделать? Он убеждал меня, что Толстой тоже ходил в народ с выпущенной поверх брюк рубашкой. И ничего, был великим писателем.

— Он и со мной познакомился в этой шапке. Но, правда, наврал, что пришёл на танцевальный вечер прямо с работы.

— А кстати, где сейчас твоя знаменитая шапка, Володя? — спросила Светлана Ивановна.

— Отдал в краеведческий музей города Норильска. Пусть пионеры изучают свой родной край.

— А что ты ещё отдал музею? Только серьёзно.

— Больше ничего. Остальное всё находится при мне.

— Что — всё? Что ты имеешь в виду?

— Тётя Света, ну опять вы начинаете меня потрошить, как в прошлую встречу. Коммунистическая закваска продолжает в вас бурлить.

— Да не потрошу я тебя совсем. Просто хочу знать, что после нас останется на этой земле.

— Людская память, тётя Света, если ты был достойным человеком.

— А если не достойным или полной сволочью?

— Тогда ничего. Полная тишина. Правда, о сволочах иногда вспоминают в различных исследованиях недобрым словом. Но это бывает, к сожалению, крайне редко.

— А ты часто, Володя, с плохими людьми на своём Крайнем Севере встречался?

— Как ни странно, тётя Света, не часто. Север фильтрует людей и выбрасывает плохих, как пустую породу. А хотите я вам спою песни, под которые проходила моя жизнь в Норильске?

— Хотим. Очень хотим, — в один голос ответили женщины и приготовились слушать.

— Правда, они все грустные. Их пели не только заключённые в бараках или у костров, но и лагерная администрация на своих застольях, где я иногда присутствовал. Их даже охрана пела.

— А ты их откуда знаешь?

— Знаю. В 1942 году я начал играть в первом лагерном оркестре под управлением известного на западе трубача Дулова. Тоже, кстати, заключённого. В составе нашего оркестра были выдающиеся музыканты, игравшие до лагеря в лучших эстрадных коллективах Советского Союза. В общем, мы пользовались большим успехом.

— И на чём ты играл? — любясь племянником, спросила тётя.

— На пианино. А в лагере я ещё научился играть на гитаре. Мы играли не только на официальных концертах и танцевальных вечерах. Нас нередко приглашали на закрытые вечеринки, где собиралось высшее лагерное начальство. Иногда с жёнами, иногда без.

— И вы, что, сидели с ними за одним столом? — удивлённо спросила тётя Света.

— Конечно, нет. Мы же были заключённые. Как правило, мы сидели отдельно в каком-нибудь помещении и ждали, когда нас позвуют. Никогда с начальством не пили, хоть нам и предлагали. Нас об этом сразу жёстко охрана предупредила. Зато в конце вечера нас обязательно кормили остатками с барского стола. Так вот, когда они крепко напивались, то начинали петь, а мы им подыгрывали.

— И что они пели? — поинтересовалась уже Беатрис.

— Как ни странно — не русские романсы или жизнеутверждающие советские марши, а блатные песни. Те же самые, что и эки. Иногда, по желанию, пели акапельно, без музыкального сопровождения. И в том их пении было столько тоски и безысходности, что невозможно было понять — по какую сторону колючей проволоки труднее жить. Им или нам...

1.10

В интересных разговорах, воспоминаниях, шутках и анекдотах пролетело несколько часов, когда Светлана Ивановна неожиданно спросила у своего племянника:

— Володя, а вы куда-нибудь собираетесь съездить после Москвы? В Кисловодск, как в прошлый раз, или ещё куда?

— Нет, тётя. Мне дали отпуск только на двадцать четыре дня. И назад. Работы очень много.

— У добросовестных людей всегда работы много. Там одни эки работают или есть вольнонаёмные?

— Есть вольнонаёмные, но, в основном, эки.

— А эки получают деньги?

— Получают, но у эков есть другие стимулы для серьёзной работы. Вот я, например, за свою работу в лагере был награждён несколькими орденами. Но так как ордена заключённому не полагаются, то вместо них мне уменьшили срок заключения.

— Смотри, а я этого не знала. И на сколько уменьшили?

— Это в зависимости от достоинства ордена и их количества.

— Понятно. И всё-таки жалко, что вы в такой короткий отпуск приехали. Совсем не отдохнёте в Москве. Вам бы на курорте побывать, свежим воздухом подышать.

— На следующий год так и сделаем, тётя Света. Не переживайте.

— А хотите в воскресенье поехать со мной на дачу? Это недалеко от Москвы. Час езды по Казанской железной дороге. В 1936 году мне, как старой большевичке, выделили участок земли. Мы там с покойным мужем построили небольшой домик.

— Хотим, — вдруг неожиданно отреагировала Беатрис. — Я никогда не бывала в Подмосковье. Интересно посмотреть.

— Смотреть там, по-хорошему, не на что. Домик наш старенький почти развалился и требует большого ремонта. Я когда вернулась в Москву после войны, съездила туда пару раз. Что-то убрала на участке, что-то подкопала. А жить там не могу. Всё мне напоминает мужа и сына. Не знаю, что мне с этим участком делать. Может ты, Володя, как строитель, что-нибудь посоветуешь?

— Какой разговор, тётя Света, конечно посоветую! Съездим туда, посмотрим, подумаем. Безнадёжных строений не бывает. Просто к каждому из них нужно приложить руки и силу.

— Ну, о силе тебе ещё рано говорить. Кстати, в каком возрасте мужчины на севере выходят на пенсию?

— В пятьдесят пять лет.

— А женщины?

— А женщины в пятьдесят.

— Ну тебе ещё до пенсии далеко.

— Не так уж и далеко. Меньше десяти лет. Не успею оглянуться, и — пожалуйста бриться...

— И думать не смей об этом. У тебя молодая жена, а это к очень многому обязывает. Понял меня?

— Понял.

1.11

В очередное воскресенье во двор многоэтажного московского дома по Гнездиловскому переулку в десять часов утра въехало легковое такси. За рулём сидел известный на всю Москву Двупалый Гриша, у которого во время войны, в результате ранения, оторвало три пальца на левой руке. По этой причине ему долго не давали разрешения работать водителем такси, но он сумел, в конце концов, отстоять свои права.

Вызвав по телефону такси, Владимир Николаевич вышел из здания гостиницы «Будапешт» встречать машину. Шофёр оказался мужчина приятной наружности лет тридцати пяти.

— Как вас звать? — спросил Калмыков.

— Григорий. Можно Гриша.

— Я — Владимир Николаевич.

— Очень приятно.

— Григорий, извините, за вопрос. Сколько вы за смену зарабатываете?

— А вам какое дело?

— В принципе, никакого. Просто вы мне нужны на весь рабочий день. Я вам заплачу за полную смену. Плюс чаевые. Останетесь довольны. Не сомневайтесь.

— Я не сомневаюсь. А куда ехать?

— Заберём в центре одну женщину, а потом поедем в Подмосковье. Она знает, куда ехать. Примерно час-полтора от Москвы. По этому же маршруту и назад вернёмся. Согласны?

— Согласен.

— Ну вот и хорошо.

В машине разговорились. Григорий рассказал, что служил всю войну пулемётчиком, а за месяц до её окончания получил тяжёлое ранение — раздробило кисть левой руки. Врачи хотели ампутировать всю руку, но потом ухитрились её сохранить.

— А вы где служили, уважаемый?

— На Крайнем Севере, — и оба дружно рассмеялись.

— Понятно.

В шутках и анекдотах незаметно доехали до тёти Светы.

— Бася, ты посиди в машине, — сказал Владимир Николаевич жене, — а я поднимусь помочь тёте.

— Ты думаешь, что у неё много вещей?

— Не сомневаюсь. Москвичи в мае везут на дачу всё, что им может понадобиться в течение всего оставшегося года.

— Ну, тогда я пойду с тобой.

— Нет, не надо. Думаю, что мы с тётёй сами справимся.

Калмыков оказался прав. У Светланы Ивановны было столько узлов и коробок, что ему пришлось два раза подниматься и спускаться. Когда, наконец, вынесли на улицу все вещи, тётя Света обратила внимание на машину:

— Володя, зачем ты взял такси? Это очень дорого. Я не поеду. От нас десять минут на метро до станции «Комсомольская». А там сразу железнодорожный вокзал.

— Тётя, почему вы не хотите ехать на такси? При царе я заказал бы для вас экипаж, а сейчас, не обессудьте, только машину.

— Володя, кончай дурака строить из себя. Сказала, не поеду, значит, не поеду. Это же столько денег нужно заплатить этому шофёру! Я за месяц столько не зарабатываю.

— Тётя, открою вам один маленький секрет, — наклонился к её уху Владимир Николаевич: — Это для безопасной и комфортной поездки Беатрис. Вдруг её кто-нибудь случайно заденет или толкнёт. А тем более в метро. Теперь вы согласны ехать?

— Теперь согласна.

1.12

Светлана Ивановна, заехав в посёлок Звёздный, не могла сразу найти свой дачный домик. По-видимому, кто-то за время её отсутствия что-то перестроил, нарушив привычное для глаз расположение деревенских строений.

— Тётя, а какой у вас адрес? — спросил Владимир.

— Не помню я адрес, Володя. Всегда по памяти находила свой дом. А сейчас почему-то не могу.

— Но мы уже два раза объехали вашу деревню. Дальше что? Вы командуйте, тётя. Не спите.

— Ну, не помню я, не помню. Два года здесь не была. Давайте сделаем ещё кружок. Может, вспомню?

— Надо вспомнить, тётя. Надо. Безвыходная ситуация. Не возвращаться же нам в Москву?

— Да вот же он! — воскликнула она, указывая на какую-то старую развалюху с отвалившейся трубой.

— Точно он?

— Точно. А рядом бак с водой, которым все жители посёлка пользуются после дождя.

— Ну, вы, тётя, даёте! Хорошо, что нашли, а то пришлось бы старосту деревни искать.

— А сегодня выходной день и он куда-нибудь уехал, — поддержал его со смехом Гриша и добавил: — А может, он уже пьян и отдыхает, как положено нормальному мужику в воскресенье.

— Всё, выходим, — подвела черту обсуждению своей неловкости хозяйка и на ходу открыла дверь такси.

— Тётя, прекратите вспоминать свою большевистскую юность и выпрыгивать на ходу. Машина ещё не остановилась.

— А я думала, что мы уже приехали.

— Вот сейчас можно.

Весна в Подмоскovie — совершенно удивительное время года, когда всё распускается, цветёт, благоухает. Одно удовольствие любоваться пробуждающейся природой. Но и весна не могла скрасить тяжёлое впечатление от дачи Светланы Ивановны Калмыковой. Маленькое обшарпанное строение с разрушенной трубой на крыше, без калитки и поломанным штакетником имело жуткий вид. В дополнении к этому, за ветхим домишком расстилалось поле, больше похожее на свалку. Не говоря уже о том, что его давно не убирали, на него, по всей видимости, все, кому было не лень, сбрасывали мусор.

Найдя в сумке ключ от амбарного замка на ржавых петлях, который защищал её социалистическую собственность, Светлана Ивановна победно открыла входную дверь в дом. Изнутри с силой пахнуло давно нежилым помещением.

— Подождите, не заходите. Я пойду открою окно, чтобы немного проветрилось, — захлопотала Светлана Ивановна.

Но никто и не собирался заходить, так как и с порога было всё хорошо видно. Около окна стояла широкая кровать с матрацем и подушкой, не покрытые бельём, а посередине комнаты — стол с двумя табуретками. У противоположной стены, за занавеской, располагалась, по всей видимости, с учётом расположения трубы на крыше, русская печь, которую топили последний раз неизвестно когда.

— Гриша, у тебя есть в машине насос?

— А как же!

— Неси. Мы сейчас всю пыль соберём. А ты, Бася, пока в машине посиди. Я тебя, когда можно будет выходить, позову.

И тут, буквально над их головой, раздался страшный выстрел. Да так ахнуло, что все жутко перепугались. Когда Владимир высунулся из тётиного дома, он увидел, что за забором соседнего участка стоит мужик в резиновых сапогах, ватнике и зимней шапке. В руках он держит ружьё, из которого тонкой струйкой идёт дымок.

— Ты что, идиот, делаешь?

— Здравствуйте, уважаемые. Извините, что напугал. По воронью стрелял. От них весь день страшный шум и грязь.

— А я подумал, что это салют в нашу честь, — вставая с земли и отряхиваясь, нашёлся что сказать водитель Гриша.

— Можно и в вашу честь бабахнуть. Только, думаю, это ещё рано делать. Надо сначала познакомиться.

— Ну, это мы мигом организуем. У нас всё с собой есть, — засуетился Владимир Николаевич.

— Володя, мы же приехали, чтобы тёте Свете помочь разобраться в её хозяйстве, а не застольничать с незнакомыми людьми? — недовольным тоном заметила Беатрис.

— Правильно, моя золотая. Только этому прогнившему строению уже ничем помочь нельзя.

— В каком смысле?

— В прямом. Здесь нужна не хирургическая операция, а полная ампутация.

— Чего ампутация? Скажи яснее.

— Всё нужно сносить и на этом месте строить новый дом. Поверь моему опыту строителя.

— И зачем мы тогда сюда ехали?

— Как зачем? Полюбоваться природой Подмоскovie и познакомиться с соседями.

1.13

Сосед по даче Светланы Ивановны Калмыковой, рыжий коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, внимательно смотрел через забор на новых соседей.

— Алё, уважаемые. Несите всё ко мне. Заходите через калитку, не бойтесь. Собаки у меня нет.

— Полторак Василий Иванович, полковник внутренних войск в отставке, — представился сосед, когда все собрались на веранде.

— Калмыков Владимир Николаевич. Моя тётя — Светлана Ивановна, хозяйка дачи. А это моя жена Беатрис и водитель такси Гриша.

— Очень приятно.

— И давно вы здесь живёте, Василий Иванович?

— Да уже четыре года. В 1953 году вышел на пенсию и приехал в Москву повидаться с дочерью. Встреча с тещей закончилась тем, что она настояла на моём переезде в столицу. В Хабаровске оставил ведомственную квартиру, а в Москве разрешили только прописку с правом приобретения жилплощади путём участия в кооперативном строительстве. А ещё через год тёща написала завещание, в котором отписала мне эту дачу. Больше я нигде не работал — военной пенсии вполне хватает.

— И что, сразу такой дворец в наследство получили? — с улыбкой спросил Владимир Николаевич.

— Да вы что! На этом месте стояла такая же развалюха, как у вас. Я её своими руками полностью переделал.

— Так вот почему Светлана Ивановна не могла найти свой дом и мы кружились по деревне. Я даже думал идти старосту искать.

— Нет у нас старосты. Был, говорят, при немцах, так его сами деревенские и казнили после войны. Да вы присаживайтесь, не стесняйтесь. Стульев у меня нет, зато есть две лавки.

Женщины быстро покрыли стол скатертью и выставили на него всё, что привёз с собой Владимир Николаевич. Хозяин ушёл в дом и через несколько минут появился с большой бутылкой самогона.

— Это от меня. Сам делал. Не напиток, а песня, — и засмеялся молодым голосом.

Василий Иванович накренил бутылку и налил немного самогона в блюдце. Затем зажёл спичку и поднёс её к налитой жидкости. Она

вспыхнула ярким, насыщенным синевой пламенем, осветив довольную физиономию Полторака.

— Интересно, кто это будет пить, Василий Иванович? — спросила Светлана Ивановна.

— Как — кто! Мы с Владимиром Николаевичем. Вы тоже можете к нам присоединиться.

— Нет уж, уважаемый, спасибо. Хотя один раз в жизни мне пришлось попробовать спирт, когда меня, простуженную и замёрзшую, подобрали в 1942 году в Свердловске на улице.

Но Василий Иванович никого не слышал. Он побежал в комнату и принёс оттуда большой шмат сала, банку солёных помидоров и несколько головок зелёного лука. Затем, молча, вытащил из шкафчика на веранде два стакана, эмалированную кружку и две розетки для варенья. После этого аккуратно отлил немного самогона в ковшик и разлил его содержимое в приготовленную посуду.

— Давайте выпьем за тех, кого с нами нет, — тихим, но каким-то начальственным тоном сказал Василий Иванович.

— А кто не хочет пить?

— Кто не хочет, то может обмакнуть палец в самогон, а потом его слегка облизать. Мы так отмечали праздники в армии, когда были в наряде. Ну, давайте. Не чокаясь.

После этого за столом стало тепло и непринуждённо, как будто все были знакомы друг с другом много лет. Особых разносолов среди закусок не было, но и голодным никто не остался. А ещё через полчаса вся компания разделилась на две части: мужчины остались сидеть на веранде, а женщины пошли гулять.

— А хотите, уважаемые, я вас напою хорошим чаем? Мне, по старой дружбе, его присылают сослуживцы из Хабаровска. Там можно купить любой сорт заварки — китайский, японский, индийский, но это ещё не факт, что получится хороший чай. Весь секрет чая в его грамотном приготовлении, а этим искусством владеют лучше всех эки.

— Я тоже умею делать чай. Если доверите, могу продемонстрировать.

— Откуда, Владимир Николаевич, у вас эти навыки? — закуривая папиросу, спросил Полторака.

— В Норильске немножко пожил, против своего желания.

— Это сколько — немножко?

— Да сущие пустяки — всего пятнадцать лет.

— А сейчас где живёте?

— Там же и живу. Норильск — он влюбляет в себя, затягивает на долгие годы серьёзной интересной работой.

— Понятно. А здесь, на нашем хуторе, как оказались?

— Тётя пригласила подышать свежим воздухом Подмоскovie. Вот мы с женой сюда и приехали.

— Ну, а теперь я вам о себе немножко расскажу.

Было заметно, что Василий Иванович очень соскучился по элементарному общению с людьми.

— Когда служил в армии, говорить было, в силу служебного положения, о многих вещах нельзя, а сейчас — просто не с кем. С дочкой попытался несколько раз завести разговор, да она односложно отвечает. По всей видимости, я ей как собеседник не интересен...

— А кто у вас дочка, Василий Иванович?

— Аспирантка дневной формы обучения Московского института иностранных языков. Своими визитами папу не балует. Приезжает, когда привозит мне внука Серёжу. Удивительно развитый не по годам мальчик. Серёжа может часами стоять около забора и наблюдать, как строят дом, прокладывают трубы, протягивают электрические провода. Однажды я пошёл искать внука и меня окликнул сосед: «Василий Иванович, Серёжу ищите?» — «Да. Вы не знаете, где он может быть?» — «Ой, не знаю», — а сам пальцем показывает на то место, где спрятался мой внук... Он вообще такой хитрый и умный мальчик. Я просто удивляюсь — в кого он такой уродился?

— Как в кого, Василий Иванович? В вас. Ведь это ваша профессия — искать, находить и сажать.

— Не совсем так, но близко к истине. А кстати, Владимир Николаевич, напомните мне, пожалуйста, вашу фамилию?

— Калмыков.

— Калмыков, Калмыков... Не мог я вас этапировать из центра страны на Дальний Восток?

— Меня — нет. Я попал в Норильск по Енисею в трюме разваливающегося на ходу парохода «Серго Орджоникидзе».

— И всё-таки какого-то Калмыкова я под усиленной охраной много лет назад отвозил на Дальний Восток.

— Наверное, это был мой старший брат. Заключение с большим сроком. В законе. Он долгое время сидел в мордовских лагерях, а потом его куда-то перевезли.

— Может быть, может быть...

1.14

Когда водителю Грише наскучил разговор между Владимиром Николаевичем и Василием Ивановичем и он пошёл покопаться в машине, Калмыков спросил у Полторака:

— Василий Иванович, извините меня за деликатный вопрос, а почему вы не женитесь? Жена давно умерла, дочка уже выросла?

— Когда служил, было некогда. Сплошные командировки. Уж больно хлопотная у меня была должность — начальник Управления по контролю за работой надзорных органов Дальневосточного округа.

— Это что такое в переводе на русский язык?

— Это — законность и порядок в работе охраны на всём пути следования заключённых от следственного изолятора до места отбытия наказания. Охранять заключённых — это целая наука, сложная и опасная.

— Неужели наука?

— Представьте себе. Я не буду вас нагружать специфической информацией. Могу только сказать одно: транспортировка осужденного — это самый сложный и непредсказуемый период в жизни заключённого.

— Почему вы так жёстко формулируете: «Самый сложный период в жизни заключённого»?

— Потому что раньше, при царе-батюшке, этапы, как правило, вели пешком строем при наличии достаточно большого числа конвоиров. Заключённые под контролем, а главное, всё видно: что делают, с кем общаются, чем заняты. Даже как себя чувствуют. А сейчас заключённых перемещают в специальном транспорте, в основном, железнодорожном, и сидят они по своим купе. Чем занимаются — никому не известно, а отделяет их от воли только стенка вагона да конвоир.

— И что?

— А то, что любую стенку можно, при желании и умении, быстро сломать или разобрать, а конвоира убить. И ты на свободе. Таким образом, твоё будущее в твоих руках.

— Бытует мнение, Василий Иванович, что в охрану этапов набирали самых тупых и жестоких солдат.

— Нет. Это далеко не так. Я лично беседовал с каждым конвоиром перед его назначением на должность. Это серьёзные и ответственные люди, отдающие себе отчёт, что на карту поставлена их жизнь.

— А можно этапировать в одном вагоне мужчин и женщин? Не чревато ли это неприятностями?

— Чревато, но инструкция это не запрещает. Их даже можно пере-

возить в соседних купе. А между купе варят козырьки, чтобы никого, с одной и другой стороны, не было видно.

— Зачем?

— Как — зачем? Вы вообще представляете, что такое для мужчины быть рядом в вагоне с женщиной? В шаге от неё? Препград для некоторых заключённых в этом случае просто не существует, и у конвоя иногда возникают большие проблемы.

— А здесь вы один живёте? — неожиданно поинтересовался Калмыков.

— Один. Жена умерла — погибла в авиакатастрофе. Иногда меня дочь навещает, но не часто. Зато регулярно внука подбрасывает. Такой умный мальчик — одно удовольствие с ним беседовать.

— А почему вы не женитесь, Василий Иванович?

— Странный вопрос. Во-первых, не на ком, а во-вторых — зачем? Одиноких баб в деревне столько, что не хватит времени за год всех обойти.

— Чтобы не быть одному, чтобы было с кем поговорить. Душевно пообщаться, в конце концов? — реплику Василия Ивановича Калмыков пропустил.

— Пообщаться, говорите? А о чём общаться? Тут радио в посёлке появилось только несколько лет назад. И потом, чтобы общаться, не надо жениться. Женятся для того, чтобы кого-то или что-то взять в собственность. А мне уже это не надо.

— И всё-таки одиночество угнетает.

— Я к своему одиночеству привык. Ухаживать за собой могу. Готовить тоже. А вообще, у мужчины должна быть одна жена. Женщин может быть много, а жена одна. Она ему Богом дана на всю жизнь, до самой смерти, — а потом сразу, без перехода, неожиданно спросил у Владимира Николаевича: — А у вас жена еврейка?

— Нет, татарка. А почему вы спрашиваете?

— Мне показалось, что еврейка. Деликатная, чёрненькая, симпатичная. Отец моей покойной жены был еврей, а мать — русская. Я всю жизнь охранял жену от всех проблем, да не сберёг.

Василий Иванович резко оборвал разговор, вроде обиделся на Калмыкова за то, что тот поднял тяжёлую для него тему и задаёт неудобные вопросы. Выпив один, не предлагая Владимиру Николаевичу, ещё четверть стакана самогона, Василий Иванович быстро всё убрал со стола, как будто предлагал гостям расходиться по домам.

1.15

Обратно все ехали в приподнятом настроении — общение с природой не прошло даром. Особенно был доволен посещением дачи тёти Владимир Николаевич. То ли от хорошего самогона, то ли от нового знакомого, но он до самой Москвы не закрывал рот.

— Володя, я вижу, тебе не понравилась моя дача.

— Тётя Света! Дорогая! Ну что может мне на вашей даче понравиться? Старый сарай и заросший бурьяном двор. Советская власть вам зачем её дала? Чтобы, во-первых, вы на ней вечно работали, а во-вторых, чтобы напрочь забыли о своей революционной молодости. Вы помните, какая у ваших родителей — моих бабушки и дедушки — была дача?

— Конечно, помню. Но за ней следили специальные люди. Даже управляющий был на хорошей зарплате.

— Правильно, потому что дача должна быть местом загородного отдыха трудящегося. Физического и морального. А ваша дача — одна большая галера, на которой нужно трудиться до конца дней своих.

— А у вас есть на севере дача?

— Личной нет, в Норильске существуют базы отдыха — всё чисто, аккуратно. На такой базе можно позаниматься спортом, поиграть в теннис или бильярд. Есть базы с сауной и даже плавательным бассейном.

— Что ты этим хочешь сказать, Володя? Ты меня последнее время огорчаешь своим оппортунизмом.

— Хорошо, что я не коммунист, как вы, а то бы мы сейчас хором прославляли мудрую политику нашей коммунистической партии.

— Ладно, племянничек, заканчивай язвить. Что ты предлагаешь?

— Продать её нужно вам, тётя, и как можно скорее. Гриша, — обратился он к водителю такси, — хочешь купить тётину дачу? Недорого возьму.

— Ну что вы, Владимир Николаевич. У меня таких денег нет. В неё нужно вложить, кроме труда, денег немерено.

— Это правда. Даже не знаю, тётя, что вам такого посоветовать. Надо хорошенько подумать.

— А я знаю. Подарю-ка я её тебе, мой дорогой племянничек. Владей и ни в чём себе не отказывай.

— Да вы что, тётя? Ни в коем случае!

— Почему?

— Потому что я привык всё зарабатывать своим трудом. Чтобы никому не быть чем-то обязанным.

— И даже родной тёте?

— Нет-нет, тётя, не уговаривайте. Зачем мне эта грыжа нужна?

— Ну почему грыжа? Будет куда вам приезжать в отпуск летом из своего замороженного Норильска.

— Нет, тётя, не хочу.

— Обижаешь ты меня, Володя. Очень обижаешь. Если я тебе её отдам, то дача останется в родных руках. Мне она очень дорога, так как на ней вырос мой любимый сын.

— Хорошо, тётя. Я подумаю.

1.16

На этом несколько странный разговор в машине на тему дачи закончился, но Светлана Ивановна не сдавалась. Она весь вечер думала, как убедить своего племянника принять в качестве подарка её дачу. Перекрыла свои старые бумаги и нашла все документы, подтверждающие её право собственности на дачу. На следующий день она пригласила к себе в кабинет юриста управления, с которым была знакома много лет.

— Присаживайтесь, Юрий Николаевич. Хочу с вами посоветоваться по одному личному вопросу.

— Слушаю вас внимательно, Светлана Ивановна.

— Если коротко, то ситуация следующая. Есть у меня в хорошем районе Подмосковья дача, которую мне, как старому большевику, советское правительство разрешило в 30-е годы построить. Со временем дача пришла в полную негодность. Для её ремонта, а точнее восстановления, у меня нет ни денег, ни сил.

— Ну так продайте её. Я вам в этом мероприятии помогу.

— Продавать мне её не хочется, так как она, практически, единственная память о муже и сыне.

— Понятно. У вас есть, Светлана Ивановна, близкие родственники?

— После войны у меня никого в живых, кроме одного племянника, не осталось. К сожалению, он живёт очень далеко.

— Где?

— На Крайнем Севере. В Норильске. Но регулярно приезжает в отпуск. Посоветуйте, что делать?

— В каком смысле?

— Я хочу отдать дачу своему племяннику согласно дарственной, а он категорически отказывается её брать.

— А какие у вас есть документы на дачу, Светлана Ивановна?

— Все, какие требуются для подтверждения собственности. Я для них особую папочку завела.

— Очень хорошо. Сделайте к завтрашнему дню копии, пожалуйста, всех документов. Я их покажу знакомому адвокату, который занимается вопросами имущественного наследования. А после этого обсудим с вами эту проблему.

Положительное решение вопроса, в связи с заслугами Светланы Ивановны перед советским государством, оказалось не таким уж и сложным делом. Но окончательное решение передачи дачи в собственность Владимиру Николаевичу буксовало в связи с его отказом принять дачу даром.

За несколько дней до отъезда в Норильск, Владимир Николаевич захотел попрощаться с тётёй. Думал, что зайдёт к ней на несколько минут, а беседа растянулась на весь вечер.

— Володя, ты мне должен помочь с дачей. Войди в моё положение.

— В какое положение, тётя?

— Ты сам знаешь, в какое. Не хочу повторяться.

— Ладно, тётя, не расстраивайтесь. Мы с Беатрис посоветовались и решили принять от вас дарственную на дачу при выполнении двух следующих условий.

— Каких условий, Володя? — испуганным тоном спросила Светлана Ивановна.

— Первое условие, вы возьмёте за неё деньги. Вы не так уж хорошо зарабатываете, чтобы отказываться от моей помощи.

— А второе?

— А второе — ваш сосед, Василий Иванович, должен согласится отремонтировать дачу, чтобы вы могли, а может быть, и мы, иногда на ней отдыхать.

1.17

Полковник Полторак в отставке был одним из самых опытных офицеров в системе охраны заключённых при их этапировании к месту отбывания наказания в Министерстве внутренних дел. Он отлично разбирался в психологии любых арестантов и умел просчитать варианты поведения даже особо опасных преступников на всех этапах его перемещения. Его несколько раз приглашали выступить с лекциями на различных мероприятиях в Москве, но он, как правило, отказывался. И тем не менее, когда была острая в этом необходимость, за Василием

Ивановичем присылали машину и дежурный офицер вручал ему предписание немедленно явиться в Главное управление МВД.

Василию Ивановичу несколько раз предлагали установить домашний телефон, но он категорически отказывался, мотивируя отказ для себя тремя обстоятельствами: будут звонить по каждому пустяку, а так подумают лишний раз, посылать машину за ним или нет; все соседи будут просить воспользоваться телефоном и он никому не сможет отказать; дочка, у которой и без того много дел, будет интересоваться состоянием его здоровья, по меньшей мере, два раза на день.

Василий Иванович жил тихой жизнью, наслаждаясь деревенской тишиной: занимался, по настроению, своим садом и огородом, выполнял мелкий ремонт дома. Единственный день, когда вся деревня, в которой жил полковник Полторак, оживала, это был праздник Победы. С утра в его доме появлялись солдаты с ящиками и коробками, которые устанавливали дополнительные столы и ловко их сервировали. После полудня начинали собираться гости. Вдоль деревенской улицы выстраивалась вереница машин чёрного цвета, из которых выходили генералы и полковники, приезжавшие прямо с военного парада на Красной площади во всём величии своих мундиров. Василий Иванович сам встречал на крыльце своего дома прибывающих и провожал на веранду, где были накрыты столы. Затем возвращался на крыльцо, чтобы встретить новых гостей.

Как правило, собиралось человек двенадцать-пятнадцать, знакомых с ним много лет. Но сегодня было несколько новых лиц, которых Полторак не знал. Праздничным столом, за которым сидели только мужчины, руководил, как всегда, генерал-майор Бойцов. Весёлый, открытый человек, он создавал спокойную доверительную обстановку, которую все гости очень ценили. Она позволяла шутить, петь, ходить по веранде, меняться местами, а главное, беседовать на разные темы, не оглядываясь по сторонам. В середине застолья к Василию Ивановичу на освободившийся стул подсел незнакомый полковник:

— Разрешите, Василий Иванович, — спросил гость утвердительно тоном.

— Пожалуйста, — ответил хозяин дома.

— Полковник Карасёв Михаил Николаевич, — представился гость.

— Очень приятно.

— Хорошо у вас тут — тишина, воздух, хоть пей. Всё цветёт, благоухает. Красота, да и только.

— Это верно.

- Вы тут один живёте?
- Сейчас один. Скоро внук приедет, первый класс заканчивает.
- А где его родители живут?
- В Москве. Оба учатся в аспирантуре. Дочка в институте иностранных языков, а зять не знаю в каком институте, но тоже гуманитарном.
- Как фамилия вашей дочери, Василий Иванович?
- Платонова Екатерина Васильевна.
- Понятно. А скажите, уважаемый, почему на всех писали доносы, а на вас за всё время службы — нет.
- А чего на меня писать: начальник конвоя — должность не сладкая. А когда перешёл на канцелярскую работу, так там писать не о чем.
- Согласен. Но всё-таки недоброжелатели во все времена находили подходящие темы.
- Значит, исписались или времена изменились.
- Я вас не очень утомил, Василий Иванович, своими вопросами?
- Да, вроде, нет.
- Тогда у меня к вам последний вопрос. Откуда у вас столько боевых орденов? Ведь вы же, как мне известно, все годы работали в охране заключённых. Можете пояснить?
- Могу. За честную и верную службу.
- Хорошо ответили. Спасибо.
- Пожалуйста. У меня тоже, если позволите, есть к вам вопрос: вы всех, Михаил Николаевич, при первом знакомстве так дотошно спрашиваете или только меня?
- Конечно, не всех. Только тех, кто может быть нам полезен. Я заместитель начальника Главного управления руководящих кадров Министерства внутренних дел. Обращайтесь, если будет необходимость.
- Спасибо.

Глава 2. Восхождение

2.1

Сергей Владимирович Ремезов, немолодой холостой мужчина, сидя в своей суфлёрской будке, каждый день без особого интереса наблюдал на сцене балетную труппу театра. Но однажды, совершенно случайно, он обратил внимание на ножки одной из балерин и уже не мог оторваться от этого захватывающего зрелища. Танцующая Лена Протасова не давала Ремезову возможности сосредоточиться на спектакле. Он сбивался с текста, подавал неправильные реплики и только мешал артистам. Расстроившись по поводу очередной ошибки, он имел неосторожность этой информацией с кем-то поделиться и она сразу дошла до заведующего постановочной частью Николая Николаевича Хвостова. Сначала Хвостов не придавал этому факту значения, но потом, когда по вине Ремезова чуть не сорвался один из спектаклей, Хвостов пригласил его на разговор.

— Сергей Владимирович, чем вы можете объяснить грубейшие ошибки в своей работе? Вы уже второй раз за последний месяц создаёте чрезвычайную ситуацию на сцене. Предупреждаю, мне придётся вас наказать, а в случае повторения подобного инцидента, просто уволить.

— Я прекрасно понимаю, Николай Николаевич, меру своей ответственности, но честно вам признаюсь: как увижу Леночку Протасову на сцене, теряю контроль над собой. Влюбился я в эту девочку без памяти.

— Помилуйте, уважаемый, вы старше её, как минимум, на двадцать лет! Вы отдаёте себе в этом отчёт?

— Отдаю, но я без неё жить не могу.

— Ну так решайте данный вопрос, как это делают все нормальные люди. Признайтесь ей при встрече в любви и всё такое прочее. Так же нельзя работать.

— Извините, Николай Николаевич, больше это не повторится. Я непременно всё сделаю, как вы мне советуете.

Ремезов почему-то понял совет начальника буквально и решил, не откладывая в долгий ящик, объясниться в любви к молодой балерине. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что он приходил на работу к 12 часам дня, когда ещё никого не было в театре, и уходил, как правило, одним из последних, когда уже все артистки балета разошлись по домам. Возможности встретиться с Леночкой Протасовой у Сергея Владимировича практически не было никакой.

И тогда, на очередном спектакле с её участием, Ремезов пошёл на отчаянный шаг. В начале второго акта он выбрался из своей суфлёрской будки и направился на сцену с букетом цветов, который купил заранее. Администратор сцены, увидев эту ситуацию, попытался остановить Ремезова, бросившись ему наперерез:

— Сергей Владимирович, цветы артистам следует преподносить только по окончании спектакля, а не в середине!

— Извините, Марк Захарович, но у меня особый случай, — продолжал идти к намеченной цели Ремезов.

— В любом случае, этого делать нельзя. Из-за вас у всех будут большие неприятности.

Но Ремезов его уже не слышал и ступил на сцену при открывающемся занавесе. Он направился прямо к балерине Протасовой, неся большой букет цветов в вытянутой руке. Остановившись в шаге от неё, Сергей Владимирович театрально опустил на колено и, не обращая ни на кого внимания, обратился к перепуганной молодой девушке со следующими словами:

— Дорогая Леночка, чувство высокой любви к вам заставило меня выйти сейчас на сцену. Я не могу без вас жить. Я всё время о вас думаю. Будьте моей женой.

Не вставая с колена, он протянул ей букет и она, обалдев от внезапно возникшей ситуации, молча его приняла.

Сначала публика в зале подумала, что это красивое действие происходит в соответствии со сценарием данного спектакля, но когда стало понятно, что вышедший на сцену мужчина сделал ничем не предусмотренное официальное предложение артистке балета, зал взорвался громом аплодисментов.

Не дожидаясь окончания спектакля, администратор сцены отстранил от работы Елену Викторовну Протасову и Сергея Владимировича Ремезова и попросил их немедленно пройти к заместителю директора театра Колокольцеву.

— Вы что себе позволяете, уважаемые! — обрушился на них Колокольцев.

— Устраиваете в театре, который посещает правительство Советского Союза, дипломатический корпус, иностранные делегации, дешёвые водевили! Извольте объясниться!

— Это я виноват, — залепетал Сергей Владимирович. — Только я. Решил сделать Елене Викторовне предложение и всех, таким образом, подвёл.

— Вы не подвели. Вы, уважаемый товарищ, фамилия которого печатается на каждой театральной программке, своим безобразным поведением нанесли непоправимый удар по репутации столичного театра. Это категорически не допустимо! Это просто скандал! Оба уйдите долой с моих глаз, пока я вам не наговорил всяких гадостей.

После разговора с заместителем директора, Сергей Владимирович Ремезов в тот же день был уволен с должности суфлёра Московского театра оперетты и переведён слесарем-сантехником пятого разряда в административно-хозяйственную часть театра. Благо Ремезов в своё время окончил Мытищинское профессионально-техническое училище по этой специальности и имел золотые руки.

Вскоре Елена Викторовна Протасова и Сергей Владимирович Ремезов вступили в законный брак и получили недалеко от театра оперетты, на Пушкинской улице, двенадцатиметровую комнату в ведомственном общежитии. А через год в семье артистки балета Леночки Протасовой и слесаря-сантехника, бывшего суфлёра того же театра Сергея Владимировича Ремезова, родилась дочь Анастасия. История любви родителей, многократно рассказанная многими свидетелями необычного сватовства папы к маме в лицах и позах, была известна Насте до мелочей с самого раннего детства, но она с удовольствием её слушала снова и снова.

2.2

На третьем этаже театрального общежития, где семья Ремезовых имела комнату, было шестеро жильцов, работающих в театре оперетты. Жильцы, постоянно занятые на репетициях, спектаклях, «левых» концертах, редко бывали дома, и их дети — четверо мальчиков и одна девочка, — возвратившись из школы, проводили время в просторном коридоре общежития. Мальчики, задиристые, шкодливые, драчливые, вели себя, как мальчики, но девочка, Настя Ремезова, была какая-то особенная. В ребячьих играх участия не принимала и целый день сидела в шумном коридоре с книгой в руках. Тихая, деликатная от природы, она ни во что не вмешивалась, а главное, никогда ни на кого не ябедничала. Родители Насти никак не могли понять, почему она предпочитает коридор, где нельзя на чём-нибудь сосредоточиться, своей тихой комнате, и решили обратиться по этому поводу к врачу.

— Серёжа, ты можешь на пару часов уйти с работы и отвести Настю к нашему участковому? — спросила Лена мужа. — А то я со своими ежедневными репетициями совсем зашилась.

— Могу, только нужно заранее взять талончик.

— Это я сделаю, когда буду идти на репетицию.

Участковый врач внимательно осмотрела Настю и, ничего не найдя, направила её на специальную детскую комиссию, которая поставила диагноз: ранняя стадия клаустрофобии. Один из представителей комиссии, большой любитель оперетты, посоветовал семье Ремезовых обратиться к известному в Москве специалисту — Сергею Ивановичу Боброву.

Доктор Бобров, много лет практиковавший частным образом, принял отца и дочь в собственном доме по Саймоновской улице, недалеко от метро «Кропоткинская» в 10 часов утра. Добродушный, располагающий к себе пожилой человек, он пригласил сначала в кабинет Сергея Владимировича. А пока папа находился в кабинете врача, с Настей беседовала в приёмной, но без белого халата, медсестра.

— Ну, любезный, — обратился доктор к Ремезову, — рассказывайте о вашей проблеме с девочкой. Только коротко, без лишних подробностей. Я всё сам пойму.

— Дело в том, доктор, что наша дочь Настя как-то себя неадекватно ведёт. Предпочитает быть всегда одной, не участвует в детских играх. Даже отказывается ходить в детский сад.

— Ну, что вы остановились? Как ваше имя-отчество?

— Сергей Владимирович.

— Продолжайте, Сергей Владимирович. Что ещё?

— Когда днём нас с женой нет дома, она сидит всё время с книгой в коридоре, вместо того, чтобы находиться в тихой комнате. А в коридоре всегда толкуются люди, шумят мальчишки.

— Сколько лет вашей дочери?

— Шесть.

— А когда вы это заметили?

— Год назад. Я сводил её в театр и показал своё бывшее место работы. Она ещё в моей будке посидела минут сорок.

— Не понял, а где вы, любезный, раньше работали? Что за будка?

— Суфлёром работал, в Московском театре оперетты. Сидел в суфлёрской будке весь день один.

— И на том основании, что она посидела в вашей будке, дочери поставили диагноз — клаустрофобия? С вашей подачи, как теперь я понимаю?

— Наверное, я точно сказать не могу. А может, это у неё врождённое, доктор?

— Не понял?

— Ну, от меня. Я, вообще, старше жены на двадцать два года. Дочь родилась, когда мне уже было сорок пять лет.

— Не вижу никакой связи. Ладно. Что гадать? Пригласите ко мне свою дочь, а сами посидите в приёмной.

Доктор Бобров беседовал с Настей больше часа. Сначала за дверью было тихо, а потом раздались какие-то звуки, похожие на смех. Наконец, дверь открылась и из кабинета вышел в приёмную вместе с Настей улыбающийся доктор.

— Сергей Владимирович, зайдите ко мне, пожалуйста, ещё раз. Присаживайтесь, уважаемый. Я от беседы с вашей дочерью получил огромное удовольствие. Нет у неё никакого заболевания.

— Тогда в чём причина её странного поведения?

— Дело в том, что она, благодаря постоянному чтению книг, исключительно развитый ребёнок. А говорить ни с кем не хочет по одной простой причине — ей не интересно. Сделайте из этого соответствующие выводы.

— О каких выводах, доктор, вы говорите?

— О простых. Ребёнка нужно, уважаемый, чем-то занять, чтобы он не торчал весь день в коридоре, дожидаясь, когда вы придёте с работы.

— Но мы, к сожалению, оба работаем...

— Значит, кому-то из вас нужно оставить работу.

— Это невозможно.

— Всё возможно, уважаемый, если хотите, чтобы у вас был нормальный, здоровый ребёнок. Всё возможно.

2.3

Вопрос с Настей в семье Ремезовых решился, в самом деле, весьма просто. Елена Викторовна уволилась из театра — всё равно не было серьёзных творческих перспектив, кроме как участие в балетных масках, а Сергей Владимирович стал работать сантехником на полторы ставки. Через год Настя Ремезова пошла в первый класс общеобразовательной школы и параллельно начала учиться в музыкальной по классу скрипки. Мама проводила с дочерью, когда та возвращалась из школы, весь день. Домашние задания они выполняли, по методике профессора Тверского, вместе: сделала — Расскажи. Несколько раз в неделю Елена Викторовна водила дочь в разные кружки: рисования, драматическую студию, секцию художественной гимнастики. Но особенно Настя

любила ходить в библиотеку. Там у неё разбегались глаза от желания набрать побольше книг и их сразу начать читать. Единственно, в чём родители отказали Насте, хотя она и не очень настаивала, это в посещении танцевального кружка. Настя не забыла эту ситуацию и в один из вечеров, когда папы не было дома, напрямую спросила маму:

— А скажи, мамочка, почему ты не согласилась отдать меня в хореографический кружок?

— Потому что не хочу, чтобы ты была балериной, хотя, не скрою, у тебя есть определённые способности. Это очень тяжёлая профессия для девушки — неважно, будешь ли ты прямой или останешься в кордебалете.

— Чем она тяжёлая? Получаешь аплодисменты, цветы, комплименты. Тебя все знают, везде узнают.

— Прежде всего, огромной физической и моральной нагрузкой.

— Ну, физической мне понятно: ежедневные упражнения, репетиции, спектакли. То не ешь, это не пей. А моральная нагрузка в чём состоит?

— Моральная?.. Это объяснить несколько сложнее, но я постараюсь. Работа в любом творческом коллективе — это ежедневное отстаивание, молча или вслух, своей личной позиции в отношениях с режиссёром, педагогами, коллегами, друзьями. Человек сцены так устроен, что всегда в чём-то сомневается, чем-то недоволен. Всегда на что-то претендует и для того чтобы оправдаться во всех своих творческих неудачах, прежде всего перед самим собой, ищет врагов, недоброжелателей, завистников. Особенно, если он ещё и работает в женском коллективе.

— Мамочка, так устроена творческая жизнь. Я много разных книг прочла, в которых описываются душевные муки людей этих профессий. У них ремесло связано с эмоциями, и в основном, отрицательными. Они должны постоянно демонстрировать свои положительные чувства, а на них сил не хватает. Творческие люди всегда переживают по каждому поводу: что-то не донесли до зрителя, что-то не доиграли, и поэтому публика их без восторга воспринимает.

— Наверно, ты, дочь, права. Только как-то странно получается... Я — твоя мама, выслушиваю от тебя, девочки, слова утешения...

— Это — не слова утешения, а рассуждения вслух о смысле жизни творческих людей. Кстати, как ты относишься к тому, чтобы я по окончании школы поступила в медицинский институт?

— Хорошо отношусь. Очень благородная профессия. Только поступи на педиатрический факультет. Там конкурс меньше.

— Ну, конкурса я не боюсь. У меня хорошие оценки. А почему ты советуешь педиатрический?

— Потому что будешь всю жизнь иметь дело с маленькими, тёплыми, а главное, искренними пациентами. Общение с детьми — это несказанное удовольствие.

— А сумасшедших мам этих детей, со своими страхами и фобиями, ты в расчёт не берёшь?

— Нет, не беру. Если ребёнку хорошо, то и мамы счастливы.

2.4

Пётр Воронин, житель одной из захолустных деревень Вологодской области, оказался в Москве в 1951 году в составе бригады плотников по оргнабору. Его и ещё трёх односельчан после окончания службы в Советской Армии привезли строить бараки в Раменском районе Московской области. Непривычная ситуация, связанная с огромной массой окружавших его людей и страшным шумом механизмов на стройке, заставляла Петю искать после работы тихое уединённое место. Под влиянием нахлынувших перемен, у него почему-то появился огромный интерес к чтению книг. Он их искал везде — в бараке, на стройке, в посёлке. Спрашивал о книгах у своих товарищей, знакомых и незнакомых людей. Читал запоем всё подряд, а когда местный книжный ресурс был исчерпан, кто-то посоветовал Пете поехать в Москву и записаться в библиотеку.

Автобус из подмосковного Раменского привёз Петра Воронина на Октябрьскую площадь. Зайдя в первый попавшийся книжный магазин, он узнал, что недалеко от площади есть районная библиотека имени Николая Щорса. Она находилась в полуподвальном помещении, в которое вели четыре стёртые от времени ступеньки.

Увидев на пороге библиотеки парня в испачканной строительным раствором тужурке, пожилая библиотекарьша строгим голосом сказала:

— Молодой человек, в таком виде не приходят в библиотеку. Это — публичное пространство.

— Извините, но у меня нет другой одежды...

— Ну, когда будет, тогда и приходите. А что вы, вообще, хотите? — не меняя тона, спросила библиотекарьша.

— Хочу записаться в вашу библиотеку. У нас в посёлке я уже все книги перечитал.

— Похвальное желание. А у вас какие-нибудь документы с собой есть, подтверждающие личность?

— Только справка от бригадира.

— Что за справка?

— Справка о том, что я в настоящее время работаю на строительстве жилых бараков в Раменском районе.

— Откуда же вы приехали, уважаемый?

— Из Вологодской области. Семёновский район, посёлок Солнцево. Нас по оргнабору в Москву привезли.

— К сожалению, мы записываем в библиотеку только людей с московской пропиской и проживающих в нашем районе.

— А мне что делать?

— Не знаю, спросите в других библиотеках. Может, они вам выдадут книги под денежный залог?

— Под какой залог?

— Под денежный. Залог за книги. В сумме десяти рублей.

— Нет у меня таких денег.

— В таком случае, ничем не могу помочь. Извините.

Оборвав разговор, библиотекарьша жестом показала Петру на выход. Это было для него большим ударом, так как он связывал возможность читать новые книги со своей поездкой в Москву. Искать другие библиотеки у него желания не было, так как не исключено, что примерно такой же ответ он получит и там. Потребуют предъявить прописку или, ещё того больше, — деньги.

Пётр вышел на улицу и поплёлся в сторону автобусной остановки, когда его кто-то окликнул:

— Молодой человек!

Это была девушка, которая случайно присутствовала при его разговоре с библиотекарьшей.

— Чего?

— Ни чего, а что. Не расстраивайтесь, я вам помогу.

— Каким образом?

— Я буду раз в две недели брать из библиотеки книги на свой абонемент, а вы будете их читать и мне возвращать.

— Интересное дело. А как же я буду книги у вас брать и возвращать?

— Очень просто. По приезду в Москву из своего Раменского района, будете звонить мне домой по телефону-автомату. А я вам буду их передавать. Только обязательно нужно будет звонить мне после обеда. Утром я учусь в школе.

— Не умею я звонить по телефону.

— Ну, это очень просто. Я вас научу.

— Для вас это просто, а для меня — сложно. Я о телефоне-автомате слышу первый раз в своей жизни.

— Ну не упрямитесь. Идёмте, я вам покажу, как им пользоваться.

— Нет, не хочу. Да и денег у меня на ваш телефон нет. Только на автобус. Туда и обратно.

— Ладно. У меня есть две копейки. Идёмте.

Они подошли к телефонной будке и вошли вдвоём в неё.

— А теперь смотрите, как звонить: сначала снимаете с рычага телефонную трубку, затем в эту щёлочку засовываете две копейки и набираете нужный номер.

— Нет, всё равно не буду.

— Да вы не бойтесь. Как вас, кстати, звать?

— Петя. Пётр Воронин. А вас?

— А меня Настя Ремезова. Вот и познакомились, хотя как говорит мой папа, при весьма странных обстоятельствах.

И тут девушка стала громко смеяться.

— А чего вы смеётесь?

— Потому что мы с вами, Петя, сейчас разыгрываем повесть Александра Сергеевича Пушкина «Дубровский». Вы, кстати, читали эту книгу?

— Конечно, читал.

— Она вам понравилась?

— Понравилась... И что?

— А то, что герои Пушкина использовали для переписки друг с другом дупло дерева. А мы будем общаться с вами на современный манер — через телефон-автомат. И это замечательно.

2.5

Возвращаясь в свой подмосковный посёлок, Пётр Воронин смотрел, как обычно, в окно автобуса. Мимо мелькали дома, витрины магазинов, автобусные остановки, люди. Но он равнодушным взглядом скользил по всему, что раньше рассматривал с большим интересом. Сейчас его занимал ответ на один вопрос:

«Что от него хочет девушка, с которой он познакомился около библиотеки? В связи с чем она озаботилась его проблемой и решила ему помочь?..»

Кстати, как её звать? Что-то вылетело из головы. Как-то на «Н»: то ли Надя, то ли Нина? В принципе, не важно.

И всё-таки, с какой целью она предложила ему, совсем незнакомому парню, брать для него книги? Не может же она ходить в библиотеку «за просто так». Ей, наверное, нужно дать денег, о чём говорила библиотекарша. Так у меня их нет. Вон третьего дня попросил у Никиты соль для картошки. Так он уже напомнил, что я ему соль должен. А здесь книги. Нет, тут что-то не так...»

Промучившись неделю всякого рода сомнениями, Пётр всё-таки решил съездить в Москву и позвонить этой девушке. Выйдя, как обычно, из автобуса на Октябрьской площади, он нашёл свободную телефонную будку. Дверь будки не закрывалась, но он сразу, не колеблясь, начал набирать номер, который написала она ему на бумажке. Номер почему-то никак не набирался. На его тщетные усилия обратил мужчина, ожидающий своей очереди.

— Парень, ты что — не знаешь, как позвонить?

— Знал, но забыл.

— Выйди из будки. Я тебе покажу, как это делается. Смотри: сначала нужно снять трубку с рычага, потом опустить вот сюда, в эту прорезь, две копейки и только после этого набрать нужный номер.

— А если две копейки пропадут?

— Бывает и такое, но редко.

— Нет, я не согласен. Сначала вы позвоните, а я после вас.

— Пожалуйста...

Мужчина уверенно набрал номер и с кем-то коротко поговорил. Теперь была очередь Петра. Он дрожащей рукой опустил в телефон двухкопеечную монету и набрал нужный ему номер. Где-то далеко раздались прерывистые гудки и приятный женский голос произнёс:

— Алло, я вас слушаю.

— Здравствуйте. Это Пётр. Хочу говорить с Надей.

— С Настей, наверное?

— Да, с Настей. Можно?

— Сейчас я её приглашу к телефону.

Через минуту в трубке раздался приветливый голос Насти.

— Здравствуйте, Пётр. Хорошо, что вы позвонили. Я взяла для вас две книги. Где вы находитесь, чтобы мы встретились?

— Не знаю. Сейчас спрошу.

Пётр высунулся из будки, благо дверь была открыта, и спросил у женщины, стоящей рядом с будкой:

— Как называется это место? Мне нужно с девушкой встретиться.

Сразу откликнулось несколько человек:

— Выход со станции метро «Октябрьская» на Ленинский проспект.

— Ты слышала? — прокричал Пётр в трубку.

— Да, слышала, — ответила трубка. — Стойте там и никуда не уходите. Я буду примерно через тридцать минут.

2.6

Пётр стоял около телефонной будки уже тридцать пять минут. Было семь часов вечера, а на улице ещё светло. Правда, уже конец апреля. Весна в разгаре. Он первый раз в своей жизни ожидал девушку в условленном месте и в определённое время. В книгах это действие называется свиданием. Оно должно, как правило, вызывать у человека, как написано в книгах, какие-то эмоции — трепет, волнение, предвкушение чего-то приятного. А у него нет никаких чувств. Правда, это не любовное свидание, а деловое. Как у разведчиков: принёс, отдал, получил — и разошлись в разные стороны. Когда он в армии служил в Южном военном округе, были настоящие свидания с женщинами. Пришёл по указанному адресу, сделал своё дело и ушёл. А сейчас, не понятно что.

И тут появилась она — весёлая, молодая, беззаботная. В лёгком плащике и беретке на голове.

— Здравствуйте, Пётр. Извините, что задержала вас. Это из-за метро. Сейчас все возвращаются с работы и поэтому не протолкнуться. Вот я вам принесла две книги: Станюкович «Морские рассказы» и Джек Лондон.

— Спасибо, Настя, за книги. Но Станюковича я читал, так что его можете забрать назад, а Джека Лондона возьму.

— Пётр, а вы можете мне что-то заранее заказать, а то я затрудняюсь в выборе для вас книг?

— Могу. Что-нибудь посерьёзней, чем Станюкович. Например, Голсуорси «Сага о Форсайтах» или пьесы Чехова. Я его очень люблю читать.

— Это уже другое дело. А скажите, Пётр, какое у вас образование?

— Среднее. Десять классов районной сельской школы. У меня и аттестат зрелости есть. Только сразу по окончании школы меня забрали в армию, а после демобилизации из армии предложили работу на стройке в Раменском районе.

— А можно я вас буду называть Петя? А то уж больно официально звучит — Пётр. Государево имя.

— Мне вообще не нравится моё имя, а тем более в произношении «Петя». Пётр — это солидно, с достоинством. А Петя? У нас был петух шустрый на подворье... А хотите, Настя, я вам расскажу кое-что интересное из жизни моего знаменитого тезки — Петра Аркадьевича Столыпина?

— Спасибо, Пётр, но не сегодня. В следующий раз. Мне нужно возвращаться домой, так как я ещё уроки не сделала.

— Хорошо, согласен.

— Значит, на этом месте через неделю. В шесть часов вечера. До свидания, Пётр.

— Спасибо за книги.

В семье Ремезовых на все вопросы дочери, как правило, отвечала мама, но сейчас Настя сразу обратилась к папе. Сергей Владимирович умел выстроить убедительную логическую цепочку и проанализировать любое явление. Он обладал энциклопедической памятью. Его познания во всех областях жизни просто поражали. Кроме того, помнил тексты, которые суфлировал даже двадцать с лишним лет назад.

— Папа, объясни мне, пожалуйста, почему одни люди любят читать книги, а другие нет? Что происходит с информацией, которую человек засасывает в себя, как пылесос, а другой спокойно без неё обходится?

— В связи с чем, дочь, ты об этом спрашиваешь?

— Я недавно познакомилась с парнем, который приезжает из Подмосковья в Москву за книгами. Так как его не записывают в библиотеку без московской прописки, то я решила ему помочь. Беру книги на свой абонемент и передаю ему. А он эти книги буквально глотает, хотя сам деревня деревней.

— Думаю, что мозг этого парня устроен таким образом, что он всё время требует дополнительного питания. Можно это питание организовать путём включения в его дневной рацион большего количества шоколада или сахара. А можно обмануть мозг и подбрасывать ему дополнительный корм путём книжной информации.

— Папа, ты сам эту теорию придумал или где-то вычитал?

— Конечно, сам. А чем тебе она не нравится?

— Да уж очень всё просто.

— Смотри, дочь. Гениальное всегдастораживает и на первых порах отторгается с формулировкой «просто». Это логика восприятия любого нового незнакомого материала. Книжная информация меняет,

прежде всего, психологию человека и безгранично раздвигает его жизненный горизонт. Ты ведь читала «Пигмалион» Бернарда Шоу?

— Конечно, читала и видела спектакль. Но это же комедия, написанная гениальным писателем. Причём, в совершенно другой стране и для другого времени.

— Ты права, дочь. Шоу пользуется полушутливым текстом, а в реальной жизни всё значительно суровей и серьёзней. Но в случае с твоим новым знакомым, читающим запоем книги, есть один нюанс. Так как книжная информация имеет способность в человеке накапливаться, то у этого парня есть большой внутренний потенциал и много вариантов реализовать себя в будущем.

2.7

Слова своего отца, сказанные в отношении нового знакомого Петра Воронина, запали Насте в душу. Она их много раз вспоминала, стараясь приспособить Петра к той или иной ситуации, но каждый раз сомневалась в правильности принимаемого решения.

Однажды вечером, когда Сергей Владимирович был не на работе, а дома, Настя под села к нему и тихо спросила:

— Папа, что ты имел в виду, когда сказал, что у Пети Воронина много вариантов — кем быть в будущем?

— Да я просто так сказал. Ты же мне сама поведала, что он не читает, а глотает книги. Напичкан всякой информацией.

— Так оно и есть.

— Ну вот. С одной стороны, это — хорошо, а с другой, — плохо, так как избыточная информация мешает человеку принимать однозначное решение. Он всегда в переборе всяких версий.

— И что?

— Поэтому рядом с ним должен быть человек с твёрдой жизненной позицией, без этих флуктуаций.

— Ну, папа, ты как в воду смотришь. Так чётко выписал Петин психологический портрет, что ничего ни добавить, ни убавить. Он, в самом деле, такой, но мне почему-то нравится.

— Здесь я тебе, Настя, не советчик. Поговори с мамой.

— Спасибо, папочка, за понимание.

— На здоровье, дочка.

Настю тянуло к Петру, лишённому городского цинизма и глупости, доброму открытому парню, но вместе с тем её отталкивала его дере-

венская сущность: постоянные страхи городской жизни, примитивные рассуждения о деньгах, а главное, гипертрофированная скупость. Он всегда и везде скрупулёзно считал деньги. При этом страшно расстраивался из-за каких-то, даже копеечных, непредвиденных трат.

Однажды Настя, после небольшой прогулки по Москве, предложила Петру поесть мороженое в кафе:

— Давай зайдём, Петя. Там музыка играет, тепло и уютно.

— Зачем? То же мороженое, что и на улице, только в два раза дороже.

— Откуда ты знаешь? Ты что, когда-нибудь был в кафе?

— Нет, не был. Но там берут деньги не только за мороженое, но и за зеркала, ковры, обслуживание, музыку.

— Правильно, но пойми — это другое качество жизни, и за это, естественно, нужно платить.

— Нет, не пойду.

— Почему?

— Не хочу.

Настя чуть ли не за руку затащила Петра в кафе, пообещав ему, что каждый будет платить только за себя. На этих условиях он согласился, но долго колебался, какое мороженое выбрать.

Не меньших усилий ей потребовалось заставить Петра купить, когда наступили холода, обычные перчатки.

— Петя, тебе не кажется, что ты в своих рабочих перчатках выглядишь, по меньшей мере, смешно. Я никого больше в Москве не видела в таком виде.

— Не видела — так вот увидела. Ну, зачем мне, скажи на милость, вторые перчатки? А эти куда девать? Я в них целыми днями хожу. Добротные, тёплые.

— Я не возражаю, что они тебя полностью устраивают, но они для работы, а не для гуляния.

— Ну ты, Настя, даёшь! Это что же за манера, перчатки менять — для работы, для прогулок... Я — что, фабрикант какой-то? И потом, на мои большие руки перчаток в продаже нет.

— Поищем и найдём. На любой спрос в Москве есть товар. Не сомневайся.

Каждый шаг на пути к цивилизации давался Петру с огромным трудом. Он против всего возражал, при этом начиная искать, прежде всего, здравый смысл. Но самое большое сражение Насте пришлось выдержать, когда она уговаривала Петра зайти в метро. Он панически боялся эскалатора, его движущихся ступеней. Они напоминали ему пластины

гусеничного трактора, которые на лесной полянке заели насмерть его отца.

— Петя, поехали на Красную площадь на метро.

— Зачем на метро? Есть автобус. Вот смотри «Октябрьская площадь–площадь Свердлова».

— Да, но на автобусе ехать, как минимум, полчаса, а на метро — пять минут.

— Настя, не уговаривай меня. Я же тебе рассказал о своём отце. Пойми меня: я просто боюсь и ничего с собой поделать не могу.

— Ну, вот так, Петя: если ты не поедешь со мной сейчас на метро, мы прекращаем с тобой встречаться. Я не могу возвращаться в каменный век, если ты не хочешь сделать шаг в современный мир.

— И что ты собираешься делать?

— Расстаться с тобой. Прощай.

— А как же книги?

— Книжки — святое. За книгами приходи.

Настя повернулась и пошла в направлении своего дома.

2.8

Для Пети Воронина эта неделя была самой тяжёлой в его жизни. И даже не потому, что они расстались с Настей, а из-за осознания того, что он на поверку оказался трусом и тряпкой. Неужели он не сможет преодолеть свой страх? Так и останется в глазах этой замечательной девочки слабым и безвольным человеком? Настя и Пётр встречались уже больше полугода, но после последнего разговора они просто обменивались книгами, не обсуждая их и не открывая друг другу новый неожиданный смысл прочитанного.

Сегодня Настя пришла на встречу с Петром в каком-то подавленном состоянии. Так как своё необычное настроение она скрыть не могла, то на это он сразу обратил внимание.

— Настя, у тебя что-то случилось?

— Да, случилось. Мама мне сегодня сказала, что это моё последнее с тобой свидание.

— Почему?

— Мама считает, что следует заканчивать наши встречи — через месяц начинаются выпускные экзамены в школе, а потом нужно будет поступать в институт.

— И в какой институт будешь поступать? Ты уже выбрала?

— Да. В медицинский, на педиатрический факультет. Мой папа по состоянию здоровья, из-за плохого зрения, на фронте не был, а вот его младшая сестра прошла всю войну с полевым госпиталем. Она говорит, что ей до сегодняшнего дня снятся искалеченные дети, которым она не смогла оказать нужную медицинскую помощь. Так что хочу восполнить этот страшный пробел.

— А я тоже собрался в этом году поступать в институт. На юридический, но только на заочный факультет. Меня некому кормить. Нужно работать, да и маме помогать.

— А почему на юридический? Это же не по твоему профилю работы?

— А какой у меня профиль? Пилить, строгать и мусор убирать. Тоже мне профиль...

— Я тебя серьёзно, Петя, спрашиваю, а ты всё шуточками отделываешься.

— Я не шучу. Мне нравится умение юристов чётко и ясно формулировать свои мысли, аргументировано доказывать свою правоту и коротко отвечать на любые вопросы.

— И всё?

— Нет, не всё. Ещё их строгий внешний вид, красивая форма и необычный головной убор.

— Вот это здорово. А давай, Петя, вместе готовиться к вступительным экзаменам? Ты согласен?

— Согласен, но мне нужно переговорить со своим начальством и получить на работе учебный отпуск для сдачи вступительных экзаменов.

Готовились Петя и Настя для поступления в институт вместе только к экзамену по русскому языку, который нужно было сдавать как на юридическом, так и на педиатрическом факультете. Два других экзамена для них принципиальным образом отличались: Петя должен был сдавать обществознание и историю, а Настя — химию и биологию. И тем не менее, сроки обучения в институтах — для Насти шесть лет, а для Пети пять плюс год подготовительных курсов — совпадали.

После успешной сдачи вступительных экзаменов в институт они поженились. Сначала молодые люди в течение двух лет снимали комнату, но на третьем курсе обучения у Насти от рака лёгких умер отец. Мама Насти настояла на том, чтобы они переехали к ней жить. Молодые не возражали. Петя сам сделал перепланировку двадцатиметровой комнаты. Выгородил для себя и жены вторую комнату, где у них за год до окончания института родилась дочь Вера.

Глава 3. Только вперёд

3.1

Вера Воронина познакомилась со своим мужем, Виктором Черниковым, на втором курсе Московского государственного университета. Пришла на танцевальный вечер и даже не заметила, как около неё появился симпатичный, спортивного вида парень. Лет двадцати пяти.

— Извините, можно вас пригласить на танец? — спросил он, задорно улыбаясь во весь рот.

— Можно. А почему вы извиняетесь?

— А может, вы не танцуете?

— Зачем я тогда пришла на вечер танцев?

— Не знаю. На людей посмотреть, себя показать. Я вообще не умею танцевать, но потоптаться могу.

— Тут никто не умеет танцевать и я в том числе, хотя моя бабушка была солистка балета Московского театра оперетты. Так что не очень расстраивайтесь.

— А я и не расстраиваюсь. Просто хочу с вами познакомиться. Меня Виктором зовут, а вас?

— Меня — Вера. Хотите ещё потанцевать?

— В смысле — потоптаться?

— В смысле — да.

— С удовольствием!

Музыка закончилась, а парень всё от неё не отходил. Наверное, ждал, когда начнётся следующий танец. И чтобы снять неловкость ожидания, задал первый пришедший на ум вопрос:

— Вы часто сюда приходите?

— Нет, первый раз.

— И я первый. Вот удача!

— Для кого?

— Для меня, Вера, для меня.

После последней фразы Виктора им обоим сразу стало как-то комфортней. Исчезло чувство натянутости, неловкости, стеснения. Его присутствие рядом с Верой стало естественным, и темы для разговора, цепляясь одна за одну, стали возникать сами собой.

В половине десятого Вера стала прощаться. На все уговоры Виктора остаться отвечала жёстким отказом.

— Не могу, Виктор. Мне домой ехать полтора часа. Сначала на ме-

тро, потом на автобусе, а он редко ходит. И потом я маме обещала не задерживаться. У нас район беспокойный.

— Я тебя провожу. Где ты живёшь? — не заметив, что перешёл на ты, спросил Виктор.

— В Кузьминках, но провожать меня не надо. Сама как-нибудь доберусь. А ты где живёшь?

— В Воркуте.

— В Москве где живёшь?

— В Москве?.. В университетском общежитии. Отсюда недалеко. Учусь на юридическом факультете.

— Я сразу поняла, что ты приезжий, а не москвич.

— Каким образом? Что во мне такого, не московского?

— Нахальства меньше и спеси.

— Понятно. Ну давай я тебя хоть до метро провожу.

— До метро проводи, но не дальше.

— А как твоя фамилия, Вера?

— Зачем тебе знать?

— На всякий случай. Вдруг на свидание ко мне в следующий раз не придёшь? Заболеешь там или автобус сломается. А так я тебя, по фамилии, через деканат всегда найду.

— А что, девушка не может передумать и не встречаться с неинтересным для неё молодым человеком?

— Конечно, может, но девичья легкомысленность не должна подменять человеческую порядочность. Обещала прийти — должна прийти. А потом — свободна. Как ветер.

— Сразу видно, что ты на юридическом учишься. Законник ещё тот. Сколько же тебе лет, Виктор?

— Двадцать два. Я в университет поступил, отслужив, как положено, три года.

— Так ты уже армию прошёл?

— Да. А что, разве не видно?

— Конечно, видно. А мне всего девятнадцать. Я только в прошлом году среднюю школу окончила.

— Так взрослей побыстрой. Я тебя обязательно подожду, потому что ты мне нравишься.

— Так сразу и нравишься?

— А что притворяться? Я бы к тебе иначе не подошёл.

Вера и Виктор шли пешком до ближайшей станции метро больше часа, не обращая внимания на время. Разговаривали, смялись, переби-

вая друг друга. Казалось, что они хотят в первый вечер задать друг другу все вопросы и получить на них исчерпывающие ответы. Договорились встретиться в следующую субботу в пять часов вечера на выходе из станции метро «Площадь революции» около музея Ленина.

А расставаясь, Виктор вспомнил, что она не назвала фамилию.

— Так ты скажешь, Вера, как твоя фамилия, или это большая тайна?

— Нет тут никакой тайны. Воронина моя фамилия. Вера Воронина.

— Привет.

— До встречи.

3.2

На свидание с Виктором Вера пришла в очках и с маленькой сумочкой в руке. Немножко покрашенные губки и припудренный носик были очень ей к лицу, а серая юбочка, белая блузка и простенькие оранжевые бусики делали её ещё моложе. Витя явился на встречу с Верой в той же фланелевой рубашке и брезентовой куртке, в которой был на студенческом вечере. Они видели друг друга при дневном свете первый раз и поэтому несколько смущались. Сдержанно поздоровались и медленно, не сговариваясь, пошли в сторону Красной площади.

Сейчас Вера рассмотрела Виктора получше: подтянутый, среднего роста, с крепкой фигурой. Поймав её изучающий взгляд, он, как бы отчитываясь, сказал:

— В армии служил в спортивной роте. Как заимел там короткую причёску, так и ношу на гражданке. Тебе не нравится?

— Ну почему не нравится? Нравится. Не надо расчёсываться.

— Это точно. У меня даже расчёски нет. Провёл рукой по голове — и ты в полном порядке.

— Это хорошо. У девушки с причёской всегда много хлопот, а у мужчин — всё просто.

— Не совсем так. Всё равно приходится стричься. У одного парня в нашем общежитии есть машинка. Он из армии её принёс. За двадцать копеек всех в общежитии стрижёт. Правда, после этого ты не выглядишь красавцем, зато быстро и дёшево.

— Ладно, со стрижкой разобрались. А теперь ты мне скажи, Витя, почему ты решил учиться на юридическом факультете? У меня мама спросила, а я ей ответить не смогла.

— А почему твою маму это заинтересовало?

— Дело в том, что она несколько раз участвовала в судебных разби-

рательствах, как народный заседатель, и на неё судебное действие своей неискренностью и безразличием к участникам процесса произвело тяжёлое впечатление.

— Понимаешь, Вера, я выбрал эту профессию сознательно после достаточно серьёзного обдумывания.

— Какого обдумывания? С чем связанного?

— Серьёзного. Я тебе об этом когда-нибудь расскажу.

— А сейчас нельзя? — с каким-то нетерпением спросила Вера.

— Можно, но это займёт некоторое время.

— Ну и что. Погуляем по Александровскому саду. Посидим на лавочке, подышим свежим воздухом.

— Не возражаю. У меня сегодня есть свободное время.

— А хочешь, Витя, я угощу тебя мороженым?

— Ты что? Мужчина должен угощать девушку, а не наоборот!

— Ну, это буржуазные пережитки. Судя по тому, что ты пошёл гулять по парку, а не пригласил меня в кафе, у тебя материальные проблемы.

— Да. Немного не дотянул до стипендии.

— Почему?

— Купил себе новую ракетку. Старая вконец обветшала. Я играю в сборной нашего университета по большому теннису. Скоро серьёзные соревнования, а мне нечем играть.

— А что за соревнования? Где они проходят?

— Через неделю состоится первенство Москвы среди вузов. Будем играть в спортивном зале ЦСКА. Там хорошие корты и удобные трибуны.

— Можно прийти посмотреть?

— Конечно, можно. Вход свободный. Я тебе скажу, когда будет играть наша команда. Только нужно приходиться заранее, так как бывает много людей и может не оказаться свободных мест.

3.3

Пока молодые люди переходили два широких проспекта в центре Москвы, Витя обдумывал, с чего начать непростой разговор о выборе им профессии юриста. Рассказывать незнакомой девочке на первом свидании, что произошло в его семье, не очень хотелось. А с другой стороны, посмотрев на эту ситуацию свежим взглядом, Вера может подсказать ему что-то дельное и серьёзное.

Они нашли свободную лавочку в глубине сада. Вокруг была благодатная тишина. Пахло цветами.

— Ну что ты, Витя, замолчал? Я тебя внимательно слушаю.

— Тебе это, в самом деле, интересно?

— Очень.

— Ладно, расскажу, только ты меня не перебивай.

— Не буду.

— Как ты знаешь, я из Воркуты. Мои родители там оказались разными путями. Моя мама, активная молодая девушка, работала секретарём горкома комсомола в Подмосковье. Была репрессирована в 1939 году по следам рассмотрения дела первого секретаря ЦК комсомола Косарева и получила семь лет лагерей за антисоветскую деятельность. После освобождения из лагеря её никуда не брали на работу. С большим трудом она устроилась уборщицей в заводской столовой. Папа вместе с другом совершенно случайно приехал в Воркуту после войны и сразу пошёл работать на шахту крепильщиком.

— И что дальше было?

— Папа регулярно там обедал. Он был, как мама рассказывала, худой-худой, и она его потихонечку подкармливала: то кусочек хлеба подложит, то морковочку подсунет. Так и познакомились. В общем, поженились, а потом мы с братом Константином появились на свет.

— А где мама с папой жили?

— Сначала по отдельности — каждый в своём общежитии. А потом папа получил комнату в бараке, площадью четырнадцать метров. Барак был предназначен для вахтовиков, которые приезжали работать в Воркуту на несколько месяцев. Комнаты — на двоих, а нас там было четверо. Все друг другу постоянно мешали. Правда, днём, как правило, никого не было. Жили очень бедно, ни о каких игрушках и кружках речи не могло быть. Помню, что всегда у родителей не было денег, даже на еду. Иногда спать ложились голодными. Правда, в каждой комнате была своя печка с трубой в окно, но все удобства на улице.

— А где вы с братом учились?

— В обычной средней школе. Я учился хорошо, но без блеска. А Константин был круглый отличник, общественник, комсомолец. Весь в маму. Он старше меня на два года. В строительном техникуме, куда он поступил после седьмого класса, его избрали комсоргом курса. Честный, добросовестный, порядочный парень... А потом случилась беда: кто-то украл прямо из его стола деньги. Комсомольские взносы. А обвинили его.

- И много было денег?
- Я не знаю, но уверен, что Константин ни одной копейки никогда бы не взял.
- Когда это случилось?
- В 1962 году. Шесть лет прошло, как зону закрыли. Многие заключённые, в основном, сидевшие по уголовным статьям, освободившись из лагеря, остались в Воркуте. При дармовом угольке и старых связях. Уехали из города, в основном, люди с профессией. Все остальные где-то как-то пристроились.
- Извини, а как эта ситуация связана с твоим братом?
- В принципе, никак. Просто город был переполнен жульём, которое кто-то навёл на общественные деньги техникума. Короче, воров, похитивших комсомольскую кассу, не нашли и всё свалили на брата. Осудили его на девять лет лагерей общего режима плюс три года поселений.
- Не нашли или не искали?
- Думаю, что не искали. У наших родителей денег на хорошего защитника не было. Поэтому брату дали бесплатного адвоката — полусонного, полупьяного человека.
- И сколько лет уже брат отсидел?
- Из девяти — почти восемь. Вся наша семья из-за этого сфабрикованного грязного дела страшно пострадала. Мама состарилась и поседела на глазах. Отец тяжело заболел и вышел на пенсию по инвалидности. А я вместо института пошёл служить в армию. В армии принял решение учиться на юриста и начал серьёзно готовиться к поступлению в университет.
- И сразу поступил, ни много ни мало, на юридический факультет Московского университета?
- Да. Я поступал по льготному списку как демобилизованный из рядов Советской Армии с направлением на учёбу от политотдела Московского военного округа.
- Ты молодец, Витя.
- Спасибо. Да я за брата был способен куда угодно поступить. Уж больно мою семью советская власть обидела.
- А можно я всё это маме расскажу? Ей будет интересно.
- Расскажи. Я из этого никакого секрета не делаю.

3.4

Они сидели на лавочке, прижавшись друг к другу, почти два часа. Было немного прохладно. Всё-таки апрель.

— Ну а ты где, Вера, учишься? На каком факультете?

— На экономическом. Там конкурс был меньше, чем на остальных. У нас почти все девочки в группе. Только два мальчика, но они какие-то неинтересные.

— А почему ты на экономический пошла учиться? Чужие деньги будешь всю жизнь считать.

Вера сделала вид, что не обратила внимания на его последнюю реплику.

— Ну, это у тебя, Виктор, превратное мнение об экономике. Ты думаешь, что экономика — это бухгалтерские книги и деньги. Далеко не так. Сейчас на Западе экономические науки в большом почёте. Без экономического обоснования и серьёзной оценки возможностей любого предприятия на перспективу ни один проект не принимается к рассмотрению.

— Ну, это на Западе, а нам ещё надо страну после войны поднимать и обустраивать. Столько одиноких, голодных, бездомных людей, что на много лет вперёд работы всем хватит.

— Это правда. А давай я тебя со своей мамой познакомлю? Она очень интересный человек.

— Давай.

— Ну вот сейчас прямо и поедем к нам домой.

— Да ты что? Нет, это неудобно. Нужно как-то предупредить человека, а не сваливаться ему прямо на голову.

— Удобно, удобно. Ты мою маму ещё не знаешь. Если я говорю, значит, можно. Поехали.

Вера не столько хотела познакомить Виктора со своей мамой, сколько хотела его просто накормить. От мороженого он категорически отказался, а на другое у неё, так же, как у него, не было денег. Вот она и придумала пригласить его к себе домой.

От метро «Кузьминки» до Есенинского бульвара они решили пойти пешком. Весна. Пахнет сиренью, а главное, хоть и вечер, но ещё светло и тепло.

— Я сама не хожу вечером по нашему району. Боюсь идти по плохо освещённым улицам и всегда жду автобуса. А он ходит, к сожалению, редко и очень нерегулярно.

— Далеко от метро до твоего дома?

— Нет, три автобусных остановки. Иногда автобус идёт как экспресс, и тогда можно доехать вообще за несколько минут.

— А давай, Вера, пока мы идём, ты немного расскажешь о своей семье, о своих родителях, чтобы я мог в новой ситуации чуть-чуть ориентироваться. Кстати, как твою маму звать?

— Анастасия Сергеевна. Она — врач-педиатр. Работает в нашей районной поликлинике. А папы у меня нет. Нет, вообще есть, но он уехал на заработки, когда мне было шесть лет, и больше не приезжал. Даже алименты, мама сказала, не платил.

— И ты его после отъезда никогда не видела?

— Нет, не видела. Знаю, что у него другая семья и что он живёт где-то на Крайнем Севере. В день моего совершеннолетия папа, через своё доверенное лицо в Москве, открыл на моё имя счёт в Сберегательной кассе нашего района и положил на этот счёт деньги. Эти деньги позволили нам с мамой купить двухкомнатную кооперативную квартиру, в которой мы сейчас и живём. Квартирка маленькая, но своя, что очень приятно.

— А кто твой папа по профессии? Чем занимается, что так лихо взял и оплатил тебе с мамой квартиру?

— Он — юрист, — и молодые люди первый раз за время своего знакомства дружно рассмеялись.

3.5

Анастасия Сергеевна, увидев Веру с молодым человеком, на мгновение растерялась, но потом, быстро придя в себя, приветливо пригласила Виктора пройти в квартиру. Квартира, в самом деле, была очень маленькая, двухкомнатная. Прихожая, в которой трём взрослым не разойтись, была почти полностью занята вешалкой и большим зеркалом. Комнаты, каждая с отдельным входом из узкого коридора, были неравноценны: одна побольше, метров шестнадцать, с двумя окнами, другая поменьше, метров десять, с одним окном. Кроме этого, в конце коридора, находилась небольшая кухонька, в которой, впритык друг к другу по одну сторону от окна стояли холодильник «Саратов» и столик на двоих. По другую сторону располагалась газовая плита и хозяйственный стол, над которым висела самодельная полка с посудой.

— Проходите, молодой человек. Я мама Веры, Анастасия Сергеевна. А вас как звать?

— Виктор Черников. Можно просто Витя.

— Очень приятно. Мне Верочка о вас говорила. Вы её провожали домой после студенческого вечера несколько дней назад. Вы не стесняйтесь, проходите в большую комнату, а я пока что-нибудь приготовлю на ужин. К сожалению, выпить у нас нечего.

— А он не пьёт, мама. Он — спортсмен, — ответила за Виктора Вера.

— Спортсмен — это хорошо, но подкормить немного молодого человека не помешало бы. Уж больно худой.

— Худеть человек может по разным причинам: кто от голода, а кто с целью улучшить фигуру, — ответила опять за Виктора Вера.

— Думаю, что со своей фигурой Виктор не заморачивается, — продолжала говорить Анастасия Сергеевна, не спеша доставая с кухонных полок какие-то продукты. — А вот кушать нормально в молодом возрасте очень важно. У меня на приёме бывает много людей. Все приходят под флагом здоровья и благополучия своих детей, но понимают эту проблему исключительно по-разному.

Вера и Виктор перестали разговаривать между собой и стали прислушиваться к тому, что говорит на кухне Анастасия Сергеевна. А говорила она очень интересно, профессионально, с глубоким знанием вопроса.

— Одни своих детей круглосуточно кормят деликатесами, а потом приводят ко мне с вопросом, что делать, чтобы они похудели. Но таких сейчас немного. Не то время. А большинство просто не имеют возможности организовать нормальное питание ребёнка и приводят ко мне своих «синих» детей и тоже задают вопрос: «Что делать?»

Анастасия Сергеевна стояла лицом к шумевшему чайнику и потому её слова молодым людям были плохо слышны. А когда она повернулась в сторону кухонного стола, то увидела, что Вера и Виктор сидят на кухне и внимательно её слушают.

— О господи, а я думала, что беседую сама с собой. Оказывается, вам интересна эта тема. Ну так вот. Что человек, в особенности маленькие дети, кушает, то он собой и представляет. Некоторые родители говорят: «Очень хочется побаловать ребёнка». Балуй, если есть такая возможность, только не едой. Кормить нужно грамотно и без глупого вопроса в конце приёма пищи — наелся он или нет.

— А скажи, мамочка, каким лучше быть в смысле здоровья — худым или толстым ребёнком?

— И то плохо, и то, так как это всё отклонения от нормы. Ребёнок

должен быть здоровым, а вес, как правило, зависит от многих факторов, в том числе от его конституции и режима дня.

— А что легче — похудеть или поправиться?

— Конечно, поправиться. Поправляются дети быстро и незаметно, так же, как и взрослые люди. А для того, чтобы похудеть, нужно приложить серьёзные усилия и, прежде всего, закрыть рот.

— Мне кажется, что худые дети не вызывают у окружающих положительных эмоций, а вот толстеньких все хотят поддержать, потискать, — решила Вера завершить разговор с мамой.

— Это — твоя эмоциональная реакция, Верочка, на маленьких детей. Однако толстый ребёнок — это не только дополнительная нагрузка на все органы, но и серьёзные изменения в его психике из-за не совсем адекватного отношения к ним окружающих людей.

3.6

Виктор сидел и внимательно слушал, как говорят между собой дочь и мать, обсуждая тему толстых и худых детей. В его семье никогда не было подобных разговоров, так же, как и не было в лексиконе таких слов как аппетит, деликатес, паштет, апельсин и других. Он, сколько себя помнил, был просто голодным пацаном. Всегда хотел кушать и ни от какой еды никогда не отказывался.

— А вы почему не участвуете в нашем разговоре? — спросила Анастасия Сергеевна Виктора. — Может, у вас есть какой-нибудь вопрос ко мне?

— Есть. Мне не совсем понятно, почему в условиях советской медицины нужны врачи отдельно для детей и отдельно для взрослых?

— Хороший вопрос. Потому что дети и взрослые, молодой человек, болеют разными болезнями, — ответила Анастасия Сергеевна.

— Тогда у меня, извините, есть ещё один вопрос: почему в СССР нет, как это было в царской России, семейного врача, который наблюдал бы человека с рождения и до смерти. Знал бы о нём всё не по заключениям других врачей, а сам. Может быть, в этом случае, отпала бы необходимость во взрослых и детских врачах.

— Смотри, дочка, твой знакомый первый раз у нас в доме, а меня уже увольняет с работы. Ну, вы — молодец, молодой человек, не стесняетесь задавать трудные вопросы.

После такой реплики хозяйки дома атмосфера за столом стала теплее и доброжелательнее.

— Шучу, шучу, — как будто оправдываясь, сказала Анастасия Сергеевна.

— Ладно, давайте на этом закончим с непростой педиатрической темой. Не возражаете?

— Конечно, нет, — за обеих ответила Вера.

— Ну а если мы картошечку не отварим, а пожарим? Чтобы Виктор запомнил тот знаменательный день, когда первый раз пришёл к нам в гости. А скажите, уважаемый, на каком факультете вы обучаетесь в университете?

— На юридическом, — и тут в один голос уже стали смеяться мать и дочь.

— То-то я сидела и думала про себя: кого мне ваша манера задавать вопросы напоминает? А теперь всё понятно — так разговаривал со мной бывший муж, папа Веры. Он у нас тоже юрист.

— И что же в этом плохого — быть юристом? По-моему, очень хорошая профессия — нужная людям.

— Плохого здесь нет ничего, кроме того, что человек законы знает, а денег на воспитание дочери в течение многих лет не давал. Я, в силу своего дурного характера, исполнительный лист не подавала. Пришлось самой дочь поднимать. Правда, потом он опомнился и откупился квартирой, в которой мы сейчас находимся.

— А что с того, что у меня всегда был рядом отец? Он после войны пошёл работать на шахту в Воркуте и заработал буквально за несколько лет страшный силикоз. А как заболел, так, по большому счёту, ни зарплаты, ни пенсии. Морочили ему голову, морочили, в течение нескольких лет, оформляя инвалидность, а ему всё хуже и хуже.

— Что это за болезнь? — робко спросила Вера.

— Это — профессиональное заболевание шахтёров от вдыхаемой под землёй угольной пыли. В нашем посёлке почти все мужчины этим болеют. А большой мужчина — это не больной ребёнок. Он, как правило, в нашем государстве никому не нужен, кроме жены, а у той нет ни возможностей, ни сил, чтобы его выхаживать.

— Всё правильно вы сказали. Просто сейчас время такое. Непростое.

— А когда было простое? Я, во всяком случае, этого не помню, — грустно ответил Виктор.

3.7

Группа, в которой учился Виктор Черников в университете, была сформирована в полном соответствии с последними партийными и министерскими приказами: половина медалистов, половина льготников — после службы в армии или с производственным стажем. Первые — молодые, озорные, позволяющие себе разные шалости, вторые — спокойные, выдержанные, старавшиеся не отстать в учёбе от своих более молодых товарищей.

Виктор не нашёл себе места ни в одной, ни в другой части своих однокурсников и не очень по этому поводу грустил. Дело в том, что он уже много лет фанатично любил большой теннис и уделял ему всё своё свободное время. Ещё будучи учеником восьмого класса, но ростом метр восемьдесят пять сантиметров, он обратил на себя внимание своей подвижностью, гибкостью и реакцией преподавателя физкультуры.

— Виктор, зайди ко мне после уроков. Есть небольшой разговор. Сегодня сможешь?

— Смогу.

— Тогда я жду тебя...

— Слушаю вас, Александр Николаевич. Вы попросили меня к вам зайти.

— Да, попросил. Скажи, Виктор, ты любишь спорт?

— Да, люблю. А что у вас есть ко мне претензии? Вы же поставили мне за четверть пятёрку.

— Ты путаешь две разные вещи — спорт и физкультуру.

— А в чём их различие?

— В том, что спортом занимаются по желанию, а физкультурой — по обязанности. Я вижу, что у тебя есть от природы неплохие способности к лёгкой атлетике и большому теннису.

Виктор похолодел от услышанного. Он видел на картинках, как играют в теннис богатые люди, но даже думать об этом не смел.

— Я знаю, что для занятий большим теннисом нужны спортивная форма и, конечно, ракетка. А у меня ничего нет.

Александр Николаевич сразу ему коротко ответил:

— Всё у тебя будет, если начнёшь серьёзно заниматься теннисом. Главное, чтобы было желание и воля. Сначала под моим руководством, а дальше — видно будет.

Через три года, по окончании школы, Виктор выполнил первый мужской разряд. В армии он продолжил свои занятия и стал канди-

датом в мастера спорта. Сейчас, будучи студентом Московского государственного университета, он регулярно, четыре раза в неделю, ходил вечером на тренировки, чтобы поддержать физическую форму. Тренировки проходили, если позволяла погода, на открытых кортах МГУ, а в неблагоприятные дни — в закрытом спортивном зале. В оставшиеся дни недели он принимал участие в различного уровня городских и областных соревнованиях. Несмотря на большую нагрузку, Виктор находил время, чтобы провести его в компании Веры и её мамы. Особенно он любил воскресенье, когда не было учебных или спортивных занятий и можно было куда-то не торопиться.

Сегодня, накануне Нового года, две площадки на корте из четырёх были свободными. Многие иногородние студенты уехали на праздник домой, а москвичи были заняты подготовкой к Новому году. На тренировку пришли только трое — аспирант кафедры мерзлотоведения Валерий Мещеряков, студент четвёртого курса физического факультета Владимир Попов и Виктор. Наигравшись до седьмого пота, они сидели на скамейке у шведской лестницы и беседовали на разные темы, когда к Виктору подошёл симпатичный мужчина лет сорока:

— Извините, можно с вами поговорить, — обратился он к Виктору и назвал себя: — Георгий Провоторов.

— Виктор Черников.

Мужчины пожали друг другу руки в знак знакомства и отошли в сторонку для разговора, чтобы никому не мешать.

— У меня к вам, Виктор, не совсем обычная просьба — дать нам с женой несколько частных уроков игры в большой теннис. Мы согласны в любое удобное для вас время.

— Зачем? Какая в этом польза?

— Скажу честно: мы в восторге от вашей убойной подачи. Может быть, мы когда-нибудь будем так же подавать теннисный мяч, как вы?

— Спасибо за комплимент, но я так занят, что не смогу уделить вам внимания. Я — студент, учебных дел по горло, плюс тренировки, плюс соревнования. Так что, при всём желании, но должен вам отказать.

— Не спешите отказывать! Мы подстроимся под ваше расписание. Готовы платить десять рублей в час. Подумайте, нам не горит. Я к вам подойду за ответом на следующей неделе.

— Хорошо. Я подумаю, но другого ответа, наверное, не будет. Просто нет свободного времени.

На очередной тренировке Виктор обратился к своему тренеру:

— Владимир Александрович, меня один мужчина попросил дать ему

с женой несколько частных уроков игры в теннис. Как вы считаете, что мне ему ответить?

— Виктор, тебе что, не хватает стипендии?

— В принципе, хватает, но я бы смог в таком случае немного матери помочь. Отец у меня — стопроцентный инвалид. Совсем не работает и при этом получает копеечную пенсию.

— Ну что ж, если тебе предлагают люди заработать, я, в принципе, не возражаю. Но аренду зала пусть твои клиенты оплачивают сами. И, конечно, твоя работа не должна быть за счёт наших тренировок.

3.8

В следующий раз Георгий в спортивный зал МГУ пришёл с высокой, одного с ним роста, красивой женщиной. В конце тренировки он её подвёл к Виктору и представил.

— Познакомьтесь, пожалуйста. Моя жена Глория.

— Очень приятно. Виктор.

Глория протянула Виктору руку. Чувствовалось, что это рука женщины, хорошо знакомой с каким-то видом спорта. Рукопожатие было не мягкое и кокетливое, а короткое и твёрдое. Как будто прочитав его вопрос, Глория, с чисто московской интонацией, сказала:

— Я когда-то профессионально играла в гандбол. Входила в первую женскую сборную России.

— Понятно, я это сразу почувствовал по вашему рукопожатию.

— Ну и что вы нам ответите на наше предложение? — спросил у Виктора Георгий.

— Я согласен, только время для занятий на теннисном корте вы должны заказывать и оплачивать сами. Тренировки для вас обоим можно начать со следующего месяца. Они будут проходить один раз в неделю. Больше у меня свободного времени, к сожалению, нет.

Георгий и Глория Провоторовы работали в Министерстве внешней торговли, но в разных управлениях: она курировала итальянское направление, он — египетское. И заканчивали разные институты: он — Московский институт стали и сплавов, она — Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Встретились Георгий и Глория на ежегодном костюмированном новогоднем балу министерства. Он — в шортах и рубашке навыпуск цвета хаки, в широкополой шляпе и с тростью в руке. Настоящий плантатор. Она — в длинном белом платье, какие носили барышни в пушкинские времена. Хрупкая, тонкая, воз-

душная, Глория выделялась из толпы не только ростом, но и каким-то внутренним спокойствием. Георгий, как будто почувствовав её состояние, подошёл к ней в самом начале вечера:

— Сударыня, вам телохранитель, по случаю, не нужен?

— Смотря, по какому случаю, — ответила Глория.

— Хотя бы по тому, что сегодня — замечательный вечер и я, не обременённый никакими гражданскими обязательствами молодой мужчина, хочу вас оградить от вульгарных ухаживаний со стороны других мужчин.

— А попроще нельзя пригласить девушку на танец?

— Нет, нельзя. Ваше положение обязывает именно такой стиль моего поведения, — попробовал оправдаться Георгий.

— Какое положение? Судя по вашему маскарадному костюму и палке в руке, вы изображаете работаровца, которому необходимо кого-то преследовать и угнетать.

— Вы правильно определили мой образ. Так вы согласны, красавица, с моим предложением?

— Как я поняла, — не обращая внимания на его реплику, продолжила она, — на вашем пути встречается бедная незащищённая девушка и вы хотите её оградить от всех жизненных неприятностей? Не так ли?

— Нет. Таких далеко идущих планов у меня пока нет. Я только хочу с вами потанцевать.

— А жаль. Взяли и одним махом лишили девушку иллюзий.

— Ну почему? Продолжайте грезить. Это всегда было любимым занятием молодых девушек на Руси.

— А я — не русская.

— Интересно. А кто же вы, красавица моя?

— На ваш выбор: мама у меня датчанка, а папа — белорус.

— Может быть, у вас ещё есть какие-нибудь скелеты в шкафу?

— Да, есть ещё один, специально для вас. Я — мастер спорта международного класса по игре в ручной мяч.

— Ничего себе! А что же вы об этом мне сразу не сказали?

— Каким образом? Вы хотели, чтобы у меня на груди висела табличка с предупреждающей надписью: «Не приближаться. Убью».

— Не так строго, но что-то в этом духе. Я тут столько глупостей вам по незнанию наговорил, что просто страшно.

— Ничего, это всё поправимо.

3.9

Через год Георгий и Глория поженились. Она переехала к нему в шикарную трёхкомнатную квартиру на Калининском проспекте. Всё было в молодой семье хорошо: престижная работа, приличная зарплата, регулярные командировки за границу. Но, к огромному сожалению, у них не было детей. Все обращения в самые лучшие медицинские учреждения, как в стране, так и за рубежом, никакого положительного результата не давали. Переступив тридцатипятилетний рубеж, они уже просто смирились с этой неприятной жизненной ситуацией.

Сегодня, после двухчасовой достаточно интенсивной тренировки, Георгий и Глория, тяжело дыша, присели на скамейку для зрителей рядом с Виктором.

— Ну, как наши успехи? — спросил Георгий у молодого тренера.

— Особых успехов пока нет, но у вас появилось ощущение корта. Это — очень важный момент, так как умение играть в большой теннис определяется, прежде всего, чувством границ игрового поля.

— А что ещё требуется?

— Много чего, — ответил со смехом Виктор.

— Ну скажите, — не отставала от него Глория. — Мы же должны понимать, что нам нужно совершенствоваться на перспективу.

— Хорошо. Самое главное в игре в большой теннис — это работа рук и ног в режиме полного автоматизма. Вы не должны ни на секунду задумываться над тем, в каком положении ракетки принять мяч, сколько шагов сделать, чтобы вернуться в центр площадки, куда может ваш противник направить следующий удар. Вернее, об этом всё время нужно думать, но без привязки к положению рук и ног. И ещё очень важно научиться грамотно и чётко подавать. Без хорошей подачи теннисного мяча ни о каком классе игры и речи быть не может.

— Так что, мы за несколько месяцев тренировок научились только правильно стоять на корте? — удивлённо спросила Глория.

— Не стоять, а двигаться. Это — весомое достижение в технике игры в теннис. И не надо расстраиваться по этому поводу.

— А скажите, Виктор, почему вы не стали, при вашей квалификации, профессиональным спортсменом, а поступили на юридический факультет? Ведь у юриста мало того, что, как правило, ненормированный рабочий день, так это ещё и достаточно болезненное ремесло.

— Мне посоветовали поступить на юридическую специальность во время срочной службы в армии.

— Кто вам посоветовал и что по этому поводу сказал?

— В армии я служил водителем военного прокурора округа. Во время наших длительных поездок он мне много рассказывал о своей работе. На основании его рассказов я сделал вывод, что профессия юриста позволяет не только занять серьёзное положение в обществе, но и приносит неплохой доход. Я из малообеспеченной семьи, поэтому заработок для меня имеет очень важное значение. Мои родители не совсем здоровые пожилые люди, так что мне нужно им помогать. И вообще, в этой жизни мне надеяться не на кого, кроме как на самого себя.

Виктор не сказал новым знакомым об истинной причине его поступления на юридический факультет университета, связанной с братом, его судом, несправедливым приговором, осуждением на девять лет, посчитав, что это может быть при коротком времени знакомства неправильно понято. Но с этого дня отношения между тренером и его взрослыми учениками стали более тёплыми, а главное, доверительными.

3.10

О том, что он даёт частные уроки игры в большой теннис, Виктор никому не рассказывал. Заработанные деньги он почти полностью отправлял родителям и продолжал жить только на стипендию. Вера несколько раз интересовалась у него, что он вечерами делает в течение недели, чем занимается, куда ходит, с кем из своей группы дружит, но тот объяснял свою занятость спортивными тренировками и соревнованиями.

Сегодня Георгий был на тренировке один, без жены, и поэтому весь вечер они играли с Виктором на корте вдвоём. Хорошо побегали, устали и после тренировки Георгий пригласил Виктора в кафе при спортивном комплексе университета.

— Не хотите выпить пива? — спросил он у Виктора.

— Нет, спасибо. Мне только чай.

— Ну от бутербродов, я надеюсь, не откажитесь?

— Не откажусь.

— Вот и хорошо. А мы с Глорией любим после тренировки пивком побаловаться.

— А что её не было сегодня на корте? Дети болеют?

— У нас, к сожалению, детей нет.

— Как нет детей? Как это без детей?

— Вот так. У Глории есть проблемы. Эта ситуация, наверное, связана с её многолетним занятием профессиональным спортом.

После этих слов Георгий, всегда жизнерадостный энергичный человек, как-то сник и притих. По всему было видно, что ему не хочется обсуждать столь деликатную тему с посторонним человеком. Жена узнает — будут неприятности.

— Вы не переживайте, Георгий, что рассказали мне об этом, — успокоил его Виктор. — Я дружу с девушкой, так её мама когда-то работала в Институте матери и ребёнка на Каширской. По-моему, там подобными серьёзными проблемами занимаются до сегодняшнего дня. Я в конце недели обязательно поговорю с ней.

— Зачем вам это нужно, Виктор? Давайте поменяем тему и забудем об этом, а то мне ещё влетит от Глории.

— Давайте, но я всё равно поговорю.

После этого разговор между мужчинами уже не клеился. Уж больно он задел обоих за живое. Посидели ещё полчаса и разошлись по домам. А в ближайшее воскресенье Виктор, придя к Анастасии Сергеевне в гости, рассказал ей о ситуации с Глорией.

— Я проблемой бесплодия никогда не интересовалась. Но в этом институте, как я помню, был один замечательный доктор — Щегольков Эдуард Васильевич, девиз которого по жизни был: «Нужно следовать законам природы, но немножко ей помогать». Он был уверен, что все женщины наделены репродуктивной функцией. Однако у каждой женщины есть своя проблема, которую доктору следует вместе с ней решать.

А ещё через полтора года, благодаря чудесным врачам на Каширской, в семье Георгия и Глории Провоторовых родилась девочка. По такому случаю Георгий купил два ящика шампанского и работники Министерства внешней торговли, знакомые и незнакомые, шли в течение всего рабочего дня в его кабинет выпить бокал со счастливым отцом и пожелать здоровья долгожданному ребёнку.

3.11

Прошло два года. Подходило время окончания Верой и Виктором Московского государственного университета. Теперь самой актуальной темой разговора в семье Анастасии Сергеевны было обсуждение мест распределения молодых специалистов. Последняя информация на эту тему была для Виктора неутешительной: всех москвичей оставляют в Москве, иногородним предоставлено право выбора места работы на периферии. В одно из воскресений Анастасия Сергеевна, отправив

Веру на другой конец Москвы проведать свою больную племянницу, решила откровенно поговорить с Виктором на тему распределения.

— Проходи, Виктор, на кухню. Веры нет дома, но должна скоро прийти. А пока я тебе составлю компанию, если не возражаешь.

— С удовольствием. Я никуда не спешу.

— Ну и отлично. Суп с фасолью любишь? По тарелочке со мной. Как ты на это смотришь?

— Хорошо смотрю.

— Ну и прекрасно. С молодым лучком. Красота. Я вот о чём хочу с тобой поговорить, Виктор. Извини, что вмешиваюсь в ваши дела, но вы что-то собираетесь с Верой делать или нет?

— В каком смысле?

— В смысле оформления отношений. Когда этот вопрос собираетесь вообще решать?

— Собираемся, но не сейчас.

— Почему не сейчас? Какие причины это дело откладывать? Вы — молодые, здоровые люди. Кому, как не вам создавать новую семью.

— Анастасия Сергеевна, ну какой из меня муж, с зарплатой младшего нотариуса? А жить где мы будем? В вашей крохотной квартирке? Это же просто смешно.

— Понимаешь, Виктор, женитьба — это священное таинство. Его нужно совершать чистыми руками и с искренними побуждениями. Причём здесь зарплата, причём здесь квартира? В этой ситуации нет места подобным условиям. Только наличие взаимного чувства — и всё! Деньги и квадратные метры, естественно, важны, но они не являются непреодолимым препятствием для заключения брака. Всё это можно совместно нажить. Тогда это будет цениться. Тогда это будет крепкая, без взаимных претензий друг к другу, семья.

— Ну, не знаю. Нужно всё обдумать.

— Думай, уважаемый, пока время есть. Думай. Ты же понимаешь, что это единственный вариант остаться тебе работать в Москве и начать свою профессиональную жизнь рядом с серьёзными грамотными специалистами, у которых можно чему-то научиться. Вот это главное. Пойми, Виктор, всё самое качественное и высокооплачиваемое, как в медицине, так и в юриспруденции, хотим мы в этом признаться себе или нет, сосредоточено в Москве. Здесь зарабатывают хорошие деньги, с чего мы начали с тобой этот непростой разговор. Здесь становятся известными и востребованными людьми.

— В этом я с вами полностью согласен. Спасибо, Анастасия Сергеев-

на, за откровенный разговор. Теперь осталось у Веры спросить, пойдёт она за меня замуж или нет?

— Пойдёт, не сомневайся. Она тебя очень любит.

А ещё через два месяца Виктор и Вера зарегистрировали свой брак в районном загсе города Москвы. Свадьбу сыграли дома, пригласив несколько родственников и знакомых. Со стороны Виктора на свадьбу никто не приехал. Ограничились тёплой поздравительной телеграммой и разговором по телефону. На первых порах молодые расположились в двухкомнатной квартире Анастасии Сергеевны, заняв маленькую комнату.

3.12

Так получилось, что жизнерадостные и общительные Провоторовы стали активно предлагать своим друзьям и знакомым, желающим научиться прилично играть в большой теннис, молодого тренера Виктора Черникова. С их лёгкой руки Виктор стал заниматься частными тренировками практически каждый вечер. Это приносило ему доход в несколько раз больший, чем его адвокатская деятельность. Но тут, как ни странно, взбунтовалась жена Вера:

— Виктор, я совсем тебя не вижу. Уходишь утром и возвращаешься поздно вечером. Перед мамой даже неудобно.

— Верочка, к семейной жизни нужно приучать мужчину постепенно, а не наваливаться на него сразу, — попытался отшутиться Виктор.

— Да никто на тебя не наваливается. Просто мне кажется, что ты должен постепенно перенести акцент с работы спортивным тренером на работу юристом.

— Вот это правильно. А ты знаешь, как ни странно, в моём случае одно дополняет другое. У меня через желающих поиграть со мной в теннис появились весьма интересные клиенты.

— Да? Вот здорово!

— Представь себе! Понимаешь, Верочка, если у людей есть деньги на дорогие забавы в виде игры в теннис под руководством частного тренера, то у них найдутся деньги, если им понадобятся услуги частного адвоката.

— Но это же огромная для тебя нагрузка.

— Это не нагрузка, Верочка. Это разгрузка, так как смена деятельности весьма полезно действует на человеческий организм.

— В любом случае, Витюша, ты должен себя немного поберечь. Всех денег не заработаешь.

— Правильно, но к этому стремиться надо. Если у нас появится маленький, то в нашей комнате даже детскую кроватку поставить некуда. И что мы с тобой будем делать?

— Тогда мы с мамой поменяемся комнатами. У неё комната значительно больше, чем наша. Она непременно согласится.

— А если родится двойня? Что тогда? — и они стали так громко смеяться, что на это обратила внимание Анастасия Сергеевна.

— Что вы так, дорогие мои, развеселились? Расскажите мне, чтобы я тоже вместе с вами посмеялась.

— Да вот, мама, Витя предлагает мне купить трёхкомнатную квартиру, а я согласна только на четырёхкомнатную. Ну мы и развеселились, не придя к согласию в этом вопросе.

— Витя, это правда?

— Конечно, правда. Только не в этом году и пока не трёхкомнатную, а что-нибудь поскромнее.

Тем не менее, жизнь сама подсказала решение жилищного вопроса молодой семье Черниковых. На очередное занятие по теннису Георгий Провоторов пришёл в несколько взвинченном состоянии. Его настроение сказалось на уровне игры: не слушал замечаний тренера, допускал много ошибок и вообще вёл себя как-то странно. По окончании тренировки, он обратился к Виктору:

— Слушай, у тебя есть время сегодня? Хочу с тобой поговорить. Есть одна интересная для обсуждения тема.

— Я сейчас переоденусь и вернусь.

— Дело вот какого рода, — начал издали Георгий. — Наше министерство внешней торговли, а точнее, инициативная группа, задумала организовать жилищно-строительный кооператив. Желающих вступить в кооператив — хоть отбавляй. Проект весьма оригинальный, уже заказан серьёзным специалистам.

— А мне-то что до ваших проблем, Георгий? У меня своих хоть отбавляй.

Но Георгий настойчиво, с вдохновением, продолжил свой рассказ.

— Думаю, что в следующем году проект будет готов. Я к чему это тебе рассказываю? Хочу тебя рекомендовать в группу адвокатов, сопровождающих проектирование, строительство и сдачу в эксплуатацию нашего дома.

— Ты что, Георгий? У меня другая юридическая специализация. Я в этой проблеме очень слабо разбираюсь.

— Ничего страшного, Виктор. Ты, прежде всего, порядочный человек, а потом уже соответствующая специализация. Кооперативное строительство — это серьёзная психологическая, я бы даже сказал, очень деликатная проблема, в решении которой много моментов, требующих доверительных отношений между людьми. А у тебя это хорошо получается.

— И всё равно, Георгий, от юриста, занимающегося гражданским строительством, требуются определённые базовые знания, которых у меня, к сожалению, нет.

— Виктор, я тебя умоляю! Если ты из меня сделал за три года приличного теннисиста, то я за более короткий срок помогу тебе стать солидным московским адвокатом. Поверь мне, и всё будет хорошо.

Помощь Георгия заключалась, прежде всего, в том, что он решил на первых порах познакомить Виктора со своим дядей, Николаем Сергеевичем Провоторовым, который занимал в Московской коллегии адвокатов один из руководящих постов.

3.13

Адвокатская контора Николая Сергеевича Провоторова располагалась в центре Москвы, недалеко от Тишинского рынка, в трёхэтажном доме старинной дореволюционной постройки. В назначенное время Виктор стоял около солидной входной двери конторы с большой медной ручкой. По центру двери, на уровне глаз, была расположена металлическая пластинка жёлтого цвета, а под ней короткое предложение: «Пожалуйста, прикоснитесь». Сразу после прикосновения к этой пластинке раздался мягкий женский голос:

— Здравствуйте, Виктор Иванович. Проходите, пожалуйста. Мы вас ждём. Второй этаж, кабинет 223.

По мраморной лестнице с ковровой дорожкой Виктор поднялся на второй этаж. Перед дверью с нужным номером он остановился и увидел такую же пластинку, как на входной двери. После прикосновения к ней, дверь сама открылась. В комнате сидела молодая приветливая женщина. При появлении Виктора она встала и протянула ему руку:

— Старший помощник адвоката Елена Юрьевна Васильева. Проходите. Николай Сергеевич вас ждёт.

Николай Сергеевич был мужчиной без возраста. Вернее, возраст его определить было невозможно: гладкое загорелое лицо, светлые, зачё-

санные назад волосы и весёлые молодые глаза. Его внешний вид сразу продемонстрировал, что он успешный во всём человек.

— Прошу вас, Виктор Иванович, заходите. Рад вас видеть.

— Здравствуйте. Можно просто Виктор.

— Да, да, Виктор. Присаживайтесь, пожалуйста. Прежде чем мы перейдём к деловому разговору, я хочу от имени всей нашей семьи выразить вам искреннюю благодарность за то, что у моего племянника Георгия родилась замечательная дочь. Это для нас огромное счастье.

— За это, Николай Сергеевич, нужно благодарить самого Георгия, Глорию и частично мою тещу, Анастасию Сергеевну, которая успешно поспособствовала осуществлению столь радостного события.

— Передайте слова глубокой благодарности маме вашей супруги и наилучшие пожелания здоровья. А теперь, если не возражаете, поговорим на тему нашей встречи.

И тут, прямо на глазах у Виктора произошло мгновенная трансформация милого улыбающегося человека в жёсткого конкретного дельца. Причём, изменения произошли не только в выражении лица и глаз Николая Сергеевича. Изменилась его осанка и даже голос. Он весь как-то подобрался и внутренне сконцентрировался.

— Мне известно, о чём идёт речь, уважаемый, — сказал Николай Сергеевич и вдруг сделал паузу.

— Что вы имеете в виду, Николай Сергеевич?

— Я имею в виду ваш категорический отказ от предложения Георгия войти в группу адвокатского сопровождения жилищного кооператива Министерства внешней торговли. Мне представляется, что ваш отказ, мягко говоря, слабо мотивирован.

— Дело в том, Николай Сергеевич, что я в университете специализировался в области уголовного права. А здесь, как я понимаю, речь идёт о гражданском строительстве.

— Правильно понимаете, Виктор Иванович. Но для того чтобы стать специалистом в какой-либо области знаний, нужно, как минимум, погрузиться в эту область. А вы сразу отказываетесь это делать, мотивируя базовыми знаниями.

— Я не отказываюсь. Почему вы так решили? Просто у меня нет юридического права на выполнение необходимых действий, а делать умный вид я не умею. Да и не хочу.

— С этим я, пожалуй, соглашусь. И тем не менее, в основе адвокатской деятельности любого юриста лежит приобретение новых знаний путём постоянного и непрерывного повышения своей квалификации.

Это, естественно, предусматривает юридическую переквалификацию, что, как правило, только приветствуется юридическим сообществом. Просто это занимает какое-то время. И больше ничего.

— Но есть ещё, как меня учили в университете, личностные предпочтения начинающего юриста. Кто-то видит себя защитником в обвинительном процессе, а кто-то — прокурором.

— Это мне не совсем понятно, Виктор Иванович. Талантливый музыкант остаётся талантливым, независимо от того, на каком инструменте он играет. Так же и хороший юрист может себя положительно проявить как в качестве защитника, так и в качестве обвинителя. Только слово «хороший» я бы наделил двумя важными признаками: во-первых, умением соблюсти интересы всех сторон, участвующих в процессе, а во-вторых, довольствоваться получаемым гонораром, а не стяжать. Но об этом нам с вами говорить ещё рано. Время придёт.

3.14

Утром следующего дня не успел Виктор снять с себя пальто, как позвонил Георгий:

— Виктор, привет. Я тебе уже третий раз звоню, а ты трубку не берёшь. Как настроение?

— Нормальное. Только пришёл на работу.

— Понятно. Я вот по какому поводу тебя беспокою. Вчера вечером разговаривал по телефону с Николаем Сергеевичем, у которого ты был. Он сказал, что ты — интересный человек.

— Что это значит?

— Это значит, что он согласен с тобой поработать и помочь тебе подготовиться к сдаче экзаменов на адвоката по гражданскому праву. Для того, чтобы тебя допустили до экзаменов, нужно иметь определённый стаж работы по этой специальности. Так что всё складывается, с одобрения Николая Сергеевича, как нельзя лучше.

— Георгий, что ты меня торопишь? Нужно подумать, посоветоваться с женой. Всё-таки непростое решение.

— Конечно, посоветуйся с женой. А вообще, давай встретимся. Давно мы с тобой не общались. Сыграем пару партий, а заодно и поговорим за жизнь? Согласен?

— Хорошо, Георгий. Приходи завтра на корт. После шести.

— Договорились. Приду.

— До встречи.

Георгий пришёл на тренировку без спортивной сумки, в костюме и рубашке с галстуком. По всему было видно, что играть в теннис он сегодня не собирается.

— Привет, Виктор. Ты меня извини, я немного простужен. Поэтому, если не возражаешь, мы играть не будем. Просто поговорим. Но время тренировки я оплачу.

— Да ты что, Георгий, за что же я с тебя буду деньги брать? Сейчас позвоню и отменю на сегодня аренду зала.

— Ну вот ты весь в этом, Виктор, — честный, принципиальный, прямой. А на дворе почти середина семидесятых. Все вышеупомянутые твои качества уже не в чести в обществе. Тем более в той сфере деятельности, которой ты собираешься, с моей подачи, заниматься в будущем.

— Ты о чём?

— Да всё о том. О предложении помочь мне в создании жилищно-строительного кооператива. Хорошего специалиста найти — не проблема, а вот такого, как ты, неподкупного честного человека, чтобы у меня спина была надёжно прикрыта, вряд ли. Ты понял, о чём я говорю?

— Понял.

— Ну, вот и хорошо, что понял. А теперь давай, Виктор, чайку попьём. Я в термосе принёс. От Глории тебе большой привет.

— Спасибо. Как поживает ваша дочечка? Меня вчера Николай Сергеевич так благодарил за неё, что даже было неудобно.

— Дочечка растёт прямо на глазах. Ну, ты не отвлекайся от темы. Так что ты думаешь — расскажи, пожалуйста. Почему ты упорно не хочешь согласиться с моим предложением?

Георгий, по ходу разговора, как-то незаметно, расстелил на скамейке белую салфетку. Вытащил из своей спортивной сумки большой термос с чаем и два стакана. Потом достал оттуда бутерброды с колбасой, разлил по стаканам чай и приготовился слушать Виктора.

— Ну, если тебе это интересно, расскажу. У меня есть старший брат Константин. Отбывал с шестьдесят второго года двенадцатилетний срок за несовершенно преступление.

— А за что его посадили?

— Обвинили в краже комсомольских взносов. Он в это время учился в строительном техникуме в Воркуте и был секретарём комсомольской организации курса.

— И куда он вернулся? К родителям?

— Не вернулся. Просто пропал. А год назад умер от силикоза наш отец. Думаю, что беда с Костей сильно ускорила его кончину. Мама живёт одна в той же комнате, где мы жили когда-то вчетвером. Барак этот должны скоро снести. Может, она получит отдельную однокомнатную квартиру, но это вряд ли. Вот и весь рассказ.

— Нет не весь. А хочешь, я его продолжу?

Виктор как-то неопределённо кивнул головой. По выражению его лица трудно было определить, согласен ли он слушать версию Георгия или нет. Но вслух никаких возражений не высказал.

— Итак, — начал говорить Георгий, — младший брат, то бишь ты, успешно оканчивает среднюю школу и, вместо того чтобы поступить в институт, идёт служить в Советскую армию. Да не просто в армию, а умудряется попасть в политотдел округа и заработать рекомендацию для поступления на юридический факультет Московского государственного университета. Кстати, если мне память не изменяет, твоя мама тоже была крупный комсомольский деятель, за что и угодила в тюрьму?

— Да, она проходила по процессу первого секретаря ЦК комсомола Косарева в 1939 году.

— Ну, так вот. Оба сына пошли в маму — честные и порядочные ребята. А когда старший брат ни за что сел в тюрьму, младший дал себе клятву отомстить за него. Но не путём поджога колхозного амбара, как повествуют советские фильмы, а через проникновение в систему, которая сгубила жизнь его брата. Я правильно излагаю?

Но ответа от Виктора не последовало. Он сидел и смотрел, не отрываясь, куда-то вдаль.

3.15

Молчание Виктора продолжалось несколько минут. Георгий сидел с безразличным видом, а у Виктора было выражение лица, будто он мысленно с кем-то советуется, продолжать этот разговор или нет.

— Хорошо. Не хочешь говорить — не говори, — подвёл итог несостоявшейся беседе Георгий и поднялся со скамейки, собираясь уходить.

— Ну почему — не хочу? Хочу. Только уж больно много будет грязи, — откликнулся, наконец, Виктор.

— Да бог с ней, с грязью. Рассказывай, я тебя внимательно слушаю. И лучше начни с самого детства. Для полноты картины.

— Дело в том, что у меня детства, как такового, не было, — начал

медленно, с трудом подбирая слова, говорить Виктор. — Детство — это годы ожидания чудес, подарков, необычных впечатлений. А то, что я помню, никакого отношения к детству не имело. У меня никогда не было ни одной игрушки, кроме самодельного самоката, на котором я ездил по грязному коридору нашего барака, вызывая брань и оскорбления соседей. Даже своей кровати не было — спал на коврик под столом, за которым мы со старшим братом по очереди делали уроки. Я уже не говорю о посещениях каких-либо мероприятий типа кино или цирка.

Виктор сделал паузу, как будто что-то вспоминал. Георгий его не тревожил.

— Когда арестовали брата Костю, мне было уже четырнадцать лет. Я присутствовал несколько раз в зале суда, в том числе и когда зачитывали обвинительный приговор. Нужно было видеть, как вёл себя прокурор. Как он издевался не только над братом, но и над нашей мамой, выставляя её человеком с уголовным прошлым, хотя она сидела по политической статье. Как обвинитель, не понятно за что, хотел оскорбить и унижить всю нашу семью. А мрачного вида судья молчаливо с ним соглашался.

Виктор снова на неопределённое время замолчал.

— У тебя всё? — не выдержав, спросил Георгий.

— Пока всё, — ответил Виктор.

— Ну, тогда я подведу краткий промежуточный итог твоему повествованию. На процессе старшего брата твои обиды на всё человечество материализовались и воплотились в реальные идеи. Злость и разочарование достигли критической отметки, и ты решил, что когда вырастешь, всем отомстишь. Я правильно тебя понял?

— Правильно.

— А скажи мне, друг мой Виктор, каким образом ты собираешься наказать обидчиков твоей семьи — судью, прокурора, свидетелей? Нанять киллера, подать исковое заявление на пересмотр дела, написать жалобу в суд высшей инстанции? Скажи?

Виктор сидел и молчал.

— И ещё ты мне скажи, дорогой мой, — продолжал наступать Георгий, — неужели ты столько лет учился в Московском университете, самом лучшем университете нашей страны, чтобы потратить свою молодость, а может, и всю жизнь на то, чтобы проучить нескольких подонков? Великий Конфуций когда-то сказал замечательные слова: «Перед тем как мстить, вырой две могилы». И он совершенно прав.

— А что, по-твоему, мне нужно всё простить и забыть?

— Нет, конечно. Прощать вообще ничего и никому не надо. Это — мокрое слезливое действо. Просто я предлагаю тебе наказать этих людей другим способом: стать богатым и независимым человеком. А через это материально и морально помочь своим самым близким людям — маме и родному брату.

— Каким образом?

— Самым простым. Перейти от мрачного созерцания нашей суровой советской действительности к радостному и безудержному накопительству. Вот ты скажи: сколько ещё лет ты готов жить в десятиметровой комнатухе тёщиной малогабаритной квартиры? Сколько? А со временем появятся, дай Бог, дети и ситуация станет просто невыносимой.

— Мы собираемся с Верой на следующий год снять в центре Москвы хорошую квартиру.

— Да что ты говоришь! Снять квартиру! А почему на следующий год, а не в этом году? И почему снять?

— Потому что через несколько месяцев у нас должен родиться ребёнок. А кто, как не мама, может на первых порах, нам помочь?

— Вот это уже другой разговор, Виктор. Во всяком случае, наблюдается какое-то разумное движение вперёд с привлечением нормальных доводов. Ну, да ладно. Ты подумай в спокойной обстановке над моим предложением начать зарабатывать деньги. И обязательно посоветуйся с женой. Она ведь у тебя, если я ничего не путаю, экономист?

— Да. Экономист.

— Вот и хорошо. Ну, всё. Думаю, что мы ещё вернёмся к этому полезному разговору. Будь здоров и привет жене.

— Спасибо. Привет Глории.

Часть II. Семья

Глава 4. Черниковы

4.1

Дочь Светлана родилась для Виктора как-то неожиданно. Он почему-то думал, что отвёз жену в роддом на долго и за результатом следует прийти, как минимум, через несколько дней. А тут на тебе — на утро следующего дня у него родилась дочь.

Через три дня, как в квартире появилось маленькое крикливое существо, Вера, как бы между прочим, спросила у новоявленной бабушки:

— Мама, как ты смотришь на то, чтобы поменяться комнатами. Нас теперь трое в маленькой комнате, а ты одна в большой?

— Никак. Думаю, что, как вы жили до появления на свет дочечки, так и будете продолжать жить.

— В каком смысле?

— В прямом. У вас много, помимо неё, важных дел, которые с рождением девочки никак не убавятся. А для меня появление внучки — самый большой подарок судьбы.

— Я тебя, мама, что-то не пойму... Поясни свою мысль.

— А что тут понимать? Я буду о ней весь день заботиться, вставать ночью, переодевать, пеленать, кормить. А вы будете нормально жить в своей комнате и, выспавшиеся, ходить на работу. Это, во-первых. А во-вторых, более удобного случая применить мне на практике свои богатые знания врача-педиатра с тридцатилетним рабочим стажем и представить нельзя.

— Что ещё ты придумала?

— Всё. Вы на меня только с Витей, ради Бога, не обижайтесь. Пока она лежит в кровати, ей всё равно, в какой комнате находиться. А когда встанет на ножки, тогда и вернёмся к этому разговору.

— Извините, Анастасия Сергеевна, получается, мы для вас родили ребёнка? — влез со своим наивным вопросом зять.

— Для себя, Витя, для себя. И немножко для меня. Но сейчас такая ситуация будет лучше для всех, и прежде всего, для девочки.

— Не думаю, — попыталась возразить маме Вера.

— А ты думай. Я уже на пенсии. Не работаю и весь день сижу дома. Но это — не важно.

— А что, мама, важно?

— Важно то, что я смогу уделять достаточно времени ребёнку, а не передавать его, как эстафетную палочку, вам в течение дня.

Анастасия Сергеевна Воронина без лишних разговоров забрала внучку в свою комнату и обустроила там прекрасный детский уголок: поставила коляску, которую купили молодые родители с рук по объявлению, рядом с коляской — маленький столик с двумя стульчиками и большим числом мягких игрушек. Игрушки она принесла с бывшей работы. За много лет трудовой деятельности в детской поликлинике их столько подарили ей благодарные пациенты, что еле уместились в трёх больших сумках.

Молодые пообижались на бабушку несколько дней, а спустя неделю Виктор переделал всю электрическую проводку в квартире: повесил на одной стене в большой комнате мощную лампу дневного света, а на другой — голубенький ночничок.

Мудрое предложение бабушки пошло всем на пользу, но особые изменения произошли с Виктором. Если раньше он дома практически не бывал — занятия, тренировки, соревнования, то теперь он каждую свободную минуту проводил с дочерью. Садился рядом с детской кроваткой и часами разглядывал её ручки, ножки, пальчики, ушки. А ещё через некоторое время, когда она начала ходить и говорить, пел с ней песенки, читал книжки, что-то рисовал.

— А ты знаешь, Виктор, — обратилась к нему Анастасия Сергеевна, — что заболел?

— О чём вы говорите, Анастасия Сергеевна?

— О том, что в литературе уже давно описана отцовская зависимость от новорождённых детей.

— Интересно, и у кого эта зависимость более ярко проявляется?

— Как правило, у мужчин, полностью лишённых в детстве родительского внимания.

— Не буду с вами спорить, Анастасия Сергеевна. Вы совершенно правы.

4.2

Бабушка души не чаяла в своей единственной внучке. К тому же Вера заранее предупредила Анастасию Сергеевну, что повторения не будет — неудачный аборт, который она сделала после рождения Светочки, поставил крест на прибавлении в семье Черниковых.

Света росла в любви, достатке и исполнении всех желаний. Правда, желания были скромными, не выводящими семью за рамки семейного бюджета. И тем не менее, менялись куклы, велосипеды, платья, но Света оставалась разумной и послушной девочкой. Спокойная, умеющая за себя постоять в хулиганском дворе Кузьминок, Света бесконфликтно решала все, связанные с ней, вопросы, хотя семья постоянно за неё переживала.

Через несколько лет Виктор с Верой приобрели новую трёхкомнатную квартиру на Ломоносовском проспекте. Накануне переезда вся семья собралась на прощальный ужин. Бабушка приготовила прекрасный стол, а Виктор заранее купил пару бутылок хорошего марочного вина. Долго и тепло говорили на разные темы, пока Анастасия Сергеевна не попросила минуточку внимания:

— Дорогие мои, сегодня для меня, честно вам признаюсь, печальный день. Я должна продемонстрировать искреннюю радость, что вы завтра въезжаете в новую квартиру, а её у меня нет. Потому что остаюсь, к сожалению, одна — без суеты и громкой музыки, хлопанья дверьми и бесконечных разговоров по телефону. Без всего того, что многие годы было сутью моей жизни. Мне известна современная тенденция отселения молодых, но она мне категорически не нравится, потому что больно бьёт по старикам, которых бросают, как правило, на произвол судьбы. Счастливыми могут быть только те семьи, где под одной крышей живут все поколения — от малых до старых. Взаимная забота, внимание, поддержка, помощь друг другу — вот основа счастливого долголетия.

— Мамочка, но это сейчас общая практика. Во всём мире так люди живут.

— Во-первых, не во всём мире. Не нужно преувеличивать. А во-вторых, меня не вдохновляют чужие примеры. Тем более плохие. Я привыкла жить своей головой.

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю, чтобы Светочка осталась ещё хоть на один год жить со мной. Девочка находится в переходном возрасте, она должна нормально питаться и развиваться. За ней нужен постоянный уход и кон-

троль. Ни того, ни другого, дорогие мои, вы, при своей занятости, обеспечить ей не в состоянии.

— Как это — у тебя? — возмутилась Вера.

— Вот так. Я понимаю, что нехорошо отрывать ребёнка от родителей, но и вы меня правильно поймите. Мои знакомые и подруги не могут заменить мне вас, родных людей, а ваши редкие телефонные звонки — это будет жалкая демонстрация родственных отношений, ничего общего не имеющих с истинными чувствами.

— А давай, мамочка, послушаем мнение по этому поводу всех, сидящих за столом. Мнение Вити, в принципе, совпадает с моим, поэтому его спрашивать не надо. Остаётся узнать, что думает по данному поводу наша дочечка. Говори, Светочка, не стесняйся. Мы внимательно тебя слушаем.

— Я не знаю, что сказать. С одной стороны, мне нравится, что я буду учиться в одной из лучших школ Москвы. А с другой, боюсь. Вдруг не потяну. Ведь неизвестно, что и на каком уровне они сейчас изучают. А посмешищем быть в классе я не привыкла.

— Ни о каком посмешище речи быть не может. Не будешь успевать — репетиторов найдём и они подтянут тебя по всем предметам. Это — небольшая проблема. Что ещё, Светочка?

— А ещё... В моей школе я всех знаю. У меня много друзей. Мне тут интересно, а там — всё чужое, незнакомое.

— Ну, вот что, — подвела итог разговора Вера. — Я понимаю твоё настроение, Светочка. Менять школу, учителей, а главное, друзей всегда несколько страшновато. Но, ты, дочечка, сама видишь, что нам в бабушкиной маленькой квартире вчетвером стало невозможно жить. Будем осваиваться на новом месте, а ты нам в этом поможешь.

— А как же бабушка?

— Нашу любимую бабушку, конечно, мы не оставим одну. Придёт время, и мы её с радостью заберём к себе. Так ты согласна?

— Согласна.

— Очень хорошо.

4.3

Школа, в которую перешла учиться Света Черникова, была, на самом деле, лучшей в районе. Кроме того, что обучение ряда дисциплин шло на английском языке, школа обладала прекрасно оборудованной спортивной базой, включающей, кроме двух спортивных залов, ещё и

плавательный бассейн. Но самым главным её отличием от всех остальных московских школ был принцип самофинансирования, положенный в основу её существования. Создатель частной школы и её первый директор Судаков Алексей Иванович выстроил учебный процесс на основе простой и понятной бартерной сделки: вы нам — хорошие деньги, мы вам — хорошие знания. В школе учились, как правило, дети обеспеченных родителей, имеющие возможность оплатить элитарный уровень образования своих детей. Педагогический состав Судаков подбирал лично и, в основном, из преподавателей, которые были известны в Москве своей репетиторской деятельностью. Условием их работы в этой школе был полный отказ от какого-либо совместительства, включая частные уроки. Данное требование сводилось к тому, что все преподаватели должны находиться в течение всего рабочего дня в школе, работая практически индивидуально с каждым учеником. Школа не брала из федерального бюджета никакие финансовые средства, а наоборот, определённую сумму денег отчисляла туда для поддержания общей системы образования в стране.

Вера и Виктор были довольны успехами дочери в новой школе. Она с хорошими оценками закончила первое полугодие, появились подружки, которые иногда приходили к ней в гости. Но Света весь день, с утра и до вечера, пропадала в школе: обязательные занятия сменялись факультативными, спорт — музыкой, диспуты — развлекательными вечерами. Родители её почти не видели. Даже в выходные дни в школе проводились различные мероприятия и экскурсии, в которых она участвовала.

Дочь всё больше и больше отдалялась от дома. От поездок к бабушке она отказывалась по причине повышенной занятости и отсутствия свободного времени. Её мало стали интересовать проблемы семьи, она стала эгоистичной и требовательной. Первый звонок прозвенел, когда Света попросила, чтобы без разрешения в её комнату никто из домашних не заходил. А второй — потребовала установить в её комнате параллельный телефонный аппарат, позволяющий ей с места беседовать с друзьями, а не бегать каждый раз в коридор.

В один из вечеров, когда вся семья была дома, родители решили поговорить с дочерью.

— Светочка, — позвал папа, — иди пить с нами чай. Мама испекла вкусный пирог.

— Папа, во-первых, я никакой выпечки не ем, тем более после ше-

сти часов вечера. От неё только поправляются. А во-вторых, у меня нет времени сегодня на разговоры. Очень много дел.

— Ничего, дочечка, дела подождут, а беседа с нами — нет.

— Ну хорошо, о чём вы хотели со мной говорить?

— Особой темы для разговора, ты права, у нас нет, но хотелось бы просто пообщаться.

— О чём? Какая тема? Опять начнёте меня учить жить.

— Нет. Судя по тому, что ты с нами не советуешься, ты уже всё сама знаешь.

— Что мне надо — знаю, а лишние знания — лишняя головная боль.

— Лишних знаний, Светочка, не бывает. Это я тебе как юрист говорю. Через меня много людей проходит, и у каждого человека своя жизненная история. А следовательно, мне нужны разные серьёзные знания, чтобы в ней разобраться.

— Ну, мне пока хватает того, что я знаю.

— Нет, дочечка, это тебе кажется.

— Может быть. Я не буду с тобой спорить, папа.

— И не надо. Ты вот скажи мне, например, дочечка, в чём разница между сытостью и самодовольством?

— Ты имеешь в виду сытость как результат принятия пищи или что-то другое?

— Что-то другое. Чтобы обидеть человека, говорят: «У-у, сытая морда». Что здесь люди имеют в виду?

— Не знаю. Наверное, отношение человека к окружающим.

— Умница. А теперь проанализируй слово «самодовольный». О чём оно тебе говорит?

— О человеке, довольном собой, своими поступками и не интересующимся чужим мнением.

— Тоже правильно. Значит, сытый и самодовольный — это слова синонимы, несущие негативный смысл, или их нужно в нашей повседневной жизни избегать?

— Трудно сказать. А что можно, папа, противопоставить этим словам в положительной коннотации?

— Ты знаешь смысл слова «коннотация»?

— Да, знаю. Я думаю, что это — доброжелательный, внимательный, сердечный человек.

— Ну ты, Светка, молодец, а ещё не хочешь с родителями общаться. Да с тобой говорить — одно удовольствие.

— Я не сказала: «Не хочу». Просто у меня свободного времени нет. Дел очень много.

— Какое совпадение — у меня тоже много дел. Но ради общения с тобой я их все могу отложить.

— Понятно, папочка, а я не могу. Ладно, и какой же вывод из нашего с тобой разговора можно сделать?

— А вывод простой: нужно больше делиться с папой и мамой своими проблемами. Иногда тебе кажется, что нет выхода из какой-либо ситуации, а поговоришь с родителями — и он обязательно отыщется. Гарантирую тебе на сто процентов.

— С чем связана твоя уверенность в таком подходе?

— А с тем, что в этом варианте думают над решением возникшей проблемы уже не один, а три близких друг другу человека: ты, мама и я. Ведь родители всегда на стороне своего ребёнка. Согласна?

— Согласна.

— Ну и прекрасно. А теперь давай пить чай с маминым пирогом.

— Пока отец и дочь мягко пикировались, Вера в разговоре участия не принимала. Её материнское чутьё подсказывало, что колючие реплики дочь отпускает не просто так. За этим кроется что-то более серьёзное, чем девичий максимализм. Может, обида, что она ей, на днях, не дала пятьдесят рублей? На вопрос, зачем ей в возрасте четырнадцати лет такие большие деньги, дочь ответила, что скажет потом. Но пока не сказала. А может, у неё есть другие проблемы, о которых она сейчас, да ещё при папе, не хочет говорить? Однако разговор дочери с папой ей понравился. А что касается возникших вопросов, то подождём более удобного момента и обязательно к ним вернёмся... Вопросы, как правило, никуда не исчезают. Только ответы на них меняются.

4.4

Школа, в которую перешла учиться Света Черникова, имела свои плюсы и свои минусы. Плюсом, безусловно, являлась сама школа, оборудованная по последнему слову техники и укомплектованная прекрасными преподавателями. А минусом, как не парадоксально это выглядело, были ученики — дети высокопоставленных родителей. Заласканные, заваленные заграничными подарками, обутые и одетые через валютные магазины, они постоянно мерялись друг с другом своими возможностями. Не проходило дня, чтобы кто-то из учеников не при-

носил в школу новый зарубежный журнал, новую пластинку, жвачку, сигареты и другую мелочь.

Тон в классе, куда пришла Света, задавал Лёша Щербаков, по кличке Маруся, родители которого работали в московском представительстве какой-то иностранной фирмы. Он сразу обратил внимание на новую ученицу в скромном коричневом платье с белым воротничком и с ехидцей вслух спросил:

— А это что за колхозница у нас появилась в хуторском прикиде?

— Ты что, парень, не знаешь, чем отличается колхоз от хутора? — вдруг огрызнулась новенькая.

— Не-а, не знаю.

— Книжки нужно читать, а не петухом прикидываться.

Такого ответа от новенькой Лёша никак не ожидал. Разговор между ними прервал раздавшийся звонок на урок. Но это был бы не Лёша, если бы он не затаил обиду на наглую девчонку. Небольшого роста, худенький, с ангельским выражением лица, он сидел на последней парте в крайнем правом ряду один и хозяйским глазом просматривал весь класс. Это ему позволяла делать небольшая подушечка, которую он принёс из дому несколько лет назад. Подушечка его не только возвышала над всеми, но и давала возможность сидеть, не вставая со своего места, несколько уроков подряд. На переменах Лёша, как сам выражался, принимал пипловатых. К ним он относил всех учеников класса, за исключением нескладной грубоватой девицы Люсьен, которую называл непонятным для окружающих словом «креатура».

Через два дня, как Света появилась в новом классе, к ней подошла Люсьен и приказным тоном сказала:

— Маруся хочет с тобой на большой перемене поговорить.

— И что я должна для этого сделать?

— Подойти к его парте.

— А если не подойду?

— Не советую.

Когда прозвенел звонок на большую перемену, Света подошла к парте Щербакова. Лёша сидел на своей подушечке, протянув ноги в проход, и задумчиво смотрел вдаль.

— Ну что, старуха, уже притёрлась к народу или ещё нет? — спросил он у Светы, не меняя позы и не поворачивая в её сторону головы.

— Вроде, да. А тебе какое дело?

— В принципе, никакого. Хочу только спросить: торчишь потихонечку или не балуешься?

— В смысле?

— Ну что-то нюхаешь, жуёшь, лижешь?

— Ты что — ненормальный?

— Я — нормальный, а ты на вопрос отвечай.

— Нет, конечно.

— Понятно. Ты, всё-таки, — колхозница.

— Ну колхозница, и дальше что?

— Ничего. Просто, если со мной не будешь дружить, у тебя могут быть большие проблемы.

— Да пошёл ты...

— Смотри. Я тебя предупредил.

Маруся сидел, вытянув ноги в проход. Своей позой он давал всем ученикам возможность рассмотреть, во что был одет. Сегодня на нём были бежевого цвета вельветовые брюки, серый двубортный пиджак и бирюзовая водолазка. А на ногах — невообразимой длины остроносые чёрные туфли с красными шнурками. Каждый день он приходил в школу в новом наряде, что приводило в умиление не только соучеников, но и преподавателей.

В школе поговаривали, что Маруся не только может достать через своих многочисленных знакомых любые заграничные шмотки, но и даже что-то сам себе шьёт. Кроме того, все знали, что Лёша Щербаков готовится к карьере модельера мирового уровня. В его портфеле, помимо парочки тетрадей и учебников, всегда лежало несколько толстых журналов мод, которые он, без какого-либо стеснения, рассматривал прямо во время уроков. При этом он всё время что-то жевал, доставая из разных кулёчков орешки, печенье или ещё какие-нибудь заморские сладости. Преподаватели закрывали на его странное поведение глаза и практически, не вызывая к доске, ставили липовые оценки. Объяснение такой ситуации было простое: Лёша Щербаков досиживает в школе последний год и поступает в техникум советской торговли на товароведческий факультет.

4.5

Людмила Селиванова, которую в классе, с подачи Маруси, называли Люсьен, всегда была завистливой и мстительной девочкой, ревностно относившейся к чужим успехам. Родилась она в семье старшего лейтенанта специального контингента советских войск в Германии Селиванова Александра Петровича и учительницы русского языка Селивано-

вой Марии Васильевны. Жили родители очень скромно, в стандартной двухкомнатной квартире и мебелью с инвентарными номерами. Каждый день маленькая Люда слышала, как ругаются между собой мама и папа. Мама предъявляла папе претензии, а он ничего не мог ей возразить.

— Когда закончится эта нищенская жизнь! — кричала мама. — Я каждый день копейки считаю.

— Не знаю, — отвечал ей папа. — У меня должность такая, неудобная. Я — замполит и никакого отношения к материальным ценностям воинской части не имею.

— А кто имеет?

— Прапорщики, старшие офицеры.

— Твои прапорщики — все жулики. Торгуют чем попало, а офицеры их покрывают.

— Ты знаешь, Маша, сколько анонимных писем гуляет по территории нашей части?

— Не знаю и знать не хочу. Но в таком болоте, как ваше, — это всё в порядке вещей. Все самозабвенно воруют.

— Согласен, но ты пойми: если что-то случится в части, то с меня первого и спросят. Как минимум, отправят назад в Советский Союз, а как максимум — будут судить.

— Послушай, Саша, твоя копеечная честность в печёнках сидит. У меня не две жизни, чтобы ждать, когда всё образуется. Вон Тонька Козлова уже какую по счёту шубу меняет, а я всё в облезлой цигейке бегаю. Делай что-нибудь! Не прикидывайся дурачком.

— А что я могу сделать? Воровать не умею, а просить стыдно. Только уволиться из армии.

— Да ну тебя. Нашла себе мужа. Какой-то юродивый.

Люда регулярно слышала дома родительские разговоры и была полностью на стороне мамы. Ей тоже надоели оправдания папы, что он ничего не может сделать. Она не сомневалась, что если папа захочет, у них всё будет. Потому что если есть что-то у одних, то это же должно быть у других. Люда думала-думала и однажды, когда родителей не было дома, залезла в верхний ящик комода и увидела спрятанные под постельным бельём деньги. Сколько там их было, она не знала, но решила, что если возьмёт одну бумажку, никто не заметит. Она выбежала во двор и, увидев свою подружку Таню, катающуюся на велосипеде, шёпотом ей сказала:

— Хочешь конфет?

— Хочу.

— Тогда пойдём в магазин. А за это ты дашь мне покататься на велосипеде, сколько захочу. Согласна?

— Согласна.

Когда девочки пришли в магазин, Люда протянула продавщице деньги и ткнула пальцем в вазочку, где лежали самые дорогие и вкусные конфеты «Мишка».

— Сколько тебе, девочка? — спросила продавщица.

— Что сколько?

— Сколько взвесить конфет?

— А давайте на все, — и махнула рукой, как это делал папа, когда хотел чем-то похвастать.

— Но это почти два килограмма! Зачем тебе столько?

— У меня скоро день рождения и я хочу угостить весь класс. А это, знаете, сколько человек?

Мама Люды, откладывая из каждой папиной полочки по двадцать рублей, не заметила пропажу одной десятирублёвой бумажки, и Люда сделала для себя очень важный вывод: «Никогда ничего ни у кого не проси. Бери всё сама и будешь жить как королева».

С этого дня она стала жить по своим придуманным принципам. Ей доставляло удовольствие кого-то обмануть, обдурить, обидеть. При этом она ни с кем в классе не спорила, а тем более не дралась, но во всех ситуациях вела себя только с выгодой для себя. С девочками Люда не дружила, считая их жеманными, а мальчиков старалась близко к себе не подпускать, потому что они глупые. Хитрая, наглая, смышлёная, она всегда была в центре всех классовых событий.

Самым её заветным желанием было стать старостой класса. На самом деле, старостой она быть не хотела, но поставила себе цель помешать занять эту должность мальчику, который ей очень нравился. Цельный год она придумывала, как ему отомстить за то, что он не обращает на неё внимания и, наконец, решила, что лучше всего написать на имя директора школы анонимное письмо. В письме она его обвинила в том, что он ворует у своих соучеников деньги. Бедного мальчика обсуждали на всех уровнях, пока родители не приняли единственно правильное решение — забрали его из этой школы.

4.6

Проблемы у Светы Черниковой начались две недели спустя после разговора с Марусей. На одной из перемен к ней подошла Люсьен и тоном, не допускающим возражения, сказала:

— С тебя, дорогуша, пятьдесят рублей в фонд общего пользования. В нашем классе много лет назад утверждён такой порядок обеспечения потребностей каждого ученика. Председателем фонда является Маруся, а администратором выбрали меня.

— А какие функции этого фонда?

— Помогать, в случае необходимости, каждому члену фонда.

Видя недоумение Светы, Люсьен с улыбочкой добавила:

— Такая система взаимопомощи работает везде, на любом предприятии. Это — как касса взаимопомощи. Спроси кого хочешь, они подтвердят.

— Но у меня нет таких денег.

— Попроси у родителей.

— Они не дадут.

— Ну, не знаю, что тебе посоветовать. Укради, в конце концов. Все ученики класса участвуют в этом фонде. Они же как-то нашли деньги.

— Я подумаю.

— Подумай, только не долго. Маруся не любит таких выкрутасов.

Маруся, в самом деле, не любил тех, кто отказывался участвовать в его бизнесе. Построенный на удовлетворении желаний детей обеспеченных родителей — иметь то, чего нет у других, — бизнес работал практически безотказно. Связи Маруси, наработанные в течение многих лет в тусовочном мире, позволяли ему достать любую заграничную вещь. Каждая позиция выполненного заказа имела свою цену. Даже за просмотр зарубежного журнала необходимо было платить деньги. Для учёта оплаты выполненного заказа существовала специальная книга расходов, которую аккуратно вела Люсьен. При условии, что член фонда перебирал установленный взнос, от него требовалось немедленно внести дополнительные деньги. Единственным условием, за выполнением которого следил сам Маруся, было получение заказа любым учеником только за пределами школы.

Через несколько дней Люсьен снова подошла к Свете.

— Ну что, ты готова расплатиться?

— Нет. Я не хочу в этом участвовать...

— Дело твоё, но Маруся будет очень недоволен.

Оказалось, что это не просто слова. Через некоторое время Света почувствовала со стороны других учеников класса какое-то отчуждение. Причём, созданием ситуации изоляции, атмосферы одиночества кто-то умело руководил. Её стали просто избегать. Некоторые ученики перестали не только с ней разговаривать, но и здороваться. Все перемены Света, как правило, проводила в одиночестве, оставаясь в классе.

Она не сомневалась, что за этим стоит Маруся. Но зачем она ему нужна, не претендующая ни на что, а главное, не играющая никакую роль в маленьком классном коллективе? Ответ был один — для устрашения остальных. Только для того, чтобы показать, что будет с каждым из учеников, если он выйдет из барахольного братства.

Однажды классный руководитель Алла Николаевна попросила Свету задержаться после уроков.

— Скажи, Света, у тебя дома всё в порядке?

— Да, в порядке. А почему вы спрашиваете?

— Ты всегда какая-то грустная. Ни с кем не дружишь, даже не здороваясь. Тебе никто в нашем классе не нравится?

— Я не хочу на эту тему говорить.

— Почему? Что тебя заставляет всех сторониться? Может, кто-то тебя обижает или ты кого-то боишься?

— Нет, я никого не боюсь.

— Тогда в чём дело?

— Алла Николаевна, позвольте мне пойти домой.

Свете, в самом деле, никто не нравился в новом классе. Проучившись восемь лет в школе на окраине Москвы, в рабочем районе, она попала в ученическую среду, все разговоры в которой сводились к тому, где что можно достать и сколько это стоит. Она выделялась среди одноклассников своей «серостью» и понимала, что приблизиться к ним, учившимся вместе уже девятый год, у неё нет никакой возможности. И тем не менее, родители и слышать не хотели о том, чтобы она вернулась в старую школу. Единственной надеждой оставалась бабушка, но и та считала, что школьные друзья из хороших семей позволят внучке во взрослой жизни чувствовать себя более уверенно.

4.7

Новая неприятность для Светы Черниковой не заставила себя долго ждать. Лена Демидова, с которой Света сидела за одной партой, пожаловалась классной руководительнице Алле Николаевне, что от неё пло-

хо пахнет. Жалоба была придумана Марусей, который не мог смириться с тем, что кто-то в классе не согласен с его спекулятивной политикой. Не сильно вдаваясь в психологический аспект подобной жалобы для девочки, классная руководительница на одной из перемен подозвала к себе Свету Черникову:

— Света, извини меня за вопрос, почему ты всегда ходишь в школу в одном и том же платье с белым воротничком?

— Ну почему в одном?

— Я же вижу.

— Это вам, Алла Николаевна, кажется.

— Тебе родители ничего не покупают?

— Покупают. Во-первых, я постоянно меняю платья, только воротничок перешиваю. А во-вторых, я привыкла ходить в школу в такой одежде. И больше ничего.

— Да, но Лена Демидова отказывается сидеть с тобой за одной партой. Она говорит, что от тебя плохо пахнет.

— Врёт ваша Демидова. Это она придумала, чтобы сделать мне гадость. Вы лучше с ней, Алла Николаевна, поговорите, а не со мной. Я могу тоже много чего рассказать о ней, но пока это делать не буду.

— Ну зачем ты, Света, мне дерзишь. Лучше прими к сведению эту информацию и сделай соответствующие выводы.

— А какие мне делать выводы? Выкрасить волосы в разный цвет или намалевать чёрной помадой губы? Я никого не трогаю, и пусть меня не задевают. Даже на переменах стараюсь из класса не выходить.

— Поэтому одноклассники к тебе так настороженно и относятся, что ты никого не задеваешь.

— А мне всё равно, как ко мне относятся. Только у меня к вам большая просьба, Алла Николаевна: уберите от меня Демидову или посадите меня за отдельную парту.

— Хорошо, я подумаю.

А ещё через два дня Свету пересадили. Теперь она сидела одна за последней партой через ряд, в котором сидел Маруся. Инцидент с Демидовой на этом был исчерпан, но Света получила в классе кличку Вонючка. В глаза её так никто не называл, но за спиной иногда ей вслед шипели. Света всё чаще задумывалась о том, чтобы вернуться в свою прежнюю школу в Кузьминках, но бабушка продолжала пребывать в восторге от того, что её внучка учится в элитной школе в центре Москвы. Об этом она уже всем знакомым по несколько раз рассказывала, вызывая у всех одобрительные возгласы.

4.8

Сегодня Свете было особенно тоскливо. Весь класс остался отмечать день рождения какой-то девочки, а её, как обычно, на это мероприятие не пригласили. Идти домой и встречаться с мамой, которая готовится к занятиям, не хотелось. В своих мыслях она, не задумываясь, дошла до какой-то незнакомой площади и села на первую свободную скамейку. Через несколько минут к ней незаметно подсел молодой парень с кулёчком семечек в руке.

— Хотите семечек? — предложил он весёлым тоном.

— Нет, спасибо.

— Почему?

— Потому что лузгать семечки — неинтеллигентно, — ответила Света.

— Согласен, но это успокаивает.

— Каким образом?

— За счёт монотонности самого процесса лузгания. Его нельзя ни убыстрить, ни замедлить, — с улыбкой ответил молодой человек и снова протянул ей кулёчек.

— А с чего вы взяли, что мне нужно успокоиться?

— Не знаю, но мне кажется, что вы сейчас о чём-то сильно сожалеете и переживаете.

— Всем людям свойственно о чём-то переживать. Это позволяет им в другой ситуации испытывать удовольствие, радоваться. Человек — существо эмоциональное, а эмоции, как известно, бывают положительные и отрицательные.

— Всё правильно, уважаемая, только с одной лишь небольшой поправкой. Ожидание того, что люди, окружающие вас, изменятся и изменят своё отношение к вам — ошибочно. Только вы сами можете это сделать путём полного исключения чувства вины перед ними. Прекратите с этого замечательного момента обсуждать, а тем более осуждать кого-либо и сразу всё вокруг засияет.

— Интересная мысль. Вы где-нибудь учитесь?

— Да. Я — студент второго курса МАРХИ, Московского архитектурного института. Люблю рисовать и часто сюда прихожу. Тут тихо и уютно. Иногда прихожу, чтобы поработать, а иногда, чтобы просто посидеть. Почувствовать красоту окружающего мира.

Молодой человек как сел на другой конец скамейки, так и сидел, не стараясь каким-либо образом придвинуться поближе к Свете. Он гово-

рил спокойно и убедительно, не стараясь заставить её соглашаться с его рассуждениями, но внимательно следил за реакцией.

— А когда вы ещё придёте?

— Завтра не могу, а послезавтра, наверное, буду. И вы приходите. Меня зовут Даниил.

— Вас дома также называют?

— Да. А как ваше имя?

— Света.

— Очень хорошее имя. Светлое, тёплое. Я в детстве любил искать в траве светлячков. Вы делали это?

— Да, конечно.

— И какое чувство у вас вызывали светлячки?

— Удивление.

— Почему?

— Потому что они светятся и не боятся человеческих рук.

— Правильно. Они просто заранее знают, что вы их поддержите на ладони, полюбуетесь ими и отпустите.

— Даниил, вы так здорово умеете всё объяснять, что не остаётся никаких вопросов.

— Спасибо за хорошие слова. А вы знаете, Света, что произносящий эти слова получает больше положительных эмоций, чем тот, кому они адресованы? Это — научно проверенный факт.

— Теперь буду знать. До свидания!

— Так приходите послезавтра. Продолжим наш разговор.

— Постараюсь. Всего хорошего!

4.9

Света шла домой какая-то умиротворённая, с совершенно другим настроением, чем до встречи с новым знакомым Даниилом. Он как будто помирил её со всем миром, показал, что её проблемы — это надуманные мелкие неприятности. От встречи с Даниилом у неё осталось чувство покоя и благодати. Все неприятности куда-то ушли, стали маленькими и смешными. Её больше не интересовал Маруся, одноклассники, их претензии к ней. На душе было легко и празднично.

«Но как это могло произойти? Чем он на меня сумел, за неполные два часа, так воздействовать? Ведь он не проповедник и, тем более, не духовное лицо. Он — будущий архитектор...

Да ничем он на тебя не воздействовал. Просто в нескольких словах

рассказал, что жизнь — это большая радость, а не горе... А может, ему преподают в институте науки, которые позволяют видеть вокруг всё в другом свете?.. Нет. Это всё, наверное, глубже и индивидуальней. Нужно внимательно посмотреть папины книги по истории религий. Может, в них что-то об этом написано...

И всё-таки, это — не главное. Главное, что когда мы прощались, он, как бы между прочим, сказал: «Каждому человеку заповедовано комфортное существование на земле. Для этого его мать и привела в большой мир».

— Как это понимать? — спросила она тут же у Даниила.

И он, не задумываясь, ответил:

— Нужно в полную силу жить, а не мучиться. Научиться получать от своего короткого пребывания на земле удовольствие, а не испытывать страдания. Это является залогом душевного здоровья человека. Удовольствие первично, а всё остальное — уже производное от этого.

«Получается, что я уже почти целый год, во вред себе, провожу время в чуждой для себя школе? И всё это делаю для того, чтобы польстить самолюбию своих родителей и бабушки?.. Получается так... Значит, нужно решать, прежде всего, эту проблему, а остальное приложится...

Прекрасная мысль, только как её реализовать?

Да элементарно! Нужно просто уйти из этой противной школы!

А кто мне это позволит сделать? Для этого нужно убедить бабушку. Это — единственный человек, которому, по большому счёту, небезразлично моё душевное состояние...

А родители?.. А родителям, в принципе, на всё наплевать. Они не будут сильно возражать и, в конце концов, согласятся...»

За своими мыслями Света не заметила, как подошла к дому. Мама уже собиралась на работу, но сразу заметила довольное выражение лица дочери:

— Что ты так сегодня задержалась в школе, Светочка? Уже почти три часа дня.

— У одной девочки был день рождения. Пили чай с тортом.

— Понятно. Но ты всё равно покушай. Я приготовила вкусный соус. Кастрюля на плите. Я побежала.

Вот и всё общение с мамой. Иногда пятнадцать минут в день, иногда полчаса. А папу Света не видела по нескольку дней подряд. Он приходит с работы поздно ночью, когда она уже спит, что-то читает, а встаёт, когда её уже нет дома.

4.10

Работа в группе адвокатской поддержки строительного кооператива Министерства внешней торговли круто изменила жизнь Виктора Ивановича Черникова. Теперь у него был свой двухкомнатный кабинет: в первой комнате сидела помощница, которая заполняла в присутствии клиента все необходимые бумаги и объясняла условия получения юридической помощи, а во второй комнате он принимал посетителей, которые с ним и расплачивались. Оплата производилась наличными, которые Виктор Иванович, не пересчитывая, просто смахивал в ящик письменного стола.

Со временем у Черникова появились богатые клиенты, приличные деньги, и всё стало вокруг другое — люди, вещи, интересы.

Собиралась компания, как правило, у супругов Провоторовых, купивших в новом кооперативном доме шикарную четырёхкомнатную квартиру. Сначала Виктор приходил к ним вместе с Верой, а потом она отказалась туда ходить, сославшись на большую маму. Но Виктор продолжал посещать этот дом. Ему здесь всё нравилось: дорогие напитки, зарубежная музыка, богатые столы и разговоры на темы, которые даже на кухне раньше боялись обсуждать.

Вера неоднократно пыталась отговорить мужа ходить к Провоторовым, но он с ней не хотел соглашаться.

— Витя, это не твой круг людей, не твоя компания. Там ты выглядишь белой вороной. У тебя прямо на лбу написано: «Воркута».

— Может, ты и права, Верочка, но эти люди, на данном жизненном этапе, мне нужны. Это даже, по большому счёту, не люди. Это — клиенты, а клиенты, как говорит Георгий, делятся на две категории: на тех, кто у тебя был и на тех, кто у тебя не был.

— Что ты, Витя, этим хочешь сказать?

— А то, что мир, Верочка, стремительно меняется, а с ним меняются и люди. Мир стал лживым, хитрым, непорядочным и если ты не успел перестроиться в соответствии с новыми требованиями, то тебе, как юристу, в нём места нет. Мне отец рассказывал, что раньше, в старые времена, даже самые большие сделки совершались простым пожатием руки. А сейчас вокруг обман и враньё. Люди перестали друг другу доверять. Отсюда и появившиеся полчища юристов, имеющих с каждой бумажки свою копейку. Нет человека, который бы ни разу в жизни не воспользовался услугами юриста. Хотя во многих случаях, поверь мне, это просто выброшенные деньги.

— Ну, это ты преувеличиваешь.

— Нет, это я преуменьшаю. Могу ещё кое-что добавить. Только в воровской среде осталось понятие «слово», а в нашем мире сейчас всё продаётся и покупается.

— Не всё, Витя, не всё...

— Всё, Верочка, всё. Не спорь со мной. Я же лучше тебя знаю, чем живёт этот мир, сталкиваясь с ним каждый день. И вообще, юрист — очень тяжёлая в психологическом плане специальность. Ему всё время приходится копаться в человеческом мусоре, перебирать его, сортировать, что-то оставлять, что-то выбрасывать. К сожалению, с годами количество мусора только прибавляется, а отсюда и растёт потребность в квалифицированных юристах. Нужно мир лечить, а не юристов плодить.

— В соответствии с твоими рассуждениями, если мир улучшится, то надобность в юристах может совсем исчезнуть?

— Совсем не исчезнет никогда, но их количество значительно сократится в силу несоответствия спроса и предложения. Нужны будут юристы, стоящие на страже закона, а не играющие с ним в игры.

— Что-то, Витя, уж больно много тумана в твоих формулировках.

— Может быть, Верочка, не спорю. Но ты пойми — чем выше профессиональный уровень юриста, тем искусней он плетёт паутину, в которой все запутываются. Для того, чтобы её распутать, нужны другие, не менее грамотные юристы. В результате этих многоходовых комбинаций деньги из одного кармана законников перекачиваются в другой, без ощутимой пользы для людей.

— И когда этот процесс перекачивания денег закончится?

— В принципе, никогда. Построение коммунизма — пошлая химера. В основе коммунистического общества лежит тезис: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям», — или, другими словами: «Каждому — по совести». Здесь имеется в виду, что человек, живя в коммунистическом обществе, из общей потребительской корзины не возьмёт больше, чем ему надо. Совесть не позволит. Но реализация этой идеи не реальна, так как ни сейчас, ни в обозримом будущем не будет, по определению, такого человека. Поэтому, Верочка, живи себе в настоящем и ни в чём себе не отказывай.

— Это всё, что ты можешь мне, Витя, сказать?

— Могу ещё добавить пару слов. Хорошую идею, я имею в виду коммунизм, нельзя убить. Её только можно заменить другой хорошей идеей, но, к сожалению, никто ещё ничего лучшего не придумал.

4.11

Константин Иванович Черников отсидел свой девятилетний срок от звонка до звонка. А с учётом трёх лет жизни на поселении, получились все двенадцать. При этом прибавка, по приговору, к тюремному сроку поселенческого стажа исключала возможность осуждённому подавать прошение об условно-досрочном освобождении.

Сидел Черников весь срок в мордовском лагере, но трудился не на торфоразработках, а на строительстве хозяйственных объектов. Освоил практически все строительные специальности и дослужился до старшего бригадира. Ему предлагали койку в «вольном» бараке, но Константин предпочитал ночевать в каком-нибудь закутке строящегося объекта.

Несколько раз к нему с проверкой приходил представитель комендатуры. В последний визит проверяющий был настроен философски:

— Ты что людей сторонишься? Тебе сколько от роду лет?

— Двадцать восемь.

— Вот. Только, считай, жить начинаешь. Пока ты в лагере был, народ страну после войны поднимал. Ты приедешь, а Воркуту не узнать. Только с твоей биографией нужно всегда очень хорошо трудиться.

— А что это у меня за особенная биография?

— Да дело, в принципе, не в тебе. Матушка твоя крепко провинилась перед советской властью. Довоенные грехи. От них трудно отмыться.

— И что можно в этом случае сделать?

— Ничего. Этот хвост ещё долго будет за тобой болтаться.

После ухода конвоира, Константин долго думал над последними словами проверяющего, изгадившего самое дорогое — маму — и лишившего самого его смысла возвращаться домой.

В последнем письме из Управления исполнения наказаний была указана только дата его освобождения и в скобках: «Без проездных документов».

Прошло восемь лет, и вдруг телеграмма: «Мама! Буду днями, когда возьму билет. К.»

Надежда Алексеевна Черникова каждый день приходила на вокзал и встречала два поезда из Саранска, которые почти одновременно приходили в Воркуту. Она стояла на выходе из здания вокзала и жадно вглядывалась в каждого выходящего мужчину. Но Кости среди них не было.

На четвёртый день она вдруг вблизи увидела похожего на её сына человека:

— Костик! — вскрикнула она, и тот оглянулся.

Это был он и не он — постаревший, согбенный, с металлическими зубами во весь рот. Ей стало плохо, но сын сильными руками её поддерживал.

— Мама, — услышала она, придя в себя, — зачем ты меня на вокзале встречаешь? Я бы сам дорогу домой нашёл.

— Да как же не встречать? Я только для этого и продолжаю жить. Папа не дождался тебя, царство ему небесное, а Виктор — в Москве.

Они сидели, прижавшись друг к другу, на каменном полу, прямо на том месте, где Надежда Алексеевна упала в обморок. А мимо шли по своим делам люди, не обращая на них никакого внимания. Не зная, что эта на вид пожилая женщина — воплощение горя всех матерей мира, упала в обморок не потому, что увидела сына после стольких лет разлуки, а от счастья, что дожила до этого момента.

— А ты, сын, сильно изменился. Из мальчика превратился в матёрого мужика. Но глаза потухли. Не сверкают.

— Зато ты, мама, почти не изменилась. В том же пальто и в том же платочке. Ну, ещё немножко поседела.

— Всё шутишь, сынок. Пальто, ты прав, то же, а вот платок у меня другой.

Говорили они друг другу, конечно, не то, что видели. И правильно делали, потому что хотели вернуться в то время, когда расстались. Просто взять и вычеркнуть из жизни страшные двадцать лет, которые у матери и сына незаслуженно отобрала страна.

— Ты на меня не обижайся, сыночек. Я знаю, за что ты столько лет сидел. Судьба у нас с тобой такая — быть прикованными друг к другу: ты — ко мне, а я — к Александру Косареву. Саша Косарев из-за своей грузинской жены принял смерть, а та страдала из-за своего отца — известного большевика. И эта страшная карательная цепь, к сожалению, не имеет конца. Во всяком случае, я пока его не вижу.

— Ладно, мама. Не о чем говорить. Вернулся и вернулся...

— А где ты был, сыночек, столько лет?

— Ждал, чтобы все подонки, которые меня посадили, передохли. А потом решил, что нужно жить дальше и не думать о прошлом.

— Это ты правильно сказал, сын.

4.12

Виктор Иванович Черников никогда не забывал своих родных, которые всю жизнь прожили в Воркуте. Постоянно им звонил, писал письма, а на летние каникулы часто приезжал. Виктору никогда не нравился этот грязный, засыпанный угольной пылью город. Плохо освещённый и поголовно пьяный. Друзей у него в Воркуте не осталось, поэтому он ни с кем не встречался. Только с домашними.

В связи с возвращением старшего сына, Надежда Алексеевна позволила с городского переговорного пункта в Москву и шёпотом, как будто эта информация могла кого-то заинтересовать, сказала:

— Витюша, сыночек, слышишь меня?

— Да, мама, слышу. Что ты вдруг мне звонишь? Случилось что-то?

— Случилось. Костик вернулся. Тебе нужно, хоть на несколько дней, к нам приехать и с ним пообщаться. Всё-таки, родной брат.

— Хорошо, мама. Я в конце недели обязательно приеду. Только мне не нравится твоё настроение и печальный голос. Ты радуйся, что сын вернулся домой, а ты расстраиваешься.

— Да я радуюсь, Витя, радуюсь. Только пьёт он третий день и не разговаривает со мной.

— Ну и пусть пьёт. У него костёр в душе пылает от жалости к себе, вот он его водкой и заливает.

— А мне что делать?

— Ничего. Ждать. Сейчас он твой разговор не услышит. Жалость выйдет из него и вернётся Костик к нормальной жизни.

— Ну, дай бог, сыночек, дай бог, чтобы твои слова сбылись. Приезжай поскорее. Мне поможешь.

Самолёт из Москвы прилетел в Воркуту поздно вечером. Таксист неопределённой национальности согласился, после некоторого препирательства, везти Виктора в отдалённый от центра район за два счётика. Мама не спала и сидела за столом на кухне в каком-то оцепенении с включённой настольной лампой.

— А я как чувствовала, что ты сегодня приедешь. Блинчиков с картошечкой нажарила, селёдочку почистила.

— Молодец, мамочка. Всё моё самое любимое приготовила. А я тоже кое-что тебе привёз. Сейчас достану из дипломата.

— У нас тоже всё это можно сейчас купить, но не по нашим деньгам. Рюмку тебе налить, Витюша?

— Нет, мама, не хочу.

— Ну давай, давай. И я с тобой выпью за возвращение Костика.

— А где он сам?

— Да вот он, трупом лежит. Даже не разделся.

Только сейчас Виктор увидел в потёмках мужскую фигуру, примостившуюся на топчане, где они с братом вместе спали, пока того поздним вечером не арестовали.

— А я Костю даже не заметил. Ну, да ладно. Пусть спит.

— Ты не шепчи, Витя. Говори нормальным голосом, а то я стала плохо слышать. И вообще не стесняйся. Костик до утра не проснётся. Это хорошо, что он спит. Мы с тобой можем сегодня кое-что обсудить.

— Что ты со мной, мама, хочешь обсуждать?

— Как — что? Всё, что касается Костика. И прежде всего, как ему вписаться в общество, в котором он никогда не жил, если не считать шестнадцати мальчишеских лет?

— Это — серьёзная проблема, мама. Не одного вечера.

Но Надежда Алексеевна, не обращая внимания на реплику сына, продолжала говорить.

— Он во всём казённом приехал. Это до первого милиционера. И самое главное — где ему учиться? Ведь он был, скажу тебе, Витя, как мать, способней тебя. И учился в школе лучше тебя.

— Хорошо, мама, хорошо. Мы всё вместе обсудим. Только у меня к тебе, чтобы Костю сюда не впутывать, есть предложение. Переезжай к нам в Москву. Квартира у нас большая, места много. Здоровьем твоим займёмся, на которое ты давно махнула рукой. И вообще, поживёшь на старости лет нормально, как люди.

— А почему ты раньше мне это не предлагал?

— Знал, что ты мне ответишь: «А куда Костик, когда освободится, вернётся?»

— Правильно говоришь. Если бы я к тебе переехала, на следующий день соседи заняли бы эту комнату.

— Понятно, мама. Но сейчас твой сыночек вернулся. Ты не должна взрослому мужику мешать жизнь свою налаживать.

— Нет, Витюша, должна. Потому что Костик, на самом деле, не взрослый мужик, а просто постаревший мальчик. Ему нужно, на первых порах, помочь разобраться в новой ситуации. А потом нельзя Ваню, отца твоего, рано усопшего, здесь одного оставлять. Постоянный пригляд за могилкой нужен. В общем, ладно. Закрыли тему.

4.13

Проснувшись утром, Костя Черников услышал в комнате чужой мужской голос. За столом вместе с мамой сидел спиной к нему незнакомый мужчина.

— Привет, — подал он голос, приподняв голову над подушкой.

— Привет, братишка, — повернулся к нему незнакомец.

Это был его младший брат Виктор, который в памяти Кости остался мальчиком с пионерским галстуком на шее, присутствовавшим на всех заседаниях суда и очень за него переживавшим. Мама Косте в лагерь писала, что Витя, после службы в Советской Армии, поступил в Московский государственный университет, женился и сейчас работает адвокатом в Москве.

— А как ты здесь нарисовался?

— Да вот приехал с тобой повидаться. Столько лет не виделись, братишка!

— Прекрасно, сейчас умоюсь и пообщаемся.

Братья обошлись без объятий и поцелуев, даже руку друг другу не пожалы. Просто Костя подсел к столу с пачкой папирос и закурил.

— Хорошо выглядишь, сливочный. Закурить не хочешь?

— Нет, не курю.

— Чего так? В лагере все курят. Когда куришь, срок заключения быстрее идёт. Шучу, шучу.

— А что такое «сливочный»?

— Это значит гладкий, ошкуренный.

— Ты, Костя, сбрось с себя этот блатной налёт. Это не твоё. Ты был хорошим парнем, примером для меня. Думаю, таким и остался. И маму не пугай. Она этого не заслужила.

— Ладно, закончили с показательными выступлениями. О себе рассказывать ничего не буду — двадцать выброшенных из жизни лет. Ты лучше, Витя, о себе расскажи.

Пока братья обменивались друг с другом короткой информацией, Надежда Алексеевна накрыла стол. Без разносолов, но всё очень вкусно и, главное, своё.

— Костик, водку ставить на стол?

— Нет, мама, не надо. Хочу с братом на трезвую голову поговорить.

— Вот это правильно. Но вы, сыночки мои, сначала покушайте, как в давние времена. Доставьте матери удовольствие.

— А мы постараемся совместить полезное с приятным. Ты на сколько, Витя, приехал?

— Дня на три-четыре. В общем, сколько понадобится, столько и буду.

— Мама мне писала, что ты мастер спорта по теннису?

— Да, занимаюсь спортом, в свободное от работы время.

— А где работаешь?

— Имею свою адвокатскую контору. Свободный предприниматель. Плачу соответствующие налоги государству и работаю потихоньку.

— И семья есть у тебя?

— Есть. Жена Вера и дочь Светлана. Жена — экономист, дочь в школе учится.

— А скажи, Витя, почему ты пошёл в юристы?

— Профессия увлекла — эрудиция, серьёзные знания, чёткость формулировок, ораторский талант.

— И даже после того цирка, который назывался судом надо мной?

— Вот как раз после этого я и выбрал эту профессию. Захотелось кое-что поменять в юридической системе страны, а главное, сделать наш советский суд более справедливым и гуманным.

— Витя, ну ты хоть передо мной не кривляйся.

— А я и не кривляюсь. Мы же в детстве с тобой читали книгу «Граф Монте-Кристо»?

— Не то слово. Зачитывались. И что?

— А то, что нужно мстить за подлость и предательство не отдельным личностям, обслуживающим систему, а самой системе. С максимальной пользой для себя. И это можно наиболее эффективно сделать только будучи внутри системы.

— Очень интересно. А с этого места, если можно, братишка, поподробней. Как говорил наш покойный папаша, заслуженный шахтёр, где-то что-то недалеко зарыто.

— Пожалуйста. Во-первых, нужно обязательно получить тебе образование, а во-вторых, найти жизненную нишу, в которой ты будешь себя комфортно чувствовать.

— Ну, это всё твои фантазии от сытой жизни. А у меня, кроме справки об освобождении из лагеря, нет ничего за душой.

— Никакие это не фантазии. Я пока все проблемы, связанные с тобой, не решу, отсюда не уеду.

— Витя, ты жизни не знаешь. Тем более лагерной. Поверь мне, она

намного суровой и паскудней, чем ты её себе представляешь. Слезь с коня и засунь саблю в ножны.

— Ничего, разберёмся. Ты, всё-таки, немного поподробней о своей лагерной жизни расскажи, чтобы расширить мой кругозор. Только у меня просьба к тебе — без лагерного жаргона.

— Хорошо, это не проблема.

4.14

Надежда Алексеевна с восхищением слушала разговор между своими сыновьями — такими одинаковыми и, в то же время, такими разными. Ведь одной матерью рождены, в одних условиях воспитаны, а пути-дороги удивительно разошлись. Только материнская боль одна на двоих, неважно, кто кем стал. А от той жизни у неё остался только один снимок — сосед за банку зелёного горошка сфотографировал её детей в конце 1952-го. Сидят они за столом, обнявшись. Ещё в школу не ходили и не знали, куда кого выведет судьба. Знать бы, кто руководит раздачей судебных, бросилась бы ему в ноги, чтобы отомлить двадцать вычеркнутых из жизни лет своего старшего сына.

В своих мыслях Надежда Алексеевна несколько отвлеклась от темы, которую обсуждали её сыновья, но последнюю фразу Кости она чётко расслышала:

— Ну тогда, брат, наберись терпения и послушай меня. Только постарайся не перебивать.

— Слушаю внимательно.

Костя рассказывал о своей лагерной жизни, смотря куда-то вдаль, больше часа, а когда окончил говорить, то увидел перед собой бледных, находящихся в состоянии шока, перепуганных и раздавленных услышанным мать и брата. Мать всё время вытирала платком льющиеся помимо её воли слёзы, а Виктор сидел, будучи не в состоянии поменять позу.

— Ну, вот и всё... Лагерь — это уменьшенная во много раз модель человеческого общества, только с очень обострённым чувством восприятия действительности всеми его членами. Основная цель существования людей в лагере — выжить любым путём, а основной метод реализации этой цели — отсечение чужих от своей личной кормушки. В результате этой селекции круг претендующих на жизненные блага (место работы, режим отбывания наказания, условия труда, передачи посылок с воли и так далее) резко сужается и позволяет только отдель-

ным индивидуумам в общей массе заключённых нормально существовать, а не мучиться. Хочу особо заметить, что когда государство арестовывает человека, оно гарантирует ему только срок отбывания наказания в лагере или в тюрьме, но не возможность выйти оттуда живым...

— Ну и мрачную ты картину нарисовал, Костя. Просто ужас какой-то. Даже слушать страшно.

— Ты не поверишь, но есть люди, которые вообще не хотят уходить из зоны. А некоторые из них ищут любой повод, чтобы побыстрее возвратиться назад.

— Да что ты говоришь!

— Представь себе. Лагерное сообщество, — продолжил старший брат, — самая мерзкая ячейка общества, где работают не человеческие законы, а инстинкты. Самый главный инстинкт — это инстинкт ненависти к ближнему, который отличает человека от животного. Животные, за редким исключением, не убивают себе подобных, а в человеческой среде такая практика сплошь и рядом.

— Но есть животные, например, пауки, у которых такое же отношение друг к другу, как у людей, — пришёл в себя Виктор.

— Согласен, но у животных, в отличие от человека, отсутствуют случаи немотивированного убийства. Животные обладают чувством сострадания, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Можешь свою последнюю фразу пояснить?

— Могу. Когда я был в лагере, то, в основном, работал на строительстве. Сначала простым рабочим, а потом бригадиром. Однажды мы копали котлован под промышленное здание. Котлован неглубокий, метров пять-шесть, но большой по площади. Заключённых на этой работе было человек сорок-пятьдесят, а лестниц, чтобы спуститься в котлован, а потом выбраться оттуда, — всего три. Так вот. Когда конвой объявлял конец работы, все заключённые бросались к этим лестницам. Ты не можешь себе представить, что там творилось: дрались, друг друга отталкивали, стягивали за ноги, кто поднялся на несколько ступеней лестницы. Если не успел выбраться на поверхность или не смог, по причине отсутствия сил, а помогать запрещалось, в котловане и оставались. Наутро находили их окоченевшие трупы. При этом никто никого не хоронил — просто складывали трупы в углу штабелями, чтобы не мешали работать...

— А когда вышел из лагеря на поселение, где ты, Костя, работал?

— Там же по строительному делу и работал. Только деньги другие уже получал.

— А почему не сменил сферу деятельности?

— По нескольким причинам. Во-первых, строить курятники, коровники, конюшни в технологическом отношении значительно проще, чем промышленные объекты, а платят больше. Иногда даже натурой — зерном, мясом, хлебом. А во-вторых, с животными общаться — одно удовольствие. Если ты его погладишь и покормишь, оно тебе все руки оближет. Мы с разной скотиной не только вместе кушали, но и спали. Зароешься в сено рядом с коровой и — кум королю.

4.15

Виктор и Костя проговорили весь день. Выпили три чайника чая. По договорённости между братьями, водки на столе в этот день не было. Зато Костя несколько раз делал себе чифир, предлагал его Виктору, но тот категорически отказывался. Мама всё время хлопотала около стола, стараясь накормить своих сыновей чем-то вкусненьким. Делала вид, что очень занята по хозяйству, но с большим вниманием прислушивалась к их разговору. Наконец, Виктор задал Косте самый важный вопрос, который мама с трепетом ожидала с самого утра:

— Ну и что ты, братишка, сейчас собираешься делать на воле? Отдыхать, работать, учиться?

— Сначала мне нужно оформить свой гражданский статус. Кроме справки об освобождении из колонии, у меня ничего на руках нет.

— Ну, это не проблема. Завтра поедем с тобой в отдел по учёту освободившихся из мест заключения и всё решим.

— Каким образом?

— Зайдём вместе с тобой в кабинет начальника Управления, и я покажу ему своё служебное удостоверение.

— А мне ты можешь его показать?

— Конечно.

Виктор достал из кармана своё удостоверение красного цвета, развернув которое, Костя прочитал, что Виктор является членом Московской городской коллегии адвокатов.

— Как должно реагировать на твой документ местное начальство?

— Положительно. Мы с ним работаем в одной системе, но я представляю высшее адвокатское сообщество нашей страны.

— Понятно. Значит, главный начальник при виде твоего документа должен нарушить все существующие инструкции?

— Ничего нарушать не надо. Он должен просто минимизировать бюрократическую фазу оформления твоих бумаг.

— В смысле?

— В смысле — при мне поставить тебя на соответствующий учёт и вернуть паспорт, который должен находиться в твоём уголовном деле. А так как паспорт за время твоего пребывания в лагере явно устарел, то сразу оформить новый.

— Виктор, ну зачем тебе все эти хлопоты? Пойду-ка я работать на стройку, благо навыки есть. Или в шахту, где отец вкалывал всю жизнь. А новые документы мне в любом случае когда-нибудь выдадут.

— Нет, Костя, нет. Я обещал отцу, что отомщу всем негодьям, которые тебя посадили в тюрьму.

— Каким образом?

— Помогу тебе стать серьёзным специалистом в той области знаний, которую ты сам для себя выберешь. Ты и так потерял, не понятно за что, столько лет. Кстати, у тебя есть свидетельство о среднем образовании?

— Да, есть. Я в колонии окончил среднюю школу и получил хороший аттестат зрелости.

— Это самое главное. А теперь я тебе расскажу о своём плане.

— Какой ещё план, Витя? Ты что из меня хочешь сделать начальника, подобного себе?

— Ни в коем случае. Я хочу из тебя сделать, при твоих замечательных способностях, уважаемого образованного человека, которого будут окружать такие же образованные люди, как ты.

— А матери кто будет помогать жить при её нищенской пенсии? А деньги где взять, чтобы выехать, наконец, из этого проклятого барака? Купить первый раз в жизни хоть какую-нибудь мебель?

— Костя, все материальные проблемы я помогу вам решить. Я приехал сюда, чтобы не только повидаться с тобой, но и поговорить о перспективе жизни. Тебе, с твоей головой, нужно учиться, а не работать на стройке или, тем более, лезть в шахту.

— А не хочешь ли ты меня, грешным делом, к своим юридическим наукам пришить?

— Ни в коем случае. Ты чересчур честный, чтобы этим заниматься. А вот из нашего разговора я понял, что ты к животным относишься значительно лучше, чем к людям.

— Это точно. Там, где я был, все, как на ладони. Люди, в своей массе, представляют собой большую мерзость. Редко встречается нормальный человек. Другое дело — животные, в особенности, лошади. Это

— удивительные существа. С ними можно разговаривать часами и они всё понимают. А какие лошади преданные друзья, это только можно понять в общении с ними!

— Ну вот, Костя, ты себе и выбрал специальность.

— В каком смысле?

— В прямом. Мама, ты не возражаешь, если у тебя будет сын — ветеринарный врач? Всегда при деньгах, а главное, сыт, одет и обут.

— Мне очень нравится эта специальность, — отозвалась мама. — Только Костик должен решить сам, что ему надо.

— Конечно, сам. За него никто не может это сделать. Ну, какое у тебя отношение к моему предложению, братишка?

— Не знаю, Нужно подумать.

— Думай. Я буду здесь ещё три дня.

— И последний вопрос, Костя. Ты женат?

— Нет.

— А любимая женщина у тебя есть?

— Я не знаю, что это такое.

— Значит, нет, ибо в этом случае так не отвечают.

— Ну почему сразу нет? Была у меня одна женщина. Учительница. Когда приходила ко мне на чердак, я был очень доволен.

— А когда не приходила?

— Ждал, когда придёт в следующий раз.

— Теперь всё понятно...

4.16

На обратном пути из Воркуты в Москву Виктор Иванович Черников решил заехать в Ленинград. Это решение он принял после того как брат отказался поехать провожать на вокзал. Он сидел на диване с отсутствующим видом, в полной депрессии, и даже не поднялся, когда Виктор подошёл к нему попрощаться. Потерянный, уставший от такой жизни и её страшных выходов человек, хотя ему было на данный момент всего тридцать шесть лет.

— Ну, будь здоров, Костик. Береги маму. Я тебе напишу письмо.

— Хорошо, напиши.

Надежда Алексеевна вышла на улицу вместе с Виктором.

— Может, не надо, сыночек, так давить на Костика? Пусть он от этого ужаса придёт в себя. Для этого время надо. Столько натерпелся бедный мальчик за годы заключения.

— Мама, перестань жалеть Костю. Водка не решает никаких проблем, а только загоняет их во внутрь на неопределённый срок. Ты мне лучше напомни, в каком году тебя реабилитировали?

— В 1974. А зачем тебе это надо?

— На всякий случай. Ну, всё. Береги себя, мамочка. А о моём предложении переехать в Москву — подумай.

Взять такси на вокзале в Ленинграде оказалось не просто. Пришлось около получаса простоять в очереди. Зато молодой водитель быстро довёз его какими-то закоулками до Ленинградской ветеринарной академии. Узнав на вахте, где факультет ветеринарной медицины, Виктор пошёл искать кабинет декана. В приёмной сидела немолодая женщина, которую со всех сторон окружали студенты.

— Прошу прощения, — обратился Виктор к ней, — мне нужно переговорить с деканом факультета.

— Извините, но профессор Воротников сейчас занят.

— Скажите, что его беспокоит Московская прокуратура, — и показал, не раскрывая, своё удостоверение.

— Одну минуточку... Владимир Алексеевич, — она позвонила по внутренней связи, — к вам гость из Москвы.

— Проходите, пожалуйста. Профессор вас ждёт.

Из-за большого стола поднялся пожилой человек и протянул Виктору свою крепкую натруженную руку.

— Профессор Воротников. Декан факультета. С кем имею честь?

— Черников Виктор Иванович. Московская коллегия адвокатов.

— Позвольте взглянуть на ваше служебное удостоверение?

— Пожалуйста.

— Присаживайтесь, Виктор Иванович. Слушаю вас внимательно.

— Я к вам по личному делу, Владимир Алексеевич.

— Ну, слава Богу, а то знаете, я, как коренной ленинградец, немного испугался. Всякого насмотрелся за свою непростую жизнь. И что у вас за дело ко мне, уважаемый?

— Дело связано с моим старшим братом.

— Он наш студент?

— Нет, он пока не имеет отношения к вашему институту.

— Тогда о чём речь?

— Я очень хочу помочь своему брату, которого судьба наградила тяжелейшими испытаниями.

— Красиво звучит, но не очень понятно. Если можно, объяснитесь, пожалуйста.

— Хорошо, профессор. Я вас долго не задержу.

— Ничего, ничего. У меня не каждый день в кабинете бывает человек вашего уровня. Итак, прошу вас. Рассказывайте.

— Мои родители познакомились в 1945 году в Воркуте: отец после окончания войны приехал в этот город на заработки, мать вышла из лагеря после семилетнего заключения. Она была осуждена по 58-й статье за пособничество в деле первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева. В 1946 году родился мой брат Константин. Через два года я. А потом случилась страшная беда: в 1962 году, когда брат учился в техникуме, у него украли комсомольские взносы курса. Костю обвинили в воровстве большой суммы денег и осудили на девять лет лагерей плюс три года поселений. Отец через несколько лет умер, мать, буквально на глазах, состарилась, а меня призвали в Советскую армию. Весь заработок нашей семьи уходил на адвокатов, которые, к сожалению, ничем не помогли. После демобилизации из армии я поступил на юридический факультет Московского государственного университета и успешно его окончил. Сейчас руковожу частной адвокатской конторой в Москве.

— А что с братом?

— Брат освобожден из заключения. Я сейчас возвращаюсь из Воркуты в Москву, где с ним встречался. На него просто страшно смотреть.

— И что? Как ваш рассказ о брате связан с визитом ко мне?

— Очень просто. Перед смертью я обещал отцу, что сделаю всё возможное для того, чтобы брат вернулся к нормальной жизни.

— Интересно, что вы понимаете под нормальной жизнью, Виктор Иванович?

— Нормальная жизнь — это, прежде всего, хорошее образование, позволяющее человеку заниматься профессиональной деятельностью на серьёзном уровне.

— Это уже ближе к теме нашего разговора. Продолжайте, пожалуйста.

— Дело в том, что за годы, проведённые в лагере, у брата возникла стойкая идиосинкразия на работу с людьми. Кстати, последние несколько лет в лагере он занимался строительством сельскохозяйственных объектов — конюшен, коровников, вольеров. Во время нашего последнего разговора, он неоднократно положительно высказывался об общении с животными. Поэтому мы решили в семье, что ему больше всего подходит быть ветеринарным врачом.

— Прекрасно, а сколько лет вашему брату?

— Тридцать шесть.

— Я думаю, что речь может идти только о заочной форме его обучения в нашем институте.

— Естественно.

— И в чём суть, уважаемый, вашего обращения ко мне?

— Я хочу, чтобы перед тем как он подаст документы для поступления на ваш факультет, вы с ним побеседовали. Так сказать, морально поддержали. Ведь он, согласитесь, необычный абитуриент.

— Это я вам обещаю. Запишите, пожалуйста, мои телефоны и предупредите меня об этом заранее.

Через шесть лет Константин Иванович Черников заочно окончил с отличием Санкт-Петербургскую ветеринарную академию по специальности «Ветеринарная медицина» и уехал работать в Норильский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Ещё через несколько лет он защитил диссертацию и получил учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук. Женился и вызвал к себе на Север свою старенькую маму — счастливую бабушку двух внуков.

Глава 5. Платонов

5.1

Коренной москвич Сергей Павлович Платонов после окончания Московского авиационного института был принят мастером смены завода авиационных двигателей в городе Подольске Московской области. Всю неделю он жил в заводском общежитии, а на выходные приезжал в Москву к маме, Екатерине Васильевне Платоновой, которая после смерти мужа одна занимала трёхкомнатную квартиру на Калининском проспекте. Екатерина Васильевна, активная деловая женщина, работала заведующей кафедрой иностранных языков одного из московских технических вузов. Все разговоры с сыном, чтобы он подыскал себе место работы в Москве и, наконец, женился, заканчивались каждый раз не только безрезультатно, но и небольшим скандалом. На все мамины предложения разнообразных невест Сергей отвечал категорическим отказом.

Сергей Павлович пропадал на работе с утра до вечера. Это было у него от родителей, для которых не существовало понятия «нормированный рабочий день». Они всегда были заняты — если не на лекциях, то на симпозиумах, конференциях, семинарах. Оба — доктора наук, профессора и вся их жизнь заключалась в статьях, отзывах, книгах, диссертациях. Маленький Серёжа эти непонятные слова слышал в родительском доме с раннего детства. Иногда некоторые из них становились причиной серьёзного спора между мамой и папой. Тогда они разъезжались по разным комнатам и в доме появлялась бабушка, а с ней прогулки в зоопарк и что-нибудь вкусненькое.

Картина деятельности родителей отложила соответствующий отпечаток на выбор профессии сына. Сергей наотрез отказался идти по окончании института в аспирантуру и заниматься наукой. При этом, несмотря на все уговоры мамы и папы, по отдельности и вместе, он попросил при распределении молодых специалистов послать его на авиационное предприятие в Подмосковье.

Прошло почти три года с начала работы Сергея Платонова в Подольске на заводе. Молодой способный специалист был замечен руководством и назначен на должность руководителя научно-исследовательской лаборатории. Когда он, счастливый и гордый, приехал с этой новостью домой, мама ему устроила скандал.

— Серёжа, я спала и видела, что ты, отдав родине три обязательных года работы в Подмоскowie, переедешь в Москву. А ты мне сейчас рассказываешь о своих производственных успехах. Да на кой хрен они мне нужны?

— Мама, ну что ты говоришь? Ты даже не представляешь, какие сейчас открываются передо мной горизонты! Теперь я могу продвигать свой проект. Это же класс!

— Серёжа, спустись с неба на землю. Тебе нужно жениться, создать семью, а ты о каком-то проекте мне рассказываешь, гори он синим пламенем. Кстати, а уже тебе присмотрела достойную невесту. В следующий твой приезд обязательно поговорим на эту тему.

5.2

А через несколько дней руководство городского оборонного предприятия дало согласие местной газете сделать интервью с молодым специалистом Платоновым. Правда, корреспондента дальше комнаты для гостей, на территорию завода не пустили: провели в уютную комнату, где за столом, покрытым зелёной скатертью, уже сидел симпатичный молодой человек, и угостили чаем.

— Здравствуйте, я — Виктор Тарасов, корреспондент центральной городской газеты «Подольская правда».

— Очень приятно, инженер Сергей Платонов.

Молодые люди обменялись крепким рукопожатием и сели по разные стороны стола.

— Мне поручено, Сергей, взять у вас интервью. Расскажите, пожалуйста, о себе, о своём предприятии. Чем оно интересно, каков его профиль работы, чем вы сами занимаетесь?

— Не могу.

— Почему?

— Потому что у нас секретное производство.

— Ну, хотя бы, в общих чертах. Оно находится на территории нашего города, а никто о нём ничего не знает.

— И не узнает.

— Почему?

— Потому что, как я уже вам сказал, оно — секретное. Это — во-первых. А во-вторых, я тоже о нём ничего не знаю, так как на подобных предприятиях работник знает только тот узкий сектор, в котором сам работает.

— Вы что, Сергей, собрались с прессой в прятки играть? Ваше руководство дало согласие на интервью с вами, а вы тут комедию передо мной разыгрываете.

— Но я, в самом деле, ничего не могу вам рассказать. По всей видимости, по этому признаку меня и отобрали.

— Ну и дела. Вы же, понимаете, уважаемый, что у меня есть редакционное задание и я должен его выполнить.

— Понимаю, но ничем помочь не могу.

— Тогда вы будете отдуваться перед моим начальством. Согласны?

— Нет. Мне и перед своим хватает.

— Ну в таком случае хоть расскажите о себе.

— Зачем?

— Для моей статьи. Я же не могу вернуться в редакцию с пустым блокнотом. Подумают, что я с вами вообще не встречался.

— А что рассказывать?

— Где родились, кто у вас родители, где учились? Почему выбрали наш город для работы по окончании института?

— Ну что делать с вами. Ладно, записывайте. Родился в Москве. Окончил Московский авиационный институт. Уехал из Москвы, так как очень хотелось пожить самостоятельно. Но уехать решил не очень далеко, так как у меня в Москве мама осталась одна.

— Мама болеет? За ней уход нужен?

— Нет, мама, слава Богу, здорова. Просто из другого города мне к ней с отчётом о своей жизни сложнее добираться. А из Подольска полтора часа — и я на месте.

— А кто у вас мама, Сергей?

— Мама заведует кафедрой иностранных языков. Профессор Платонова Екатерина Васильевна.

— Что вы говорите! Я учился по её учебнику в Литературном институте. Да я такую статью напишу о вас и о вашей маме, просто ахнете!

— А можно будет посмотреть статью перед публикацией?

— Хорошо. Созвонимся и я вам её покажу.

Тарасов позвонил Платонову через неделю:

— Сергей, добрый день. Я закончил статью. Как нам пересечься, чтобы вы на неё взглянули?

— Приезжайте ко мне в общежитие на улице Крупской, дом 4 часам к шести вечера. Я уже буду дома.

— Хорошо.

Виктор приехал к Сергею, как договаривались. Сергей жил в ком-

нате один, так как его сосед уехал на четыре месяца в Минск на курсы повышения квалификации. На кровати соседа стояла шахматная доска с расставленными фигурами. Зайдя в комнату, Виктор поинтересовался у Сергея:

— Играешь в шахматы?

— Да.

— Хочешь сгонять партейку?

— С удовольствием.

Молодые люди за игрой в шахматы не заметили, как пролетело больше двух часов.

— А который час? — спохватился Виктор. — Половина девятого? Всё, я побежал, мне нужно ещё заскочить в магазин по поручению мамы и кое-что купить. Статью оставляю тебе. Как прочтёшь, позвони мне вот по этому телефону.

5.3

Виктор познакомил Сергея со своей мамой, Валентиной Николаевной, которая оказалась очень приветливой и заботливой женщиной. Её трогательное, необыкновенно заботливое отношение к единственному сыну вызывало у окружающих особое умиление.

— С этим мальчиком, Витя, ты дружи, — сказала она сыну, поговорив с Сергеем. — Теперь я за тебя спокойна.

— Мама, ну о чём ты говоришь? Этому мальчику, как и мне, уже двадцать пять лет, а у тебя рассуждения о нас, как о пятилетних детях.

— Не учи меня, сын. Я жизнь прожила.

В один из весенних дней Валентина Николаевна купила на базаре пару замечательных лещей, отварила картошки и сказала Виктору, чтобы он пригласил на ужин Сергея.

— Пусть ребёнок хоть раз в неделю нормально покушает. Ведь в общежитии живёт.

— А он совсем не голодает. К тому же каждую субботу ездит к своей маме в Москву.

— Всё равно пригласи. Приятный молодой человек. Кстати, у него девушка есть?

— Не знаю, мама. Он меня в свои личные дела не посвящает. А вообще, он на работе пропадает с утра и до вечера.

— Значит, нет. Очень жаль. И будете вы в холостяцкой компании друг о друга тереться.

Вечером пришёл Сергей с тремя бутылками пива. Валентина Николаевна пожарила рыбу, отварила картошечку с укропом, так что ужин получился на славу, пока не приключилось с Виктором неприятное обстоятельство. Он подавился костью. Покраснел и стал задыхаться. Первым на эту ситуацию среагировал Сергей.

— Валентина Николаевна, где у вас телефон?

— На письменном столе у Витюши в комнате.

— Алло, скорая помощь? Молодой человек костью подавился. Какой адрес? Сейчас спрошу.

— Какой у вас адрес, Валентина Николаевна?

Через восемь минут раздался звонок в дверь. На пороге стоял небольшого роста мужчина в белом халате, не сходявшемся на животе, и немолодая женщина с медицинским саквояжем.

— Где можно руки помыть? — без лишних слов спросил врач. — У кого горло с костью?

Молодой доктор быстро запрокинул голову Виктору, и через минуту в его коротких пальцах оказалась рыбья кость.

— Ну вот и всё, — засмеялся он. — С этим шутить нельзя. Если кость уйдёт в пищевод, будут большие проблемы.

— Ну, вы и молодец! — восхищённо заметил Сергей. — Вы отоларинголог?

— Нет, я — гинеколог, но в горлах тоже кое-что понимаю, — и снова стал смеяться.

— А как вас зовут? — продолжал задавать вопросы Сергей.

— Эммануил Моисеевич Фридман. Можно просто Мона.

— Эммануил Моисеевич, не откажитесь рыбки покушать. С пивком.

— Рыбку можно, пиво — нет.

— Эммануил Моисеевич, нам на подстанцию пора, — заметила стоящая рядом с доктором медсестра.

— Антонина Петровна, присядьте, пожалуйста. Чайку попейте. Хорошие люди приглашают. Ведь устали же за день. Куда нестись за те же деньги? А вызов примем по пейджеру.

Валентина Николаевна окончательно успокоилась и перестала волноваться за сына, когда в компании Сергея и Виктора появился жизнерадостный, лёгкий в общении, ироничный доктор Фридман.

5.4

Платонов, Фридман и Тарасов чувствовали себя весьма комфортно в своей маленькой компании. К ним это единение пришло далеко не сразу. Оно возникло в результате огромного интереса друг к другу. И ещё этому поспособствовало то обстоятельство, что Сергею Павловичу Платонову, с целью закрепления за предприятием молодых перспективных кадров, вскоре выделили в новом доме однокомнатную квартиру. Теперь он приезжал к маме в Москву каждую субботу на обед, ночевал и во второй половине воскресенья возвращался домой, так как вечером у него собирались на преферанс интересные люди города. Это было замечательное времяпровождение, наполненное музыкой, шутками, хорошим коньяком и, конечно, умной карточной игрой, которую он не мог пропустить.

Среди гостей были инженеры, врачи, журналисты, учителя, работники искусств. Это был своего рода интеллектуальный клуб, основателями которого являлись три человека: хозяин квартиры инженер Сергей Павлович Платонов, врач скорой помощи Эммануил Моисеевич Фридман и редактор местной газеты Виктор Валентинович Тарасов. Со временем основателей стало четверо, когда однажды Тарасов привёл в их мужскую компанию свою сослуживицу Нину Ромашкину. С появлением женщины в их компании ничего не изменилось, так как Нина в настольных играх никому из мужчин спуска не давала. Кстати, на почве шахмат молодые люди и познакомились, а через полгода Тарасов объявил друзьям, что решил на Нине жениться.

Душой компании и заводилой всех мероприятий был убеждённый холостяк доктор Фридман. Он и на Нину, когда увидел в первый раз, среагировал весьма оригинальным образом:

— О, красавица моя! Будешь мне помогать варить холодец. А я у тебя за это роды грамотно приму, когда нужно будет. Не возражаешь?

— Возражаю.

— Почему?

— Боюсь, что не справишься.

— С чем не справлюсь: с холодцом или с родами?

— Конечно, с родами.

— Я не справлюсь? Ну, рассмешила. Да будет тебе известно, что роды принять значительно проще, чем сварить по всем еврейским правилам хороший холодец.

— Это же почему?

— Потому что холодец — это высокое творчество, а роды — естественный процесс, за который отвечает сама природа. Ей только нужно немножко грамотно помочь.

— Откуда ты это всё знаешь?

— Да я по базовой специализации, дорогая моя, акушер-гинеколог высшей категории. Так что не бойся за результат. Всё будет как у покойника.

Сергей Павлович знал, что в компании Эммануила Моисеевича, не закрывающего целый вечер рот, можно просто глубокомысленно молчать, так как он сам всё организует и не даст никому скучать. Доктор Фридман, или как его все ласково называли Моня, до Подольска работал на скорой помощи в Иркутске, где, как он говорил, было два основных диагноза у пациентов: отравление палёной водкой и обморожение. Когда же ему надоело жить в Сибири, он поменял свою двухкомнатную квартиру в Иркутске на однокомнатную в Подольске плюс гарантированную работу врачом скорой помощи. В свою новую квартиру Моня купил румынский мебельный гарнитур, из которого оставил себе огромную кровать, занимающую почти всю площадь комнаты, платяной шкаф и тумбочку. Да ещё на кухне умудрился втиснуть между газовой плитой и холодильником небольшой стол и два стула. Остальные предметы гарнитура он просто раздал знакомым и друзьям.

При оформлении на работу Моня сразу согласился трудиться в бригаде скорой помощи по 18 часов непрерывно через два дня на третий. Это позволяло ему вести беспорядочный образ жизни в своё удовольствие. Иногда он, уходя со смены, сразу заезжал на машине за какой-нибудь подружкой для оказания, как он выражался, комплекса неотложных реанимационных услуг. Если Моня находился дома, то только спал и на телефонные звонки не отвечал. За это несколько раз был начальством серьёзно предупреждён, но жизненного графика не менял. А вообще, Моне всё прощали, потому что он был потрясающим диагностом. Не было случая, чтобы он до приезда в приёмный покой больницы не поставил правильный диагноз больному.

Виктор Валентинович Тарасов тоже любил поговорить, но, в отличие от Мони, его высказывания были чёткими и взвешенными, напминавшими, по определению его жены Нины, сводки с фронта. Быстро поднимающийся по карьерной лестнице, Тарасов в 32 года уже был главным редактором центральной городской газеты. Но всю его карьеру обрушила редакционная статья, в которой он необдуманно поддержал какую-то антипартийную группу. После этого бедного Та-

расова неоднократно обсуждали в высших коридорах власти и, в конце концов, вынесли взыскание — снять с должности главного редактора и понизить до ответственного за выпуск. Тарасов как бы на всех обиделся и за два года написал кандидатскую диссертацию на какую-то экономическую тему. А после её успешной защиты, сразу начал работать над докторской.

5.5

Первым, как правило, в воскресный вечер приходил к Платонову Моня. Ему всё равно нечего было делать дома. Но перед этим он всегда звонил Сергею по телефону.

— Платон, привет.

— Привет. Ты один?

— Один.

— А ты уже проснулся?

— Да. Собираюсь идти к тебе. Скажи, может, что-нибудь нужно купить по дороге?

— Моня, ничего не надо. Сегодня за стол отвечает Тарас. Можешь просто, без затей, идти ко мне.

— Ты же знаешь, Платон, я всё равно что-нибудь куплю, а потом окажется, что это ни к чему.

— Ну ладно. Купи несколько бутылок чешского пива. Пиво лишним никогда не бывает.

— Вот это другой разговор.

Пока гости собирались, Моня и Платон, как правило, играли в шахматы. Играли с часами, чтобы можно было быстро завершить партию. Но сегодня шахматы отменились, так как Сергей привёз из Москвы несколько книг, в которые с порога погрузился Моня. Особенно его захватил Борис Акунин, который в оригинале, как указывалось в аннотации, был вовсе не Акунин, а Григорий Чхартишвили.

— Платон, ты не знаешь, зачем люди фамилию меняют?

— Ты имеешь в виду, когда замуж выходят?

— Нет. Просто, по жизни.

— Если это творческий человек — писатель, артист, то для простоты общения и запоминания.

— А если не творческий?

— Ну что ты, Моня, задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответ?

— Просто мне интересно узнать твоё мнение.

— Хорошо, я тебе отвечу. Когда мне давали новую форму допуска в первом отделе нашего предприятия, то задали только один вопрос: почему вы дружите с Эммануилом Фридманом?

— Да что ты говоришь! Вот это да!

— Представь себе. А если бы ты был Васей Пупкиным, никто бы ничего у меня не спросил.

— Вот дела!

— В общем, ты, Моня, известный человек в определённых, очень серьёзных кругах.

— Может, тебе просто позавидовали, Платон, что ты со мной дружишь?

— Это точно. А скажи, Моня, какой ты веры?

— В смысле, во что верю?

— Нет, в какого ты бога веришь?

— Понимаешь, Платон, Бог один. Поэтому выбора у меня большого нет. А верю я в порядочность и честность людей. В настоящую дружбу.

— Ты, Моня, не отвечаешь на мой конкретный вопрос. Есть христианство, иудаизм, мусульманство, буддизм? К какой религии ты относишься? Какой ты веры?

— А, вот о чём ты спрашиваешь! Отвечу честно: я не знаю разницы между этими религиями. А что касается веры, то у меня это слово сопрягается со словом «верность».

— И больше ни с чем?

— И больше ни с чем.

От дальнейшего обсуждения этой темы их отвлек звонок в дверь. На пороге с кульками стояла Нина.

— А где хозяин? — поинтересовался Платон.

— Побежал за сигаретами. Сейчас придёт.

— Как? Сам взял и побежал? Ну ты, Нинка, даёшь. Ты — молодец. А за рулём кто был?

— Конечно, я! Не царское это дело — водить машину.

— Это точно. Хорошо сказала.

Тарасов, или, как его называли друзья, Тарас, был уникальный человек. Он всегда и везде что-то читал. Даже когда играл в шахматы. Только делает ход и сразу за книгу. Жил он до женитьбы на Нине вдвоём с мамой. О папе не имел никакого представления, как будто его вообще в природе не существовало. Даже отчество у него было производным от имени мамы — Валентинович. Валентина Николаевна всю жизнь работала телефонисткой. Когда уходила на работу, всегда подсовывала

сыну интересную книгу, а за чтением он не замечал маминого отсутствия. Так и втянулся в это занятие. Любовь к книге ассоциировалась у маленького Виктора с любовью к маме, которую он обожал и во всём слушался.

Тарас не сразу познакомил маму с Ниной. Боялся, что она ей не понравится. Но мама достойно оценила крепкие руки будущей невестки и уже на третий приход Нины к ним в гости чётко изложила своё видение жизненной перспективы сына:

— Ну, куда вы, Ниночка, пойдёте, на ночь глядя? Тем более что на улице идёт дождь. Я вам постелю вместе с Витюшей на диване, если вы, конечно, не возражаете?

А она не возражала. И если раньше все проблемы, связанные с единственным сыном, лежали на маминых плечах, то сейчас Валентина Николаевна одной фразой аккуратно всё переложила на плечи этой молодой энергичной женщины.

5.6

В квартире Сергея Платонова уже в течение нескольких лет собиралась отборная публика. Отборной она была, прежде всего, потому, что Платонов её сам отбирал. Право быть приглашённым в его дом нужно было чем-то заслужить. Но однажды Моня нарушил это правило и привёл на квартиру Платонова своего начальника — главного врача станции скорой помощи. С удивлённым видом Сергей открыл на звонок дверь:

— Моня, а кто это с тобой?

— Мой хороший знакомый.

— Ну, заходите. Присаживайтесь.

К середине вечера выяснилось, что многие шутки и анекдоты гость не понимает: переспрашивает, задаёт недоумённые вопросы, что-то всё время уточняет. В конце вечера вообще затеял непонятный спор с Виктором.

На следующий день Платон жёстко высказал другу свои претензии:

— Моня, скажи, пожалуйста, чем интересен человек, которого ты вчера припёр в мой дом?

— Тем, что взял меня в наше смутное время на работу. Еврея, да ещё без подмосковной прописки.

— Чего? Да он должен быть счастлив, что ты у него работаешь, и каждый день молиться на тебя!

- Это же почему?
- Потому что ты один из немногих врачей, работающих в настоящее время на скорой помощи, который в состоянии отличить гланды от геморроя. Видел я твоих коллег в работе. Это ужас.
- В каком смысле?
- В прямом. Когда мой папа был при смерти в Москве, я вызвал скорую помощь. Мало того, что они приехали через сорок минут после вызова, так врач мне ещё с порога нахамил.
- Как нахамил?
- Очень просто. Когда я ей выказал своё недовольство по поводу сорокаминутного ожидания, она мне ответила, что на моче они ездить не умеют, а бензина у них, к сожалению, нет. Я этого врача очень хорошо запомнил. У неё был полный рот зубов, в два ряда. Как у акулы. И, вообще, тётка была совершенно без комплексов — увидев в нашей квартире рояль, подошла к нему, открыла крышку и, фальшиво аккомпанируя сама себе, запела: «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...» Я думал, что её тут же удавлю.
- Ладно, Платон. Не кипятись. На скорой помощи разные люди работают. Можно подумать, что у вас в объединении работают только одни вундеркинды.
- Не вундеркинды, но нормальные грамотные люди.
- К сожалению, Платон, как тебе хорошо известно, медицина, образование, культура сейчас в бедственном финансовом положении и конца такой ситуации не видно.
- Ну всё, Моня. Ты на меня не обижайся за слова по поводу твоего начальника. Но есть просьба к тебе: в следующее воскресенье не опаздывай и приходи один.

5.7

Чувствуя, что ему не миновать серьёзного разговора с мамой в связи с повышением по службе, Сергей решил ублажить её, сделав хороший подарок. В очередной интеллектуально-преферансный день он спросил у своих друзей:

- Послушайте, где можно в Подольске что-нибудь приличное купить в подарок для мамы?
- По какому поводу? — спросил Тарас. — День рождения или ещё что-нибудь такое?
- Просто так.

- Ты большой оригинал, Платон. Взять ни с того ни с сего что-то маме купить? Я понимаю, какой-нибудь девушке, а то — маме. Да ты для неё и так самый дорогой подарок!
- Здесь, в принципе, ничего купить нельзя, — вмешался в разговор Моня. — Захолустье. Если только у Марго спросить? Она у нас в городе самая кручёная. С московскими претензиями.
- Подружка твоя, что ли, Моня?
- Нет, она меня отшила. Сказала, что я ей не по размеру.
- В каком смысле?
- Маленький и толстый.
- Да ты что! Кто такая?
- Ритка Горохова. Очень дорогая барышня. У неё кликуха в городе — Марго.
- И что она делает в нашем городе? — стал пытаться Платон.
- Держит модный магазин. Окончила какой-то серьёзный московский институт.
- Как её можно найти, Моня? В смысле, как с ней связаться? Может, ты ей позвонишь и договоришься о встрече?
- Нет, ты ей сам позвони вот по этому телефону. Скажи, от Бориса. Правда, она редко поднимает трубку, но может, тебе повезёт.
- Платонов настойчиво звонил в магазин несколько дней подряд, но безрезультатно. Звонки по офисному телефону принимала бухгалтер и трафаретно отвечала, что директора на месте нет и неизвестно, когда будет.
- При очередной встрече рассерженный Сергей спросил у Мони:
- Моня, ты что мне за телефон дал? Горохова — это призрак или живой человек?
- Не понял твоего вопроса, Платон.
- Звоню, звоню, а её никогда на месте нет. Или ещё не пришла, или уже ушла.
- Платон, это всё — понты. Барышня набивает себе цену. Нам, когда я учился в медицинском институте, профессор по гинекологии рассказывал байку. В Иркутске был один замечательный женский доктор. Он начинал приём ровно в 10 часов утра. Без трёх минут десять в его приёмную выходила медсестра и объявляла: гости из Москвы, Ленинграда и Киева могут пройти вне очереди.
- Ну и что? Зачем ты это мне рассказал?
- Это очень хорошая психологическая находка, и Марго ей успешно пользуется.

— Зачем, ответь? Чтобы показать, какая она занятая и как всем нужна?

— Правильно. Пауза — великое изобретение человечества. Работает не только на сцене, но и в бизнесе.

— Понятно. И всё-таки, Моня, что делать? Давай, напрягай свой шершавый мозг.

— Не расстраивайся, Платон. Найду я для тебя домашний телефон Марго. Всё уладим. Будешь покойником.

5.8

Сергей позвонил Гороховой домой после восьми вечера, и она сразу ответила на звонок:

— Добрый вечер, вас слушают.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство. Мне нужен подарок для мамы. Друзья сказали, что вы можете помочь в решении этой небольшой проблемы.

— Для мамы, говоришь? А деньги у тебя, мальчик, есть?

— Есть.

— Сколько у тебя денег?

— Это не телефонный разговор.

— Умный у твоей мамы мальчик. Ну, тогда приходи завтра в это время. Сейчас я тебе адресок продиктую.

Маргарита Ильинична Горохова, молодая женщина лет тридцати, жила одна. Как это нередко бывает с красивыми женщинами, замуж в своё время не вышла. А потом, по её глубокой оценке, пошёл сплошной порожняк. Несколько лет назад она окончила Московский институт экономики, менеджмента и права по специальности «Банковское дело». По профессии работать не стала, так как сразу поняла, что не хочет быть экономистом и всю жизнь на кого-то пахать. Начала искать занятие по душе и недолго поработала в качестве менеджера у одного знакомого — владельца модного бутика. Тогда-то и пришло к ней решение организовать свой бизнес. Смыслёная девушка, она быстро постигла основные правила ведения бизнеса, а потом, за небольшой промежуток времени, умело пользуясь своим обаянием и красотой, поднялась в полный рост.

Свою нестандартную двухкомнатную квартиру Марго превратила в музей, где все вещи были дорогие и оригинальные. О каждой из них, занесённой в специальный каталог, она знала всё: к какому историческому периоду относится, кто автор, в чём художественная ценность,

сколько стоит на «чёрном» рынке. Она и мужа подбирала себе под стать своему интерьеру. Не стремилась, чтобы он был красивый, но обязательно умный и успешный.

Камертоном оценки мужчины было его отношение к её богатству. Если он заходил в квартиру и начинал с порога охать-ахать, то она сразу исключала его из списка претендентов на свою руку и тело, так как он за барахлом не видел её саму. Если оставался равнодушным ко всему, что было в квартире, то, по её классификации, был пустой и глупый человек.

Новый знакомый, представившийся Сергеем Платоновым, зайдя в квартиру Гороховой и внимательно посмотрев на картины, висевшие на стенах обеих комнат, произнёс только три слова:

— Серьёзные и глубокие работы.

Он разительно отличался от мужчин, которые её окружали — не заискивал перед ней, а главное, не стремился понравиться. Марго, в домашнем халате и сигаретой на длинном мундштуке, даже несколько растерялась в присутствии Платонова.

— Так говоришь, что присматриваешь подарок для мамы?

— Да. Хочу её чем-нибудь удивить.

— Очень трогательно. Ко мне первый раз обращаются с такой просьбой. Может, ты что-нибудь хочешь конкретно?

— Не знаю, но чтобы подарок был оригинальный.

— У меня всё оригинальное. Твоя мама какого возраста?

— Молодая.

— Это хорошо, что ты не называешь возраст своей мамы и говоришь, что она молодая. Я подумаю.

— Заранее благодарен.

— Но, в принципе, тебе самому не мешало бы немного приодеться. Выпить хочешь?

— Нет.

— Ну, совсем плохой. Торопись домой или ещё куда?

— Домой. Завтра у меня селекторная планёрка.

— Это что за такие непонятные слова? Никогда ничего подобного не слышала.

— Селекторная планёрка? Это когда ты должен со своего рабочего места отвечать по громкой связи на вопросы руководства завода.

— Слушай, Серёжа, бросай свою пустую работу. Я тебе хорошее место подберу. Денежное.

— Мне и так хватает. Когда вас, Марго, можно побеспокоить?

— Приходи завтра. Какое уж там беспокойство.

Когда Сергей ушёл, Марго никак не могла на чём-нибудь сосредоточиться. Что-то её отвлекало от дел, которыми она обычно вечерами занималась: книга, телевизор, бокал хорошего вина, разговоры по телефону с вкусной сигаретой. А потом вдруг поняла — запах мужчины. Не одеколону, табака или пота, а какой-то неуловимый запах настоящего мужчины. Оказывается, это — не выдумка. Это существует на самом деле.

5.9

Марго всегда относилась к жизни с весёлым оптимизмом. Считала, что главное — уметь зарабатывать деньги, а тратить их может каждый дурак. С утра до вечера она была занята своим бизнесом: телефонные звонки, деловые встречи, чеки, накладные. О Платонове по своим надёжным каналам навела справки: холостой, из Москвы, живёт один, работает на авиационном предприятии инженером, любит играть в преферанс.

В одну из редких с ним встреч задала ему вопрос:

— Платоша, скажи, дорогой, что ты там делаешь на заводе с утра до вечера? Тебе что-нибудь дополнительно за это платят?

— Нет, мне просто это интересно.

— Интересно у попадьи под юбкой, а за каждую работу человек должен получать деньги. В противном случае складывается впечатление, что он не успевает сделать то, что ему положено в рабочее время.

— Понимаешь, Марго. Есть формальная работа, а есть творческая, которая в часах не измеряется.

— А в чём измеряется?

— В удовлетворении от того, что ты сделал или придумал. Это чувство приходит от осознания своего интеллектуального могущества,

— Что-что? А попроще, для тудящихся, можно сказать?

— Нет, не могу. Как говорил мой покойный папа, всё можно объяснить, только нужно заплатить.

— И всё равно мне непонятно. Всех в конце рабочего дня ветром сдувает, а ты торчишь там бесплатно.

— Ну почему бесплатно? Мне потихоньку прибавляют зарплату.

— Да что ты говоришь! И много?

— Не очень. Но мне хватает.

— Знаешь, Платоша, мне такие, как ты, нестандартные мужчины,

нравятся. Их не очень накладно содержать. Правда, не знаешь, что с ними дальше делать? А так — всё хорошо.

— Как что делать? Любить. Сильно и страстно, как в старые времена барин любил дворовую девку.

— Так вот, я тебя спрашиваю, за что любить?

— Любят, Ритуля, не за что, а вопреки. Настоящая любовь анализу не поддаётся. Ты мне лучше скажи, почему у тебя в квартире нет ни одной твоей фотографии?

— А зачем? Любуйся оригиналом. Современная фотография легко вводит мужчину в заблуждение — фотограф что-то добавляет, что-то убирает. А тут всё на виду.

— Что на виду?

— Ну, например, грудь. На неё мужчина обращает внимание в первую очередь.

— Не совсем так. Некоторые мужчины начинают рассматривать женщину с головы, другие — с ног.

— В любом случае, их взгляд упирается в грудь. Ты даже не представляешь, как женщина чувствует мужской взгляд. Он у них прямой, как у свиньи.

— Не понял?

— Что не понял? Про свинью? Ну, это известная истина: собака смотрит на человека снизу вверх, кошка — сверху вниз, а свинья — прямо.

— Да ты что! Я над этим не задумывался.

— А ты задумайся. Тут много смысла.

— Хорошо. Подумаю.

— И ещё ты мне скажи, дорогой, почему женщины после любовного акта сразу, как правило, закрывают грудь, хотя буквально несколько минут назад до этого старались её обнажить?

— Потому что мужчина — существо грубое и примитивное. В угаре страсти он не замечает, какая у женщины грудь. А несколько успокоившись, начинает проводить в голове «разбор полётов».

— И что?

— Я не понял глубину твоих мыслей, Марго, о роли женской груди в жизни мужчины?

— Потому что я её не закрываю.

— Опять загадка. Почему не закрываешь?

— Объясняю, для особо одарённых. Среди мужчин не очень часто встречаются Аполлоны, на которых приятно смотреть как до любовного акта, так и после. Как правило, его слабая копия. И для того чтобы

мужчина ничего, между прочим, не возомнил о себе, я никогда не прикрываю свою красивую грудь.

— Ну ты, мать, и запуржила.

— Может, и запуржила, но всё по теме. Женщина должна гордо нести свою грудь и с достоинством её подавать мужчине. Как дорогое и изысканное блюдо.

— Bravo, Марго! Я от тебя в восторге!

— Успокойся, Платоша. Давай без эмоций. Просто нужно ещё в школе научить детей с уважением относиться к женщине, а не рассказывать, как пользоваться презервативом.

— Где-то я читал, Марго, что умный человек редко бывает счастливым, в особенности, женщина.

— Бай, Платоша. Иди сегодня домой, а то ты ещё до какой-нибудь глупости договоришься.

5.10

За одиннадцать лет работы на заводе в Подольске Сергей Павлович вырос до начальника исследовательского цеха, получил двухкомнатную квартиру и был доволен своей работой. Как правило, он на субботу приезжал к маме в Москву и во второй половине воскресенья возвращался домой. Но сегодня Сергей Павлович подозрительно никуда не торопился, а после обеда вообще демонстративно лёг на диван с книгой. Дело в том, что он хотел поговорить с мамой по вопросу, обсуждение которого, по его предположению, могло затянуться.

— Что-то ты, Серёжа, мне сегодня не очень нравишься. Какой-то неразговорчивый, напряжённый... Что-то у тебя произошло. Не жениться ли, дай бог, собрался?

— От тебя ничего не скроешь, мама. Не глаз, а рентгеновский аппарат!

— А что, у тебя есть что-то от матери скрывать? Я тебя, в принципе, наизусть знаю. Ты — копия своего покойного отца. По тому, как он открывал входную дверь и снимал в прихожей обувь, я уже знала, в каком настроении папа пришёл домой.

— Ладно, мама, Ванга ты наша. Мне, в самом деле, нужно с тобой посоветоваться по одному серьёзному вопросу.

— Неужели ты, всё-таки, надумал жениться?

— Мама, оставь меня в покое. Мне только тридцать четыре года.

— Только тридцать четыре? Правда? А Михаил Юрьевич Лермонтов уже к этому времени давно умер. Так в чём вопрос?

— Если ты, профессорша, отложишь свои деловые бумаги, которые читаешь, одновременно разговаривая со мной, то я тебе спокойным тоном всё подробно расскажу.

— Хорошо, отложила. Излагай.

— Ну ты хоть дома не будь заведующей кафедрой.

— Излагай, говорю. Не томи девушку.

— Дело в том, что мне в понедельник нужно дать начальству ответ на один серьёзный вопрос.

— Какой вопрос? По какому поводу? Что ты топчешься на одном месте, как описавшийся второклассник.

— Мне предложили должность заместителя генерального директора авиационного объединения, но с переездом в город Тверь.

— Чего? Ты что — дурак, Серёжа? Ты в своём уме? — начала кричать в полный голос Екатерина Васильевна. — Нормальные люди в твоём возрасте стараются перебраться поближе к Москве, а ты — наоборот. Отползаешь от неё всё дальше и дальше! Я уже не беру во внимание, что у тебя мать — старуха, живёт одна. Что случись — некому горшок подать!

— Мама, ну что ты говоришь! Какая ты старуха! Ты как хорошо смазанное самоходное орудие — едешь и стреляешь на ходу! Тебе только пятьдесят лет, а доктора педагогических наук, как правило, работают бессрочно и на пенсию вообще не уходят.

— Ещё как уходят! Мне, для твоего сведения, уже пятьдесят три, так что не подлизывайся.

— Ну ладно, пятьдесят три. Всё равно не сердись.

— Я не сержусь. Я — в бешенстве. Для решения твоей матримониальной проблемы разве можно Москву сравнить с какой-то Тверью. Мне это слово даже на слух не ложится. Тверь, понимаешь!

— Почему, мама, ты так говоришь? Это большой промышленный и культурный центр. Там даже великий русский писатель Салтыков-Щедрин состоял на государственной службе.

— Серёжа, не морочь мне голову с твоим Салтыковым-Щедриным. Зная твой характер, я уверена, что ты уже дал согласие своему начальству на перевод. А теперь матери хочешь задним числом продать по дешёвке несвежую осетрину.

— Свежую, мамуля, свежую.

— Ладно, лучше идём за стол. Выпьем по рюмочке за твоё дурацкое повышение.

— Ну, ты даёшь, мать! Я всегда восхищался и гордился тобой! Ты единственная такая на всём белом свете!

— Спасибо, сын. Ты мне лучше скажи, сколько часов на машине от Твери до Москвы?

— Не о чем говорить! Меньше трёх часов! Да всё будет в порядке, мама. Не расстраивайся, а главное, не волнуйся.

5.11

Платонов, большой любитель классической музыки, имел прекрасную коллекцию долгоиграющих пластинок. Поэтому карточную игру в его доме всегда сопровождала тихая музыка. Пластинки, стоящие почти сто рублей, он покупал у людей, приезжавших из-за границы. В последнее время пользовались большим спросом джазовые переложения Баха, Вивальди, Бетховена, Шопена и других классиков. Мягкое, очень трогательное исполнение классных пианистов, можно было слушать без конца.

После первой пульки, все гости проходили на кухню, где дежурный накрывал фуршет с хорошим коньяком и дорогим вином. Пили без тостов, каждый наливал себе сам, что и сколько хотел. Так как во время игры разговоров на посторонние темы за столом не велось, то в перерыве гости шумно беседовали друг с другом. Как правило, тон задавал сам Сергей Павлович, но сегодня он был какой-то необычно серьёзный и задумчивый.

В середине вечера Сергей Павлович попросил всех налить:

— Дорогие друзья, хочу вам сообщить одну новость. Не знаю, как вы к ней отнесётесь, но, думаю, с пониманием.

— Начало интригующее, — накалывая кусок осетрины, отреагировал Моня.

— Моня, не мешай. Наш мыслитель хочет сказать что-то умное и серьёзное, — одёрнул его Тарас.

Платонов сделал паузу.

— Всё сказали, друзья мои?

— В каком смысле — всё? Мы ещё не начинали демонстрировать своё понимание, потому что ты ещё ничего не сказал, — продолжал мешать Моня.

— Моня, да утомись ты, наконец. Дай сказать Платону, — снова его резко одёрнул Тарас.

— Ладно, уговорили. Слушаем тебя, Платон, внимательно.

— Очень хорошо. Ну так вот. Сообщаю, что со следующей недели я начинаю работать в должности заместителя генерального директора авиационного объединения в Твери. Приказ о моём переводе уже подписан.

— Подожди, а как с квартирой, где мы сейчас сидим? Её что — отберут?

— Эту квартиру я должен сдать, а в Твери, по всей видимости, получить другую.

— Какую? — снова влез со своим вопросом Моня.

— Думаю, что такую же. А может, лучше. Не знаю, но изменения в моём месте работы не должны никак повлиять на нашу дружбу. Предлагаю за это выпить.

Сергей поднял свою рюмку, но его рука не встретила над столом никаких других. Никто из присутствующих почему-то не захотел с ним по этому поводу чокнуться.

— Что такое, друзья? Что за бунт на корабле? Почему не видно радостных лиц и подбрасываемых чепчиков? Ведь меня переводят в Тверь, а не в Тобольск! Какие-то три часа езды на машине — и вы у меня в гостях. Пьём коньячок, пишем пулю. Всё как прежде.

— Тарас, ну скажи что-нибудь по этому поводу, — толкнула мужа Нина. — Ты же у нас самый умный.

— Понимаешь, Платон. Дело не в пуле и не в коньячке. Всё так, да не так. Дело в наших отношениях. Ведь что такое друг? Кто может носить это высокое звание? И вообще, чем друг отличается от всех остальных людей? Только одним — ты с ним, как две шестерёнки, находишься в постоянном плотном зацеплении. По любому вопросу, в любой ситуации. Причём, не обязательно друзьям быть согласными друг с другом во всём. Можно и поругаться. Но из состояния зацепления они не могут выйти.

— Да не собираюсь я заканчивать с нашей дружбой! Всё останется, как прежде, только видаться будем реже, — попытался возразить Платон.

— Подожди, Платон. Я ещё не договорил, — остановил его Тарас.

— Извини, пожалуйста.

— Ну так вот. Сегодня Моня достал где-то гуся. Может, украл, как Паниковский, а может, благодарные пациенты подарили. Не знаю. Но

принёс его Нинке и сказал, чтобы зажарила. Мол, вместе с тобой собирается прийти на следующей неделе к нам в гости. Наглец, каких свет не видал. Другого я бы с лестницы сразу спустил, а на него у меня обиды нет. Потому что друг. Придётся жарить.

— Ну, ты даёшь, Тарас! Всё хорошо говорил, а в конце взял и приплёл меня с гусем, — пробубнил Мона.

Но Тарас, не обращая внимания на реплику Мони, продолжил:

— Я понимаю, Платон, что ты пошёл на повышение и уезжаешь от нас. И это не уменьшает наше чувство потери. Такого, как ты, в нашем окружении нет и, наверное, уже не будет. Единственно, что я тебе хочу от души пожелать, Платон, — женись. Это другое качество жизни, другие возможности, другое мироощущение. Не бери пример с Мони. Через его необъятную кровать уже полгорода прошло. Он считает, что все женщины делятся на две категории: те, которые у него были в гостях, и те, которые ещё будут.

— Это верно, — серьёзным тоном подтвердил Мона.

— Ты лучше на меня посмотри, — не обращая на его реплику внимания, продолжал Тарас. — Честно скажу, я, как всякий мужчина, проживший много лет вдвоём с мамой, очень боялся жениться. Надумывал себе всякие жуткие проблемы. А сейчас доволен, как слон. Всё Нина умеет, обо всём заранее заботится. Более того, у меня появились новые жизненные горизонты: поездки на море, походы в горы, посещение фестивалей, театра, кино. Она меня всё время куда-то вытаскивает...

— И ещё сама отвозит, — опять влез Мона.

— Подожди, Мона. Что ты постоянно комментируешь мои слова? В общем, не о чем говорить. Я хочу пожелать тебе больших успехов, Платон, в личной и производственной жизни.

— Спасибо, дорогие друзья. Но мне не нравится ваше настроение. Оно какое-то упадническое. Мрачное и бесперспективное.

— Ничего подобного! — подключилась к разговору Нина. — Мы очень рады за тебя. Но я хочу добавить ещё несколько слов к тому, что сказал Витя. Береги свою маму, Платон. Она несколько по-другому, в отличие от нас, относится к твоим успехам. У мамы восхождение сына по служебной лестнице ассоциируется всегда с тем, что на неё будет всё меньше и меньше оставаться времени. Никогда об этом не забывай!

— Спасибо, Ниночка, что ты маму вспомнила. Это очень ценное пожелание.

— А давайте, всё-таки, нормально выпьем за Платона, — оживился Мона. — Будь здоров, дорогой, а остальное всё купим.

— О, совсем забыл вам сказать, — вдруг перебил Мону Платон. — На новом месте работы мне по должности полагается служебная машина. Так что приехать к вам, друзья, для меня — не такая уж большая проблема. Тем более, что предприятие в Подольске является подконтрольным объединению, куда меня переводят. Думаю, что я частенько буду у вас в гостях. Ура!..

Все дружно чокнулись и пошли в комнату расписывать вторую пульку. Искренние слова друзей запали в душу Сергею, но сказанное Тарасом о жене зацепило больше всего. Всё-таки, ему уже тридцать четыре года, а перспективы никакой.

5.12

На вторник был назначен переезд Сергея Павловича Платонова из Подольска в Тверь. Об этом ему сообщил в понедельник диспетчер из административно-хозяйственного управления объединения.

— Сергей Павлович, вам какая машина нужна, чтобы перевести вещи? Грузовой фургон вас устроит?

— А в него встанут пианино и два кресла с журнальным столиком?

— Вполне. А что ещё у вас есть?

— Из мебели — ничего. Есть ещё шесть картонных коробок с посудой и постельными принадлежностями. Книги и пластинки я упаковал отдельно, но они не занимают много места.

— Не волнуйтесь, Сергей Павлович, всё в машине поместится. Вам рабочие нужны?

— Желательно прислать пару человек.

— Я понял. Всего хорошего.

Диспетчер положил трубку, а Платонов подумал: «Зачем я заказал рабочих? Тарас и Мона каждый день звонят, предлагая свои услуги. Я им отказываю, потому что от них будет много шума и мало пользы. А вот Нину, пожалуй, можно позвать — она поможет запаковать немецкий музыкальный центр, в который входит приёмник, проигрыватель и кассетный магнитофон. Его нужно уложить с особой тщательностью, чтобы не растряссти в дороге».

Маме Сергей решил о дате своего переезда в Тверь не сообщать. В прошлый раз, когда ему дали однокомнатную квартиру, Екатерина Васильевна Платонова позвонила сыну на работу и без обсуждения предупредила:

— Серёжа, я приеду к тебе в конце недели, чтобы помочь всё как следует расставить.

— Мама, у меня ничего нет, чтобы расставлять. Я ведь в общежитии жил. Только два чемодана и маленький телевизор.

— Тем более. Тебе всё нужно купить, а ты это сам без меня сделать не сможешь.

— Да мне, в принципе, ничего не надо.

— Как это не надо? Ещё как надо! Хотя элементарно что-то в квартиру приобрести. Правда, мы с твоим отцом тоже так начинали. Только комнату нам дали в полуподвале, а не на третьем этаже элитного дома, как тебе.

— И что? Не понял, какое имеет значение этаж?

— Дело в том, что обустройство нашей комнаты я начала с занавесок на окнах, чтобы папа не засматривался на ножки проходивших мимо женщин.

— У меня этой опасности нет на третьем этаже.

Но мама его не слушала и продолжала говорить:

— А ещё мы с папой получили на каком-то складе кровать и два стула с инвентарными номерами под расписку, что после эксплуатации вернём их в целости и сохранности.

— Мама, меня целыми днями не бывает дома. Зачем мне в квартире все эти дрова?

— Поэтому нужно в хлеву жить. А вообще, мне ты не нужен. Я приеду и сама во всём разберусь.

Екатерина Васильевна Платонова, чтобы помочь сыну обустроиться в новой квартире, взяла на работе неделю отпуска и со свойственной ей энергией принялась за дело. Она не стала бегать по магазинам в надежде что-то приобрести, а сразу пошла к начальнику управления торговли города Подольска. На двери нужного ей кабинета была указана фамилия его владельца: «Чемоданов Василий Иванович». В приёмной Екатерина Васильевна предъявила секретарю начальника пропуск красного цвета доктора филологических наук в читальный зал №1 библиотеки имени Ленина. Красная книжечка всегда действовала безотказно, и поэтому секретарь её сразу пропустила к своему начальнику.

— Здравствуйте, Василий Иванович, — с широкой улыбкой вошла она в кабинет начальника управления. — Заведующая кафедрой иностранных языков Московского института стали и сплавов. Профессор Платонова Екатерина Васильевна. Вот моя визитная карточка.

— Очень рад, очень рад приветствовать высоких гостей из Москвы, — засуетился Чемоданов. — Присаживайтесь, пожалуйста. По какому поводу к нам приехали, Екатерина Васильевна?

— Не буду хитрить. У меня в вашем городе живёт и работает единственный сын. На днях он получил однокомнатную квартиру как высококлассный специалист авиационного предприятия и переезжает туда из общежития. Как вы понимаете, у него из мебели ничего нет. Приехала помочь обустроиться ребёнку на новом месте.

— Святое дело! Сколько лет ребёнку?

— Двадцать восемь. Холостой.

— В самом деле, ребёнок... И что вас, Екатерина Васильевна, интересует?

— Всё.

— И оба от души рассмеялись. Завязался разговор о жизни в столице и на периферии. Оказалось, что у Василия Ивановича в Москве живёт дочь с мужем и внучкой. С девочкой большая проблема: не хочет учиться в специализированной физико-математической школе. Говорит, что ей тяжело, а родители настаивают.

— Знаете, что, Василий Иванович, подскажите вашей дочери, чтобы она со мной связалась. Вот мой телефон. Мы с ней поговорим насчёт вашей внучки. Думаю, что всё будет хорошо.

— Заранее большое спасибо, Екатерина Васильевна. Заранее благодарен. Теперь в отношении вашего сына. Я вам сейчас напишу записку к начальнику городского отдела продаж. Вы к нему обратитесь от моего имени, и он всё сделает. Мой секретарь предупредит его о вашем визите. Желаю успехов.

Екатерина Васильевна не только купила для сына всё необходимое в доме, но и организовала через Василия Ивановича Чемоданова перевозку из Москвы в Подольск семейного пианино и двух кресел с журнальным столиком, в которых Сережа с покойным отцом любили вечером посидеть и поговорить о жизни.

5.13

Должность заместителя генерального директора авиационного объединения в Твери, которую занял Сергей Павлович Платонов, по всем параметрам отличалась от той, на которой он работал в Подольске. Сейчас ему полагался отдельный кабинет с секретарём в приёмной и телефон многоканальной связи.

Накануне Платонову позвонила незнакомая женщина и ровным голосом сказала:

— Здравствуйте, Сергей Павлович!

— Здравствуйте!

— Я — ваш секретарь, Галина Владимировна Ларионова.

— Очень приятно.

— Сергей Павлович, в соответствии с приказом генерального директора Объединения, вы должны приступить к работе в среду, 28 августа. Ваш кабинет номер 206 в главном корпусе. Я вас там буду встречать в восемь часов утра. У вас есть ко мне вопросы?

— Нет. Всё ясно.

— Тогда до встречи.

Галина Владимировна, немолодая женщина в строгом костюме, встала при появлении Платонова и приветливо сказала:

— Здравствуйте, Сергей Павлович. С проездом.

— Здравствуйте, Галина Владимировна. Очень приятно.

— Проходите, пожалуйста. Это — ваш кабинет, — и она указала на открытую из приёмной дверь.

— Спасибо.

— Располагайтесь, обживайтесь. Готова ответить на любой ваш вопрос. Связь со мной через нижнюю левую кнопку комбайна связи. Ваша комната отдыха — дверь слева от стола. Там вы найдёте всё необходимое. В одиннадцать часов дня вас ждёт у себя генеральный директор.

Немногословная, аккуратная, а главное, знающая, Галина Владимировна создавала вокруг себя спокойную, деловую обстановку. Она приходила на работу в половину восьмого утра, за полчаса до прихода Сергея Павловича, и уходила ровно в половине пятого. Когда заканчивал работать Платонов, она не знала, но не было случая, чтобы он вечером не прочитал всю почту, которую она ему подготовила. Дверь в кабинет к Сергею Павловичу всегда была открытой, но посетителей за день было, как правило, немного. Всем было известно, что праздные разговоры Платонов не поддерживал. Только по делу. И никакого чая или кофе.

Галина Владимировна, даже при открытой двери в кабинет Платонова, всегда спрашивала разрешение войти. Но сегодня она изменила своей привычке и вошла без стука:

— Извините, Сергей Павлович, что отвлекаю. Можно мне уйти с работы после обеда — нужно отвезти мужа в больницу.

— Конечно, идите. И возьмите мою машину. Водителя я предупрежу.

— Спасибо. Если кто позвонит, я переверла свой телефон на ваш номер.

Галина Владимировна отсутствовала на работе две недели, оформив отпуск без содержания для ухода за мужем. Чем он болел, никто не знал. Сергей Павлович тоже не задавал этот вопрос — мама с детства его учила, что о состоянии здоровья спрашивают только у самых близких людей. Обязанности Галины Владимировны исполняла молодая девушка Лена. Помощник Платонова объяснил новому секретарю, что в её обязанности входит: принять звонок, записать вопрос и координаты обращающегося и передать ему информацию. Сергея Павловича не беспокоить и ни с кем его не связывать. Лена хорошо справлялась со своими обязанностями, но однажды отсутствие Галины Владимировны Платонов ощутил очень остро. Для совещания у главного технолога объединения Сергей Павлович должен был подготовить соответствующую справку. Все папки с нужными для справки данными находились в бронированном шкафу. При этом каждая папка имела свой шифр. Без Галины Владимировны найти требуемую папку было невозможно. По телефону Сергей Павлович связался со своим водителем:

— Василий Петрович, вы помните, в какую больницу отвезили Галину Владимировну с мужем?

— Да, помню.

— Поезжайте и немедленно привезите её ко мне. Я сейчас напишу ей записку. Передадите в запечатанном конверте. Только нигде, я вас прошу, не задерживайтесь. Забрали и сразу обратно.

Примерно через час Василий Петрович вернулся из больницы, но один.

— Сергей Павлович, Галина Владимировна сидит у постели мужа после операции и не может его оставить. Она написала, прямо на вашей записке, ответ.

И протянул Платонову запечатанный конверт. В нём лежал маленький листок бумаги, на котором было написано: «Извините, но приехать не могу. Нужная вам папка стоит в сейфе под шифром А-1282. Код сейфа Вы знаете. С уважением, Г. В.»

5.14

Сергей Павлович находился на работе с утра и до вечера. Это было у него от родителей. Их деятельность отложила соответствующий отпечаток на выбор профессии сына. Он наотрез отказался идти по окончании института в аспирантуру и заниматься наукой. Сейчас, в Твери, как заместитель генерального директора объединения, Платонов отвечал за выполнение всех экспериментальных проектов объединения. При этом он ввёл новую форму проведения производственных совещаний на местах непосредственного выполнения работ, внимательно слушая высказывания не только инженерно-технических работников, но и простых рабочих.

Сегодня Платонова пригласил к себе генеральный директор объединения Владимир Алексеевич Соколов. Человек он был немногословный, конкретный и решительный. Так же, как и Платонов, Соколов окончил Московский авиационный институт, но на одиннадцать лет раньше.

При входе в кабинет Генерального директора секретарь Зина предупредила всех посетителей, сколько времени у них есть на разговор с Соколовым:

— Сергей Павлович, у вас тридцать минут.

— Я понял, Зина. Спасибо.

— Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь. Я вас пригласил к себе вот по какому поводу. Для согласования сроков и перечня поставок комплектующих по проекту А-1282 наше Министерство решило направить в Швецию группу специалистов.

— Я уже подготовил техническое задание и согласовал его со всеми участниками проекта.

— Это хорошо, но я не об этом.

— А о чём?

— В состав этой группы главный конструктор рекомендует включить и вас.

— Не возражаю. Мне очень интересно посмотреть всё на месте.

— Мы тоже поддерживаем вашу кандидатуру, но по информации управления кадров объединения вы, оказывается, холостой. У меня, извините, Сергей Павлович, деликатный вопрос: за время работы в объединении ваше семейное положение не изменилось?

— Нет. А это важно для объединения?

— Для нас — нет, а вот для соответствующих органов это имеет серьёзное значение.

— Учту это обстоятельство в дальнейшем, Владимир Алексеевич, — со смехом ответил Платонов. — Тем более, что меня уже обложили со всех сторон.

— Кто обложил? Женщины?

— Нет. Мои друзья. Да и мама заодно с ними. Жизни мне не дают.

— Ну вот. А теперь и мы подключились. Так что вам, Сергей Павлович, деваться некуда.

И они стали так громко смеяться, что секретарь прикрыла дверь в кабинет генерального директора из приёмной.

5.15

Из Швеции Платонов прилетел в Москву в четверг утром и из аэропорта «Шереметьево» позвонил своему секретарю:

— Галина Владимировна, добрый день. Я прилетел.

— С прилётом вас, Сергей Павлович. У вас всё в порядке?

— Всё нормально. Галина Владимировна, позвоните, пожалуйста, в управление кадров объединения и предупредите, что я на работу выйду в понедельник. Один день хочу взять в счёт отпуска — с мамой пообщаться. Чтобы туда-сюда не ездить.

— Я всё сделаю, Сергей Павлович. Не волнуйтесь. Отдохните после командировки.

— Спасибо. Всего хорошего.

Затем Платонов набрал номер домашнего телефона мамы.

— Мама, это я. Как дела, всё в порядке?

— Привет, сыночек. Ты уже прилетел?

— Да. Я в Шереметьево. Сейчас возьму такси и приеду.

— Очень хорошо. Позавтракаешь без меня. У меня с утра методический совет института. Вернись домой часа в четыре.

Открыв своим ключом входную дверь родительской квартиры, Платонов занёс в комнату чемодан и сумку с подарками. Быстро разделся, надел халат и пошёл в ванную. Сегодня была и холодная, и горячая вода, что в последнее время стало большой удачей. Холодильник полный. Мама подготовилась к приезду сына. Но он всё равно позавтракал по-холостяцки: яичница с колбасой и кофе с тостом. Пока завтракал,

два раза позвонили по телефону. Первым звонком девушка, не представляясь, предложила купить блок «Виагры» на весь год.

— Молодой человек, покупайте, не раздумывая! У нас сейчас сезонная распродажа.

— В каком смысле — сезонная?

— В смысле, что зима на носу. Покупайте, не сомневайтесь! Скидка на блок — 20%! Доставка — немедленно!

— А как у вас с качеством? — со смехом спросил Сергей Павлович.

— Качество препарата фирма гарантирует.

— Можно проверить? — продолжал прикалываться Сергей Павлович.

— Дурак, — и повесила трубку.

Вторым звонком из домоуправления предупредили, что с понедельника будет отключена горячая вода. Послonyaвшись по родительской квартире и побренчав на пианино, Платонов решил заняться делом и написать отчёт по командировке. Но из этого ничего не вышло — его организм категорически отказывался сосредоточиться на серьёзных документах.

Из Москвы Платонов хотел заехать на один день к своим друзьям в Подольск. Первому он решил сообщить об этом по телефону Тарасову. Его секретарь с вычурным именем Мариэлла, как всегда, была на своём рабочем месте.

— Приёмная газеты «Подольская правда», Мариэлла Суворова, слушает.

— Здравствуйте, Мариэлла. Соедините, пожалуйста, меня с Виктором Валентиновичем.

— Его нет на месте. А кто спрашивает?

— Платонов Сергей Павлович.

— Ой, простите, Сергей Павлович. Я вас не узнала. Богатым будете. Что ему передать?

— Передайте, пожалуйста, что я в пятницу московским электропоездом в 16.40 приеду в Подольск. Никуда ваш шеф не собирается отъезжать?

— Никуда. Во всяком случае, мне не известно.

— Ну, хорошо. До встречи!

— Всего хорошего, Сергей Павлович.

После разговора с секретарём Тарасова, Сергей почувствовал какое-то удовлетворение. Спокойная манера разговора, доброжелательность, откровенная демонстрация своих эмоций отличает секретарский

состав провинциальных учреждений от столичных. В основе их деятельности лежит желание поговорить с обратившимся к ним человеком, сообщить нужную информацию, а не отбить охоту в следующий раз обращаться. Манера поведения секретаря, как правило, повторяет манеру общения с людьми начальника. Холод, идущий от секретарей, резкость их ответов пресекают желание обращаться к их начальникам, лишают человека надежды на то, что данная инстанция ему в чём-то поможет и заранее настраивает на отрицательный результат.

5.16

Поздно вечером Платонову перезвонил Тарасов.

— Здоров, мыслитель. С приездом.

— Привет, Тарас.

— Мне Мариэлла сказала, что ты звонил. Встретить тебя не смогу. У меня в пятницу заседание бюро горкома. Тебя встретит Моня. Я закажу бронь на твоё имя в гостинице «Подольск».

— Не надо меня встречать и бронь мне не нужна. Обижаешь... Ты что там чавкаешь?

— Не чавкаю, а кушаю. Первый раз за целый день. Какая-то сплошная суета, а не жизнь.

— Жизнь начнётся, Тарас, когда тебя уволят с твоей никому не нужной должности. И газету твою закроют.

— Ну что ты каркаешь, Платон! Всё! Связывайся с Мoneй. Да, и прихвати в столице бутылочку приличного коньяка, а то у нас совсем ничего не осталось.

— Давай, до встречи!

Приличного коньяка и в Москве нельзя просто так купить. Придётся, как обычно, литерным путём через начальство. «И когда у нас будет всё, как в Швеции: зашёл — купил, и никаких проблем». Платонов вспомнил, как два года назад приехал к маме в элитный санаторий в Подмосковье. Санаторий находился в лесу и охранялся, как секретный объект. Посещение отдыхающих разрешалось только по личному разрешению директора санатория. Так как Сергей хотел сделать маме сюрприз, то заявился к ней без предупреждения. Когда мама открыла дверь, то сначала не могла понять, как сын оказался в её комнате.

— Серёжа, как ты прошёл без согласования со мной? Ведь у нас режимный санаторий!

— А зачем мне что-то согласовывать со своей мамой? Она всегда будет рада видеть своего сына.

— Такой порядок. Дежурный всегда звонит с проходной и спрашивает, готова ли я принять гостей?

— И что ты, как правило, отвечаешь?

— По-разному. В зависимости от того, кто обращается и с какой целью желает меня посетить.

— Понятно. А теперь, моя дорогая мама, я тебе открою один секрет. Твой сын, над которым ты продолжаешь подтрунивать до сегодняшнего дня, как над маленьким мальчиком, является заместителем генерального директора серьёзного оборонного предприятия.

— Ну и что. Знаю я сей прискорбный факт в твоей биографии. Какое он имеет отношение к моему санаторию?

— Самое прямое. В соответствии с занимаемой должностью, я имею право доступа в любое учреждение моего ведомства без оформления какого-либо пропуска.

— Да ты что... Вот бы отец порадовался, если был бы жив, что его сын имеет привилегию доступа для досмотра любого помещения.

— Мама, кончай иронизировать. Просто санаторий, в котором ты отдыхаешь, находится под нашей юрисдикцией.

— А в другой санаторий ты тоже можешь проходить без пропуска?

— А в другой санаторий вообще в наше время не требуется оформление пропуска. Заходи — не хочу.

— Ладно, сын, не обижайся. Лучше идём со мной обедать. У нас замечательно кормят. Гарантирую — не пожалеешь.

— Идём. Я как раз очень проголодался.

— Слушай, Серёжа. А приобрести билет на самолёт или, там, на поезд ты тоже можешь без очереди?

— Да. По предъявлению удостоверения мне предоставляется место в любом виде транспорта вне очереди.

— Горжусь тобой, сын.

5.17

В те времена, когда Платонов еженедельно ездил в Москву на электричке, он всегда садился в пятый вагон. Там было немного тише, чем в других вагонах, и меньше пассажиров. Время в пути было непродолжительным, около часа, и Сергей, как правило, читал книгу о самураях. Эту книгу он брал с собой в любые поездки, но до конца так ни разу не

дочитал. Всё время что-то отвлекало. Вот и сегодня он не мог сосредоточиться на тексте, так как вагон электрички почти полностью был заполнен свадьбой. По всей видимости, это были студенты и ехали они в обратном направлении от Москвы, собираясь отметить знаменательное событие на природе в Подмоскowie. Не пьяные, без гармошки и песен, они, всё равно, сильно шумели, но люди в вагоне на них смотрели с пониманием и интересом...

Моня, приехав встречать Сергея, машину «Скорой помощи» поставил прямо на платформе, недалеко от выхода из пятого вагона, но кроме молодожёнов, окружённых толпой разгорячённых участников студенческой свадьбы, никто из вагона не вышел. Платонов решил пропустить всю толпу и появился в дверях вагона чуть ли не последний. На платформе стояла машина «Скорой помощи», в которой находился только водитель. В тот момент, когда Платонов спускался по ступенькам вагона, к машине подошла женщина в красной фуражке.

— Кто-то заболел? — участливо спросила дежурная по станции у водителя машины.

— Наверное, если мы приехали.

— Мне никакой телефонограммы не поступало. Я тоже никакого вызова не отправляла.

— Не знаю. Спросите у врача.

— А где врач?

— Он пошёл встречать больного.

Дежурная никуда не уходила, желая дожидаться врача, который куда-то загадочно пропал. Платонов тоже стоял у машины «Скорой помощи», но с другой стороны. Наконец, появился запыхавшийся Моня в развивающемся белом халате. За ним семенила немолодая медсестра.

— Вы врач? — сразу накинулась дежурная на Моню.

— Да.

— А кого встречаете?

— Больного мужчину. Ему в поезде стало плохо и он вызвал карету.

— Какую карету?

— Карету «Скорой помощи». Другой не нашлось.

— И где же ваш мужчина?

— Не знаю. Мы с ним, наверное, разминулись.

— Вы что, шутки со мной собрались шутить?

— Да уж, какие шутки. Просто он, видимо, пришёл в себя и ушёл домой своим ходом вместе со свадьбой.

— Ну, вот что, уважаемый. Немедленно освобождайте перрон, пока я милицию не вызвала.

— Что вы говорите? А я могу вас взять вместо него, если будете продолжать орать на весь вокзал.

— Убирайтесь отсюда, я вам сказала.

— Всё. Успокойтесь, товарищ начальник, всё. Мы уже уезжаем.

Когда дежурная по вокзалу, наконец, отошла от машины, появившийся Платонов напал на Моню:

— Ты что, эскулап, обалдел совсем? Тебя же милиция могла, в самом деле, захомутать!

— Каким образом? Машину «Скорой помощи» никто не имеет права задерживать, даже милиция. А вот тебя, Платон, за ложный вызов могут, в самом деле, оштрафовать. Так что с тебя бутылка коньяка.

Конец фразы потонул в дружном хохоте.

— А помните, Эммануил Моисеевич, как вас забрали в милицию, когда мы приехали на настоящий вызов? — вступил в разговор водитель машины Георгий Николаевич.

— Конечно, помню, но не всё, — ответил Моня.

— Всё вы не можете помнить, потому что сразу полезли в драку и получили по голове. А дело было так. Мы ехали с вызова на улице Ленина и увидели, как два отморозка бьют пожилого человека. Он лежал лицом к земле, а бандиты старались перевернуть его на спину. Когда вы подбежали и стали оттащить одного из бандитов, тот сразу вас выключил. Тогда я с монтировкой выскочил из кабины, но и меня они уложили.

— Неправда. Я через некоторое время очухался и напал на них снова, — огрызнулся Моня.

— Вот-вот. Как раз в этот момент приехала милиция и всех участников драки забрали в отделение. Там нас, каждого в отдельности, допросили, составили протокол и отпустили. Из пяти участников этого происшествия самым пострадавшим оказались вы, Эммануил Моисеевич. Четыре шва вам наложили на голову.

— К чему это вы рассказали, Георгий Николаевич? — спросил Моня.

— А к тому, что вы всегда ищите какие-то приключения. А главное, их успешно находите.

— Ну, а следствие было? Чем всё это закончилось? — перебил их перепалку Платонов.

— Следствие было, — продолжил свой рассказ водитель. — Нас почти целый год вызывали в прокуратуру по разному поводу. Оказалось,

что эти подонки хотели, посреди бела дня, отобрать у ветерана войны звезду Героя Советского Союза.

— И чем всё это закончилось? — спросил Сергей.

— Состоялся суд, на котором этим бандитам, за групповой разбой, дали по восемь колонии строгого режима.

В этот момент Георгия Николаевича целиком захватила ситуация на дороге: между соседними машинами возникла небольшая щель и он быстро въехал в неё, несмотря на гудки со всех сторон. А перед перекрёстком начался вообще сплошной хаос — машины стояли в несколько рядов вплоты друг за другом, развёрнутые немислимим образом в разные стороны, вплоть до встречного. Продолжать движение было совершенно невозможно, и Георгий Николаевич выключил мотор.

5.18

Платонов смотрел из окна машины «Скорой помощи» на улицу подмосковного Подольска и сравнивал эту сюрреалистическую картину с ситуацией на дорогах Швеции, по которым ездил несколько дней назад. Сравнивать было нечего, так как по всем параметрам шведские дороги — это был двадцать первый век, а подмосковные — девятнадцатый. И такая тоска накатила на Платонова, что хоть караул кричи.

«Дорога — подумал он про себя, — это лакмусовая бумажка, по которой можно определить уровень развития общества и отношения государства к своим гражданам...

Что ты этим хочешь сказать?

А то, что люди, живущие в этом государстве и делающие вид, что их не интересует качество дорожного покрытия, внешний вид заправок станций, цены на бензин и прочие мелочи, позволяют государственным чиновникам продолжать стоять у власти и издеваться над ними...

А что они могут сделать?

Многое. Известный великий русский классик сказал, что в России есть две беды — дураки и дороги. Он неправ. Беда только одна — дороги. На них человек теряет драгоценное время, которое ему даровал Всевышний для жизни на земле, повторяя каждый день одну и ту же неприятную процедуру — ездю на работу и обратно...

И что ты предлагаешь?

Предлагаю отменить вообще эти поездки, так как сполна перенервничав в пути, человек, приехав на работу, отдаёт нелепые распоряже-

ния, если начальник, или бестолково их выполняет, если подчинённый. Но это ещё не всё. По этим дорогам человек возвращается с работы домой и привозит с собой весь негатив, который накопил за рабочий день...

И что дальше?

А дальше у него возникает желание освободиться от этой отрицательной энергии, что приводит к скандалам, выяснению отношений и разрушительным войнам в семье.

Понятно...

Что тебе понятно?..

А то, что разбитый, злой, не отдохнувший за ночь человек на следующий день снова повторяет весь ужасный цикл предыдущего дня. И так из года в год. Правильно...

Может быть, есть другие причины, кроме дорог, возникновения подобной ситуации? Например, ментальность людей, пробелы в воспитании, наконец, отсутствие культуры...

Может быть, но только не из-за того, что все люди — дураки. Дураков на дороге нет. Все — грамотные и умные. Тебе столько советов надают, что не увезёшь...»

А из открытых окон машин, сгрудившихся на нерегулируемом перекрёстке, неслись крики и проклятия вперемежку с женским визгом и матом. Создавалось впечатление, что в этом провинциальном городке на этом перекрёсте скопилось всё вселенское зло, разъедающее изнутри всех участников дорожной драмы

«И всё-таки, почему в России грязное, оскорбительное поведение людей наиболее концентрированным образом как раз проявляется на дороге? Почему готовность пропустить, помочь, уступить в Европе сменилась здесь желанием обмануть, опередить, объехать, не взирая ни на какие препятствия и преграды?»

Не найдя ответа на все свои вопросы, Платонов горестно заключил, что его страна никогда не догонит Запад по самому важному показателю существования людей на земле — уважительному отношению друг к другу. Эту глубокую ущербность нельзя преодолеть никакими партийными постановлениями и государственными указами...

— Ты на что так засмотрелся? — прервал размышления Платонова Мона.

— Да вот, смотрю, какой бардак в нашей стране творится за окном.

— Какой бардак? — недоумённо спросил Мона.

— Бардак на дороге.

— Ты что, Платон, с Луны свалился? Впервые это видишь? У нас вся жизнь — один сплошной бардак.

— Ниоткуда я не свалился. Просто забыл, когда последний раз пользовался автобусом. А из своей машины, когда сидишь за рулём, всё вокруг представляется несколько иначе.

— И что ты по этому поводу думаешь? — глядя на Платона в упор, спросил Мона.

— Думаю, что не скоро в России общая ситуация изменится в лучшую сторону. А о дорогах нужно отдельно рассказывать детям в школе, ибо с дорогой связаны абсолютно все — пешеходы, водители, милиция, уборщики, правоохранительные органы. Без этого ничего хорошего в стране не произойдёт.

— Точно, — снова оживился водитель Георгий Николаевич. — Вот когда я учился в школе, это было после войны, у нас в актовом зале проводились танцевальные вечера. Вдоль стен стояли стулья, на которых сидели девочки. Мальчики, как правило, стояли кучками по углам. Самые смелые из них приглашали девочек на танец, а потом провожали на место. И в этом провожании заключалось самое главное, самое волнительное для мальчиков действие.

— Не понял, Георгий Николаевич, о чём вы говорите, — спросил Мона.

— Я говорю о том, что самое приятное было для нас даже не потанцевать с девочкой, а проводить её через весь зал, поддерживая бережно за локоток. А в конце провожания тихим голосом спросить разрешения ещё раз пригласить её на танец. Вот в этом заключался воспитательный момент в бывшей советской школе, а всё остальное — ерунда...

5.19

Минут через сорок карета «Скорой помощи» выехала из огромной привокзальной пробки и помчалась с включённой сиреной по городу.

— Мона, мы куда едем? — осмотревшись, спросил Сергей.

— Как — куда? Ко мне домой. Я на сегодняшний вечер подменился. Не каждый же день друзья из Швеции приезжают.

— Это ты прав. Не каждый...

— Ну вот. Я всё дома приготовил. И Тарас скоро подгрёбёт. А что, есть другие предложения?

— Есть. У тебя же в квартире сидеть негде. Только лежать. А для этого тебе, Мона, нужен другой контингент гостей.

— Это правильно, Платон. И что ты предлагаешь?

— Поедем сейчас в гостиницу, снимем хороший номер и загуляем.

— А что делать с моими заготовками?

— Заедем к тебе домой и всё заберём с собой. Не пропадать же добру.

— Ладно, согласен, если только свободные номера будут в гостинице.

— Ну, это решаемый вопрос.

В гостиницу «Подольск» попасть было совсем не просто. На стеклянной входной двери всегда висела картонная табличка: «Просим прощения, свободных мест нет». Места, конечно, были, но для определённой категории людей. Поговаривали, что гостиница крышевалась бандитами, которые в любое время могли здесь появиться и отдохнуть. Рядом с входом в гостиницу на высоте глаз человека среднего роста находилась белая кнопка с видеопереговорным устройством. Платонов нажал на эту кнопку и перед дверью с внутренней стороны неожиданно появился крепкого телосложения молодой мужчина в обычном костюме с галстуком.

— Здравствуйте, уважаемые гости. Слушаю вас внимательно.

— Спецпропуск, — Платонов приставил к стеклу входной двери своё служебное удостоверение.

В тот же момент щёлкнул замок и дверь автоматически открылась.

— А это кто с вами? — спросил человек на входе.

— Сопровождающий.

После получения ключа от номера на втором этаже, Платонов предупредил администратора:

— Жду гостя. Тарасов Виктор Валентинович.

Через полчаса раздался в их номере телефонный звонок.

— Мальчики, добрый вечер. Профессионально снимаем стресс и все остальные проблемы.

— Спасибо, у нас уже есть гости.

— Очень жаль. Всего хорошего.

— Платон, а что ты от барышень отказался? Всё было бы в цвет.

— Мона, сколько тебе лет?

— Только тебе скажу. Больше никому. Сорок два.

— Ты не пробовал жениться?

— А ты?

— Что — я? Мне только тридцать семь. Я на пять лет моложе тебя.

— Понимаешь, Платон, дело в том, что после сорока лет мужчина живёт, как правило, на автопилоте. Как получается, так и живёт. Без затей и новаций. А что касается матримониального акта, то год от года он его откладывает, но уже не со страха, а чисто от лени.

— Как это?

— А вот так. Ну зачем ему нужна вся эта муть: за кем-то ухаживать, делать комплименты, дарить цветы, что-то умное говорить, ходить на свидания, знакомиться с родителями. Бр-р... Изменить ситуацию может только такая решительная женщина, как Нинка.

— А что сделала Нинка?

— А то. Легла с Тарасом в постель на третий день знакомства и — всё. А дальше запретила ему со мной общаться. Как ты уехал, так наша кампания и распалась.

5.20

Последний год Сергей Павлович Платонов всё время находился в стрессовом состоянии. В силу большой занятости и отсутствия опыта выполнять обязанности заместителя генерального директора объединения, он уже третью неделю он не мог вырваться в Москву.

Сергей Павлович редко звонил маме не потому, что не было желания, а из-за того, что с мамой нельзя коротко поговорить. Она задаёт тысячу вопросов и хочет получить на всё исчерпывающие ответы. Только позавчера она позвонила ему, чтобы прочитать короткую нотацию. А так разговор с ней обычно занимает не менее получаса.

— Серёжа, ты вообще собираешься мать застать в живых или сразу на похороны приедешь?

— Ой, мамочка! Как хорошо, что ты позвонила, а то я на работе совсем зашился.

— Ничего страшного. Как зашился, так и разошьёшься. Я не собираюсь с тобой ничего обсуждать. Чтобы на выходные приехал домой. Есть серьёзный повод. Ты понял меня?

— Понял.

— Всё. Будь здоров.

В субботу Платонов был на работе до двух часов дня, накануне предупредив своего водителя, Василия Петровича, что они едут в Москву. Василий Петрович оформлял себе командировку и, пока Сергей Павлович находился у мамы, был занят своими делами. Так как в Твери были проблемы с продуктами, то он для своей семьи и друзей всё за-

купал в Москве. Некоторые из них он складывал в багажник машины, а скоропортящиеся забирал с собой в ведомственную гостиницу, где ночевал с другими шоферами.

В связи с загруженностью трассы они приехали в Москву только около шести вечера.

— Куда едем, Сергей Павлович?

— На Калининский к маме. Завтра в шестнадцать часов возвращаемся в Тверь. Всё понятно?

— Понятно...

— Я думала, что ты уже сегодня не приедешь, — расцеловавшись с сыном, сказала Екатерина Васильевна спокойным тоном.

— Мама, ты прекрасно выглядишь — хоть замуж выдавай.

— Не трепи языком, Серёжа. Об этом мы с тобой сегодня отдельно поговорим.

Стол, накрытый красной скатертью, был сервирован на три персоны. Украшением стола был свиной холодец с хреном, который очень любил сын. Серёжа ещё всегда заказывал маме жареную картошку, но это она делала в его присутствии, заранее замочив несколько очищенных картофелин в какой-то особой воде.

— Что-то ты, Серёжа, какой-то никакой. Похудел, синяки под глазами. Что-то, как мне кажется, тебе впрок эта должность не идёт. Или есть какая-то ещё причина для переживаний? Давай рассказывай.

— Хорошо, обязательно расскажу. Ты мне, мамочка дорогая, сначала скажи, по какому поводу на столе стоят три прибора?

— Не волнуйся, сыночек, в гости я никого не жду. Просто несколько дней назад исполнилось сорок лет годовщины нашей с папой свадьбы. Ты уже забыл эту дату, а я, естественно, всё хорошо помню и хочу отметить её вместе с тобой. Согласен?

— Конечно, согласен.

— Тогда быстро мой руки и садись за стол.

5.21

После нескольких рюмочек вина Екатерина Васильевна Платонова полезла в книжный шкаф и достала оттуда один из семейных альбомов. Там хранились фотографии её и покойного мужа ещё со студенческих лет. К сожалению, их свадебных фотографий не было — посидели в общепите с бутылкой вина и кастрюлей пельменей, вот и весь праздник.

— Мама, я уже много раз всё это видел.

— Нет, не всё. Хочу показать тебе одну фотографию, на которую я уверена, ты мог не обратить внимание.

— Что за фотография?

— Вот она. На ней я, мой папа — твой дедушка, и наш сосед по даче — Владимир Николаевич Калмыков. Он много лет провёл в Норильском концлагере. Посадили его по какому-то мерзкому доносу, никакого отношения к политике не имеющему.

— А к чему имеющему?

— К французской промышленной архитектуре. Он принёс на работу какой-то альбом, а один из недоброжелателей написал на него донос. Его обвинили в буржуазной пропаганде. А когда освободился из заключения, то остался в Норильске жить и работать. Вот этот человек оплатил мою и папину учёбу в аспирантуре. У него с нашим дедушкой был какой-то серьёзный договор.

— Интересная компания: полковник комитета государственной безопасности и бывший политический заключённый, отсидевший много лет в норильском лагере.

— Всё не так. Во-первых, папа никогда не работал в комитете государственной безопасности. Он был начальником Управления безопасности на транспорте Сибири и Дальнего Востока. А во-вторых, Владимир Николаевич уже давно реабилитирован.

— Интересно, интересно. А можно поподробней, мама?

— Можно, но это не короткий рассказ.

— Ничего, сегодня я никуда не тороплюсь.

— Ну, тогда слушай. Когда твой дедушка ушёл из органов, ему, в порядке исключения, дали подмосковную прописку и разрешили поселиться на бабушкиной даче, которую он своими руками перестроил.

— А причём тут Владимир Николаевич?

— Владимир Николаевич оказался дедушкиным соседом по даче. Они познакомились, когда тот приехал в отпуск из Норильска.

— Понятно. И что дальше?

— А дальше дедушка однажды рассказал Владимиру Николаевичу, что на нашу с папой учёбу в очной аспирантуре да плюс ты, нет денег. И тогда Владимир Николаевич предложил оплатить нашу учёбу за то, что дедушка построит ему новую дачу.

— Очень интересная история. Он ещё жив, наш благодетель?

— В прошлом году, когда я ездила на дачу, был жив. Правда старенький, но держится бодро. Пишет книги. Свободно владеет французским и английским языками.

— Откуда?

— Он из дворян. Получил очень хорошее домашнее воспитание. Кстати, в первую свою поездку в Москву после освобождения из лагеря он случайно встретил молодую девушку, студентку Московского медицинского института. Влюбился в неё и женился. Разница в возрасте у них была на момент знакомства лет двадцать пять.

— Ну вот видишь, мать. Значит, у меня ещё ничего не потеряно.

— В каком смысле?

— Я тоже найду себе такую — лет на двадцать моложе.

— Да найди, ради бога. Мне уже всё равно: на двадцать моложе, на пятнадцать старше. Только найди, чтобы я внуков успела увидеть.

— Ну, для внуков жениться не надо. Это я могу тебе организовать и без женитьбы.

— Ты что, сын, больной на голову? Пропустил время, а теперь идиотскими шуточками отделываешься?

— Ну почему идиотскими?

— Потому что такие как ты — членистоногие, ни того, ни другого по-серьёзному делать не умеют. Просто беда с вами.

5.22

На следующее утро Сергей Павлович позволил себе поспать подольше. Водитель должен был заехать за ним в шестнадцать часов, так что ещё оставалось половина дня для общения с мамой.

— Доброе утро, — зайдя в салон, сказал он маме.

— Доброе, — буркнула она в ответ.

— А что мы такие злые с утра?

— После разговора с тобой, я полночи не спала.

— Что так?

— Всё думала о тебе, своём единственном сыне! О твоей глупой шутке, что жена может быть старше мужа.

— Да брось ты, мама. Здесь думать не о чем. Это как в еврейской школе... Учитель спрашивает у ученика: «Сёма, сколько будет дважды два?» — «Господин учитель, мне бы ваши заботы...»

— Это ты к чему ляпнул?

— Да к тому, что не на ком пока мне жениться. Не на ком. Хоть вокруг и много прекрасных женщин.

— Жена и женщина — это два совершенно разных человека. Неправильно говорят, что жена — вторая половина мужа. Это не так. Они равные половинки и никак иначе.

— Каноны нарушаешь, мать, каноны.

— Ничего я не нарушаю. Ведь не напрасно говорят: муж и жена — одна сатана. А ты знаешь, кто такой Сатана?

— Нет, не знаю.

— Так вот. В древние века считалось, что евреи — отродье Сатаны со всем набором присущих им разных козней против христиан. Этим обвинением христиане во все времена оправдывали преследование евреев. А оказывается, Сатана со своей преданной женой, наоборот, всегда защищал евреев.

— Получается, что настоящей искренней жене, по определению, уготована нелёгкая судьба быть женой Сатаны?

— Именно так. Настоящая любовь бывает только у искренних людей. У неискренних и любовь мутная.

— А я читал труды одного итальянского сексолога. Так он пишет, что нужно менять жену раз в пять лет.

— Это он, Серёжа, пишет не о жене, а о женщине. Её можно менять даже чаще, чем в пять лет. Например, раз в год, а ещё лучше — раз в месяц. Мужчина всегда должен быть в боевой форме и соответствующем тоне. Такая его мужская доля. Сытый, довольный жизнью мужчина — это карась в тёплой воде, спящий на ходу.

— Так ты что, мать, оправдываешь статус любовницы?

— Дурак ты, Серёжа, хоть и заместитель генерального директора. Мы говорим с тобой о жене, а ты сюда любовницу приплёл. Жену нельзя рассматривать ни в каком другом статусе, кроме жены.

— Что ты говоришь?

— Представь себе. Любовница — это игра в детские кубики. А отношения между мужем и женой — это совсем другое жизненное пространство, другая философия, другие мироощущения.

— Почему?

— Потому что только при жене мужчина может себя чувствовать слабым и обиженным. Только при жене мужчина может весь вечер молчать, читать газету или смотреть телевизор. Только при жене мужчина может ходить по квартире в трусах, икать и жаловаться на изжогу.

— И так всю жизнь?

— Да, дорогой сын. И так всю жизнь.

— Это ужасно. На следующий год мне уже будет тридцать девять лет. Когда же я это всё успею испытать?

— Настоящую любовь в полном объёме человек осознаёт только в старости, когда прожита жизнь. Так что ты, мой любимый сыночек, не расстраивайся раньше времени. Всё успеешь.

Глава 6. Вера Петровна

6.1

Вера Петровна Черникова обожала свою двухкомнатную квартиру с удобной прихожей и большим балконом, на котором удачно разместились круглый стол и два кресла. Тихая, уютная, обставленная любимыми вещами, которые она, не торопясь, целый год выбирала в мебельных и комиссионных магазинах Москвы. Покупка этой квартиры имела не совсем обычную историю. Когда её муж, известный в Москве адвокат Виктор Иванович Черников, решил приобрести в центре города большую двухэтажную квартиру, в которой, кроме просторного жилого помещения, будет ещё и офисное, она согласилась, но только при условии, что он купит для неё двухкомнатную квартиру в каком-нибудь тихом районе Москвы. Виктор Иванович недоумённо спросил у жены:

— Верочка, зачем тебе ещё одна квартира?

— Понимаешь, Витюша, я просто устала от постоянных звонков в дверь и по телефону, от посыльных и курьеров, срочных и простых депеш, от писем, телеграмм, посылок, подношений. Я уже не говорю о бесчисленном количестве клиентов, ждущих своей очереди в приёмной, перед дверью и даже на улице.

— Но у меня работа такая, Верочка. Не будет клиентов — не будет денег.

— Вот я от твоей работы, а заодно и от тебя, буду иметь возможность немножко отдохнуть.

Квартира Веры Петровны, расположенная в глубине большого зелёного массива недалеко от Ленинского проспекта, окнами выходила на уютный скверик. В центре скверика стояла на постаменте очень симпатичная жаба, прикосновение к которой, по дворовой легенде, омолаживает и продлевает жизнь. Вера Петровна видела, что иногда в скверике появлялись люди, и не только пожилые, которые подходили к жабе и гладили её по голове. От многолетнего прикосновения голова жабы, в отличие от остальных её частей тела, приобрела золотистый оттенок. Иногда у неё возникало искушение пойти во двор и прикоснуться к чудодейственной жабе, но она с улыбкой отгоняла от себя эту мысль.

«Не подошло ещё время с судьбой баловаться, — рассуждала она. Год назад Вере Петровне исполнилось только сорок лет. — Что это за возраст! Даже не дотянула до шуточки про сорок пять — баба ягодка опять...»

Свой сорокалетний юбилей Вера Петровна отмечала в ресторане «Балчуг» дважды: первый раз — со своими коллегами по кафедре, второй — с родственниками и друзьями. На вечере с коллегами, большинство из которых составляли красивые, весёлые, жизнерадостные женщины, звучало много тостов, смеха, шуток, розыгрышей. Было весело, душевно и тепло. Кафедра подарила Вере Петровне современный многофункциональный музыкальный центр, который члены кафедры приобрели по большому благу в магазине «Берёзка».

Вечер с родственниками и друзьями, солидными людьми из адвокатской и академической среды, был нудным и скучным. Негромкие, заранее подготовленные речи и неискренние пожеланиями вкупе с целованием ручки имениннице навевали тоску и вызывали желание, чтобы всё поскорее закончилось. Тем не менее, толстые конверты с деньгами, которые гости вручали напрямую Виктору Ивановичу, являлись неплохой компенсацией потерянного Верой Петровной времени.

6.2

На кафедре «Кредитное финансирование» Московского института экономики и права, где работала Черникова Вера Петровна, из восемнадцати преподавателей, мужчин было только трое: заведующий кафедрой профессор Владислав Павлович Конюхов и два доцента — Баранов и Колокольцев. Профессор Конюхов любовно называл свою кафедру «конюшной», а мужчин, с учётом их многозначительных фамилий, конюхами. В то же время к женщинам своей кафедры Владислав Павлович относился с исключительной теплотой и обращался ко всем без исключения с использованием слова «дорогая».

Опыт подобного общения с женщинами Владислав Павлович приобрёл, работая несколько лет после окончания Второй мировой войны комендантом французского колледжа в Австрии. По поводу этого оригинального обращения к преподавательницам с ним даже имел отдельную беседу декан факультета профессор Васильев. Но Владислав Павлович сумел его убедить, что это общепринятая в европейских учебных заведениях форма общения с коллегами женского пола. Что касается замечаний и вопросов, имеющих у него, как у заведующего кафедрой, к преподавателям, то он транслировал их или через секретаря кафедры, или через профорга, считая эту манеру общения наиболее оптимальной.

Профессор Конюхов уже одиннадцать лет пересидел в кресле за-

ведущего кафедрой свой пенсионный возраст, но, полный сил и энергии, на покой уходить не собирался. Он был не только хорошим заведующим кафедрой, но и заботливым руководителем. Мог решить буквально в считанные часы, ну, в крайнем случае, в течение дня, любой вопрос: найти свободное место в гостинице, получить билет на самолёт, способствовать приобрести какой-нибудь дефицит. Даже помочь похоронить человека на приличном московском кладбище. Создавалось впечатление, что Конюхов знал всю Москву и Москва знала его. Причём он никогда не пользовался телефонной книжкой — все нужные номера держал в голове и безошибочно их набирал.

Владислав Павлович был уникальным человеком: он не только не тяготился своими возможностями, но и упивался ими. Всё его существо торжествовало и светилось, когда он сообщал кому-то из своих подчинённых о выполнении его непростой просьбы.

Профессор Конюхов не имел как заведующий кафедрой отдельного кабинета. Он сидел в глубине преподавательской аудитории за стеклянной перегородкой, через которую всё и всех видел. На его рабочем столе никогда не было ни одной бумажки, так как он мгновенно и без колебаний по любой из них принимал решение и сразу отправлял её в папку для секретаря кафедры. На работе Владислав Павлович находился, как правило, до обеда, отрываясь от него только для проведения занятий со студентами или на участие в каких-либо мероприятиях. Во второй половине дня профессор Конюхов был дома, решая по телефону все возникающие вопросы.

6.3

Сегодня профессор Конюхов решил поговорить прямо с утра с доцентом Черниковой по вопросу, который его последнее время очень занимал. Дело в том, что в ректорате ему недвусмысленно намекнули на то, что его очередное переизбрание на должность заведующего кафедрой может быть последним и ему требуется подумать о преемнике, если он не хочет, чтобы его место занял какой-нибудь человек со стороны.

— Присаживайтесь, дорогая Вера Петровна. Вы сегодня замечательно выглядите.

— Спасибо, Владислав Павлович. Женщине всегда приятно слышать в свой адрес хорошие слова.

— Это я вам говорю не как заведующий кафедрой, а как мужчина с европейским опытом жизни.

— Приму к сведению, Владислав Павлович.

— Очень хорошо. Но я вас пригласил не только для того, чтобы высказать очередной комплимент, а по более серьёзному делу. Хочу просить вас принять на себя обязанности заместителя заведующего нашей кафедрой с соответствующей доплатой. Во-первых, вы мне поможете в текущей работе, а во-вторых, потихоньку, не торопясь, войдёте в курс дела. Когда соберусь на пенсию, будет на кого кафедру оставить.

— О нет, Владислав Павлович! Только не это! А не умею и не хочу никем руководить!

— Я тоже когда-то ничего не умел. Войну закончил младшим сержантом, самое низшее воинское звание. Даже до командира отделения не дотянул. А вот уже второй десяток лет руковожу нашей кафедрой и вроде, как считает начальство, справляюсь.

— Нет, Владислав Павлович. Не уговаривайте. У меня не только нет желания этим заниматься, но и времени. Я вас очень уважаю, но прошу от этой работы меня избавить. Пожалуйста. На кафедре есть, я уверена, желающие занять эту должность.

— Чем вы так заняты, дорогая Вера Петровна? Извините за вопрос. Помню, в своё время вы жаловались на свою непутёвую дочь. А потом я узнал, что вы с ней не только разъехались, но даже перестали общаться по телефону. Что же ещё вам мешает принять моё весьма перспективное предложение, если не секрет?

— Дело не в дочери. Она, в самом деле, теперь живёт отдельно от нас и устраивает сама свою личную жизнь.

— А в чём? Неужели втихомолку от кафедры готовите докторскую диссертацию? Так мы с удовольствием вам в этом поможем. Нам доктора наук на кафедре очень нужны.

— И это тоже. Но помимо занятий наукой, у меня ещё очень много всяких разных дел.

— Ну, нет так нет, Вера Петровна. А вообще, не спешите с ответом. Подумайте. Посоветуйтесь с мужем.

— Хорошо, я подумаю.

— Подумайте, голубушка. Подумайте.

Вера Петровна после разговора с Владиславом Павловичем уже не могла сосредоточиться на своих учебных делах. Ещё некоторое время она посидела на кафедре, а потом быстро собрала все бумаги со стола, попрощалась с коллегами и ушла. Самостоятельная, свободная, нико-

му ничем не обязанная. Ушла, никого не поставив по этому поводу в известность и не сказав, когда придёт на кафедру снова. Она уже давно пришла к выводу, что тихая спокойная жизнь доставляет человеку значительно больше удовольствия, чем любой сиюминутный успех. И с этой свободой распрощаться? Да ни за что!

И тем не менее, за много лет работы на кафедре с профессором Конюховым, Вера Петровна знала, что он никогда сразу не наступает, не берёт собеседника за горло, а дожимает постепенно. Через некоторое время он снова вернётся к этому разговору, используя уже другие аргументы. При всей располагающей, мягкой манере общения с людьми, он умеет достигать поставленной цели. И всё равно, в любом случае, представить себя в должности заместителя заведующего кафедрой она не могла, да и не хотела. Это быть всегда кому-то нужной, постоянно присутствовать на всяких заседаниях, совещаниях, комиссиях. Плюс различные бумаги, приказы, протоколы, методические указания. Нет и нет! Даже страшно подумать об этом.

Но настроение у неё испортилось даже не из-за предложения Конюхова стать его заместителем, а потому что сама подставилась, упомянув в разговоре с заведующим кафедрой докторскую диссертацию. Ну зачем ей, в принципе, эта диссертация нужна? Что она может изменить в её жизни? Не говоря уже о больших хлопотах и неприятностях при её подготовке, унижениях и просьбах, подарках и подношениях при защите. Но Владислав Павлович нечаянно оброненную фразу о диссертации точно не забудет и будет долго её этим шантажировать.

6.4

Родившаяся в Москве и окончившая одну из престижных столичных школ, Вера Петровна прошла практически через все творческие кружки московского Дома пионеров — драматический, хоровой, танцевальный, художественного слова. Ни в одном из них не задержалась по причине отсутствия особых талантов, но таким образом с детства была вовлечена в театральную-музыкальную жизнь Москвы.

Став взрослой, Вера Петровна старалась не пропустить ни одного интересного концерта, ни одного премьерного спектакля или фильма, художественной выставки или демонстрации мод. В общем, дел всегда у неё было по горло — все вечера были заранее расписаны.

Вот, например, настоящая неделя. В понедельник она традиционно, уже много лет подряд встречается со своими близкими школьными

подругами в кафе «Меридиан». Они рассказывают друг другу всякие новости о семье, детях, делятся последними жизненными событиями. По вторникам у неё абонементный концерт в зале имени Чайковского. Это уж точно нельзя пропустить ни в коем случае. В среду, как правило, в середине дня очередной показ мод на Кузнецком мосту. Нужно обязательно его посетить, чтобы быть в курсе всех новинок. В субботу она приглашена на день рождения к своей коллеге Угрюмовой Ольге Васильевне. Поэтому в среду или четверг нужно походить по магазинам и поискать хороший подарок. Всё-таки женщине пятьдесят лет! Не простая дата... Остаётся свободным один вечер пятницы, который нужно посвятить мужу, пока он серьёзно не взбунтовался. И хотя они уже больше года живут по разным квартирам и только общаются по телефону, формально всё-таки числятся мужем и женой.

Да, совсем забыла. В воскресенье обязательно следует поехать на дачу. Во-первых, заплатить за её охрану, а то отключат сигнализацию и тогда в недельный срок от дачи ничего не останется. А во-вторых, попросить соседа, чтобы он срочно починил штакетник забора. Через дырки в заборе на её участке собираются все бездомные кошки посёлка. Превратили двор в роддом, где бродят котята на любой вкус и цвет. Конечно, можно было бы попросить мужа съездить на дачу и навести там порядок, но на него надеяться нельзя — сначала пообещает, а потом не выполнит, сославшись в самый последний момент на всякие срочные дела.

Всё было бы ничего, но сама поездка на дачу занимает, как минимум, два часа: сначала метро, потом поезд, затем автобус. Правда, есть в этом мероприятии и полезная составляющая — можно о чём-нибудь спокойно, не торопясь, подумать. В частности, о предложенной ей должности заместителя заведующего кафедрой. Преподаватели уже третий день шушукаются по углам, обсуждая эту новость. С ней пока ещё никто из коллег не разговаривал, но это до поры до времени. Обязательно кто-то на кафедре захочет выяснить подробности предложения Конюхова. Кафедра женская — много эмоций и пустых разговоров. Единственная надежда на то, что в ближайшее время в коллективе появится какая-нибудь другая новость, которая затмит её готовящееся назначение на должность заместителя заведующего кафедрой. И чтобы удержать ситуацию и не дать возможность возникнуть обсуждению ещё не состоявшегося назначения, нужно жёстко контролировать ситуацию.

6.5

Три года назад профессор Конюхов внезапно овдовел. Его жена, Елена Семёновна, с которой он прожил более тридцати лет, скоропостижно скончалась от разрыва аорты. Произошло это, когда она была в квартире одна. После работы Владислав Павлович зашёл в квартиру и увидел её, неподвижно лежащий, чем-то обсыпанный посередине кухни. Оказалось, что при падении на пол Елена Семёновна стянула со стола скатерть и всё, что на ней стояло — солонку, перечницу, сахарницу, хлебницу, салфетки, — оказалось на ней. Обезумевший от увиденного, Владислав Павлович сначала осторожно прикоснулся к уже холодному телу жены, но потом с громким криком стал сильно её толкать в бок:

— Лена, Ленуся, ты что наделала? Ты понимаешь, что ты наделала? Давай быстренько вставай! Не пугай меня!

Через несколько минут, немного придя в себя, он побежал к телефону и стал звонить дочери Наташе, по памяти набирая её номер и натываясь каждый раз на посторонних людей. Дело в том, что Владислав Павлович никогда сам дочери не звонил. Этим занималась его покойная жена, и поэтому он ни разу не набрал правильное сочетание цифр. В конце концов, заплаканным голосом он позвонил на свою кафедру и тихо сказал в трубку секретарю:

— Таня, у меня умерла жена.

— Не может быть, Владислав Павлович! Вот горе-то какое! Сейчас мы приедем.

Через полчаса после звонка прибыли две машины с преподавателями. Они быстро прошли в квартиру профессора Конюхова и поняли, что он до их прихода ничего не сделал: ни убрал мусор в квартире, ни дозвонился до дочери, а главное, не вызвал скорую помощь, которая должна была засвидетельствовать смерть женщины. Владислав Павлович неподвижно сидел в кресле и смотрел в одну точку, не принимая ни в чём участия.

Руководящую роль, пока не появились в квартире родственники профессора, принял на себя доцент Колокольцев. Было заметно, что у него есть небольшой опыт, связанный с проведением подобных мероприятий. Прежде всего, он вызвал милицию. Затем позвонил секретарю кафедры Тане и дал ей поручение срочно найти номер телефона дочери Конюхова. Потом Колокольцев собрал со всех присутствующих членов кафедры деньги на разные текущие расходы, после чего позво-

нил в центральный цветочный магазин и попросил доставить на квартиру профессора Конюхова несколько букетов цветов.

С появлением дочери Наташи ничего в квартире не изменилось: она села на стул рядом с папой, обняла его за плечи и стала вместе с ним громко плакать. Но кто-то догадался узнать у дочери Конюхова номер телефона её мужа. Муж Наташи — высокий худой мужчина в хорошем костюме и красивом галстуке — сразу возложил на себя все организационные функции, связанные с подготовкой похорон, и поблагодарил за помощь доцента Колокольцева.

Похоронили жену профессора Конюхова на ближайшем районном кладбище без особых почестей, но при большом присутствии людей, знавших и уважавших эту семью.

Владислав Павлович, после смерти жены, засел дома, взяв месячный отпуск в счёт очередного. Однако на третий день отпуска профессору Конюхову позвонила секретарь Таня:

— Владислав Павлович, извините, что беспокою, но декан факультета профессор Васильев не подписывает ваше заявление на отпуск.

— Почему? Что не так?

— Он попросил, чтобы вы возложили на кого-нибудь свои обязанности заведующего кафедрой.

— Хорошо, Танечка, я сам позвоню декану.

Переговорив с деканом и объяснив ему не совсем здоровую обстановку на кафедре с назначением своего заместителя, Конюхов попросил Таню, по договорённости с профоргом кафедры, составить график его посещения преподавателями кафедры на дому. Таким необычным образом профессор руководил кафедрой, постоянно просматривая деловую почту, которую ему доставлял дежурный член кафедры, и отдавал распоряжения секретарю по телефону.

Со смертью жены в жизни Владислава Павловича вроде ничего не изменилось, кроме того, что он, образно говоря, посерел. Не стало в нём уже былого лоска и представительного вида. Он мог ходить на работу несколько дней подряд в одной и той же рубашке, без галстука, в мятом пиджаке. А однажды вообще забыл одеть запонки, что стало явным, когда он на лекции захотел что-то написать на доске. Теперь вместо добротного завтрака, который ему всегда готовила жена, профессор Конюхов спускался на первый этаж в бедную ассортиментом институтскую столовую, что, как правило, преподаватели института не делали.

Ситуация резко изменилась после того как Владислав Павлович по-

бывал в летнем отпуске. Из его разговоров с секретарём кафедры Таней стало понятно, что там он познакомился с достаточно молодой женщиной, которая переехала к нему жить. Но эта благодатная для профессора Конюхова пора длилась недолго. Всего несколько месяцев. После Нового года они расстались. На кафедре говорили, что новая женщина категорически не понравилась его дочери Наташе, с которой он, естественно, ссориться не хотел.

6.6

Сегодня доцент Черникова принимала экзамен у студентов четвёртого курса заочного факультета по дисциплине «Бухгалтерский учёт». Для Веры Петровны приём экзаменов у заочников был самый тяжёлый день в учебном году, как в психологическом, так и в физическом плане. Она была согласна прочитать весь курс лекций ещё раз, лишь бы не слушать ответы студентов.

Со студентами дневного факультета было всё просто — они, как правило, на экзамене возвращали информацию, которую им в течение учебного года давал преподаватель. У заочников процесс сдачи экзаменов был значительно сложнее, а главное, изощрённей. Здесь можно было ожидать любые сюрпризы.

Сегодня деканат установил начало экзамена в двенадцать часов дня, объяснив это тем, что в первой половине дня студенты могут быть заняты на работе. В экзаменационной ведомости числилось двенадцать человек, поэтому с учётом примерно сорока минут на подготовку ответа первого студента, экзамен закончится не раньше семи часов. В любом случае, вечер потерян.

Когда-то, на заре своей педагогической деятельности, Вера Петровна попыталась проклассифицировать контингент студентов заочного факультета и у неё получилась весьма забавная картина. Всех студентов-заочников она поделила на две примерно равные группы: работающие и не работающие по специальности. Студенты первой группы, как правило, мало готовятся к экзамену, считая, что они и так всё более менее знают. В материале разбираются, но по каждому вопросу начинают спорить с преподавателем и ссылаться при этом на свой опыт работы. Студенты второй группы, не надеясь на свои знания, добросовестно готовятся к экзамену, но теряются, когда им преподаватель задаёт дополнительные вопросы. При этом стараются много и не конкретно говорить, чтобы уйти от ответа.

Кроме того, в группе заочников, как правило, находится студент, предлагающий в процессе экзамена каждому преподавателю свои услуги в какой-нибудь сфере деятельности. А ещё непременно встречаются один или два студента, кому нужно поставить положительную оценку по просьбе коллег. В общем, картина безрадостная и неинтересная.

Но сегодня приблизительно в половине седьмого вечера, когда в аудитории оставалось всего два студента, готовящихся к экзамену, возникла совершенно нестандартная ситуация. После осторожного стука в дверь на пороге аудитории, где проходил экзамен, появился симпатичный мужчина лет сорока.

— Прошу прощения за опоздание. Можно мне сдать сегодня экзамен по вашей дисциплине?

— Сегодня — нет. Экзамен заканчивается.

— Я могу отвечать на билет без подготовки.

— Нет, молодой человек. На экзамен нужно приходиться вовремя.

— У меня уважительная причина.

— Это — не ко мне. Закройте дверь, пожалуйста.

Но мужчина не сдавался, продолжая оказывать беспрецедентное давление на преподавателя.

— А есть кто-нибудь сейчас в вашем институте из руководства?

— Ещё раз прошу, уважаемый, закройте дверь. Пожалуйста. Вы мешаете людям готовиться к сдаче экзамена.

Вера Петровна Черникова уже более десяти лет работала в этом институте. Много раз принимала экзамены у студентов заочного факультета, но такого бесцеремонного и грубого напора она ещё не видела. Среди заочников, конечно, попадались хитрецы, которые специально приходили к концу экзамена и начинали рассказывать преподавателю страшные рассказы: сидел у постели больного папы, пока не подменили, не отпускали с работы, сломалась машина, попал в автомобильную пробку и так далее. Расчёт у таких студентов был простой: преподаватель уже устал, торопится домой и приходиться ещё раз принимать экзамен у опоздавшего студента не захочет. Не говоря уже о том, что на преподавателя должно было произвестись соответствующее психологическое впечатление бедственное положение, в котором оказался студент.

Но здесь был какой-то другой исключительный случай — студент не просил, он требовал допустить его до экзамена.

Когда время вышло, за дверью аудитории Веру Петровну ожидал

мужчина, у которого она отказалась принимать экзамен. Высокий, приятной внешности, он обратился к ней с виноватой улыбкой:

— Простите, Вера Петровна, что рвался в аудиторию, но я, в самом деле, задержался на важном совещании в главке. Моя фамилия Платонов. Сергей Павлович.

— Не имеет значения, какая у вас фамилия и где вы задержались. Приходите сдавать экзамен послезавтра с другой группой.

— К сожалению, мне завтра обязательно нужно быть на работе. Я не в Москве живу.

— Это — ваши проблемы.

— Я вас очень прошу: войдите в моё положение.

— Извините, уважаемый, уже очень поздно. Мне нужно идти домой.

— Не волнуйтесь. Я вас провожу.

— Этого ещё не хватало!

— Тогда давайте я хоть ваш портфель понесу, а то, наверное, вам тяжело.

— Да уберите свои руки. Вы что, молодой человек, себе позволяете, в конце концов? Неслыханная наглость!

— Я только хочу вам помочь. Вы напрасно обижаетесь на меня. Ещё раз прошу прощения.

— Оставьте меня в покое. Всё. До свидания.

Вера Петровна была шокирована. За всё время работы в институте, это был первый случай, когда студент говорил с ней таким неуважительным тоном. Это было даже не нахальство. Это был какой-то наезд, и она решила на следующий день пойти в деканат заочного факультета, чтобы пожаловаться на этого агрессивного студента.

6.7

Деканат заочного факультета находился в конце длинного коридора в тупике четвёртого этажа главного корпуса. Освещался он только несколькими электрическими лампочками. Поэтому когда днём, в целях экономии электроэнергии, их выключали, тёмный коридор факультета производил гнетущее впечатление. Так как контингент студентов составляли, в основном, взрослые озабоченные разными проблемами люди, то смех и шутки здесь звучали редко. Кто-то метко обозвал четвёртый этаж, где находился заочный факультет, могильником, и это название за ним закрепилось на долгие годы.

Декан заочного факультета профессор Панфилов Дмитрий Фёдорович,

вич, хмурый нездоровый человек, всем своим видом демонстрировал, что не любит свою работу и выполняет её через силу. Кафедр, подчиняющихся заочному факультету, в соответствии со структурой вуза, у него не было и поэтому Дмитрий Фёдорович с преподавателями института встречался весьма редко. А так как студенты общались, в основном, с секретарями факультета, которые решали все их вопросы, то профессор Панфилов, сидя в своём кабинете, откровенно скучал, изредка работая с какими-нибудь документами.

Вера Петровна Черникова последний раз была в деканате заочного факультета в прошлом году, когда пришли в институт новые инструкции из методического управления Министерства высшего образования РСФСР. Тогда ей позвонили из деканата и попросили, чтобы она их срочно забрала. Расписавшись за инструкции в факультетском журнале, Вера Петровна, не задерживаясь, ушла. Но сейчас она хотела поговорить с деканом и направилась к двери его кабинета. За дверью было подозрительно тихо. Возникло впечатление, что декана там нет, и поэтому Вера Петровна обратилась к секретарю:

— Здравствуйте. Я — доцент Черникова с кафедры «Кредитное финансирование». Мне хотелось бы поговорить с профессором Панфиловым.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Я сейчас спрошу у декана, может ли он вас принять, — ответила молодая девушка.

Секретарь зашла в кабинет декана, прикрыв за собой дверь, и через минуту вышла.

— Проходите, пожалуйста.

— Здравствуйте, Дмитрий Фёдорович. Доцент Черникова Вера Петровна. Кафедра профессора Конюхова.

— Очень приятно. Присаживайтесь, пожалуйста. Чем обязан вашему визиту, Вера Петровна? Извините за некоторый беспорядок на столе. Слушаю вас внимательно.

— Дмитрий Фёдорович, я вчера принимала экзамен у студентов четвёртого курса заочного факультета специальности «Экономика и управление на предприятии (по отраслям)». Один студент по фамилии, мне кажется, Парамонов, нет, прошу прощения, Платонов, явился на экзамен в седьмом часу вечера, когда экзамен практически уже закончился. Я не разрешила ему зайти в аудиторию и порекомендовала прийти на экзамен с другой группой. По этому случаю он мне нахамил по полной программе. Более того, дождался окончания экзамена, стал отнимать у меня портфель и настойчиво предлагал проводить домой.

— Что вы говорите, Вера Петровна! Вопиющее безобразие! Сейчас мы попросим секретаря принести личное дело студента Платонова. Посмотрим, что это за фрукт.

6.8

— Людмила Васильевна, — обратился к секретарю факультета по громкой связи декан заочного факультета профессор Панфилов, — срочно найдите, пожалуйста, учебную карточку студента Платонова и занесите её мне в кабинет.

В личном деле студента четвёртого курса заочного факультета Сергея Павловича Платонова, получающего второе высшее образование, лежало несколько документов: заявление на имя ректора института, копия диплома и приложения к диплому об окончании Московского авиационного института, производственная характеристика-рекомендация и перезачётная ведомость, выполненная в приёмной комиссии на основании приложения диплома авиационного института. Кроме того, к папке личного дела студента Платонова были приколоты скрепкой две квитанции о полной оплате обучения за прошлый и текущий годы.

— Так. Понятно, — декан стал быстро просматривать содержимое папки с документами Платонова. — Этот голубчик живёт в Подольске и работает в авиационном производственном объединении. За прошлый год практически ничего не сдал. Сейчас повторно проходит учебную программу четвёртого курса. Правда, всё уже оплатил за текущий учебный год... Вера Петровна, вы будете писать заявление на моё имя о данном инциденте?

— Нет, пожалуй. Не хочу связываться. Просто, если можно, проведите с этим студентом беседу об этике поведения в высшем учебном заведении. Да, и если можно, больше ко мне никаких направлений на повторный экзамен ему не давайте.

— Не волнуйтесь, Вера Петровна. Я сейчас напишу записку секретарю и, как он только появится в деканате, лично с ним поговорю.

— Спасибо, Дмитрий Фёдорович, за понимание и поддержку.

— Хорошо, что вы нас проинформировали. Желаю здоровья и творческих успехов.

— До свидания.

Вера Петровна Черникова вышла из приёмной заочного факультета и вместо радости отмщения нахалу Платонову ощутила непонятный

стыд за разговор с деканом Панфиловым, который закончился благодарностью в её адрес за информацию.

«А собственно говоря, о чём я проинформировала декана? Ведь, в принципе, ничего и не было... Как не было? А вызывающий тон Платонова, а открытое недовольство моим решением не пустить его в аудиторию, а его предложение проводить её домой?.. Может, он, в самом деле, был занят серьёзным делом и еле успел прибежать на экзамен? А ты его, как мальчишку, отчитала и выставила из аудитории... Правильно. Нужно вовремя приходить на экзамен... А он ещё сказал тебе, что готов отвечать на экзаменационный билет без подготовки... И на это ты тоже никак не среагировала...

Хорошо... А в коридоре после экзамена как он себя вызывающе вёл...

И что он такого сделал? Предложил помочь понести твой тяжёлый портфель. Портфель был, на самом деле, полон контрольных работ студентов. Плюс две толстые тетради методических указаний...»

Она плохо рассмотрела этого Платонова в темноте коридора, за исключением большой ладони, которую он протянул, пытаясь забрать у неё портфель. В общем, некрасиво всё получилось, но уже, к сожалению, ничего не исправишь.

Вера Петровна не заметила, как присела в коридоре заочного факультета на скамейку, известную всем студентам и преподавателям института как «почтовый ящик». Сидящий на этом месте человек сигнализировал, что ему необходима какая-то помощь. Буквально через несколько минут непонятно откуда появился человек, который принимал заказы на выполнение рефератов, контрольных, курсовых и даже дипломных работ. Расценки были всем в институте более менее известны.

Сегодня дежурным по территории был Паша Васнецов, ушлый, неглупый парнишка. В синей кепочке, курточке с поднятым воротником, он два раза прошёл с безразличным видом мимо скамейки, на которой сидела доцент Черникова. Лет восемь назад Паша сам оканчивал этот институт и, конечно, сразу узнал своего бывшего преподавателя. Ситуация явно не тянула на заказ и была просто милой случайностью, но он, всё-таки, спросил:

— Здравствуйте, Вера Петровна, вам плохо? Может, какая-нибудь помощь нужна? Только скажите, не стесняйтесь. Всё сделаю.

— Нет, спасибо, молодой человек. Мне ничего не надо. Спасибо за внимание и беспокойство.

6.9

Кафедра «Кредитное финансирование» была самой «остепенённой» кафедрой Московского института экономики и права: на ней из восемнадцати преподавателей двое были докторами экономических наук, профессорами и одиннадцать — кандидатами наук, доцентами. Несмотря на общее материальное благосостояние членов кафедры, Евгения Ивановна Сотникова всегда выделялась своими нарядами и украшениями. Её муж, Одиссей Макарович Сотников, возглавлял небольшую, но известную в Москве строительную кампанию, выполняющую как зарубежные, так и внутрисоюзные заказы. Евгения Ивановна, как правило, не сопровождала мужа в краткосрочные поездки за границу, но когда он поехал на два года в Испанию, она, вместе с двумя детьми, последовала за ним. Единственная, кто мог на кафедре конкурировать с Сотниковой жизненным благополучием, была Вера Петровна Черникова.

Знали они друг друга более пятнадцати лет, так как почти одновременно пришли на кафедру, но за длительное время работы на одной кафедре ближе друг другу не стали. Особенно обострилось их негласное соперничество, когда заведующий кафедрой профессор Конюхов сделал доцента Черникову членом совета по присуждению учёной степени кандидата экономических наук. На это назначение Сотникова отреагировала самым примитивным образом — демонстративно перестала Черникову замечать, а потом и здороваться. Но сегодня Евгения Ивановна почему-то встретила Веру Петровну на кафедре с широкой улыбкой.

— Верочка, здравствуй, дорогая! Прекрасно выглядишь и, как всегда, шикарно одета!

— Спасибо, Женя, ты тоже вся сверкаешь. Как твои милые детки? Чем они радуют свою маму?

— Детки в порядке: Юлечка уже в седьмом классе спецшколы для будущих дипломатов, Андрюша ещё ходит в детский сад. А ты наладила отношения с дочерью?

— Пока нет, но надеюсь, что ситуация, в связи с рождением внука, скоро изменится в лучшую сторону.

— Дай Бог, дай Бог... Мне представляется самой большой неприятностью потерять контакт со своим ребёнком. Я это постоянно внушаю своему мужу, но он весь в делах. Конца и края этому нет.

— У меня такая же ситуация дома, так что особо не переживай. С годами и это проходит.

— Верочка, я вот что хочу у тебя спросить. Почему вчера деканат заочного факультета мне направил на экзамен студента Платонова? Ведь экономика по отраслям — твоя дисциплина, а не моя. Хотя я её три семестра когда-то студентам читала.

— У меня произошёл с этим студентом небольшой конфликт и я попросила деканат заменить экзаменатора.

— Какой конфликт? Разве у тебя, преподавателя с таким стажем, может быть конфликт со студентом?

— Не будем это обсуждать, Женя. Лучше скажи, Платонов сдал тебе экзамен или нет?

— Да, сдал. Я ему поставила отлично. Причём у меня в ходе экзамена возникло впечатление, что он знает предмет больше меня. Очень грамотный и серьёзный человек. Кстати, мы с ним после экзамена откровенно поговорили. Оказалось, что он москвич, но работает в Твери. И к тому же холостой.

— А зачем ты мне всё это рассказываешь? Меня этот студент совсем не интересуют, тем более после того, как он мне нахамил.

— Ой, не скажи, Верочка, не скажи... Ну, да ладно. Мне сейчас на лекцию бежать. Пока!

— Пока.

6.10

Сергей Павлович Платонов зашёл сегодня в деканат за своей контрольной работой и увидел, что к его тетради скрепкой была прикреплена записка, написанная секретарём факультета: «Тов. Платонов. Срочно зайдите к декану факультета».

Декан Панфилов был в своём кабинете и, как всегда, не в духе. На стук в дверь раздался его сердитый голос:

— Входите, открыто.

— Здравствуйте, Дмитрий Фёдорович. Я студент четвёртого курса Платонов. Вы меня вызывали?

— Присаживайтесь, товарищ Платонов. Я вас вот по какому поводу пригласил к себе. На вас пожаловалась доцент Черникова. Вы ей чуть не сорвали экзамен и вообще вели себя вызывающе.

— Я просто опоздал на экзамен и попросил преподавателя у меня его принять. Готов был отвечать на билет без подготовки.

— Это мне всё известно. Но вы дождались окончания экзамена и

начали грубо выяснять отношения с Верой Петровной. Потрудитесь объяснить своё поведение.

— Я опоздал по уважительной причине и она мне...

— Доцент Черникова?

— Да, доцент Черникова... не разрешила войти в аудиторию.

— А вы продолжали настаивать и даже спросили у неё, есть ли вечером в институте кто-нибудь из начальства. С какой целью?

— Получить разрешение на сдачу экзамена.

— Что вы имели здесь в виду?

— Объяснить вышестоящему начальству, почему я опоздал на экзамен.

— Значит, жаловаться на преподавателя?

— Вовсе нет.

— Ну как же нет? Заставить преподавателя через начальство изменить свою позицию. Что не так?

— Дело в том, что я на следующий день должен был уехать из Москвы и поэтому думал, как мне...

— Вы где живёте, уважаемый? — перебил его декан. — В вашей карточке написано: город Подольск Московской области. По моему поручению вам звонили в Подольск, но по указанному телефону ответили, что вы уже там не работаете. Так где же вас искать, если понадобится?

— В настоящее время я живу и работаю в Твери.

— Где работаете, кем? Что я должен из вас каждое слово буквально клещами вытягивать?

— В авиационном объединении. Инженером.

— Ну, вот что, товарищ инженер. Вы у нас получаете второе высшее образование и мы вправе вам в этом отказать. Так что ведите себя достойно в стенах института, чтобы на вас не жаловались преподаватели. И ещё. Напишите на моё имя объяснительную записку по поводу данного инцидента.

— Хорошо.

— И извинитесь перед Верой Петровной Черниковой за неэтичное поведение. Вам всё понятно?

— Да, понятно.

— Свободны.

В приёмной декана Платонов подошёл к секретарю факультета и попросил дать ему разовое разрешение на сдачу экзамена по экономике доценту Черниковой.

— Одну минутку. Сейчас выпишу. Пожалуйста.

— Извините, не понял. Кому я должен сдавать экзамен?

— Там указано, молодой человек, — доценту Сотниковой Евгении Ивановне. Она — преподаватель той же кафедры, что и Черникова. Замена преподавателя сделана по распоряжению декана. У вас ещё есть какие-нибудь ко мне вопросы?

— Нет. До свидания.

— Всего хорошего.

6.11

В принципе, Сергею Павловичу Платонову было всё равно, кому сдавать экзамен — Вере Петровне или Евгении Ивановне. Материал он знает — каждый день с ним работает. Но извиняться?

«А за что, в принципе, извиняться? За то, что настаивал на сдаче экзамена? За то, что хотел продемонстрировать преподавателю свои знания? Так это моё право, как студента...

Во-первых, можно по-разному настаивать. Ты это сделал как-то очень агрессивно и неуважительно. А во-вторых, зачем ты ожидал эту женщину после экзамена? Получил отказ — и иди домой!..

Даже не знаю, зачем я остался тогда стоять под дверью этой аудитории, а не ушёл...

А я тебе скажу. Ты просто перепутал в этот момент своё производственное положение и позицию студента.

В каком смысле? В прямом. Там ты — руководитель. Твоё слово — решающее. А в институт ты пришёл учиться. Вот и учись, а не возникай...

А если у меня не получается? Не могу я так легко переходить из одной ипостаси в другую: здесь говори, там молчи. Мне всё время что-то мешает так себя вести...

Несерьёзный и глупый ответ, Платонов. Плохому танцору тоже что-то мешает, но он с этим борется...

Так за что же, всё-таки, я должен извиняться?..

Прежде всего, за то, что ты своим идиотским поведением, своим горором, нарушил душевный покой милой интеллигентной женщины...

Ну, в институте она не женщина, а преподаватель...

И опять ты не прав. Женщина всегда остаётся женщиной, хоть ты её в холодильник засунь. Только не все мужчины эту ситуацию правильно понимают и соответствующим образом поступают...

А может, мне с мамой посоветоваться? Она в этом деле собаку съела.

Столько лет в институте работает... Да хоть корову... Ответ мамы ты знаешь заранее: извиняется первым всегда тот, кто лучше воспитан...

А может, в самом деле, не морочить себе голову и просто перейти в другой институт, как посоветовал декан?..

Ну, нет. Тогда я больше никогда не увижу эту необыкновенную прекрасную женщину...

Вот ты сам и нашёл ответ на все свои вопросы...»

Через несколько дней Черникова и Платонов, преподаватель и студент, встретились совершенно неожиданно в коридоре и, конечно, оба явно были к этому не готовы.

— Здравствуйте, Вера Петровна.

— Здравствуйте.

— Я — студент Платонов. Мне декан факультета профессор Панфилов настоятельно рекомендовал извиниться перед вами.

— Правда? А если бы не было указания декана, вы бы сами не догадались это сделать?

— Не знаю. Я подумаю над вашим замечанием.

— Подумайте, уважаемый. Прошу прощения. Тороплюсь.

И она, стильная, молодая, красивая, пошла дальше по коридору и вскоре смешалась с толпой студентов. А он так и остался стоять, не поняв, приняла ли она его извинения или нет.

6.12

Платонов явно мешал всем, идущим по коридору, но он не мог, как ни странно, сдвинуться с места и продолжал стоять посередине людского потока, как будто его парализовало. А когда, наконец, это состояние прошло, то еле дошёл до ближайшего окна и ухватился обеими руками за подоконник. Он вдруг почувствовал себя усталым и совершенно разбитым, хотя с утра всё было нормально.

Неужели причиной его внезапно появившейся слабости была женщина, с которой он сейчас встретился?

Конечно, она. Вне всякого сомнения.

«Но это уже клиника, Сергей Павлович! Тебе нужно хорошо подумать, что дальше делать!..»

Лечиться, мой друг, лечиться. В особенности после твоего глубокомысленного ответа: «Я подумаю над вашим замечанием!..»

Платонов смотрел в окно, но ничего там не видел. Только ощущал запах духов Веры Петровны, хотя прошло уже несколько минут, как

она ушла. Состояние полной прострации, которое никогда до сегодняшнего дня он не испытывал, не проходило. Кто-то прошёл мимо и задел его плечом. В другой раз он бы сразу жёстко прореагировал, но сейчас ему было всё равно. И тут его окликнули:

— Платонов, а вы что тут, уважаемый, делаете? Что вы там рассматриваете за давно немытым окном?

Это была доцент Сотникова, которой он недавно сдавал экзамен вместо Черниковой.

— Да так. Думаю, куда дальше идти покорять вершины знаний.

— Ну-ну. Успехов вам, молодой человек.

— Спасибо.

Как ни странно, разговор с Сотниковой встряхнул его и вернул в нормальное состояние.

«Надо же — только один экзамен в этом институте успел сдать, а меня уже все запомнили. Наверное, что-то во мне есть нестандартное и очень вызывающее...»

Но ситуация с Платоновым в этот день имела неожиданное продолжение. Вернувшись на кафедру, Евгения Ивановна окликнула Веру Петровну, сидящую к ней спиной:

— Верочка, сейчас встретила в коридоре твоего крестника.

— Какого ещё крестника?

— Платонова. Стоит у окна в коридоре второго этажа и о чём-то мечтает.

— Почему он мой?

— Так ты же с ним поругалась?

— Да, я. Ну и что? Он тоже мне сегодня встретился и даже пытался, по указанию декана, извиниться.

— Ну вот, видишь. В его поведении наметился явный прогресс.

— Какой прогресс? В чём?

— Не гони лошадей, как говорит мой умный муж, не то подковы отвалятся...

После встречи с Платоновым, Вера Петровна чувствовала, что у неё всё время горят щёки. Чтобы никто этого не заметил, она села лицом к окну и делала вид, что готовится к лекции. Но лекция ей в голову не лезла. Сегодня она, наконец, рассмотрела этого студента, так как при первой встрече они беседовали в полутёмном коридоре. Это был выше среднего роста шатен с серыми глазами и открытым добрым лицом. Когда он говорил, то смотрел прямо на собеседника и при этом немножко щурился.

«И что? В чём дело, Вера? Какой-то мальчишка. Да их сотни проходят за день перед твоими глазами!»

И опять Вера Петровна поймала себя на том, что всё время думает об этом Платонове. А о чём, в принципе, думать? Что произошло? Ну, сказал ей какой-то парень несколько слов извинения, причём невпопад. И всё. Мало ли их, всяких разных, ходит по институту...

«Тогда непонятно, что на меня произвело впечатление?.. А то, что никакой ассоциации со злодеем, которого ты себе всё время надумывала, и в помине нет. Парень как парень...

Нет... Не просто парень, а какой-то особенный, если он вдруг завладел моим вниманием...

Правильно мама мне говорила, что я не разбираюсь в людях — все у меня хорошие и добрые. Это, по всей видимости, наследственное...

Почему? С чего ты взяла?.. Потому что мама сама рассказывала, как она своему будущему мужу Пете, совершенно незнакомому человеку из Подмосковья, тайно носила из библиотеки книги. Штраф за утерю книг был целых двенадцать рублей. А в те годы это было целое состояние. Так что нечему удивляться...»

6.13

Сергей Павлович, оторвавшись, наконец, от окна, ощутил непреодолимое желание ещё раз увидеть Веру Петровну. Причём, сегодня. Обязательно сегодня. Сказать ей несколько слов, в дополнение к тому, что ляпнул при встрече, и убедиться, что она его простила. Завтра он уедет в Тверь и неизвестно, когда ещё вырвется в Москву. При этом будет всё время переживать по поводу данного инцидента с приятной женщиной.

Расписание вечерних занятий висело рядом с деканатом вечернего факультета, который находился в противоположном крыле по отношению к заочному. Когда Платонов первый раз пришёл в институт, он, по ошибке, попал именно туда. Так как учебные планы заочного и вечернего факультетов практически совпадают, то нужно смотреть расписание занятий четвёртого курса.

Ему повезло: доцент Черникова сегодня читала лекцию первой парой, которая начиналась в 18.30 и заканчивалась в 20.10. До её окончания было ещё больше двух часов. За это время он успеет сходить на базарчик около метро и купить Вере Петровне цветы. Может, он этим

жестом изменит тяжёлое впечатление, которое произвёл два раза на эту милую женщину?

На маленьком базаре около станции метро было шесть столов, за четырьмя из которых торговали цветами. Платонов обошёл все прилавки, но никак не мог решиться на покупку. Вспомнил, что мама, когда он ещё учился в институте, наставляла: покупать цветы девушкам — очень ответственное мероприятие. Можно не угадать её вкус и надолго испортить ей настроение. А можно вообще купить цветы, на которые у девушки аллергия. Поэтому следует с кем-то посоветоваться.

Но с кем?

Осмотревшись вокруг, Сергей Павлович заметил, что за вторым прилавком стоит немолодая интеллигентного вида женщина, к которой решил подойти и поговорить.

— Скажите, пожалуйста, какие цветы можно преподнести красивой женщине лет тридцати?

— Вы мне задали, молодой человек, очень сложный вопрос. Я затрудняюсь на него ответить. При выборе цветов для женщины такого возраста, да ещё красивой, следует учитывать целый ряд факторов: её образование, место работы, семейное положение, уровень ваших с ней отношений и ещё многое чего другого.

— И что мне делать?

— А знаете, возьмите лилии. Они нейтральны и благородны. Без претензий. Могут долго стоять, если регулярно менять для них воду.

— Как вы думаете, сколько цветков следует купить?

— Думаю, что достаточно пяти, плюс травка. Получится очень симпатичный букет.

— Сделайте, пожалуйста, мне такой букет и спасибо за ценный совет.

— Всего вам хорошего!

6.14

Вера Петровна Черникова, после разговора со своей коллегой Евгенией Ивановной Сотниковой, почувствовала какое-то незнакомое ранее внутреннее напряжение. Что-то ей мешало сосредоточиться на предстоящей лекции, материал которой был для неё достаточно новым. Неужели Сотникова своим шутливым тоном и с присущей ей циничным юмором что-то внутри неё зацепила? А может, причиной этого состояния стал молодой человек, которого неожиданно встретила в ко-

ридоре института? Она отлично понимала, что глупо, и пошло гадать, перебирая разные ситуации, но тревожное состояние не проходило.

Перед самой лекцией Вера Петровна позвонила мужу:

— Витя, ты можешь меня встретить после первой пары в восемь вечера и отвезти домой?

— Ты что, Верочка! Я тут беседую с клиентом по очень серьёзному делу и не могу никуда отойти.

— Витя, перенеси свою серьёзную встречу на другой день или сделай перерыв на час-полтора.

— Верочка, это невозможно. Я тебе сейчас такси закажу и оплачу стоянку. Такси будет тебя встречать.

— Витя, нет. Заберёшь меня сам. Всё. И кончай со мной торговаться.

Интуиция Веру Петровну не подвела. После лекции около выхода из института стоял с цветами Платонов.

— Извините, Вера Петровна, за моё глупое поведение сегодня. Вот решил вам преподнести цветы, чтобы загладить нехорошее впечатление.

— Не поняла, о каком впечатлении вы говорите?

— О плохом. Дело в том, что я не совсем удачно сегодня перед вами извинился за свой поступок.

— За какой поступок? Вы что-то перепутали, уважаемый.

— Нет, ничего не перепутал. Просто наговорил лишнего и хочу загладить свою вину.

— Молодой человек, вы хоть знаете, в каких случаях следует женщине дарить цветы?

— В каких?

— Судя по вашему вопросу, не знаете. А жаль.

— Вера Петровна, я от чистого сердца. Примите, пожалуйста.

— Извините, меня встречает муж. Дайте, пожалуйста, пройти.

В этот момент Виктор аккуратно припарковался у бордюра. Когда она села в машину, он её обиженным тоном спросил:

— Верочка, ну и из-за чего ты меня сорвала с работы? Даже не представляешь, сколько денег я могу потерять.

— А разве ты не заметил, Витя, у входа в институт молодого нахала с цветами?

— Заметил, и что? У нас с тобой, Верочка, профессии, связанные с подношениями. Мне каждый день приносят то бутылку, то цветы. И что? Я должен по этому поводу вызывать наряд милиции?

— Ты, Витя, дурак или прикидываешься? К твоей жене в наглую

пристают прямо на улице, а ты делаешь вид, что ничего не происходит. При этом сравниваешь меня с собой. Ты это серьёзно?

— Ну, извини, Верочка, не обижайся. Я, наверное, что-то не то тебе сейчас сказал...

— Наверное. Останови здесь машину. Я выйду. Пройдусь по свежему воздуху. Пока.

— Пока.

6.15

Утром следующего дня, в районе двенадцати часов, как ни в чём не бывало, без каких-либо угрызений совести, Виктор позвонил Вере Петровне. Она весь вечер не могла найти себе место: то присаживалась к столу, то выходила на балкон, а он спокойно уехал к себе домой и сразу всё забыл. Мужчины вообще какие-то носороги, пробить их шкуру невозможно. Никаких эмоций, никакого внутреннего понимания ситуации.

А она только о чём вчера не передумала — о покойной маме, об отбившейся от рук дочери, о всегда занятом делами муже, о фальшивых коллегах. Чего только стоит одна Сотникова со своими пошлыми намёками и глупыми заигрываниями! Какая-то пустая никчёмная жизнь...

В конце вечера она даже позвонила дочери Светлане, которой, слава богу, не оказалось на месте.

А перед её глазами всё время продолжал стоять молодой, независимый, сильный человек, с открытой улыбкой и просил принять от него цветы. Красивый, скромный букет.

— Верочка, — кричала телефонная трубка, — ты меня слышишь? Как ты себя чувствуешь? Верочка?

— Нормально, Витя, нормально. Не кричи. Ты что-то хотел спросить или просто так звонишь?

— Я, может быть, вечером к тебе на часок-другой заеду поговорить о наших делах, если ты не возражаешь.

— Нет, меня не будет дома. Я сегодня занята.

— Ладно, созвонимся. Отдыхай, дорогая.

— Будь здоров.

Сначала Сергей Павлович Платонов несколько расстроился по поводу несостоявшегося разговора с Верой Петровной, но потом, увидев её непрístupную позицию и неизвестно откуда появившегося мужа,

успокоился. Не хочет принимать извинения, ну и не надо. В принципе, ничего плохого он по отношению к этой женщине не сделал...

И тем не менее, настроение продолжало оставаться неважным.

Платонов остановил такси и поехал с цветами к маме. У неё всегда тепло, вкусно, а главное, спокойно. Никаких форс-мажорных ситуаций.

Хорошо поужинав, мама и сын расположились в гостиной в больших удобных креслах.

— Серёжа, выключи верхний свет и принеси мне сигареты. Ты когда завтра встаёшь?

— В половине пятого утра.

— Зачем так рано? У тебя же машина в 5.45. Водитель позвонил и подтвердил время.

— Нужно спокойно собрать все бумаги, ничего не забыть. Особенно учебники. Кстати, хочу с тобой посоветоваться, мама, по поводу одного инцидента, который произошёл со мной в институте.

— Что за инцидент?

— Да, вроде, пустяки. Я тут недавно нахамил одному преподавателю, кандидату наук, а она декану пожаловалась.

— Это уже серьёзно. И что декан?

— Декан меня вызвал к себе и отчитал по всем правилам, но дал повторное направление на экзамен. Правда, к другому преподавателю.

— Так ты сдал этот экзамен или нет?

— Сдал. На отлично.

— И в чём тогда проблема?

— Я хотел перед этим преподавателем сегодня извиниться, даже купил цветы. А она отказалась их принять.

— Так вот откуда взялся этот замечательный букет!

— Ты не обижайся на меня, мама. В следующий раз я тебе куплю самые красивые цветы в Москве.

— Ладно, не обижаюсь. Но зачем ты мне рассказал про этого преподавателя? Защемило самолюбие, что тебя — такого большого начальника — взяли и поставили на место?

— В какой-то мере да. Я к этому не привык. Слишком в неловком положении оказался.

— А к чему ты привык? Зачем вообще, Серёжа, тебе эта работа в Твери: сумасшедшая ответственность, колоссальная нагрузка, постоянные поездки. Да ещё с институтом связался.

— Мама, у тебя одни вопросы, причём все с негативным подтекстом.

Неужели тебе не понятно — у меня потрясающе интересная работа, от которой нормальные люди не отказываются.

— Это нормальные, а ты причём?

— А что я, по-твоему, ненормальный?

— Конечно. Нормальные люди встают в семь утра и спокойно идут на работу, а не вскакивают в половине пятого и едут куда-то за двести вёрст.

— Не знаю, не знаю...

— А ты знай. Сейчас тянешь этот громадный воз, а что завтра будет — не задумываешься.

— Ладно. Проехали.

— Хорошо, проехали. Вот ты сказал, что она кандидат наук. И что? Сейчас даже доктор наук — пустое место. Мяслик в нашем гастрономе имеет больший авторитет, чем любой профессор.

— Ну, не скажи. Люди всё-таки отличают профессора от мяслика и по-разному к ним относятся.

— Я тебя умоляю! В наше мутное время никому не нужной Перестройки людей классифицируют по одному признаку — полезен этот человек или нет. При этом сейчас сплошь и рядом кандидатами и даже докторами наук становятся отпетые мошенники.

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем становятся?

— Прежде всего, из-за дешёвого престижа. Раньше люди относились друг к другу в соответствии с их заслугами, образованием, знаниями. А сейчас вся муть поднялась со дна. Люди раболепствуют перед тем, от кого есть надежда что-то получить.

— Ну, теперь я точно никаких диссертаций защищать не буду, чтоб никто не смеялся надо мной.

— Не зарекайся, Серёжа. Жизнь — не загородное шоссе. Неизвестно, где поломаешься и остановишься...

6.16

Информация о том, что профессор Конюхов предложил доценту Черниковой должность заместителя заведующего кафедрой, просочилась в преподавательскую в тот же день. То ли этот вброс осуществил сам Конюхов через своих адептов, чтобы проверить реакцию членов кафедры, то ли поручил эту деликатную акцию выполнить своему се-

кретарю Татьяне, но кафедра в течение нескольких дней активно перерабатывала эту новость.

Коллектив кафедры состоял, в основном, из обеспеченных и красивых женщин, поэтому дух соперничества и мелкого интриганства ощущался всегда и во всём. Кафедра профессора Конюхова считалась на факультете более менее благополучной. Иногда возникали мелкие бунты, но они, как правило, уверенно подавлялись на уровне заведующего кафедрой.

Сейчас ситуация могла выйти из-под его контроля и связана она была, как ни странно, с Евгенией Ивановной Сотниковой. То ли она никак не могла проглотить, что профессор Конюхов ввёл Веру Петровну в состав Учёного совета по присуждению учёной степени кандидата экономических наук, то ли ещё по какой-то причине, но она стала активно претендовать на должность заместителя заведующего. В особенности она почему-то ополчилась против секретаря кафедры Татьяны, которая, якобы, специально протиражировала эту новость. Вера Петровна попыталась успокоить Таню, что это всё глупости, но у неё это не очень получалось.

Профессор Конюхов пассивно наблюдал за происходящим из своего застеклённого угла, но когда ему эти стихийные волнения надоели, он объявил о внеочередном заседании кафедры. Заседание кафедры он проводил, как правило, сидя в кресле секретаря кафедры, так как только у неё на столе стоял телефон, позволяющий ему периодически отвечать на звонки.

Сегодня он даже не стал беспокоить Татьяну и сел за обычно никем не занятый стол.

— Уважаемые коллеги, я попросил вас собраться на внеочередное заседание кафедры, чтобы высказать своё впечатление от обсуждения информации, связанной с вакантной должностью моего заместителя. — профессор тяжёлым взглядом обвёл всех присутствующих на заседании и продолжил: — Сразу признаюсь, эту новость вбросил на кафедру я. Так что прошу оставить в покое доцента Черникову, а тем более ни в чём не виновную Татьяну. Всем понятно?

— Понятно...

— Очень хорошо. А теперь послушайте меня внимательно. Декан факультета попросил все кафедры, в том числе и нашу, представить список руководящего резерва и, в частности, кандидатуру преподавателя, который может меня заменить в должности заведующего кафедрой. Для того чтобы увидеть кандидата в деле, хочу своим распоряжением

назначить его сейчас. Вопрос непростой, поэтому боюсь ошибиться. Всем понятно? — снова спросил он у присутствующих.

— Понятно...

— Тогда идём дальше. К моему сожалению, я увидел неприятную картину: кафедру обуяли страх и зависть. Я был на войне и знаю, о чём говорю. Это — страшные, разъедающие человека изнутри чувства.

Конюхов снова сделал паузу, как будто вспоминал, что было с ним на фронте.

— А теперь я спрашиваю: чего вам всем бояться? Все вы работаете на избранных по конкурсу должностях. Набор студентов на нашу специальность из года в год растёт. От желающих получить второй диплом по нашей кафедре отбоя нет. Страх, значит, за свою должность, по определению, не должно быть. Остаётся зависть. И тогда возникает вопрос: к чему или к кому? Давайте по этому поводу разбираться.

Но рассуждения профессора Конюхова на тему зависти Вера Петровна уже не слышала. Её слух уловил в речи заведующего кафедрой только словосочетание «получить второй диплом». Это, получается, заведующий кафедрой сказал и об этом молодом парне, который несколько дней назад просил её принять цветы. Платонов его фамилия. Такие умные глаза, открытое лицо. Из Твери. Это же надо — работает, учится, семья, наверное, есть. Ездит оттуда в Москву на пригородных поездах, а это, как минимум, три часа в один конец. Ужас...

И тут Вера Петровна услышала обращённый к ней вопрос профессора Конюхова:

— Вера Петровна, вы подтверждаете свой отказ от предложения быть моим заместителем?

— Да. Подтверждаю.

— Ну, вот видите, уважаемые коллеги, пока и нечего обсуждать. На этом наше заседание кафедры закончим.

6.17

Вера Петровна смотрела через балконную дверь на свой занесённый снегом двор и не испытывала никаких восторженных чувств. В Москву на несколько месяцев пришла зима. Вера Петровна не любила зиму не только потому, что никогда не увлекалась зимними видами спорта — лыжами или коньками, но и испытывала от этого времени года разные жизненные неудобства. В частности, приходилось надевать на себя много дополнительной одежды, снять которую в присутственных ме-

стах — институте, театре, библиотеке и других учреждениях — всегда было весьма проблематично. Но особенно её раздражали поездки в общественном транспорте, где все в зимней одежде мешают друг другу.

А чего стоит пройтись по улицам! Мало того что скользко, так ещё на сапожках остаются какие-то белые разводы, которые ничем нельзя снять. Правда, стоит сказать об этом мужу, как новые сапоги будут ей доставлены прямо из магазина с посыльным, но её это вовсе не радовало. Настроение было ужасное. А вчера с ней вообще была истерика — потеряла кольцо с бриллиантом, которое носила на безымянном пальце правой руки. Вместо обручального. Дело в том, что она его снимала и прятала в сумочку, когда вела занятия. И не потому, что стеснялась, а просто оно очень ярко отсвечивало, когда Вера Петровна писала на доске.

Пришла домой, а его в сумочке нет. Всё судорожно перерыла со слезами и причитаниями:

— Ну, старая дура. Это тебе за то, что думаешь не о том, о чём надо. Всё время какой-то Платонов у тебя на уме!

«Да ничего подобного...»

Не ничего подобного, а точно!»

А потом Вера Петровна ещё раз перерыла свою сумочку и нашла кольцо. Просто оно закатилось за подкладку.

— Ну, слава Богу!

А то нужно было бы долго говорить с Витей и оправдываться, а он с подозрительным видом будет её слушать. И в конце концов, скажет таким барским тоном:

— Ладно, не очень расстраивайся, мать. Будешь себя хорошо вести — куплю другое. Ещё лучше прежнего.

6.18

Началась установочная сессия для заочников, но Платонова нигде не было видно. Обычно заочники в это время носят стайками по институту — контрольные, лекции, семинары, экзамены. Все на виду, а некоторые попадают преподавателям на глаза по несколько раз в день. Но его нигде не было. С целью встретить этого студента, Вера Петровна, под видом привести в порядок методический материал, приходила в институт каждый день. Кроме секретаря Тани, на кафедре никого не было. Заведующий кафедрой профессор Конюхов уехал на неделю

в какой-то подмосковный санаторий, а остальные преподаватели появлялись в институте только в дни экзаменов.

После скандала с вакантной должностью заместителя заведующего кафедрой, когда секретаря Таню обвинили в распускании сплетен, а на её защиту встала только Черникова, отношения между ними стали более доверительными.

— Танечка, тебе не попадались контрольные работы студента четвёртого курса заочного факультета Платонова. У него в прошлом году экзамен вместо меня принимала Евгения Ивановна Сотникова.

— Попадались. Если мне память не изменяет, я их подготовила к списанию. Как его фамилия, вы сказали?

— Платонов. Четвёртый курс.

— Да, вот они.

— Дай мне их посмотреть.

— Пожалуйста.

Сразу было видно, что контрольные выполнены грамотным, знающим предмет человеком, старающимся не только ответить на вопросы, но и показать его связь с другими дисциплинами. И тем не менее, это Веру Петровну не интересовало.

Она хотела найти в тетрадях Платонова номер домашнего или служебного телефона, но кроме почтового адреса для переписки, никакой информации в них не оказалось.

К сожалению, череда неприятностей у Веры Петровны продолжалась и сегодня день начался с того, что дойдя до автобусной остановки, она вдруг вспомнила, что не закрыла балконную дверь. Ожидая автобус, стояла и думала: возвращаться домой, чтобы проверить сей факт, или нет. А потом решила: «В принципе, ничего страшного — ветра нет, тёплая зима, людей во дворе не бывает...»

Но мысль, что кто-нибудь увидит открытую дверь в квартиру, привела её в полное смятение.

Нет, не может быть! Неужели пришла её пора и теперь она до конца дней своих будет мучиться этой дурью? Мама нередко вспоминала, выйдя из дома, что, к примеру, не выключила утюг. Но это были, как она говорила, старческие глюки. А у неё что?

Однажды Вера спросила об этом у мамы и та ей спокойно объяснила:

— Понимаешь, дочечка, это явление возникает, прежде всего, потому, что с возрастом человек многие вещи принимает близко к сердцу.

Они накладываются одно на другое, и через это память не успевает чётко фиксировать произведённое человеком действие.

«А у меня почему эта ситуация уже возникла?»

Неужели из-за Платонова, с которым она ни разу ещё не говорила?

6.19

К сожалению, её предположение о незакрытой балконной двери, когда она вернулась домой, подтвердилось, и Вера Петровна пришла в институт впритык к звонку. Это было не в её правилах. Обычно она появлялась на кафедре минут за тридцать-сорок до начала занятия.

Спеша на лекцию, она забыла на кафедре указку, с помощью которой объясняла приведённые на плакатах различные таблицы. Лекцию прочитала сумбурно, с ошибками, которые, по всей видимости, заметили и студенты. В общем, настроение было ужасное. Не улучшило его даже приглашение в субботу в ресторан на день рождения своей коллеги по кафедре.

Чтобы прийти в себя, Вера Петровна после занятий решила две автобусных остановки до метро пройти пешком. Но в тот момент, как она вышла из здания института, к крыльцу бесшумно подъехала легковая машина чёрного цвета. Из машины вышел молодой мужчина без пальто и пошёл с улыбкой ей навстречу.

— Здравствуйте, Вера Петровна!

— Здравствуйте, — машинально ответила она.

— Я — Платонов, студент-заочник. Вы меня узнаете?

— Да, узнаю. И что дальше, студент Платонов?

— Вот приехал в Москву по делам Министерства. Решил заскочить в институт и встретил вас. Радость-то какая!

— С какой стати вы так обрадовались, молодой человек? Не вижу для этого никаких оснований.

— Вы меня, наверное, не узнали, Вера Петровна? В прошлом году я опоздал на экзамен, а потом вам нагрубил. Вы на меня ещё декану пожаловались.

— Да помню я вас, помню, Платонов. Вы большой выдумщик по поводу всяких небылиц — то задержались в главке, то направляетесь в Министерство. Может быть, вы какой-нибудь мафиози? Вот за нами, с чего бы это, чёрная машина всё время едет? И вообще, покажите своё удостоверение, а не то я милицию сейчас вызову.

— Пожалуйста, — сказал он с некоторой обидой.

Удостоверение Платонова выглядело весьма солидно: в кожаном красном переплёте с залитыми металлом углами. На удостоверении он выглядел несколько старше, чем в жизни.

— И кто же вы, уважаемый, на самом деле?

— Там, Вера Петровна, всё написано.

— Мало ли что там написано? В наше время можно диплом академика в метро купить.

— Это правда. Но я вам дам свою визитную карточку. При желании, можно всё проверить.

— Делать мне больше нечего — проверять. А за визитку спасибо. До свиданья.

— Всего хорошего.

6.20

Неправда, что как начнёшь день, так его и проведёшь. Сейчас её настроение, с визиткой карточной студента Платонова, кардинально изменилось в лучшую сторону. С утра всё шло из рук вон плохо, а вот вечером встретила человека, о котором последнее время думала. Правильно мама говорила, что наша жизнь — это игра в крестики-нолики: раз выиграешь, раз проиграешь. Баланс побед и поражений всегда сохраняется. И вот, пожалуйста. Та информация, которую она хотела получить в течение недели, теперь у неё в руках.

Вера Петровна зашла в вестибюль метро и вынула из сумочки визитную карточку Платонова.

На ней сверху, посередине, крупными буквами было написано:

«Специальное Управление МАП

Платонов Сергей Павлович

Заместитель Генерального директора»

Внизу слева карточки стояли, набранные красным цветом, две большие буквы «О» и «С». Справа в столбик были приведены три номера телефона с международным кодом набора.

Вера Петровна почувствовала, что у неё горят щёки. Как будто побывала на свидании с влюблённым в неё мальчиком и первый раз в жизни коснулась его руки. Если раньше она представляла Платонова наглым молодым человеком, то теперь, увидев его при дневном свете, обнаружила, что он вовсе не молодой. Где-то около сорока, приятной внешности и вполне прилично одет, что в наше время встречается не так уж часто.

Вера Петровна прошла в вагон и села на свободное место, продолжая думать о Платонове. И тут её опалило жаром: а может, он ей всё наврал? И карточка у него фальшивая? Уж больно успешен он для своего возраста — заместитель Генерального директора... А что обозначают две красные буквы, стоящие в левом углу удостоверения? Такого она никогда в своей жизни не видела.

Весь вечер Вера Петровна возвращалась к беседе с Платоновым, стараясь убедить себя в том, что этот человек ей совсем не интересен.

«Тогда зачем ты взяла у него визитную карточку? Что тебя толкнуло на неформальный разговор со студентом?»

Все их прежние встречи как-то глупо заканчивались, так она после каждой из них чувствовала себя совершенно разбитой. А сегодня совсем другое настроение — какое-то лёгкое и праздничное.

В чём дело? Что за наваждение? Почему она — образованная, устроенная во всех отношениях женщина — позволяет какому-то незнакомому мужчине раз за разом бесцеремонно вторгаться в её жизненное пространство?

И вообще, почему она так эмоционально среагировала на ситуацию, в которой сегодня невольно оказалась?

Сейчас Вера Петровна пожалела, что бросила курить. Сигарета — это спасательный круг. Она позволяет создать паузу, которую можно заполнить глубокомысленной затяжкой. Ну, а если нет сигареты, то, как советовала мама, звони мужу...

— Витя, как ты себя чувствуешь, дорогой? Как дела?

— Ничего, Верочка, всё в порядке. Что у тебя?

— У меня всё нормально. Витя, меня приятельница попросила у тебя узнать, что обозначают в служебном удостоверении одного нагловатого господина стоящие внизу две большие буквы красного цвета — «О» и «С»?

— Как ты сказала? О и С? Не знаю, но могу завтра спросить об этом у одного серьёзного человека.

— Ладно. Спокойной ночи.

— До завтра.

6.21

На следующий день поздно вечером Виктор позвонил сам.

— Верочка, ты ещё не спишь? Сегодня день был сумасшедший, просто не было даже времени тебе позвонить.

— Нет, дорогой, не сплю. Жду твоего звонка.

И тут ей на несколько секунд стало не по себе. Не потому, что она хотела узнать, что на самом деле обозначают таинственные буквы «О» и «С» в удостоверении Платонова. Нет. Вера Петровна судорожно цеплялась за мысль, что сейчас афера с его удостоверением раскроется и она перестанет думать об этом человеке. Вернётся, наконец, к прежней, полной интересных дел, жизни.

Но голос Виктора звучал совершенно буднично и не предвещал никакой сенсации:

— Отвечаю на твой вчерашний вопрос, дорогая. Две буквы в удостоверении этого человека означают, что он, в соответствии с решением определённых государственных структур, включён в Особый Список, дающий ему, в силу профессиональной и общественной полезности для страны, серьёзные полномочия. Как правило, в этот список входят многократно проверенные люди, обладающие особым статусом.

— Спасибо, Витя. Я всё поняла. Спокойной ночи.

— Подожди, Верочка. Я ещё не договорил.

— Что ещё?

— Мой опыт, и не только мой, говорит о том, что с этим человеком нужно себя вести очень аккуратно.

— В каком смысле?

— В любом. Теперь — всё.

— Будь здоров, дорогой.

— Спокойной ночи.

Вера Петровна не могла прийти в себя. Она упала на диван и в полный голос разрыдалась. Казалось, что этой истерикой, как грозой в атмосфере, она пытается очиститься от всех дурных мыслей, угнетавших её несколько месяцев подряд. Обрести внутренний покой и возможность нормально жить. И тем не менее она, сквозь слёзы, продолжала снова и снова ставить под сомнение информацию, которую дал ей Виктор.

Ну не может такой молодой человек, как Платонов, обладать особыми полномочиями. Не может — как по возрасту, так и по жизненному опыту! Такого калибра люди учатся в соответствующих Академиях при Правительстве России, а не в обычном институте.

«Ну почему? Как раз и нет. Ему, как серьёзному человеку и специалисту, нужны настоящие знания, а не академическое окружение и диплом... Ты считаешь, что там хуже учат? Не думаю, что хуже, но точно — более скучно и формально. Недаром наш институт занимает второе

место по качеству экономического образования в стране после Московского государственного университета...

И всё равно, как может учиться человек при такой сумасшедшей нагрузке, да ещё жить в другом городе?..

Значит, у него есть серьёзная цель. Недаром Женя Сотникова после экзамена, сданного ей Платоновым, сказала, что он больше её знает по нашей дисциплине. А она далеко не из тех, кто говорит о других людях что-то хорошее...

И тем не менее, не совсем понятно, зачем ему нужны особые привилегии, если он всё время пропадает на работе?..

Неправильно. Виктор сказал: не привилегии, а полномочия, позволяющие ему, без предупреждения, появляться на любом производственном объекте в любое время и выявлять истинное положение дел...

И всё-таки нужно позвонить в организацию, где работает Платонов, и проверить информацию, приведённую на его визитной карточке. Лучше это сделать с телефона кафедры, а не с домашнего...»

В один из будних дней, когда все преподаватели кафедры были на занятиях, а секретарь Таня закончила работу и ушла домой, Вера Петровна набрала первый указанный на карточке Платонова телефон.

— Приёмная Платонова, говорите.

— Мне нужен Сергей Павлович.

— Он в зарубежной командировке.

— А когда вернётся?

— Неизвестно. А кто его спрашивает?

— Это вас беспокоит из Московского института экономики и права.

— Хорошо, я передам, что вы звонили.

— Спасибо.

— Всего хорошего.

Вера Петровна после звонка на предприятие, где работал Платонов, почувствовала себя неважно. Будто ей сейчас сообщили окончательный диагноз серьёзного заболевания. Значит, этот симпатичный парень ничего ей ни разу не соврал. Он, в самом деле, в силу своих служебных обязанностей, очень занят.

Часть III.

Новая жизнь

Глава 7. Начальник конвоя

7.1

Чтобы не нагружать тётю Свету разговором с Василием Ивановичем Полтораком о ремонте дачи, Владимир Николаевич Калмыков взял эту обязанность на себя. В ближайшую пятницу он сел на электричку и поехал на дачу, уверенный, что через пару часов вернётся в гостиницу. Благо весь маршрут от Казанского вокзала до дачи тётя подробно расписала.

Калмыков застал Василия Ивановича за работой. Тот мыл пол. Причём, мыл тщательно и добросовестно, как это делают женщины — с тряпкой и скребком.

— Здравствуйте, Василий Иванович.

— Здравствуйте, Владимир Николаевич. Вы извините, что я вас в таком виде встречаю.

— Да ничего, ничего. Всё нормально.

— Дело в том, что ко мне гости должны приехать сегодня вечером из Москвы и я решил немного прибраться. Вы посидите на веранде, газетку почитайте. Я скоро освобожусь.

— Да вы не волнуйтесь. Может, вам чем-нибудь помочь? Я тоже умею всё по дому делать.

— Нет, нет. Ничего делать не надо. Присаживайтесь, пожалуйста. Я скоро закончу.

Пока Василий Иванович домывал квартиру, Владимир Николаевич нашёл несколько газет и углубился в их чтение. Газеты были старые, двухнедельной давности, но по причине нахождения в отпуске он их не читал. Поэтому листал пожелтевшие газеты с интересом.

— Василий Иванович, неужели в деревне нет женщины, которая может помочь вам по хозяйству? Помыть пол, например, или ещё что-нибудь сделать полезное?

— Нет, уважаемый. В деревне свои законы. Каждый ведёт своё хозяйство сам: чистит, строит, убирает, сажает.

— Последнее у вас с прежней службой связано?

— Нет, — рассмеялся Василий Иванович. — Вот вчера я весь день высаживал рассаду под огурчики, а третьего дня посадил вдоль забора хризантемы. Так что некого звать мыть полы. Некого. Здесь такого никто не делает.

— Почему?

— Потому что это деревня, уважаемый, а не город. Деревенский труд связан с землёй и скотиной. Здесь не делят работу на чёрную и белую. Какая есть, такую и выполняют.

— А в гости друг к другу ходят?

— В гости ходят. Здесь это принято. Чайку попить или чего-нибудь покрепче. Сплетни деревенские обсудить.

— И всё-таки, вам следует жениться, Василий Иванович. Естественное состояние мужчины в вашем возрасте — быть женатым. Это женщина может себя обслужить, а за мужчиной должен быть уход.

— Ну что вы, извините за грубость, Владимир Николаевич, городите? Какая здесь может быть женитьба? Жениться нужно по любви. А вы когда-нибудь исподнее на деревенской бабе видели? Да не дай бог!

— Ну, есть же в деревне молодые симпатичные девушки, на которых заглядываются мужчины?

— Конечно, есть, но мне брать в жёны молодую женщину — совсем не дело. Нужно с женщиной в одну пору жить и в одну пору стареть. Красиво стареть. В противном случае, кто-то из супругов должен всё время подстраиваться под другого и, естественно, халтурить. Природу не обманешь. У неё свой счёт к нам.

— Хорошо. Тогда можно жениться на немолодой женщине, если у вас такие жёсткие требования к созданию семьи.

— Тоже не дело. Жениться на женщине такого же возраста, как я, — это множить болячки. Я не совсем здоровый человек, да плюс она со своей хворью... А вообще, есть у меня женщина. Хорошая женщина. В пятницу вечером из Москвы приезжает, в воскресенье уезжает. Для неё вот и уборку затеял с мытьём полов.

— А дети есть у вас, Василий Иванович?

— Есть. Дочка. В этом году заканчивает Московский институт иностранных языков. С ней тоже не всё просто. Её оставляют в аспирантуре, а она с мужем и ребёнком. Общежития для семейных в институте нет. Нужно снимать квартиру.

— И в чём проблема?

— Проблема в том, что платить за квартиру нечем, а у меня нет воз-

можности ей помочь. Всегда жил небогато. Так что придётся ей от аспирантуры отказаться и начать работать.

— Ни в коем случае нельзя этого делать! Ни в коем случае! Я дам деньги вашей дочери на учёбу.

— Не понял... Что вас так озаботила судьба семьи моей дочери?

— Просто у меня самого не получилось заняться наукой. Советская власть не то что в аспирантуру, на работу никуда брать не хотела. Так хоть пусть у вашей дочери будет всё в порядке.

— И каким образом вы собираетесь, Владимир Николаевич, раскошелиться, а главное, под каким предлогом?

— А вот под каким. Светлана Ивановна, ваша соседка и моя тётя по совместительству, решила избавиться от своей дачи и подарить её, как самому близкому родственнику, мне.

— Что вы говорите, Владимир Николаевич? Подарить?

— Да, подарить.

— Царский подарок. А вы знаете, уважаемый, чтобы её просто разобрать на дрова, нужно хорошие деньги заплатить. К сожалению, и на дрова она не годится — всё гнилое и мокрое.

— Правильно. Поэтому я предлагаю совершенно другое решение проблемы. Не разбирать тётину дачу на дрова, а подогнать бульдозер и снести её вообще с лица земли.

— И дальше что?

— А дальше на её месте построить новое современное строение, а не эту советскую уродину возвращать к жизни.

— Извините, кто вы по специальности, Владимир Николаевич, если это не большой секрет?

— Никакого секрета нет. Я строитель. В 1937 году окончил Московский инженерно-строительный институт. А на следующий год меня по доносу сослуживца арестовали, обвинили в антисоветской агитации и приговорили к десяти годам лагерей строгого режима.

— Ну-ну, очень интересно. Продолжайте, Владимир Николаевич. Кстати, я не мог вас этапировать до места исполнения наказания?

— Наверное, нет. Меня из Москвы до Красноярска везли по железной дороге, а из Красноярска до Дудинки в трюме какого-то ржавого парохода. Дальше до Норильска все уже шли пешком.

— Да, это не мой маршрут. Я работал, в основном, восточней Красноярска. А где вы трудились в Норильске?

— На разных объектах.

— Строительных?

- В основном, да.
- А сейчас?
- Сейчас тоже.
- А конкретней?
- Конкретней. В настоящее время работаю начальником строительного комплекса федерального значения.
- Серьёзная должность... Интересный у нас с вами получился разговор — бывшего полковника системы наказания с бывшим зэком, осуждённым по политической статье.
- Во всяком случае — содержательный.
- Так что мы с вами обсуждали, Владимир Николаевич? Напомните, пожалуйста, если не трудно.
- Тётину дачу. Я её бесплатно, по дарственной, получать не хочу. Но моя тётя денег брать от меня не хочет, хотя они ей нужны.
- Помилуйте, уважаемый, какие тут деньги? Тут хоть бы кто-нибудь вообще согласился её купить.
- Вы правы, Василий Иванович.
- И что?
- А то, что я готов ей за эту дачу заплатить через третье лицо. В частности, через вас.
- Не понял... И сколько вы можете заплатить?
- Не знаю. Назначайте цену сами, Василий Иванович.
- Да не нужна мне ваша дача, Владимир Николаевич. Одни сплошные хлопоты.
- Согласен. Но деньги вам нужны, чтобы дочери помочь продолжать учиться?
- Это правда. Очень нужны.
- Ну вот и решение всех проблем.
- Хорошо. И сколько вы можете дать за эту развалюху, Владимир Николаевич?
- Назовите сумму, исходя из расчёта: сколько нужно денег вашей дочери, чтобы окончить аспирантуру.
- Ваша фамилия, случайно, не Монте-Кристо?
- Нет, Василий Иванович. Я уже вам говорил. Моя фамилия Калмыков. Владимир Николаевич Калмыков.
- Интересная история. Надо подумать.
- Думайте, Василий Иванович, думайте. Пока я в Москве.

7.2

Вечером, вернувшись с дачи в гостиницу после разговора с Василием Ивановичем Полтораком, Владимир Николаевич стал рассказывать Беатрис о проведённом дне: где был, с кем встречался, о чём говорил. Но самую интересную информацию он приготовил на конец разговора.

— Бася, сегодня я, впервые в жизни, выступил в роли настоящего русского благодетеля.

— Не поняла, дорогой. Я знаю, что ты любишь выступать, а что на этот раз? В какой роли ты сегодня красовался?

— В роли Саввы Морозова. Был такой лихой купец, который делал всякие интересные поступки.

— Савва Морозов, Володя, к сожалению, плохо кончил свою жизнь.

— Ну, мне это не грозит. Во-первых, у меня есть ты, а во-вторых, живём в другое время.

— Как знать, как знать... Ну, так скажи, что ты сегодня это такое сделал, что тебя от гордости просто распирает?

— Я сегодня взял на денежное содержание одну хорошую девушку, которая хочет поступить в аспирантуру Московского института иностранных языков, но не имеет денег для продолжения учёбы.

— Ничего не поняла. Какая-то Достоевщина. Что за девушка? Откуда она взялась? Какое имеет к тебе отношение?

— Она дочь тётиного соседа по даче, Василия Ивановича Полторака. Ты с ним знакома.

— Да, знакома. И всё-таки, какое ты имеешь к ней отношение?

— В принципе, никакого.

— Ну тогда объясни мне, пожалуйста, в связи с чем такое благородство? Ты что — такой богатый? Тебе деньги некуда девать?

— Не богатый, но обеспеченный.

— И дальше — что? Что за благотворительный зуд?

— Бася, ты сама мне говорила, что когда человек даёт нуждающимся людям деньги, у него возникает положительный терапевтический эффект, равный по силе проведению удачной операции. В результате у дающего может даже зарубцеваться язва желудка.

— Это — правда. Клинически подтверждённый факт. Так кого ты так сегодня облагодетельствовал?

— Сейчас скажу. Я её фамилию записал на отдельной бумажке. Вот эта бумажка: Екатерина Васильевна Платонова, 1936 года рождения.

Место рождения — город Вилюйск, Якутской ССР. Родители её в это время там жили.

— Так кто же это такая — Екатерина Платонова, что у тебя в голове что-то зарубцелось?

— Это и есть дочь Василия Ивановича Полторака.

— Я не совсем понимаю: почему ты решил помочь именно дочери Василия Ивановича? В чём тут секрет?

— Секрета никакого нет. Ты знаешь, что тётя Света оформляет мне дарственную на свою дачу.

— Знаю. Я слышала твой разговор с ней в машине, — несколько раздражённым тоном ответила Беатрис.

— Ну так вот. Дача — это просто прогнивший сарай, снести который стоит больших денег. Плюс ещё нужно получить в муниципальном образовании соответствующее разрешение на снос.

— И что из этого? Ты всё время уходишь от объяснения: причём здесь какая-то девушка?

— Да забудь ты про эту девушку, Бася, и спокойно дослушай меня, наконец, до конца.

— Слушаю, только не отклоняйся от темы, а то я всё время теряю нить разговора.

— Хорошо. Я согласился принять дарственную от тёти только в том случае, если она возьмёт от меня за дачу деньги. Деньги, а я это точно знаю, ей очень нужны.

— Зачем деньги в её возрасте?

— А вот зачем. Она мне однажды рассказала, что в Коломенском приходе Москвы хочет сделать, в память мужа и сына, какой-то памятник. Я точно не помню что, но она получила на это соответствующее разрешение от Моссовета. Для реализации своей мечты тётя даже хотела продать свою комнату в центре Москвы и уйти жить в приют.

— Так почему же она не хочет взять от тебя деньги за дачу?

— Думаю, что это её дворянский гонор не позволяет продать что-либо близкому родственнику. И больше ничего.

— Ну и как ты собираешься выходить из этой ситуации?

— Придётся немного с тётей схитрить и решать данную проблему в несколько этапов. Первый. Я не отказываюсь от дарственной, чтобы ублажить тётю, и принимаю дачу. Но деньги за дачу отдаю Василию Ивановичу. Второе. Василий Иванович оплачивает этими деньгами учёбу своей дочери в аспирантуре и за полученные от меня деньги, строит для тёти новую дачу. Третье. Построенной дачей пользуется моя

любимая тётя, а на деньги, вырученные от продажи в центре Москвы своей комнаты, она решает проблемы, связанные с Коломенским приходом.

— Ну ты — молодец, Калмыков! Как это ты в своей голове выстроил всю цепочку событий: и тётю не обидел, и хорошего человека поддержал! А главное, решил построить хорошую современную дачу, на которой и мы можем, приезжая в отпуск, жить. Я горжусь тобой, любимый!

По возвращению в Норильск, Владимир Николаевич дал поручение главному инженеру одного из управлений, входящих в руководимый им строительный комплекс, съездить, будучи в командировке в Москве, в деревню и посмотреть всё на месте. После этого сделать смету расходов и подготовить техническое задание на строительство новой дачи.

А через два года Василий Иванович Полторака, при содействии Владимира Николаевича, построил добротный двухэтажный дом с подвалом и большой верандой. Но особой гордостью Владимира Николаевича Калмыкова была котельная, построенная при доме, и настоящая русская баня. Светлана Ивановна, выйдя на пенсию, проводила много времени на своей новой даче и с удовольствием работала в саду.

7.3

Полковник Полторака, прослужив во внутренних войсках около 30 лет и пройдя путь от рядового охранника до начальника Управления службы исполнения наказаний Северо-Восточного военного округа МВД СССР, всегда уделял большое внимание психологической и физической подготовке своих подчинённых. При знакомстве с новым сотрудником, он обязательно с каждым из них лично беседовал:

— Скажите, уважаемый, о чём думает заключённый, когда его везут к месту отбытия наказания?

— О воле, о своей семье, если она у него есть. О том, что когда-нибудь выйдет на свободу и встретится со своими родными.

— Верно. Заключённый такой же человек, как и мы с вами, призванные его охранять. А какие мысли, как вам кажется, появляются у него в это время в голове?

— Не знаю. Наверное, о побеге, пока он не попал в лагерь с жёстким режимом содержания за колючей проволокой?

— Правильно. Значит, заключённый, которого мы этапироваем к месту наказания, не только физически сидит, но и виртуально бежит.

- Это точно.
- А когда ему удобней всего реально бежать из заключения? В лагере или на этапе?
- Конечно, на этапе. Здесь у заключённого совсем другие возможности для побега.
- Вот. А теперь смекай. Мы возим заключённых по трассам, пролегающим, в основном, по Сибири. В этих районах больше половины года лежит снег. Допустим, заключённый бежит зимой и его нужно догнать. Каким образом ты можешь это сделать?
- Не знаю.
- А я тебе скажу. Каждый, кто имеет отношение к нашей службе, должен хорошо ходить на лыжах. Это — первое. И второе — наши бойцы должны иметь хорошую спортивную подготовку.
- Каким образом?
- Любым. Подтягиваться, отжиматься, приседать, поднимать тяжести. Каким угодно образом. И никакой выпивки, никакого курева.
- А если боец курит?
- Значит, должен служить в другом подразделении.
- Вся Восточная Сибирь знала любимую шутку полковника Полторака: «Лыжная гонка — «отлично», отжимание — «отлично», ответ по теории — «плохо», значит, общая оценка — «хорошо».
- А свою будущую жену Василий Иванович увидел, проезжая через какой-то захолустный сибирский городок. Как правило, железнодорожный состав с вагон-заком, делал короткую остановку на резервном пути. Но однажды одному из солдат охраны стало в пути плохо и начальник конвоя, старший лейтенант Полторак, вызвал бригаду скорой медицинской помощи. Врач бригады, строгая молодая женщина, сразу понравилась начальнику конвоя и он, прежде чем дать разрешение снять бойца с поезда, решил задать ей несколько вопросов, что по уставу, в принципе, не требовалось.
- Как ваша фамилия, товарищ врач, и какое лечебное учреждение вы представляете?
- Врач скорой помощи Пименова Ирина Александровна.
- Что с моим солдатом, если вам понятен предварительный диагноз?
- Точно сказать не могу, но, думаю, что ничего инфекционного. Подозрение на перитонит.
- Тогда почему обязательно его забирать в больницу?
- Так положено.

- Это не ответ. Я, как начальник конвоя, отвечаю за каждого солдата. Обязан с вами постоянно иметь связь и получать информацию о состоянии его здоровья. Назовите, пожалуйста, свои координаты.
- А через полтора месяца старший лейтенант Полторак приехал в этот сибирский городок, сделал врачу Пименовой предложение и увёз её с собой в Хабаровск.

7.4

- Василий Иванович и Ирина Александровна никогда не ссорились. Единственный раз они крепко повздорили, когда обсуждали фамилию появившейся на свет дочери.
- Вася, я категорически против, чтобы Катя носила твою фамилию. Только через мой труп!
- Это же почему? Чем тебе не нравится фамилия Полторака? А может, она не моя дочь и ты это хочешь скрыть?
- Дурак ты, Вася, хоть и начальник. Правда, должность ума, к сожалению, не прибавляет.
- Нет, Ирина, ты честно скажи, чтобы я не жил иллюзиями.
- Да твоя это дочь, Вася. Твоя. Такая же рыжая и лупоглазая. Как под копирку сделана. Только твоя фамилия известна на всём Дальнем Востоке далеко не с лучшей стороны. Я не хочу, чтобы наша дочь ходила и всё время оглядывалась.
- Что ты имеешь в виду, когда такие слова говоришь? Чем это я замарал свою фамилию?
- Я имею в виду твоё место работы. Народной любовью оно, как и твоя должность, не пользуются.
- Ирочка, дорогая моя, смею тебя заверить, кому нужно будет, тот всё равно будет знать, кто отец Кати.
- Согласна, но зачем лишний раз девочке в этой жизни подставляться. В общем, не спорь со мной, Вася. Будет наша дочь Пименова Екатерина Васильевна. И — всё.
- А он уже и сам понял, что спорить бесполезно. Это было не мнение жены. Это был материнский инстинкт, который сметает всё на своём пути, что может навредить её ребёнку. У этого инстинкта свои доводы, не совпадающие с мужской оценкой ситуации. Василий Иванович вспомнил, как однажды он с четырьмя солдатами вёз особым этапом в двух автозаках четырёх заключённых — особо опасных преступников. В каждой из машин находились по два солдата и по два заключённых.

На одной из просек он увидел раненую рысь, а недалеко от неё, метрах в трёх, маленького беспомощного рысёнка. Рысь, сознавая своё бедственное положение, разрешила людям подойти и взять на руки своего детёныша. Василий Иванович позвал всех солдат, оставив заключённых одних, и они отнесли мать и рысёнка в машину. Это было серьёзное нарушение устава, так как в связи с этим пришлось полностью снять охрану. Четыре дня солдаты ухаживали за раненой рысью. А когда она более менее окрепла и кто-то из солдат попытался подойти близко к рысёнку, она подняла лапу и грозно зарычала. После этого предупреждающего жеста в ближайшем лесу рысь с детёнышем выпустили из машины на волю. По приезду на базу Василий Иванович скрыл от начальства происшествие с рысью. К счастью, никто из подчинённых его не выдал и всё обошлось без административных неприятностей.

Со своей женой Василий Иванович Полторак прожил всего четырнадцать лет, а в начале 50-х годов случилось страшное несчастье. В середине дня в его кабинете раздался тревожный звонок:

— Товарищ полковник, вас по общей линии вызывает медсанчасть.

— Вася, — услышал он голос жены, — я улетаю на консультацию к тяжелобольному в Якутск. Завтра постараюсь вернуться.

— Ира, нельзя лететь. Очень плохая погода — жуткий ветер и нулевая видимость.

— Вася, я обязана лететь. Целую.

Маленький самолёт местной авиации обледенел в полёте, упал и разбился. На руках у Василия Ивановича осталась дочь, ученица шестого класса да в Москве мать покойной жены, недавно вышедшая на пенсию. В седьмой класс Катя уже пошла в московскую школу, так как оставить её у отца с непонятным режимом службы, когда он по несколько дней не бывал дома, бабушка не могла. Василий Иванович, находясь полностью на военном довольствии службы военизированной охраны, практически всю свою зарплату регулярно переводил дочери в Москву.

7.5

То, что раз в две недели Сергей Павлович Платонов был обязан посещать маму, даже не обсуждалось. Но когда он стал появляться в субботу после восьми вечера, мама учинила ему допрос с пристрастием.

— Серёжа, ты почему приезжаешь ко мне так поздно? Ты к кому-то ещё заскакиваешь по дороге домой?

— Очень занят, мама. Очень.

— Не ври. Я говорила утром с твоим водителем. Он сказал, что должен к тебе подъехать в два часа дня. Не могли же вы ехать шесть часов от Твери до Москвы?

— Правильно, он подъехал за мной к двум часам. Но потом возникло ещё несколько неотложных дел.

— Ну зачем ты меня обманываешь, Серёжа? Барышень своих обманывай. Они для этого больше подходят. Тут одна мне недавно звонила по телефону и ангельским голоском, без здравствуйте до свидания, спрашивает: «Извините, Сергей Павлович в эту субботу приедет в Москву?» Я ей отвечаю: «Не знаю». А она не отступает. Настырная такая. «А что, он вас не предупреждает?» — «Предупреждает, но не всегда. А как вас звать, если он будет спрашивать?» — «Оля, — и продолжает задавать вопросы: — А когда он обычно приезжает — утром или вечером?» — «Я же вам уже сказала: не знаю. Может, что-нибудь ему передать, если будет звонить?» Она взяла и положила трубку.

— И что тут плохого, мама? Ты мне сама дырку в голове сделала по поводу всяких барышень. Появилась очередная Оля. Ну и что? Что ты так разнервничалась?

— Нет, я ничего не имею против. Просто нужно было бы её со мной познакомить. А то звонит девушка, а я не знаю, кто такая и о чём мне с ней говорить.

— Мама, ну тебе это надо? У тебя столько дел в институте, на тебе такая ответственность...

— Очень надо — чтобы оценить твой вкус. Приведёшь неизвестно кого, а матери притираться.

— Обязательно познакомлю тебя с претенденткой на мою руку и остальные части тела, но когда придёт время... А как Оля, кстати, узнала твой номер телефона? Я ей его не говорил.

— Да, сын. Тебе точно ещё рано жениться. Женщина, если ей нужно, любую секретную информацию добудет, не то что номер телефона... Ну, давай рассказывай про свою очередную Олю.

— А что рассказывать, мама. Девушка как девушка. Симпатичная, умненькая, молодая.

— И всё?

— И всё. А что тебе ещё надо?

— Расскажи, где она работает, какое имеет образование, что у неё за семья? Матери всё интересно знать.

— Она — стюардесса. Образование высшее... Папа — генерал. Живут с мамой где-то в Сибири.

— А почему же Оля не работает по специальности? Зачем тогда училась? Кстати, какой она специальности?

— А чем тебе её работа стюардессой не нравится? Многие серьёзные люди — банкиры, министры, актёры — имеют в жёнах бывших стюардесс и довольны своей судьбой.

— Пусть имеют. Каждый имеет то, что хочет иметь. Дело же не в этом, Серёжа...

— А в чём? Что-то я тебя, мама, не пойму.

— Дело в том, что сущность вашей мужской породы — всё время паяльаться на женщин. А стюардессы сами для этого подставляются. В этом, отчасти, суть их работы.

— Ну не расстраивайся, мама. Я ей скажу, чтобы она ушла из этой нехорошей профессии.

— Ты всё, сын, шуточки шутишь...

— А что мне ещё делать в этой ситуации?

— Слушать мать.

— Слушаю.

— Вот. Конечно, мне не нравится её работа. У тебя вообще, как у бывалого матроса, в каждом городе по жене...

— Во-первых, откуда ты, мама, знаешь, что у меня есть на самом деле. Я тебе об этом, во всяком случае, не рассказывал. А во-вторых, нужно говорить не у матроса, а у моряка. Матрос — это низшая должность на корабле, а моряк — это профессия.

— Хорошо, сыночек, моряк... Это не меняет суть дела.

— Ещё как меняет! Я, всё-таки, авиационный инженер и, люди говорят, — довольно неплохой.

— Для меня ты — законченный оболтус, который, дожив почти до сорока лет, не знает, что ему в жизни надо.

— Ну, какой я оболтус, мама? У меня даже есть персональная машина с мигалкой. Милиционеры по трассе честь отдают.

— Да в Москве каждый второй грузин имеет машину с мигалкой. Тоже мне, нашёл, чем удивить. Плати деньги и тебе танк подкатят.

— Ну что ты сравниваешь меня с каким-то грузином. У него всё купленное, причём за большие деньги, а мне государство дало бесплатно.

— И куда ты на этой машине с мигалкой едешь? К барышням своим или, всё-таки, по делам?

— Нет, к барышням с мигалкой нельзя. Это будет использование служебного положения в личных целях. За это и машину могут отобрать и даже серьёзно наказать.

— Так куда, всё-таки?

— Мама, оставь меня в покое. Я к тебе приехал вкусно покушать и сладко поспать. Твои благие пожелания в отношении девушек я непременно учту, а решение остальных жизненных проблем давай обсуждать по мере их поступления.

В шуточном разговоре между сыном и мамой пролетел субботний вечер. Мама, как всегда, наступала, а Сергей защищался. Но через некоторое время он уже маму не слышал. Зная наперёд, что она ему скажет и какие нотации прочитает, он глубокомысленно замолчал, делая вид, что внимательно смотрит телевизор.

«А в чём, собственно говоря, дело? — размышлял про себя Платонов. — Что плохого в том, что у моряков в каждом порту по жене? Одинокие женщины всегда рады приезду дорогого гостя, его подаркам, хорошему настроению, жизненному оптимизму. А он, вроде, тоже как дома побывал. В общем, обе стороны не в обиде... Такое поведение людей, которые долгие месяцы проводят в море, оправдано во всех отношениях. Конечно, это лучше, чем беготня по публичным домам или поиск случайных связей. Правда, дорогой гость может свалиться на голову этим женщинам совершенно не вовремя, но таковы, простите, законы жанра...»

7.6

С Олей Никаноровой Сергей Павлович Платонов познакомился в воздухе, а точнее, в самолёте. Командировка Платонова в Кольский филиал АН СССР была всего лишь на четыре дня: вылет из Москвы — во вторник, прилёт в Москву — в пятницу. Международный рейс Москва-Хельсинки с посадкой в городе Апатиты выполнял российский экипаж. Маленький комфортабельный самолёт, 15 рядов кресел, по два кресла с каждой стороны от прохода. Соседом Сергея Павловича оказался финн с хорошим знанием английского языка и они с удовольствием беседовали на разные темы. Финн, по всей видимости, хорошо накануне выпил, так как второй раз за сорок минут полёта просил стюардессу принести ему минеральной воды.

— Вам тоже дать воды? — спросила стюардесса у Платонова на хорошем английском языке.

— Нет, спасибо. Ко мне можно обращаться по-русски.

Стюардесса внимательно посмотрела на Платонова и, ничего ему не ответив, скрылась за шторой. Сергей Павлович внутренне подобрался, отнеся её внимательный взгляд на счёт владения им английским

языком. Было приятно, что молодая симпатичная девушка обратила на него внимание. И как говорит в таком случае его друг Моня: «Подсекай». Но в этом шаге он сразу засомневался: мало ли в мире людей, которые владеют иностранными языками? Это не повод, чтобы на них засматривались. Значит, я просто этой девушке понравился. «А чем я мог понравиться? Да всем: молодой, спортивный, симпатичный, с умным взглядом... Мало ли по каким параметрам женщины выделяют из толпы мужчину. У них свои достаточно чёткие индикаторы... А может, она обратила на меня внимание ещё при посадке в самолёт? Для этого много времени не надо... Ну опять тебя, Платонов, понесло. Спустишься с неба на землю — девочке лет двадцать пять, а тебе уже под сорок!»

И всё-таки, чтобы проверить свою гипотезу со стюардессой, он через полчаса нажал на кнопку вызова бортпроводника. Знакомая девочка появилась сразу, как будто ждала этого звонка.

— Извините, можно попросить баночку пива? — попросил Платонов.

— К сожалению, нельзя. В Финляндии сухой закон и поэтому распитие любых спиртных напитков на нашем рейсе запрещено, — чётко ответила стюардесса и быстро удалилась.

Через десять минут Платонов снова нажал на кнопку вызова. И снова из-за занавески появилась та же девушка.

— Тогда принесите, пожалуйста, стакан воды.

— Я вам воду уже предлагала. Вы отказались.

— Извините, что я вас побеспокоил. Тогда отказался, а сейчас умираю от жажды.

— А хотите, я вам сделаю кофе?

— Да, очень хочу. Из ваших рук — хоть яд.

— Тогда нужно немножко подождать.

— Готов ждать, сколько скажете.

Девушка несколько раз пробежала мимо Платонова и на его вопросительный взгляд, наконец, наклонилась и сказала:

— Извините, я о вас не забыла. Очень много работы. Пассажиры капризные. Все — иностранцы.

— И что?

— Просто не успеваю всех обслужить. Вам кофе с натуральным молоком или с порошковым?

— Да мне, в принципе, уже всё равно.

— Хорошо, я постараюсь всё сделать побыстрее.

То, что мужчины во всём нетерпеливы и нагловаты, мама Сергею

Павловичу вдалбливала в голову постоянно, но Платонов уже завёлся и накручивал себя сам: «Ты ж понимаешь — иностранцы! Они не могут ждать, а я могу! Нахлебались, понимаешь, русской водки в Москве на год вперёд, а теперь у них трубы горят!.. Прекрати, Платонов. Не vznikай. Перестань строить из себя большого начальника. Подумаешь, его вовремя не обслужили. Не подали кофе. Великое дело...»

А через несколько минут он услышал над своей головой голос стюардессы:

— Пожалуйста, ваш кофе, — и как бы в компенсацию за то, что заставила долго себя ждать, она тихо добавила: — Меня зовут Оля.

— Очень приятно, Сергей.

Платонов, не мешкая, вытащил из нагрудного кармана пиджака свою визитную карточку и с улыбкой протянул её девушке.

— Нет, нет. Ни в коем случае! — резко отшатнувшись от него, стюардесса быстрой походкой прошла в служебное отделение и задрнула за собой шторм.

Платонов сидел ошарашенный, не понимая, что произошло. За что на него обиделась Оля и почему отказалась принять визитную карточку? Факт её вручения никого ни к чему не обязывает. Просто человек перестаёт быть инкогнито. И больше ничего.

Через некоторое время Сергей Павлович снова нажал на кнопку вызова бортпроводника, но к нему подошла уже другая стюардесса.

— Слушаю вас.

— Мне, пожалуйста, стакан воды.

А когда она принесла ему воду, он спросил:

— Извините, а можно пригласить Олю?

— Нет. Оля занята.

На выходе у трапа самолёта стояли две улыбающиеся стюардессы и несколько молодых людей в лётной форме. Оли среди них не было. Не исключено, что в промежуточном аэропорту может произойти смена экипажа и она к этому готовится.

7.7

Прямо на лётном поле Платонова встречала легковая машина «волга» чёрного цвета. За рулём сидел немолодой мужчина, изнутри открывший ему заднюю дверь.

— Здравствуйтесь, Сергей Павлович. С прилётом. Я уже час вас встречаю. Опоздал ваш рейс.

— Спасибо. А зачем подъезжать прямо к трапу, уважаемый? Мне как-то, право, неудобно перед людьми.

— Дело в том, что всех пассажиров вашего рейса от самолёта до здания аэровокзала сейчас поведут пешком. А это не очень близко. К тому же мне нужно успеть выполнить следующее задание.

— Понятно. Вы всех гостей так встречаете?

— Не всех, но вас начальство приказало встретить именно так. Почему, я не знаю.

— У вас есть пропуск выезда на лётное поле?

— Естественно. Вот он: «Проезд везде. Без ограничения и досмотра», — водитель пальцем указал на лобовое стекло.

— Понятно.

— Куда едем, Сергей Павлович? Сразу в гостиницу?

— Да, в гостиницу. Как, кстати, ваше имя-отчество?

— Владимир Антонович. Ваш водитель на весь период командировки. Прибываю по первому требованию.

— Да я приехал всего-то на три дня. Особых поездок не планировал, так как не знаком с вашим городом.

— Неважно. Значит я три дня в вашем полном распоряжении.

— Тогда — вперёд, Владимир Антонович.

Гостиничный номер, в котором поселился Сергей Павлович Платонов, представлял собой две небольшие комнаты. Почти всю площадь первой комнаты занимали раскладной диван и журнальный столик с двумя креслами. У стенки, напротив входной двери, притулился скромный сервант со встроенным телевизором. Во второй комнате стояла широкая двуспальная кровать, у изголовья которой на тумбочке — телефонный аппарат. Наличие телефонного аппарата в спальне создавало определённое неудобство, требующее ходить на каждый звонок из первой комнаты во вторую. Однако позволяло спокойно говорить по телефону с любым человеком, лёжа в кровати, и даже при наличии в номере гостей.

Сергей Павлович снял костюм, рубашку, галстук и всё аккуратно повесил в шкаф. Прошёл в ванну, ополоснулся под душем холодной водой и растёрся вафельным полотенцем, почувствовав лёгкое покалывание во всём теле. После этого облачился в спортивный костюм, домашние тапочки и стал звонить по междугородному телефону. Сначала он связался со своим секретарём и обсудил с ней несколько производственных вопросов. Потом позвонил маме. Её, как всегда, не было дома, и он оставил ей информацию на автоответчике.

Полистав рекламы и проспекты, пачкой лежащие на прикроватной тумбочке, он обнаружил забавное приглашение посетить ресторан этой гостиницы с европейской и азербайджанской кухней. Оно было написано в шуточной форме с грамматическими ошибками: «Дарагой человек и дэвочка. Заходы — гостем будеш. Накармлю и напаю. Не самнэвайся — тебэ панравится». На первой странице приглашения в ресторан был нарисован толстый мужчина кавказской национальности в белом поварском колпаке с широкой улыбкой и поднятым вверх указательным пальцем правой руки.

До шести часов вечера — время открытия ресторана при гостинице — ещё оставалось сорок минут, и Платонов решил посмотреть телевизор. Его чёрно-белый экран при включении засветился ярким катодным пятном, но потом появилась программа с местным диктором. Вторым щелчком переключателя он обнаружил программу центрального телевидения из Москвы. Последующее переключение ручки каналов ничего не высветило и только на седьмом щелчке появилось изображение какого-то фильма на английском языке с гундосым переводом на русский. По всей видимости, это был пиратский канал, за просмотр которого взимали при выезде из гостиницы дополнительные деньги.

Тяжёлый русский перевод напрочь заглушал английский язык, но, добавив громкость, Платонов понял, о чём в оригинале идёт речь. Двое поношенных мужчин спорили на тему, имеют ли право женщины обнажать грудь, то есть не носить одежду для верхней части тела. Один утверждал, что женщина должна сама решать, что ей открывать, а что закрывать. Это — её тело. Другой кричал, что этого делать нельзя по двум причинам: во-первых, не всякая грудь вызывает у окружающих восторг, а во-вторых, это может отрицательно повлиять на поведенческие инстинкты мужчин, которые и так ими слабо контролируются.

Сергей Павлович выключил телевизор, но пустяковый сюжет увиденного фрагмента американского фильма не выходил у него из головы.

«А в самом деле, кто же из спорящих мужчин прав? С одной стороны, женщина вольна распоряжаться собой, как она хочет. И тут мораль вовсе не при чём. А с другой стороны, грудь — это наиболее близко расположенная к мужчине, весьма волнительная часть тела женщины. Убрав грудь из мужского пространства восприятия женщины, исчезнет захватывающая интрига их взаимоотношений... А как в этом случае будут выглядеть феминистки?.. А что — феминистки? Грудь у них — инструмент политической борьбы. Как булыжник для пролетариата... И что?.. А то... Вспомни эпизод из фильма «Белое солнце пустыни», ког-

да жена кормила актёра Луспекаева чёрной икрой. Как он на икру, а заодно, и на жену смотрел? С отвращением! Поэтому не следует доводить мужчину до этого состояния, постоянно тыча ему под нос обнажённую женскую грудь...

Ну и какое резюме от увиденного сюжета?..

Очень простое. Каждый день, как молитву, повторяй: самое прекрасное в жизни — это женщины. Нельзя их свергать с этого пьедестала ни при каких обстоятельствах...»

7.8

Около семи часов вечера Платонов спустился на первый этаж гостиницы и подошёл к дежурному администратору:

— Подскажите, пожалуйста, где в гостинице ресторан?

— А вот там, за портьерой. Дверь напротив моей стойки. Только сегодня нет оркестра.

— Спасибо, вы очень любезны.

Небольшой зал ресторана был практически пуст. Только за одним столиком сидела, оживлённо беседуя, пара молодых людей. Молодой человек был в лётной форме, а девушка — в брючном костюме. Сергей Павлович сел за первый попавшийся столик и углубился в изучение меню. Набор блюд и напитков был для ресторана провинциального города достаточно богат. Выбрав из меню жареную форель с французским изысканным гарниром, как было написано в карточке, он решил заказать ещё и пива, в котором ему отказала девушка в самолёте. Через несколько минут к его столику подошла улыбающаяся официантка с блокнотиком в руках:

— Добрый вечер! Могу я с вами говорить по-русски? — спросила она на английском языке.

— Послушайте, меня второй раз за сегодня принимают за иностранца. Позвольте узнать, по какому признаку?

— У вас глаза не наши.

— Какие — не ваши? Трефовые, что ли?

— Нет, умные.

— Ну, в таком случае, красавица моя, записывайте заказ: жульен, жареная форель и большая кружка пива. Заранее благодарен.

— Не волнуйтесь, уважаемый гость. Всё будет в нашем ресторане исполнено в лучшем виде.

Молодые люди, сидящие через столик от Платонова, по всей види-

мости, слышали разговор между ним и официанткой, так как внезапно перестали разговаривать. Лётчик сидел и с интересом рассматривал Сергея Павловича, а девушка, чуть повернув голову в его сторону, сразу вернулась в исходное положение. С учётом того, что сектор обзора у женщин, за счёт периферийного зрения, значительно больше, чем у мужчин, ей этого поворота было достаточно, чтобы его увидеть. Платонов тоже сразу её узнал. Это была Оля, стюардесса с самолёта, страшно испугавшаяся полдня назад его визитной карточки и отскочившая от него как ошпаренная.

«Интересно, по какой причине она это сделала? Может быть, в их ведомстве существует инструкция, запрещающая стюардессам брать визитки от пассажиров?.. Нужно об этом кого-нибудь расспросить...

А может быть, просто не хотела поддаться соблазну с ним познакомиться?..

Опять ты себе дифирамбы запел. Не надоело ещё?» Платонов старался не смотреть на молодых людей, которые почему-то притихли. У него даже мелькнула мысль пересесть за другой столик, чтобы их не смущать. Но он тут же себя остановил: «Глупость какая-то. Суетиться из-за какой-то совершенно незнакомой девушки. Да это просто смешно!.. А может, я в самом деле их чем-то напугал? Возможно... Но ужин, не взирая ни на что, следует завершить, как положено».

После этого эпизода Сергей Павлович с аппетитом поел всё, что принесла официантка. Положил на стол деньги, с учётом хорошего качества обслуживания, и вышел из зала ресторана в холл.

На него внимательно смотрел дежурный администратор.

— Извините, ваша фамилия Платонов?

— Да, а в чём дело?

— Вас ожидает вон тот господин, — и он указал на кресло, в котором в неудобной позе сидел седой мужчина. Тот уже поднялся и шёл по направлению к Платонову:

— Извините, Сергей Павлович. Это я вас спрашивал. Профессор Васнецов Виктор Владимирович.

— Очень приятно. Платонов. Но вас пригласили, как мне известно, на 10 часов утра на завтра к заместителю директора по науке Кольского филиала Академии наук.

— Это верно, но я хотел бы с вами просто переговорить до официального заседания. Извините меня, старика, за нахальство, но есть некоторые обстоятельства, которые хотелось бы довести до вашего сведения в приватном образе.

— Ну, что ж. Раз пришли, будем разговаривать. Но я могу, уважаемый профессор, уделить вам внимания только полчаса.

— Я буду вам бесконечно благодарен.

— Одну минуту. Подождите меня здесь, пожалуйста.

Сергей Павлович повернулся к администратору. Тот, вроде занимаясь своими делами, внимательно слушал разговор между профессором и важным гостем, проживающим в представительском люксе.

— Извините, у вас не найдётся листочка бумаги? — обратился к нему Платонов.

— Конечно, будьте любезны.

— Я сейчас напишу записку, а вы её, уважаемый, если это вас не затруднит, передайте девушке, которая выйдет из ресторана с лётчиком. Не возражаете?

— Ни в коем случае. Всё сделаю, как вы просите.

Платонов поднялся с профессором Васнецовым в свой номер.

Специалист по резонансным процессам, профессор был из разряда увлекающихся людей, которые на интересующую тему могут говорить без оглядки на время. Ни о каком регламенте встречи не могло быть и речи. Сергей Павлович, в силу своего воспитания, не мог оборвать уважаемого профессора. Он сидел и внимательно слушал, забыв о том, что оставил у администратора записку для Оли.

7.9

Оля Никанорова жила в доме сталинской постройки на Кутузовском проспекте. Большая трёхкомнатная квартира на четвёртом этаже принадлежала её дедушке и бабушке, которые практически круглый год жили на подмосковной даче. Дедушка, генерал-полковник в отставке, всю жизнь жалел, что у него нет внука, которого бы он, как и сына, примерно воспитал в воинском духе. Но, не взирая на гендерные обстоятельства, он очень любил свою внучку Олю. Сын Владимир, папа Оли, в звании полковника, служил в Иркутской области командиром дивизии, а его жена Лена, мама Оли, работала врачом в полковой медсанчасти.

Оля у многочисленной родни была одна и поэтому вся семья, своей заботой и вниманием, как она не раз заявляла, дико её угнетала. Чтобы не быть в зоне их досягаемости, Оля, после окончания Московского института иностранных языков, выиграла конкурс в «Аэрофлоте» и устроилась работать стюардессой. Начинала с небольших самолётов

внутрисоюзных авиалиний, а уже через год, с учётом знания нескольких иностранных языков, была переведена на международные авиарейсы.

Сначала Оле в её новой профессии всё нравилось — зарплата, лёгкая форма, завистливые взгляды женщин и назойливость мужчин. Даже рваный график работы, когда нужно было работать то днём, то ночью, её не раздражал. За время шестилетней работы стюардессой в «Аэрофлоте» она побывала во многих странах, повидала много разных диковин. В результате своего лётного опыта Оля пришла к заключению, что практически вся масса авиапассажиров делится на две группы: хамы и бары. Для первой группы присуще позволять своим детям делать, всё что угодно, и оставлять после себя груды мусора. В их представлении стюардесса исполняет роль разносчицы пищи и уборщицы, которой положено заниматься порядком и чистотой. Вторая группа, без особого пиетета, постоянно нажимает на кнопку вызова бортпроводника и что-то требует, считая, что их должны безоговорочно и постоянно обслуживать. Встречаются, правда, и нормальные пассажиры, но это скорее исключение, чем правило.

После очередного инцидента в салоне самолёта, закончившегося оскорблениями со стороны пассажира, Оля записалась на приём по личным вопросам к начальнику Московского управления кадров «Аэрофлота». Сначала его помощник отказался по телефону записывать её на приём из-за плотного графика начальника управления. Дважды отсылал к руководству московского авиаотряда. Но когда Оля предупредила помощника, что будет вынуждена воспользоваться помощью генерал-полковника Никанорова, являющегося её родным дедушкой, для неё сразу нашли время и дату.

В большой приёмной начальника Московского управления кадров сидело два человека: немолодая женщина в строгом костюме, выполняющая, по всей видимости, обязанности секретаря, и молодой человек в лётной форме, который, когда она вошла, встал и представился:

— Помощник начальника управления Володин. Присаживайтесь, пожалуйста. Вас скоро пригласят.

Секретарь на мгновение оторвалась от своей пишущей машинки и изучающе внимательно посмотрела на Олю. А ещё через десять минут раздался телефонный звонок и её пригласили пройти в кабинет начальника. Оля буквально с порога была ослеплена позументом его мундира и какими-то неизвестными ей орденами. Только для этого можно было записаться к нему на приём.

Начальник управления вышел из-за своего рабочего стола и пошёл Оле навстречу. Пригласив её жестом присесть за приставной стол, сам сел напротив.

— Очень рад познакомиться с внучкой легендарного Дмитрия Николаевича Никанорова. Позвольте представиться: генерал Свиридов. Александр Семёнович.

— Очень приятно. Оля.

— Как поживает ваш дедушка, Оля? Имел честь с ним несколько раз встречаться по некоторым служебным вопросам.

— Да всё более менее в порядке. Дедушка с бабушкой, в основном, живут на даче. В городе бывают редко.

— Вы их навещаете?

— Честно признаться, редко, но перезваниваемся мы регулярно. Они меня из под своего контроля не выпускают.

— Что так?

— Дело в том, что мои родители живут не в Москве. Поэтому бабушка с дедушкой выполняют контрольные функции.

— Понятно, Ольга Николаевна. А давайте мы с вами чай попьём? Не возражаете?

— Как-то неудобно... Я ведь не чай пришла с вами пить.

— Что неудобно? Пить со мной чай? Давно я такого интересного ответа не слышал, — и сам громко расхохотался. — Ну, рассказываете, Оля, что вас привело ко мне. И не стесняйтесь, раз уж пришли.

7.10

Начальник Управления кадров «Аэрофлота», генерал Александр Семёнович Свиридов прошёл по всем ступеням служебной лестницы, прежде чем занял эту должность. Начинать он свою производственную карьеру в Барнаульском авиаотряде грузчиком багажа. Такая запись в его трудовой книжке всегда с любопытством воспринималось во всех отделах кадров, куда он её представлял. После окончания Рижского института инженеров гражданской авиации Свиридов два года работал в Свердловском авиаотряде стюардом. Там заметили спокойного доброжелательного молодого человека и пригласили работать инструктором в молодёжных организациях гражданского «Аэрофлота». Потом Александр Семёнович как-то незаметно переместился в кадровые структуры, где быстро продвинулся до начальника Управления кадров.

— Ну и что вас, Ольга Николаевна, привело ко мне? По какой причи-

не взбунтовалась ваша юная душа, ибо ко мне по другой причине, как правило, не попадают.

— Когда я готовилась к встрече с вами, мне были понятны причины моего обращения. А сейчас, поговорив с вами, все вопросы стали какими-то мелкими и незначительными.

— Это, по всей видимости, моя форма так на вас положительно повлияла. Просто мне сегодня нужно сделать сообщение в одном серьёзном учреждении, где я по протоколу должен быть облачён вот таким образом. А так я обычно имею другой, менее помпезный вид.

— Мой дедушка такой же. Обычно он ходит по дому в спортивном костюме, но как оденет свой парадный китель — глаз не оторвать. Бабушка ему говорит: «Сними свой иконостас, а то глаза режет».

— Вы сравнили награды вашего дедушки и мои. Это — день и ночь, Оля. До него мне, голубушка, ещё служить и служить. Задавайте свои вопросы. Слушаю вас внимательно.

— Хорошо, но прежде чем я у вас кое-что спрошу, скажу несколько слов о себе.

— Зачем? Я о вас и так всё знаю, что положено. В нашей службе существует порядок: о записавшемся на приём посетителе помощник готовит небольшую справку.

— Нет, я не об этом.

— А о чём?

— О своём упрямом характере, из-за которого всю жизнь страдаю.

— Так. И что тут для меня может быть интересного? А главное, какое это имеет отношение к делу?

— Большое. Дело в том, что я пошла в стюардессы не потому, что мне эта профессия очень нравится, а по другой причине.

— Какой, если не секрет?

— Прежде всего, чтобы выйти из-под тотального контроля бабушки и дедушки. Они мне постоянно звонили утром, днём, вечером. И сплошные вопросы: что кушала, где была, что делала, куда идёшь, когда приедешь. В общем, страшный сон. А так — ушла в рейс на несколько дней, и нет меня, а следовательно, и вопросов нет.

— Понятно, — заметил, улыбаясь, Свиридов. Вроде как поддержал беседу, хотя, на самом деле, эти девичьи откровения были ему ни к чему. Он даже несколько раз ушёл в себя, когда внезапно, совсем другим голосом, заговорила гостья:

— И тем не менее, хочу довести до вашего сведения, уважаемый Александр Семёнович, своё отношение к неблагодарной работе стюар-

дессой и предложить ряд серьёзных мер, каким образом эту ситуацию можно кардинально улучшить.

— Слушаю вас внимательно, уважаемая, — с нескрываемой иронией ответил он.

Но Оля сделала вид, что иронию в голосе начальника Управления не заметила.

— Считаю, — продолжила она, — что статус стюардессы в последнее время значительно изменился в худшую сторону и стал совершенно не привлекателен. Стюардесса превратилась из сказочной феи, парящей в небесах, в заурядную официантку и уборщицу.

— Интересное определение. Поясните, пожалуйста, если не трудно, — уже серьёзно отреагировал генерал.

— Пожалуйста. Негативный окрас её образа в глазах пассажиров начинает формироваться прямо с посадки в самолёт. Пассажиры тянут в салон огромные тюки, чемоданы, сумки, а стюардесса этому препятствует. Вплоть до драки.

— Этого не может быть! Существуют жёсткие нормативные акты на размер и вес ручной клади. Это всё должно отслеживаться ещё при регистрации багажа.

— Конечно, существуют, но на практике это выглядит совсем иначе. Так как дверцы полков, как правило, не закрываются, то хрупким девушкам приходится самим заталкивать эту, с позволения сказать, ручную кладь под возмущённые выкрики пассажиров: «Эй, девушка, поосторожней! Что вы там делаете? У меня там стекло, продукты, сувениры».

— Что вы говорите?

— К сожалению. И заметьте, этим занимаются молодые женщины, которых данные упражнения совсем не красят.

— Я это непременно проверю.

Оля не среагировала на реплику высокого начальника и продолжила свой рассказ.

— После того как все пассажиры займут свои места, начинаются вызовы бортпроводников по всякому поводу. При этом нередко пассажиры не просят — они требуют, хамят, грозят. Требования у них бывают самые разные, но не об этом речь. Если выполняешь их просьбы с опозданием, то начинаются замечания, издёвки, упрёки.

— Понятно. Какие у вас, Ольга Николаевна, есть конкретные предложения по этим замечаниям?

— Извините, я ещё не договорила...

— Продолжайте, пожалуйста. Слушаю вас.

— Спасибо. Поведение наших пассажиров в самолёте не поддаётся нормальному восприятию. После себя они оставляют груды мусора — просто горы. Запаханые сиденья, испорченное оборудование.

— А оборудование тут причём?

— Очень даже причём. Новый пассажир, обнаружив поломку кресла или неработающий приёмник, начинает предъявлять претензии стюардессе, требовать дать ему другое место. В результате этого может возникнуть серьёзный скандал.

— Есть служба предполётной подготовки самолёта. Она обязана всё убрать и проверить.

— Есть, но она не многорукая. В зависимости от уровня безобразия в салоне, может и не успеть всё сделать к следующему рейсу.

— Не понял ваш последний тезис, Оля.

— Дело в том, что наши люди стремятся копировать западный образ жизни и, к сожалению, берут оттуда не только хорошее, но и плохое. Я однажды была в рейсе и пошла, от нечего делать, в обычный американский кинотеатр. Комментировать фильм не буду, но то, что я увидела в зале, когда зажётся свет, — это был ужас. Всё в пакетах, бутылках, объедках еды, бумажках. Идёшь к выходу по колено в мусоре.

— Это нам знакомо.

— Вы представляете, что человек за время киносеанса сжирает ведро попкорна и выпивает несколько банок кока-колы! Я понимаю, что на Западе от этого бизнеса кормится много людей, но дойти до такого поощряемого свинства — надо уметь.

— Я тоже это много раз видел. Но у нас пока ничего подобного в кинотеатрах нет.

— Зато есть в самолётах.

— Чем вы можете синдром жора, Оля, объяснить?

— Дело в том, Александр Семёнович, что пассажир на земле и пассажир в воздухе, с психологической точки зрения, — это два разных человека. Первый — в ожидании рейса, оформления багажа, неоднократного контроля... в общем, сплошные нервы. Второй — добравшийся до своего места в самолёте и стремящийся расслабиться. У него от всего предполётного действия просыпается аппетит, желание проявить свой характер. В связи с этим он нередко ведёт себя неадекватно и вызывающе. Задача стюардессы — учитывать его состояние и соответствующим образом реагировать. А этому надо, Александр Семёнович, учиться.

— Что вы предлагаете, Ольга Николаевна? Зачем этот ваш рассказ

про психологическое состояние пассажира? Мы же не в Сингапуре с вами живём, а в России.

— Очень жаль, что не в Сингапуре. Поэтому предлагаю следующее...

7.11

На встрече с генералом Свиридовым Оля очень волновалась. Она сама не ожидала от себя такой прыти — говорить в лицо начальнику Управления кадров «Аэрофлота» то, что думает. Это — не выступать с обличительными речами перед своими коллегами. Это — посерьёзней. И всё-таки она решила идти до конца и рассказать Свиридову обо всех рабочих проблемах обыкновенной бортпроводницы. И ещё она понимала, что теперь её не спасёт от последующих неприятностей даже то, что она внучка знаменитого военачальника.

— Вот скажите мне, пожалуйста, Александр Семёнович, какой служебный статус стюардесс? Кто они — обсуживающий персонал или члены экипажа самолёта?

— Конечно, члены экипажа.

— В таком случае, почему у них нет никаких соответствующих атрибутов: званий, должностей, нашивок, шеврона. В конце концов, карточки на груди с указанием имени, фамилии, знания языков. Стюардесса должна откликаться на всякие там «эй» или «девушка».

— Не понял, о чём вы говорите, Ольга Николаевна?

— А вот о чём. Ведь объявляется по громкой связи перед началом полёта, что командир корабля, пилот первого класса Иванов. Почему не объявлять состав бригады бортпроводников?

— Интересное предложение.

— Конечно, интересное. Командира корабля могут люди и не увидеть за время всего полёта, если он сам не выйдет из кабины, а стюардессы общаются с пассажирами, как минимум, несколько часов. Поэтому нужно разработать чёткие правила, регламентирующие поведение пассажиров на борту самолёта, и довести до их сведения в виде приложения к авиационному билету. Это — первое...

— Понятно, что ещё? — каким-то нетерпеливым тоном спросил начальник Управления кадров.

— Второе. Принять постановление и объявить пассажирам при приобретении билетов, что вводятся серьёзные штрафы, а не три копейки, за каждое конкретное нарушение на борту самолёта. Предупредить, что штрафные баллы будут учитываться в дальнейшей стоимости

авиабилета на другие рейсы. И, наконец, третьё. Убрать с пола самолётов синтетический ковролин, на котором неизвестно сколько грязи и мусора. Лично у меня он постоянно вызывает аллергию.

— Теперь у вас всё, Оля?

— Да, всё...

— Тогда у меня к вам вопрос. Почему вы всё время стараетесь плыть против течения?

— Я же вас сразу предупредила, Александр Семёнович, что у меня такой характер.

— Характер характером, а если вас из «Аэрофлота» под каким-нибудь благовидным предлогом уволят? Что будете делать? Ведь вы лишитесь гавани, как я понял, в которой успешно укрываетесь от гнёта бабушки и дедушки?

— Ничего. Найду другие жизненные варианты. В конце концов, пойду работать по своей специальности переводчицей. Или, в крайнем случае, начну работать учительницей иностранного языка в школе.

— А вообще, вы, Ольга Николаевна, молодец! Могли пройти мимо всего, о чём мне рассказали, и жить спокойно, безо всяких проблем. А вы — нет. Аж до меня дошли.

— Это — правда.

— А сейчас я вас попрошу сесть в приёмной и написать на моё имя рапорт, в котором подробно изложить все свои предложения. Если вас это не затруднит.

— Нет, конечно. Я за этим и пришла к вам.

— Ну, что ж. Всего вам хорошего. Рапорт оставьте, пожалуйста, у моего помощника. И вообще, рад был с вами познакомиться.

— До свидания.

Никто по поводу визита Оли к начальнику Управления кадров «Аэрофлота» с ней никогда не говорил. Никаких изменений в правилах поведения пассажиров на борту самолёта она, к сожалению, не видела. И тем не менее, Оля была своей неравнодушной гражданской позицией очень довольна.

7.12

Оля Никанорова, получив записку от дежурного администратора гостиницы, написанную Сергеем Павловичем Платоновым, сразу её прочитала. В ней чётким каллиграфическим почерком было написано:

«Оля, очень хочу, если есть такая возможность, с вами пообщаться.

Позвоните. Мой номер телефона комнаты 202. Сергей». Первое предложение в записке было какое-то заискивающее и робкое, а второе — командное и жёсткое. Позвоните — и всё. Даже без «пожалуйста».

Судя по тому, что Сергея встречала машина чёрного цвета прямо у трапа, он был не простой человек. Да и всё его интеллигентно-нахальное поведение в самолёте на это указывало. Это же надо: через три минуты разговора между ними, он бесцеремонно предложил ей свою визитную карточку! Она, естественно, отказалась её принять — ведомственная инструкция категорически запрещала это делать. Но любопытство осталось.

Прочитав записку Сергея, Оля лихорадочно стала думать, что ей предпринять. Извиниться перед штурманом Ковалёвым и пойти в свой номер? Нет никакой проблемы. Ковалёв давно и безответно в неё влюблён, в чём не раз сам признавался. Так что без вопросов всё поймёт.

«А что, если позвонить Сергею в номер?.. Да ты что?.. Звонить незнакомому мужчине в номер — сверх неприлично! Да ещё ночью!.. А что тут неприличного?.. Ну что ты, Оля, сама себя уговариваешь? Кто-нибудь узнает — позора не оберёшься...

Тогда что делать? Как справиться с собой, если он мне понравился и я хочу с ним встретиться? До сих пор вижу его серые глаза и пушистые ресницы, а в ушах звучит его тёплый голос...

Понравился — не понравился. Это не разговор...

Ещё какой разговор... Я уже сегодня один раз наступила на себя, когда в самолёте попросила подойти к Сергею другую девочку...

Ну и где же выход из этой ситуации?

Не гони лошадок, Оля... Чтобы справиться с этим наваждением, нужно, как советовала бабушка, больно себя ущипнуть... Думаю, что кроме синяка, ничего от этого не появится...

А может, и появится... Бабушка ещё говорила: крутись — не крутись, а что положено по жизни, то и случится. При этом она рассказывала, как познакомилась с дедушкой...

Это было в те далёкие времена, когда молодые люди боялись не только поцеловаться, но даже прикоснуться друг к другу...

Всё, Оля. Возьми себя в руки. Никаких звонков, а тем более ночных визитов. Пусть лишний раз этот молодой человек о тебе подумает. А дальше видно будет...»

Глава 8. Соперницы

8.1

Бабушка Оли в начале 30-х годов двадцатого века жила вместе с родителями в Орле и училась на рабфаке на швею верхней одежды. Каждый день, идя на занятия, она проходила мимо здания городской военной комендатуры и однажды заметила симпатичного молодого солдата, который стоял в карауле. Парень был очень строгий и в её сторону даже не посмотрел. Бабушка остановилась рядом с ним, чтобы обратить на себя внимание, но солдатик продолжал стоять с невозмутимым видом. Тогда она решила к нему подойти поближе, а он как щёлкнет затвором винтовки и суровым голосом говорит:

— Проходите, барышня. Здесь стоять не положено.

— А что такое?

— Не положено и всё.

Грозный охранник очень Наташу напугал, и она стала ходить в рабфак другой дорогой. А через неделю она решила пойти с подружкой на танцы в городской парк и встретила там этого охранника. Он её тоже сразу узнал и пригласил на танец.

— Извините, а что вы сегодня без ружья и фуражки?

— Сейчас я на отдыхе, а не на службе. В увольнении нам разрешается переодеваться в гражданское.

— И разговаривать тоже разрешается?

— И разговаривать разрешается. Вы меня извините за тот случай, но в карауле солдатам общаться с посторонними запрещено.

— А если очень хочется?

— А если очень хочется, то об забор чешутся.

— Что это за грубая шутка, молодой человек?

— Это мне отец так всегда говорил, когда я что-нибудь у него просил. Строгий он у меня.

— А что можно попросить у отца в деревне?

— Много чего. В ночное с ребятами пойти, жеребца Макарку оседлать...

— И всё?

— И — всё. А что ещё?

— Понятно. А как вас звать?

— Димка. Дмитрий Николаевич, — серьёзно ответил парень, сразу сообщив девушке имя и отчество, чтобы больше не было вопросов.

— А меня — Наташа.

Но тут закончилась музыка. Димка, не проводив девушку до её места, бросил, где стоял, и пошёл в другую сторону. Парень был, конечно, очень сельский, но какой-то необычный, не похожий на развязных и пошловатых ребят, с которыми Наташа училась на рабфаке. А когда снова заиграла музыка, Димка быстрым шагом подошёл к ней и пригласил на танец.

— Нет, Димка, не хочу. Пригласите Веру, подружку мою. Она ещё сегодня не танцевала.

— Нет, только вас. Она мне не нравится, потому что некрасивая. А вы красивая и привлекательная.

— Ну ладно, идёте.

Когда они вышли на танцевальный круг, Наташа тихим голосом, но жёстко сказала Димке:

— Послушайте, Дмитрий Николаевич. Я понимаю, что хорошим манерам в деревне не обучали, но я с вами больше танцевать не буду. Во-первых, девушку нужно провожать после танца до того места, где вы её пригласили, а во-вторых, нельзя говорить девушке, что она некрасивая. Это ей обидно слышать. Вам понятно?

— Понятно. Вы меня извините, я сегодня первый раз в жизни вообще с девушкой танцевал. В нашей деревне ни клуба, ни танцев никогда не было. Собирались вечером пацаны, чтобы потолкаться, а иногда подраться. Вот и всё моё воспитание.

— Ладно, я вас прощаю, но больше так не делайте.

— Хорошо. Но теперь и я с вами больше танцевать не буду.

— Почему так?

— Нельзя, чтобы баба делала мужику замечание. Непозволительно это в деревне.

— Ну и не надо.

После этого разговора Димка с грустной физиономией проводил Наташу до места и, не сказав «спасибо», пошёл к своему товарищу. Больше в этот вечер он ни с кем не танцевал.

8.2

А через четыре месяца, поздним вечером в феврале, они встретились снова. В темноте, около её дома кто-то Наташу окликнул. Это был Димка. По всей видимости, он стоял на улице давно, так как на его шапке уже образовался маленький сугроб снега.

— Наташа, я вас жду, чтобы попрощаться.

— Зачем мне с вами прощаться? Я и здороваться не собираюсь.

— Дело в том, что меня на следующей неделе направляют учиться в Ленинградское военное авиационное училище на три года. Даже не знаю, что мне делать. Служба есть служба, а без вас ехать никак не могу. Хоть вешайся, — и совершенно без подготовки, замёрзшими, дрожащими от холода губами, на одном выдохе произнёс: — Выходите за меня замуж. Я вас очень люблю. Обещаю, что всё сделаю для нашего счастья. Буду большим начальником, — Димка протянул Наташе руку с зажатым кулаком. А когда он его разжал, то в темноте она еле увидела, что на ладони лежит маленький серебряный крестик. — Это мне мама повесила на шею, когда я уходил в армию служить. А сейчас хочу его дать вам, чтобы вы поверили моим чистым и честным обещаниям. Выйдете за меня?

— Да, выйду...

Пока Димка учился в ленинградском училище, Наташа закончила в Ленинграде курсы кройки и шитья. Небольшие деньги, которые она зарабатывала частными заказами, хватало молодым на очень скромную жизнь. По окончании военного училища с красным дипломом авиационного техника, Димку распределили на испытательный полигон в Вологодскую область. А спустя год у Дмитрия и Наташи родился сын Николай, которого они отвезли в деревню к его родителям.

Командование воинской части заметило скромного трудолюбивого техника Дмитрия Никанорова и через пять лет направило на учёбу в Ленинградский военно-технический институт. А ещё через восемь лет Дмитрий окончил Академию Генерального штаба и получил направление на работу в Северо-Кавказский военный округ. Последние годы Дмитрий Николаевич Никаноров работал на высокой должности в Генеральном штабе Советской Армии в Москве и вышел на пенсию в звании генерал-полковника. Прожили бабушка с дедушкой вместе больше пятидесяти лет. На вопрос внучки, как им это удалось, бабушка загадочно улыбнулась и ответила:

— Был у меня, Олечка, в общении с твоим дедушкой один маленький секрет, который всегда безотказно работал.

— Какой, бабушка, расскажи?

— Секрет очень простой: я научилась подбирать себе нужных подруг.

— В каком плане «нужных»?

— В том, что я на их фоне всегда выглядела умнее и красивее. Это

позволяло мне успешно справляться с любой неординарной ситуацией в нашей непростой семье.

— Ну, бабушка, ты — гениальная женщина! Я тебя очень люблю и искренне горжусь!

8.3

Этим вечером Оля Никанорова в гостинице города Апатиты так и не нашла в себе решимости позвонить Сергею Павловичу Платонову. А ночью ей приснился телефонный разговор с женщиной, который несколько раз сегодня в течение дня встречался на её пути.

— Добрый вечер, Сергей. Это — Оля. Извините, что я так поздно вас беспокою, но ведь вы сами попросили позвонить, когда я освобожусь?

— Не понял, какая Оля?

— Стюардесса. Мы на одном рейсе летели с вами в Апатиты. А потом вы ужинали в ресторане гостиницы и всё время смотрели мне в затылок, смущая своим присутствием.

— Да, да. Я вспомнил вас, Оля. Вы ещё долго не приносили мне кофе в самолёте. А воду вообще подала другая девочка. Она сказала, что вы очень заняты иностранцами.

— Это правда. Мы должны по инструкции их обслуживать в первую очередь. Но в записке, оставленной у дежурного в гостинице, вы написали, что я вам понравилась.

— Я такое написал? Не может быть! Зачем?

— Наверное, хотели со мной встретиться?

— Да, да. Я совсем забыл. Ну конечно. Хотел просто вас пригласить к себе в гости.

— С какой, простите, целью?

— Обсудить тяжёлую жизнь коренного населения Карельской автономной области.

— Извините, мне завтра рано вставать. Давайте в другой раз.

— Жаль, Оля, а то у меня есть бутылочка хорошего грузинского вина. Я уверен, вы такого никогда не пили.

— Всё равно в другой раз.

— Другого раза может и не быть. Нельзя так с жизнью безответственно обращаться. Вы меня слышите?

— Слышу. Спокойной ночи...

Проснувшись утром следующего дня, Оля не сразу сообразила, говорила ли она с Сергеем Павловичем по телефону или это ей всё при-

снилось. Времени на анализ прошедшей ночи уже не было, так как через два часа она должна улететь назад со своим экипажем. И тем не менее, на выходе из гостиницы Оля попросила дежурного администратора передать Сергею Павловичу Платонову записку, в которой сообщила свой домашний номер телефона в Москве.

Платонов вспомнил о стюардессе Оле, только проводив профессора Васнецова. Особого сожаления о том, что она не позвонила, не было, хотя девочка ему понравилась. Весь вечер он обсуждал с профессором тему, которая очень интересовала его объединение. Дело было даже не в том, что сведения, которые сообщил профессор Васнецов, отодвигали сроки выпуска новой модели самолёта на неопределённый срок. Они вообще ставили под сомнение принятое и одобренное наверху решение. Это делало участие Сергея Павловича в завтрашнем совещании у вице-президента Кольского филиала АН СССР лишённым всякого смысла.

8.4

В восемь утра Сергей Павлович позвонил в секретариат Кольского филиала Академии наук СССР и попросил предупредить руководство, что придет не к десяти, как договаривались ранее, а к девяти утра, объяснив это производственной необходимостью. Буквально через несколько минут в номере Платонова раздался телефонный звонок:

— Сергей Павлович, доброе утро. Алёшин Анатолий Александрович, вице-президент филиала. Как вы себя чувствуете, как отдохнули? У вас всё в порядке?

— Да, всё в порядке. Спасибо.

— Мне сказали, что вы решили приехать к нам на час раньше запланированного заседания экспертной комиссии

— Совершенно верно, Анатолий Александрович. Вы уже на работе?

— Нет, я ещё в пути. Просто хочу предупредить, что машина придёт за вами, в связи с внесёнными изменениями, без пятнадцати девять, а не без пятнадцати десять, как ранее договаривались. От вашей гостиницы до здания Академии наук ехать всего семь минут. Так что вы всё успеете. До скорой встречи.

— Спасибо, вы очень любезны.

Тон разговора с вице-президентом филиала Академии наук Сергею Павловичу не понравился. Голос у него был какой-то жёсткий и, как ему показалось, недоброжелательный. Возможно, это было по вине те-

лефона в машине, искажающего звук, а может, и по другой причине. Во всяком случае, сегодня возможны всякие варианты переговоров. Профессор Васнецов вчера его предупредил, что давно направил свои замечания в экспертный совет Академии, но они не были приняты. Не исключено, что руководство филиала и само предполагало такое развитие событий, зная точку зрения профессора.

«Нечего гадать — всё сегодня станет ясным. В любом случае, принимать чью-либо сторону в предстоящем разговоре в мои обязанности как представителя заказчика не входит, — пришёл к окончательному выводу в своих рассуждениях Платонов. — Самым разумным решением будет попить с хозяевами встречи чай и откланяться. Пусть они сами разбираются, кто прав, кто виноват, и направляют в адрес нашего объединения свои аргументированные рекомендации».

Положив трубку после разговора с вице-президентом, Сергей Павлович вдруг вспомнил, как хотел установить себе телефон в машине. Но на свою просьбу сначала получил от хозяйственного управления объединения, без объяснения причин, отказ. Вообще, Платонов был человек не тщеславный, мог спокойно обойтись и без этого коммуникационного достижения человечества. Но, во-первых, телефон позволял ему оперативно решать срочные вопросы, находясь вне рабочего места. Тем более что посещение различных производственных объектов, разбросанных по всей области, как правило, продолжалось не менее нескольких часов. А во-вторых, ему казалось, что при телефоне в машине он сразу становится в глазах других людей более важной персоной.

8.5

Прошёл почти год. Вопрос с телефоном в машине не решался, да и Сергей Павлович о нём уже успел позабыть. Но сегодня утром водитель, подъехав к его дому, сообщил радостную новость:

— Сергей Павлович, вчера мне звонили из хозяйственного управления и сказали, что после обеда будут устанавливать в вашей машине телефон. Попросят машину оставить для работы в гараже до конца рабочего дня. Что мне делать?

— Выполнять распоряжение руководства хозуправления. Если будет нужно, я воспользуюсь дежурной машиной объединения.

— Понятно. Тогда я на сегодня свободен?

— Да. Завтра, как обычно.

После того как телефон в машине установили, Сергей Павлович пригласил к себе начальника отдела по новой технике:

— Виталий Иванович, хочу вас поблагодарить за телефон и посоветоваться по вопросу его грамотной эксплуатации.

— Слушаю вас внимательно, Сергей Павлович. В чём проблема?

— Проблема состоит в том, что я лишился фильтра звонков в лице своего секретаря. Теперь мне могут напрямую звонить люди, с которыми я в данный момент общаться не могу или не хочу.

— Откуда они могут узнать ваш номер телефона в машине?

— Мало ли откуда! Мой секретариат знает, а дальше уже эту цепочку отследить невозможно. Как можно сделать так, чтобы я мог сразу видеть того, кто звонит?

— Я предлагаю поставить на ваш телефон новую программу определителя номера. Она хорошо себя зарекомендовала в течение нескольких лет в Германии.

— Интересная программа, мне нравится. Но нужно завести на этот телефон два отдельных номера, на которые я обязан реагировать днём и ночью. Это — звонок генерального директора и от мамы.

Виталий Иванович расплылся в широкой улыбке.

— Это, Сергей Павлович, у вас ещё жены нет. Извините за каламбур. На всякий случай, я один номер зарезервирую.

— Хорошо, а каким образом это можно сделать?

— Просто несколько номеров следует вывести на отдельный контакт приёма звонков с загоранием, например, красной лампочки. Вы обычно сидите рядом с водителем или на втором сидении?

— Как правило, на втором. Там есть возможность спокойно работать с бумагами.

— Понятно. Так как телефон стоит между первым и вторым сидением, то вам со своего места всё будет хорошо видно: загорается красная сигнальная лампочка или нет.

— Спасибо, Виталий Иванович. Когда вы эту дополнительную работу можете сделать?

— Завтра и сделаем.

— Ещё раз спасибо.

Но если красная лампочка от звонка генерального директора объединения загоралась сравнительно редко, то мама теперь находила Сергея Павловича каждый день, задавая традиционно два простых, но конкретных вопроса: «Ты где?» и «Что делаешь?» И хотя мамино пресование иногда его серьёзно раздражало, в целом установкой телефона в машине Платонов был весьма доволен.

8.6

Сейчас Оле Никаноровой было ни до кого — в Москву приехали в отпуск её родители. Мама — почти на два месяца, а папа, как он сам доложил дочери, на двадцать шесть суток. Мама была весь день в домашних хлопотах, связанных с единственной дочерью, а папа продолжал жить своим гарнизоном, ежедневно получая сводки о положении дел в оставленном на заместителе большом хозяйстве. Утром папа, как правило, куда-то из дома исчезал: ходил по кабинетам Министерства обороны, встречался с какими-то нужными людьми. Мама же кружила вокруг дочери с утра и до вечера. Правда, на пять дней летала в Амстердам, но сегодня ночью вернулась с массой впечатлений и чемоданом подарков.

Сейчас, после восторженного обсуждения покупок, мама с дочкой сидели на кухне, пили кофе и увлечённо беседовали на бесчисленное количество интересных тем. Кухня была самой большой, около тридцати квадратных метров, и самой уютной комнатой в квартире. Лет двадцать назад, по особому разрешению московского горисполкома, в кухне сделали камин, который топили настоящими сухими дровами. В соответствии со специальным проектом также была сделана металлическая труба, выходящая на крышу, благодаря которой дым от камина никого из соседей не беспокоил. В квартире Никаноровых было ещё четыре, одинаковых по площади, комнаты, но все домочадцы, как правило, толкались весь день на кухне.

Самое удивительное заключалось в том, что, сколько бы народу на кухне не собиралось, всем, благодаря двум диванам и большому столу, всегда хватало места. Но сейчас Оля с мамой сидели за маленьким столом у окна. Оля с увлечением рассказывала о своей работе, о взаимоотношениях с коллегами, перспективах служебного роста. Мама, не перебивая, внимательно слушала дочь, а в середине её рассказа задала неожиданный вопрос:

— Скажи, Олечка, а друзья у тебя есть?

— В каком смысле? Мужчины, что ли?

— Не важно, мужчины, женщины... Друзья.

— Понимаешь, мамочка, я живу в Москве, а не в Иркутской области, где взял бутылку водки, перешёл дорогу и поёшь с соседом любимые песни до утра. Здесь у каждого масса дел. Темп жизни сумасшедший, приоритеты разные. Все под самую завязку заняты. А если и встречаются друг с другом, то крайне редко.

— Ты не поняла, дочечка, мой вопрос. Я тебя спросила о друзьях, а ты мне рассказываешь о москвичах. Я тоже, как ты понимаешь, жила в Москве — училась, работала, тебя родила...

— Хорошо, мамочка, я выскажу тебе своё мнение о друзьях. Только ты, пожалуйста, не обижайся. Настоящие друзья, как мне кажется, бывают только в детско-юношеском возрасте, когда людям друг от друга ничего, кроме общения, не надо. Во все другие времена в дружеских отношениях между людьми присутствует, как правило, какой-нибудь интерес. А если нет интереса, то это просто собутыльники.

— Ты не права, Олечка. У тебя в рассуждениях чересчур много чёрной краски. Это плохо.

— Права, мамочка, права. Ты в каком году меня в Москву отправила? Сколько мне было лет?

— Восемнадцать.

— Вот именно. А когда узнавали, что я внучка генерал-полковника, то тут дружбе наступал конец.

— Почему ты так считаешь, девочка моя?

— Потому что так устроен человек. Попав в нашу квартиру, он начинает что-то для себя хотеть. Есть такое поганое слово — зависть: у тебя есть, а у меня нет. В провинции совсем не так. Вот Анька Кузякина, дочь поварихи нашего гарнизона, так это была моя настоящая подруга. Она ничего от меня не хотела. А сейчас — совсем другое время.

— Какое, Олечка, время? Ты не уходи от ответа. Не заслоняйся своим выдающимся дедушкой. Для того чтобы стать таким, как наш дедушка, надо очень много работать.

— Да я не ухожу от ответа и, тем более, никем не заслоняюсь. Ты просто со своими патриархальными представлениями о дружбе, как говорит современная молодёжь, не въезжаешь в тему. Женщина и мужчина, по определению, дружить не могут и не должны. Это порочно. Они созданы для любви и продолжения человеческого рода. А то, что имеет место сейчас, — всякие однополюсные сочетания, то это от глупости, пресыщения жизнью и безделья.

8.7

Время отпуска Татьяны Петровны Никаноровой подходило к концу, но главную задачу своего пребывания в Москве она так и не выполнила. Не получилось поговорить с Олей о том, что пора заканчивать заниматься карьерными делами и переходить к тому, для чего природа

создала женщину — выходить замуж, рожать детей, создавать семейный очаг. Правда, она заранее знала об отрицательной реакции дочери на обсуждение этой темы, но сдаваться не собиралась. Просто нужно было найти хороший повод для этого разговора, чтобы не нарваться на скандал.

И такой повод представился. Соседка напротив, молодая актриса одного из столичных театров Марина Зотова, позвонила перед вечером в дверь квартиры Никаноровых. Мама открыла дверь.

— Здравствуйте, Оля дома?

— Олечка, тебя тут спрашивают, — крикнула мама.

— Привет, Марина. Заходи, поболтаем.

— Нет, Олечка, мне некогда. Ты можешь вечером посидеть с Акулиной? У меня спектакль, а нянечка заболела.

— Конечно, могу. Приводи своё чудо.

Девочка, в самом деле, была чудесной. С большими глазами, толстыми щёчками и постоянной улыбкой на лице. Она не оставляла никого равнодушным к себе. Все хотели её взять на руки, потискать, поцеловать. Ей было только два годика, но она уже всюю разговаривала, правда, на своём, не совсем понятном для окружающих языке. Татьяна Петровна уже несколько раз видела: когда приводили Акулину, Оля полностью преображалась. Она сразу откладывала все свои дела и занималась только ребёнком: украшала её своей бижутерией, повязывала красивые косыночки, рисовала какие-то цветочки и звёздочки. Не отходила от неё до тех пор, пока не уложит спать.

— Смотрю я на тебя, дочечка, и вижу, что ты уже очень хочешь ребёнка.

— Да, хочу, но только без замужества.

— Ну и в чём проблема? В настоящее время всё возможно. Это я тебе как врач говорю. Только зачем тебе бастард?

— Это кто такой, мама?

— Это незаконнорожденный ребёнок.

— Почему незаконнорожденный? Всё будет оформлено в соответствующем органе как положено. Со свидетельством о рождении.

— И с прочерком в строке отцовство и страшной травмой для ребёнка на всю жизнь?

— Получается, так. Ну нет у меня мужчины, мама, от которого я бы хотела иметь ребёнка. Нет. Что я могу сделать?

— Понятно, дочечка. А теперь послушай меня. Когда я училась в ме-

динституте, а время было послевоенное, тяжёлое во всех отношениях, группа у нас была чисто женская.

— Что, ни одного парня среди вас не было?

— Ни одного. Но я не об этом. На пятом курсе вёл у нас занятия по акушерству и гинекологии один немолодой врач. Без учёной степени и звания, да и по жизни не очень преуспевший. В общем, типичный холостяк. Однажды он ни с того ни с сего спросил у аудитории: «Кто из группы замужем?» Оказалось, что никто. Преподаватель отошёл к окну, открыл форточку и закурил папиросу, что никогда в аудитории до этого не делал. Долго смотрел в окно, а потом повернулся к нам и каким-то трагическим голосом сказал:

— Это неправильно. Вы в середине самого продуктивного, с точки зрения деторождения, возраста. Вам кажется, что всё ещё впереди, а на самом деле вы катастрофически опаздываете. И не сравнивайте себя, прошу вас, с мужчинами — они живут в других возрастных категориях и с другими, данными им от природы, обязанностями.

Потом снова отошёл к окну, постоял, будто что-то вспоминал, и каким-то уже сердитым голосом продолжил:

— У женщины существуют три временных периода для создания нормальной семьи. Первый — это с двадцати до тридцати, когда идёт энергичный перебор большого числа претендентов на место мужа. Кто знает, как называется этот период?

Аудитория настроенно молчала.

— Сразу ставлю зачёт, кто назовёт. Никто?.. Очень жаль... Этот период называется шатанием и проходит он под тихую убаюкивающую музыку со словами: «Не спеши, родная, принимать подарки. Может что-то лучшее с неба упадёт»... Второй период — это с тридцати до сорока, когда, со знанием дела и жизни, оцениваются поредевшие ряды претендентов на руку и сердце. Этот период называется мотанием и проходит под сурдинку ранее упущенных возможностей. Но музыка ещё звучит. И, наконец, третий — это сорок лет и выше, когда лихорадочно собирается любая информация об освободившихся вакансиях. Этот период называется хватанием. Он проходит, как правило, в тишине и не гарантирует качество претендента, если он ещё подвернётся.

— Ну, ты, мама, даёшь! Это, на самом деле, было или ты всё прямо сейчас придумала?

— Я ничего не придумала. Это — жизнь, дочечка, во всем её многообразии и сложности. Придумать можно всё что угодно, умных людей на свете, слава Богу, много. Но в любом случае, хочешь ты этого или

не хочешь, окажешься, помимо своей воли, в одной из перечисленных ситуаций.

— И что же делать?

— Как поётся в известной песне, дочечка, «шить сарафаны из ситца...»

— Ох, и хитрая же ты, мамочка. Хитрая и умная.

— Запомни, дочечка, простую истину: мама для своего ребёнка должна быть самой хитрой, умной, решительной и бесстрашной. Это — основной закон природы и его нельзя ни заменить, ни скорректировать.

8.8

Вера Петровна Черникова и Евгения Ивановна Сотникова знали друг друга много лет, но близкими подругами никогда не были. И не только потому, что выросли, как говорила мама Веры, на разных этажах, но и имели совершенно несхожие характеры. Вера — тихая, выдержанная девушка, не стремящаяся кому-нибудь специально понравиться. Женя, наоборот, — темпераментная, голосистая, ничего без умысла не делающая и всегда готовая обратить на себя внимание.

Сегодня, по окончании заседания секции методического совета кафедр, Веру Петровну неожиданно окликнула Евгения Ивановна.

— Верочка, у тебя есть свободное время?

— Минут десять есть. Не больше. Мне нужно кое-что посмотреть перед следующей лекцией.

— Ну, нет. Я хочу поговорить с тобой так, чтобы никто из нас куда не спешил.

— Такого времени у меня нет.

— А давай я к тебе в гости приду. Я бы с удовольствием пригласила тебя к себе, но дети, муж и всё такое прочее не дадут спокойно поговорить. Ну, ты понимаешь...

— Хорошо. Приходи. В пятницу, часам к семи вечера. Ты знаешь, как ко мне доехать?

— Адрес скажи. А как доехать, водитель мужа разберётся. Он Москву хорошо знает.

Вечером в пятницу около семи вечера раздался громкий стук в дверь. От неожиданности Вера даже вздрогнула.

— Женечка, у меня есть звонок, а ты ломишься в дверь, как биндюжник в трактир. Я как-то к этому не привыкла.

— Привет, Верочка. Извини за шум. У меня дома дверного звонка вообще нет, так как никто его, по определению, не услышит. Всегда в квартире играет музыка, орёт телевизор, звонит телефон. Ну, в общем, каждый у нас открывает дверь своим ключом.

— Весело ты живёшь.

— Это точно.

— Проходи, пожалуйста.

— Спасибо. Обожаю рассматривать незнакомую квартиру. Всегда можно увидеть что-нибудь оригинальное. Можно пройтись?

— Пройдись. Ничего оригинального у меня нет. Квартира как квартира, но мне очень нравится.

— Не скажи. Один романтический балкончик чего стоит. Никто тебе серенады по ночам не поёт?

— Нет. Некому.

— Всё равно очень уютненько. И книжные стеллажи даже есть. Редко сейчас такое увидишь в современных квартирах.

— Это родительская библиотека. Они собирали книги всю жизнь. Я с этими книгами выросла.

— Ну, сейчас другое время, Верочка.

— Какое другое, Женечка? Образованных интеллигентных людей, читающих книги, никто не отменял.

— Понимаешь, Верочка, когда мы с тобой учились, в нашей стране была удивительная ситуация: ученики хотели учиться, учителя хотели учить. Сейчас такого энтузиазма в народе и совпадения интересов в обществе, к сожалению, нет.

— И что? — с удивлением спросила Вера.

— А то, что изменились цель и средства получения образования. Одни получают диплом, заранее не собираясь по этой специальности работать. Другим он вообще нужен только для карьерного роста. В общем, диплом ради диплома.

— Ну, не совсем так. Некрасивые случаи были, есть и будут, но основная масса студентов приходит в институт за знаниями. Просто нужно, чтобы люди обернулись назад и взглядели в те далёкие годы, когда высшее учебное заведение было храмом знаний и науки, а не местом получения сомнительной квалификации.

— Ты — прелесть, Верочка! Предлагаешь людям вернуться в старые добрые времена?

— Если угодно, то да. Без качественного образования общество, в лучшем случае, топчется на месте, а в худшем — движется назад. Всё

в мире — производное от образования. Не может появиться хороший специалист из слабого студента или плохого ученика.

— Верочка, о чём ты говоришь! Сейчас у нас всё значительно прагматичней. Государство вкладывает деньги, если ты об этом ещё слышала, не во все университеты, а в несколько избранных, чтобы соответствовать зарубежным стандартам. Их перечень, даже не стесняясь, правительство приводит в прессе. Не страна, а какие-то полуполюгальные потёмкинские деревни.

— Ну, подобный подход вообще не имеет смысла в такой огромной стране, как Россия.

— Почему?

— Потому что отсутствует элементарная связь между образовательным, даже самым лучшим, учреждением и местом приложения знаний. Наивно думать, что выпускник солидного московского вуза поедет работать куда-нибудь в глубинку.

— И что ты предлагаешь?

— Прежде всего, не заниматься показухой. Это всегда боком выходит. В первую очередь, убрать перечень избранных вузов. А во-вторых, срочно реформировать всю систему образования и науки в нашей стране.

— Верочка, ты веришь в то, о чём говоришь? Где деньги взять на эту грандиозную реформу?

— Про деньги ничего не могу сказать, но нужно сделать всё для того, чтобы образованные люди не уезжали из страны и применяли свои знания здесь. Без этого никакие проблемы невозможно решить.

— Идеалистка ты, Верочка, и фантазёрка, оторванная от реальной ситуации. Ничего из этого интересного набора слов, которые ты произнесла, в обозримом будущем воплотить в жизнь нельзя.

— Ладно. Поживём — увидим.

— К сожалению, при нашей жизни не увидим ничего.

8.9

За разговором с Женей, Вера незаметно положила на журнальный столик две красивые салфетки, поставила бутылку белого вина, два красивых бокала и вазочку шоколадных конфет.

— Женя, ты пьёшь сухое вино?

— Я пью всё, что горит... О, совсем забыла! Я же принесла ананас.

Как говорит мой муж, колониальный товар. Но его нужно уметь нарезать. У тебя есть острый нож с тонким лезвием?

— Должен быть. Сейчас посмотрю на кухне. Правда, не уверена, что есть такой, но может что-нибудь похожее найдётся.

— У тебя можно курить? — громким голосом, чтобы та услышала на кухне, спросила Женя.

— Кури. Пепельницы у меня нет, так как у нас никто не курит. Стряхивай пепел в розеточку.

— Верочка, ты живёшь здесь одна или кто-то, извини за вопрос, тебя посещает?

— Муж иногда заходит, если у него есть настроение и время. А почему это тебя интересует?

— Да так. Ты прекрасно устроилась, дорогая. Красивая, обеспеченная, независимая. Ну, просто ячейка будущего современной женщины.

— А у тебя, что, не так?

— К сожалению, нет. Мой любезный мелькает целый день по квартире в майке и трусах — противно смотреть.

— А ты хочешь, чтобы он ходил в смокинге и бабочке? Ты же тоже не ходишь по дому в вечернем платье.

— Не обо мне речь. Женщина всегда выглядит женщиной. Когда он ухаживал за мной, я его видела в другом виде. А сейчас — чёрт-те что! Главное, всё бросает, где стоял, и сам, идиот, после этого ничего не может найти.

— И какой выход из этой ситуации, дорогая Женечка?

— Выход, Верочка, простой. Нужно найти мужчину, который будет появляться перед тобой в приличном виде и в то время, которое тебя устраивает, а не когда ему приспичит.

— Замечательная идея, Женечка, а главное, очень новая. Ты уже такого красавца присмотрела или пока в поиске?

— В принципе, присмотрела. Это — Платонов Сергей Павлович. Наш студент, с которым ты поругалась на экзамене.

— Я с ним не ругалась. Я вообще забыла о его существовании.

— Мне тоже так казалось до того момента, пока однажды я случайно не увидела, как он тебя ждал на выходе из института с красивым букетом цветов.

— Ну и что с того, что ждал? Мало ли студентов нам преподносят цветы в благодарность за то, что мы им даём знания.

— Верочка, ну не прикидывайся дурой. Это тебе совершенно не идёт.

Я, слава богу, ещё в состоянии отличить тупую мужскую благодарность от душевного трепета.

— Так в чём проблема? Что ты от меня, Женя, хочешь?

— Как — что? Договориться, чтобы ты на него не претендовала и не стояла у меня на дороге. Всё-таки мы — подруги.

— Точнее будет сказать — коллеги по кафедре.

— Ну, хорошо, коллеги. В любом случае, некрасиво отбивать у своей коллеги мужчину.

— Это верно. Другими словами, ты хочешь, чтобы я тебе вроде как уступила Платонова?

— Если тебе такая формулировка больше нравится, то да. Не только хочу. Страстно мечтаю.

— Ты что, Женечка! О чём разговор! Я на него не претендовала и не собираюсь претендовать. Где я, а где этот студент!

— А вот здесь ты, Верочка, сильно ошибаешься. Ты знаешь, дорогая, что это далеко не простой студент. Ему тридцать девять лет, холостой, обеспеченный. Судя по машине, которая его постоянно привозит в институт, занимает серьёзное положение. У нас он получает второе экономическое образование.

— Меня эти детали не интересуют. Пусть хоть третье.

— Не интересуют, говоришь? Ну, смотри, Вера. Я тебя в отношении Платонова предупредила. Чтобы потом было без обид.

Евгения Ивановна Сотникова ушла, а в квартире Веры Петровны Черниковой остались недопитая бутылка вина и стойкий запах дорогих сигарет. Сама она бросила курить, когда ей исполнилось сорок лет — прочитала в каком-то толстом журнале, что от дыма желтеет кожа лица и портятся зубы. Но сейчас Вере очень хотелось закурить, но сигарет в доме, к сожалению, не было.

— А почему бы вам, мадам, не выпить бокал хорошего вина? — обратилась она сама к себе, глядя на оставшуюся бутылку. — Ведь не каждый день приходит в гости коллега и открывает вам глаза на молодого человека, который уже год не даёт вам прохода...

«Только остался один вопрос к тебе, дорогая, — погрузилась она в раздумья. — Зачем ты пригласила к себе в гости эту Сотникову? Что ты ожидала услышать нового от человека, которого знаешь уже много лет не с самой лучшей стороны?

Ну, мало ли что...

Вот именно...

Неужели ты надеялась на то, что интриганка Сотникова изменила

свой стиль поведения, стала более искренней в разговорах и порядочней в поступках?»

Вера Петровна придвинула к себе свой недопитый бокал, опрокинула его одним махом в рот и вдруг вслух произнесла:

— Сука паршивая. Как была, так и осталась.

Сказала и сама испугалась, так как никогда в своей речи матерные слова не употребляла.

«Это я зря так сказала, — убирая посуду со стола, подумала Вера Петровна. — Сука — собака женского рода, приносящая потомство. К ней у меня нет никаких претензий. А вот Евгения Ивановна — мелкая, грязная сучка, постоянно стремящаяся кому-то нагадить. И, главное, получающая от этого нескрываемое удовольствие».

8.10

Получив «согласие» Веры Петровны на контакты с Платоновым, Евгения Ивановна приступила к следующей фазе реализации своего плана. Ей нужно было получить полную информацию об этом студенте: как часто приезжает в институт, с кем встречается, где живёт во время пребывания в Москве. Для этого следовало поближе познакомиться с секретарём заочного факультета Валентиной Полищук, но та неожиданно обратилась к ней с вопросом сама:

— Евгения Ивановна, какими духами вы пользуетесь? Такой приятный запах — просто чудо!

— Это — французские духи, Валечка. Мой муж часто по делам бывает во Франции и балует меня этими пустяками.

— Завидую вам, Евгения Ивановна!

— Не надо завидовать. Я скажу мужу и он привезёт для вас флакончик французских духов.

— Но это же страшно дорого!

— Не волнуйтесь, Валечка. Сочтёмся.

Муж Евгении Ивановны, побывав в Венгрии, привёз несколько флакончиков пробных французских духов. Один из них она подарила секретарю факультета и стала пользоваться её безграничным расположением.

Но Евгения Ивановна не спешила задавать ей вопросы относительно Платонова. Просто однажды, как бы между прочим, спросила:

— Ты помнишь, Валечка, мне декан поручал принять экзамен в про-

шлом семестре у одного студента, вместо доцента Черниковой? Там ещё был между ними конфликт. Не могу найти его контрольную работу. Где она может быть?

— Если сдан экзамен, то в деканате его контрольной работы точно нет. Она может быть только на кафедре.

— Как фамилия этого студента? Напомни, пожалуйста.

— Платонов. Я скажу, чтобы он с вами связался.

— Спасибо, Валечка, но он может не скоро здесь появиться.

— Так... В его карточке есть какой-то телефон. Я ему сама позвоню, Евгения Ивановна, и всё узнаю.

На телефонный звонок по месту работы студента Платонова сразу ответил женский голос.

— Приёмная, слушаю.

— Здравствуйте, вас беспокоят из деканата заочного факультета Московского института экономики и права. Пригласите, пожалуйста, к телефону Сергея Платонова.

— У Сергея Павловича совещание.

— Скажите, что звонила секретарь заочного факультета Полищук.

— По какому вопросу?

— Не можем в деканате факультета найти его контрольную работу по сданному экзамену.

— Хорошо, я передам.

Платонов перезвонил на следующий день

— Здравствуйте, студент пятого курса Платонов Сергей Павлович. Мне сказали, что вы вчера меня спрашивали по телефону. Слушаю вас внимательно.

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Вы сдавали экзамен в прошлом семестре доценту Сотниковой. Она не может найти вашу контрольную работу по этому предмету. В деканате её тоже нет.

— Хорошо, я как буду в институте, с ней свяжусь.

— А когда вы будете?

— Думаю, что на следующей неделе, если не пошлют в срочную командировку.

— До свидания.

— Всего хорошего...

Глава 9. Зарождение чувств

9.1

Вера Петровна Черникова и Евгения Ивановна Сотникова пришли на кафедру профессора Конюхова после защиты кандидатских диссертаций в один и тот же учебный год. Вера Петровна начала работать на кафедре с первого семестра, а Евгения Ивановна — со второго. Обе были приняты сначала на должность старшего преподавателя. Работали спокойно, без конфликтов, пока по истечении трёх лет работы Евгения Ивановна на одном из заседаний кафедры, не попросила слова:

— Уважаемый профессор, — обратилась она к заведующему кафедрой Конюхову, — позвольте задать один вопрос. Почему вы меня постоянно затираете и, в частности, не представляете к званию доцента? Почему вы не даёте мне карьерно расти, как Вере Петровне?

— Вас, Евгения Ивановна, никто не затирает. Просто есть чёткий график представления кафедрой преподавателей к учёному званию. Я ответил на ваш вопрос?

— Нет. Я не для того защищала кандидатскую диссертацию, чтобы сидеть годами в старших преподавателях. И потом, материальный стимул получения научного звания ещё никто не отменял. Не говоря уже о моральном...

Профессор Конюхов сначала оторопел от такого беспардонного поведения преподавателя кафедры, но потом пришёл в себя и жёстко ответил Сотниковой:

— Уважаемая Евгения Ивановна, давайте без истерик. Никто вас не собирается обижать. Уверен, что кафедра со временем представит вас к званию доцента, но давайте соблюдать очерёдность — сначала Вера Петровна, а потом — вы.

— Что за очерёдность? Это с какой стати, позвольте спросить, сначала Черникова, а потом я?

— С такой, что она пришла на кафедру раньше вас, Евгения Ивановна. Вам это хоть понятно?

— Нет, не понятно. Это же не очередь за пивом.

— По сути я согласен с вашим некорректным определением, но не вам решать на кафедре, когда, кого и за какие заслуги представлять на соответствующие научные должности.

— А к кому можно обратиться за разъяснением по этому поводу?

— К декану факультета профессору Васильеву. Но боюсь, что вы этим шагом серьёзно осложните свою дальнейшую судьбу.

9.2

Второй эпизод скандального поведения Сотниковой был связан с вакантной должностью заместителя заведующего кафедрой. Профессор Конюхов сначала предложил эту должность Вере Петровне Черниковой. И опять Евгения Ивановна взбаламутила всю кафедру, требуя обсуждения кандидатуры заместителя, хотя это совершенно не требовалось никакими инструкциями. Правда, она от этого обсуждения сразу отказалась, узнав, что Вера Петровна не дала согласие на должность, но осадок у многих членов кафедры остался.

И тем не менее, эти поступки не шли ни в какое сравнение с тем, что произошло сегодня у Черниковой дома. Вера Петровна, после такого суматошного дня, села в своё любимое кресло и включила телевизор

«А что же, на самом деле, было? — затеяла она разговор сама с собой. — А вот что. Пришла моя коллега по кафедре ко мне в гости и цинично предложила перекупить мужчину... В каком смысле — перекупить?.. В прямом. Правда, деньги она не предлагала, но кое-что обещала... Что именно?.. Не делать гадости, если я, по-хорошему, уйду с её дороги к сердцу этого мужчины...

А разве ты стоишь у ней на дороге?..

По её мнению — да.

И в чём это выражается?..

В том, что этот молодой человек всё время оказывает мне какие-то особые знаки внимания...

Чепуха какая-то... Но нужно, на всякий случай, запомнить фамилию этого студента. По-моему, его фамилия — Платонов, а имя — Сергей...

Это же надо! Из-за какого-то пустяка заварилась такая каша! Самое интересное, что я его не знаю и знать не хочу...

А вот здесь ты, голубушка, уже врешь самой себе. Если он был бы тебе безразличен, чего бы ты так переполошилась... Да ничего я не переполошилась... Единственно, что мне не понравилось, так это её угрозы в мой адрес...

А были угрозы?..

Ну конечно были! Прощаясь, Женя злым тоном мне сказала: «...и чтобы потом без обид!»

До конца вечера на душе у Веры Петровны было беспокойно. Так

бывает, когда кто-то из близких людей совершает подлость, делает что-то такое, чего ты от него не ожидала, и простить его за это нет никакой возможности. Узнав об этом, ты возмущаешься, расстраиваешься, негодуешь, начинаешь даже обвинять себя, но состояние тревожности не только не проходит, но почему-то усиливается.

— Ладно, не буду себе портить настроение, — вслух произнесла Вера Петровна. — Нет пока для этого повода. Подумаешь, какой-то студент что-то где-то не то сказал!..

Вера Петровна встала из-за стола и подошла к большому зеркалу, висевшему на стене. Из зеркала на неё смотрела красивая, молодая, симпатичная, ухоженная женщина. Она увидела то, что хотела увидеть, и осталась своим отображением в зеркале очень довольна. Подмигнув себе, Вера Петровна вспомнила любимое выражение своего мужа: «В какую бы позу тебя не поставила жизнь — стой красиво!»

— И это правильно!

9.3

Виктор Валентинович Тарасов опаздывал. Сервированный Моней набором холостяцких деликатесов стол (колбаса, сыр, банка сайры, солёные огурчики и две вкусно пахнущие буханки рижского хлеба) завершила бутылка столичной водки. Имея в виду проблемы в стране с продуктами питания, всё говорило о том, что у Мони с общепитом города Подольска хорошие отношения.

— От нашего стола вашему столу, — Сергей полез в свой дипломат и театральным жестом выставил на стол бутылку бренди и полиэтиленовую упаковку норвежского лосося. Однако, не обращая внимания на заморские дары от Платонова, Моня молча открыл бутылку водки и аккуратно налил её в свой фужер и Сергея.

— Ну, давай, Платон, выпьем, пока большой общественный деятель не пришёл. С приездом тебя, дорогой друг.

— Спасибо, будем здоровы.

— Дай Бог, не по последней, — заключил Моня и вылил содержимое фужера себе в горло.

— А ты знаешь, Моня, моя мама права...

— В чём?

— Настоящие друзья бывают только в молодости. Вот я тебя столько лет знаю, а ты никогда ничего не просишь.

— Не каркай, Платоша. А то как попошу — мало не покажется.

— Попроси.

— А что? Вот у меня сейчас унитаз прохудился. Снял бы с какого-нибудь самолёта и поставил мне. Красота!

— Ладно, Моня, я подумаю, как помочь твоей беде.

— Ну вот это другой разговор! Давай, Платон, ещё по одной.

— С удовольствием!

Сейчас Платонов вспомнил, как его с коллегой из России в последний вечер провожала шведская фирма, по приглашению которой они приехали в Швецию. В скромном уютном ресторане фирмой был заказан большой стол, за которым комфортно расположились двенадцать человек. Стол был уставлен маленькими тарелочками со всякими закусками, в основном, рыбными. На левом краю стола стояли кучкой три бутылки: вино, водка и коньяк. С другой стороны, тоже кучкой, несколько бутылок с минеральной водой. Один из сидящих за столом руководителей фирмы, приняв на себя обязанности тамады, разлил по бокалам своих соотечественников вино. Затем, без лишних вопросов, открыл бутылку водки и налил по четверти бокала русским гостям. Потом сказал несколько слов на английском языке и все, не чокаясь, дружно выпили.

Прошло, наверное, минут сорок, когда Платонов, нарушая, по всей видимости, все правила поведения за шведским столом, потянулся за сиротливо стоящей посередине стола бутылкой водки. Затем налил по половине бокала себе и своему русскому коллеге. Все шведы заулыбались и дружно подняли бокалы с вином, сделав ещё несколько глотков. А когда через час русские гости разлили оставшуюся в бутылке водку, сидящие за столом дружно зааплодировали.

В конце весьма приятного вечера к Сергею Павловичу обратился переводчик:

— Серж, заберите с собой нераспечатанную бутылку коньяка. Выпьете со своими друзьями. Дело в том, что стол полностью фирмой оплачен и поэтому коньяк в конце вечера просто уйдёт задарма официантам.

— Нет, нет, что вы, Роберт. Спасибо. Все подумают, что русские тянут со стола всё, что попало.

— Да никто ничего не подумает! Просто жалко, чтобы бутылка хорошего коньяка достанется неизвестно кому.

Вот эту бутылку шведского коньяка сейчас Платонов и выставил на стол в гостинице. Но Моню от отечественной водки ничем нельзя было отвлечь. Он, не обращая никакого внимания на коньяк, продолжал

разливать водку, которую принёс с собой, пока они не допили бутылку до конца. Прошёл час, как Моня и Платон уютно расположились в гостиничном номере. Их непринуждённая беседа изредка прерывалась поднятием бокалов. Моня каждый бокал допивал до конца, но Платон этого не делал. Его в своё время папа, которому весьма часто приходилось бывать на разного уровня банкетах, научил простому правилу: «Никогда, сын, не отказывайся, когда тебе предлагают выпить. Это жест неуважения к людям. Но пить нужно аккуратно и помалу. Тогда ты будешь интересен для всех за столом, а не только тем, с кем пьёшь. В особенности, это сразу замечают и фиксируют женщины...»

— Моня, ты меня слушаешь? Я тебе хочу рассказать, как люди живут за границей, а ты сидишь и о чём-то постороннем думаешь.

— Ну, почему постороннем? Я тебя внимательно слушаю, Платон. А покажи ещё раз своё удостоверение, с которым тебя везде пропускают.

— Пожалуйста.

— Так. Заместитель генерального директора авиационного объединения. И что в нём такого особенного?

— Да так, ничего.

— А... вот, вижу: красным написаны внизу две буквы — «О» и «С». Это что, Платон, обозначает?

— Не знаю. Просто взяли и написали.

— Ну не темни, Платон. Что ты от друзей всё скрываешь?

— Я не темню. Просто не хочу потерять друзей. Помнишь, Моня, студенческую заповедь: «Чем меньше знаешь, тем лучше спишь». Ну, так вот... спи спокойно.

— Ладно, не хочешь — не говори. Только ответь мне, Платон, на один вопрос: из-за этого удостоверения, получается, нельзя в номер приличных девочек приглашать?

— И из-за этого тоже.

— Да я бы скорее выбросил такое удостоверение, чем отказался провести вечер с хорошей барышней!

— Моня, каждому — своё. Только учти: в таком номере, как мы сейчас с тобой сидим, не только всё прослушивают, но и всё записывают.

— Да не может быть!

— Может. Поверь мне.

— И кому показывают потом это кино?

— Тебе же и показывают, но уже с другими целями.

За громким смехом они не услышали стук в дверь. На пороге гостиничного номера стоял улыбающийся Виктор Валентинович Тарасов с сеткой каких-то продуктов и бутылкой водки.

9.4

После обеда Платонову позвонила секретарь генерального директора объединения Зинаида Ивановна и ровным голосом, как обычно, сказала:

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Генеральный приглашает вас к себе на беседу в восемь часов вечера.

— По какому вопросу?

— Не имею информации.

— Спасибо.

Кабинет генерального директора авиационного объединения Соловова был устроен таким образом, что из него можно было никуда не выходить несколько дней. Обед директору приносили в кабинет, а завтракал и ужинал он дома. Напротив двери, в самом дальнем углу кабинета, стоял двухтумбовый стол, за которым сидел сам директор. К столу примыкала приставка с четырьмя стульями. За спиной директора были расположены две незаметные, сделанные под стенные деревянные панели, две двери. Одна вела в комнату отдыха с диваном, журнальным столиком, двумя креслами и телевизором. Вторая — в туалет, оборудованный душевой кабинкой. У окна стоял большой деревянный стол для совещаний, за которым умещалось около тридцати человек. На полу кабинета был постелен красивый ковролин тёмно-бежевого цвета, так что никаких звуков ниоткуда не было слышно.

В объединении у генерального директора была кличка Башка, которую он заработал ещё будучи студентом Московского авиационного института. Во-первых, не было вопроса, на который он не знал ответ, а во-вторых, директор носил зимой шапку немислимого размера, в которую все сразу проваливались.

Каждого посетителя генеральный всегда приветствовал в своём кабинете, стоя, крепким рукопожатием.

— Присаживайтесь, Сергей Павлович. Я не нарушил ваших планов, пригласив вас так поздно на беседу?

— Нет. Я ухожу с работы не раньше восьми.

— Я знаю. А хотите знать, откуда? У меня на пульте телефонного комбайна есть блок, который информирует меня, кто из руководства объединения находится на своём рабочем месте, а кого уже нет.

— Никогда не слышал о такой современной системе слежения за сотрудниками.

— Это — не программа слежения. Это — программа оповещения,

которую мне поставили канадские коллеги. Но вас, Сергей Павлович, я пригласил не за тем, чтобы рассказывать о своих технических секретах. У меня есть более серьёзный повод для нашего разговора.

— Слушаю вас внимательно.

— Мне пятьдесят один год, и министерство просит меня, на случай всяких кадровых изменений, представить кандидатуру преемника. Не скрою, это — не очень простая задача. Сложность её решения состоит в том, чтобы, во-первых, передать объединение человеку, который его знает и поведёт дальше в правильном для страны направлении. А во-вторых, оставить вместо себя руководителя, в порядочности которого не сомневаешься... На мне лежит большая ответственность, так как кандидаты на должность генерального директора объединения зачисляются министерством в особый список перспективных руководителей отрасли. Что вы думаете по этому поводу, Сергей Павлович?

— Я думаю, что вам будет нелегко подобрать себе преемника.

— Почему?

— Потому что ваша работоспособность и целеустремлённость не позволяют мне назвать человека в нашем объединении, способного вас заменить.

— Ели бы я вас не знал, я бы мог подумать, что вы мне льстите из каких-то своих корыстных целей.

— Нет у меня таких целей, Владимир Алексеевич.

— Я знаю и поэтому хочу включить в этот список вас. Как вы на это смотрите?

— Отрицательно.

— Почему?

— Потому что меня всё равно из всех списков вычеркнут.

— Ещё раз — почему? Вы — молодой, грамотный, самостоятельный, умеющий принимать решение руководитель.

— У меня в графе семейное положение стоит прочерк.

— Ну, это мне известно. Сегодня холостой, а завтра — отец-герой.

— Ну вы и сказали, Владимир Алексеевич. Прямо в рифму.

— А что? Может, во мне умер, не родившись, Грибоедов.

— А во мне кто?

— Вот вы и подумайте на эту тему, Сергей Павлович, а потом мы обменяемся мнениями. Свободны.

— До свидания.

— Всего хорошего.

9.5

Генеральный директор Владимир Алексеевич Соколов и Сергей Павлович Платонов беседовали почти час по одной технологической теме, когда Соколов неожиданно задал Платонову вопрос, оставшийся до конца не обсуждённым с предыдущей встречи:

— Сергей Павлович, так вы видите себя на моём месте или нет?

— Нет, не вижу, Владимир Алексеевич.

— Объясните, пожалуйста, почему? Только не рассказываете мне снова, что вы — холостяк.

— Пожалуйста. Во-первых, у меня нет соответствующего жизненного опыта, как у вас. Я бываю иногда чересчур доверчивым, за что потом себя очень ругаю. А во-вторых, мне не хватает вашей жёсткости в работе и прямолинейности.

— Скажите, Сергей Павлович, что вы считаете главным в работе руководителя любого уровня?

— Честность. Только честность. Руководителю нельзя хитрить, а тем более — врать подчинённым.

— А как вы смотрите на выражение: «Чрезмерная честность граничит с глупостью»?

— Думаю, что здесь слово «чрезмерная» — лишнее. Честность нельзя измерить, а следовательно, нельзя этим словом играть. Честность есть честность.

— Понятно. А какие люди больше всего вам не нравятся?

— Холуи.

— Почему?

— Потому что им нельзя доверять.

— Поясните, пожалуйста.

— Неизвестно, в какой мере надёжности этот человек находится по отношению к вам в данный момент и какими соображениями он будет руководствоваться через некоторое время.

— Кого же вы можете рекомендовать в нашем объединении на место генерального директора?

— Никого.

— Почему?

— Потому что это вопрос не моей компетенции. И потом, я ещё недостаточно хорошо знаю коллектив нашего объединения.

— Это понятно. И всё-таки?

— Генеральный директор должен уметь жёстко требовать исполне-

ние приказов и одновременно проявлять гибкость при принятии решения, что далеко не у каждого человека получается.

— Спасибо за откровенный разговор, Сергей Павлович, тем не менее, хочу вернуться к его началу и высказать свою точку зрения на холостяков, без привязки к вашей кандидатуре.

— Любопытно послушать.

— Не буду от вас скрывать, я с некоторым предубеждением отношусь к холостякам и, прежде всего, потому, что у них нет в жизни якоря в лице жены. Он всё время в дрейфе. Согласны?

— Согласен.

— Холостяк может спонтанно предпочесть какое-либо действие серьёзному делу, что в нашей работе совершенно недопустимо. Ну и самое главное. Отсутствие семьи указывает на психологическое отклонение человека от нормы.

— Вот этот тезис мне не совсем понятен, Владимир Алексеевич.

— Постараюсь объяснить. Отношение мужчины к женщине имеет, как правило, физиологическую основу. Мужчина, в силу своей природы, может менять женщин, но у него должна сработать, рано или поздно, установка на создание семьи и рождение детей. Это краеугольный принцип существования человечества. Думаю, что вы с этим спорить не будете, Сергей Павлович?

— Нет, не буду. Тем более, что я давно озабочен этой проблемой. Я понимаю, что ваш кабинет не то место, где следует на эту тему рассуждать. Но у меня в этом плане что-то не складывается: о ком я мечтаю, в мою сторону не смотрит. А лишь бы жениться — я не хочу.

— Поэтому вы по двенадцать часов проводите на работе?

— Не совсем так.

— Так, Сергей Павлович, так. Я же знаю. Ладно. На сегодня — всё.

— До свидания.

Оставшись один, Соколов сделал в своём блокноте следующую запись: «Сегодня провёл беседу с Сергеем Павловичем Платоновым. Интеллигентен. Выдержан. Осторожен. Не теряется при обсуждении острых тем. Честен. Искренен. Может быть рекомендован на должность Генерального директора объединения».

9.6

Последнее время Сергей Павлович старался приезжать в Москву во вторник или в среду. В те дни, когда занятия на вечернем факульте-

те вела доцент Черникова. И сегодня, подъехав ко входу института за десять минут до окончания её лекции, он попросил водителя остановиться. Водитель машины Василий Петрович Есаулов никаких вопросов никогда не задавал и сделал так, как попросил Сергей Павлович. Естественно, что машина чёрного цвета с тонированными стёклами, стоящая у входа, привлекла через некоторое время внимание службу безопасности института. Из здания института вышел молодой мужчина и направился к машине. Он подошёл к ней со стороны водителя и жестом попросил открыть окно.

— Помощник ректора института по безопасности Рыбаков. Могу я посмотреть ваши документы?

— Пожалуйста, — Василий Петрович сразу достал своё служебное удостоверение.

— Спасибо. Долго собираетесь здесь стоять?

— Не знаю. Вопрос не ко мне. У меня есть начальство, — и он показал жестом на заднее сиденье.

— До свиданья. Прошу прощения за беспокойство.

— Всего хорошего.

Прошло около сорока минут, но Черникова из здания института не вышла. Сергей Павлович неожиданно вспомнил шутку, которую любит повторять Моня: «Никогда не задавай женщине провокационный вопрос. Она всегда выберет худший для тебя ответ. Потому что женщина априори, не доверяя ни одному мужчине, мыслит противоположными категориями». Это несколько улучшило ему настроение, но он продолжал напряжённо следить за входом в институт.

Вера Петровна неожиданно появилась в группе студентов, придерживавших перед ней входную дверь. Сергей Павлович в тот же момент открыл дверь машины и выскочил из неё.

— Добрый вечер, Вера Петровна!

— А, это опять вы. Что вы меня преследуете, Платонов? Это уже становится не совсем приличным.

— Извините, пожалуйста. Я вас не преследую. Просто хочу, чтобы вы на меня обратили внимание.

— Уже обратила. Дальше что?

— Хочу с вами поговорить. Куда-нибудь вас пригласить.

— Вы, что, уважаемый. Я девушка дорогая, как говорит мой муж.

— Ничего. Справимся.

— Интересно — как? Вот сейчас, например, в Москву с одним концертом приехал великий музыкант Брубек. Билетов на него не достать ни за какие деньги.

— Решаемая проблема. Вы только согласитесь.

— Вы очень самоуверенный юноша. У вас, что — много денег?

— Нет, у меня много обаяния.

— Ну тогда всего хорошего. И прекратите этот маскарад с чёрной машиной. Меня это очень настораживает.

Вера Петровна ускорила шаг, на что Платонов не успел среагировать. Догонять он её не стал. И вдруг его как молнией ударило: «Ничего себе! Минуту назад я был готов совершить серьёзный проступок — воспользоваться своим особым служебным удостоверением в личных целях! К счастью, Вера Петровна мой ухарский жест не поняла и прекратила этот глупый разговор... Ну и дела... Так ты можешь, Платонов, попасть в крупную неприятность... С этим шутить нельзя...»

Немного остыв, Сергей Павлович стал оправдываться перед собой: «Во-первых, никто бы об этом не узнал. А во-вторых, я бы честно уплатил деньги за билеты в кассу... Ещё не хватало, чтобы ты воспользовался контрамарками, отчёт за которые всегда носит персональный характер. Твоё служебное удостоверение могло бы быть сфотографировано в кассе, а это уже большой скандал! Недаром с тобой на эту серьёзную тему говорил генеральный директор... Мальчишка...»

9.7

А ещё через несколько дней Сергей Павлович Платонов решил переговорить с проектировщиками, которые располагались на территории объединения в отдельном корпусе. Его манеру решать вопросы не у себя в кабинете, а непосредственно на рабочем месте исполнителя, ещё не все знали. А когда у него спрашивали, почему он это делает, тот с улыбкой отвечал:

— Молодой, горячий. На месте не сидится. Вот и бегаю по территории объединения.

Но это была не вся правда — молодой заместитель генерального директора много чего попутно замечал, когда посещал интересующий его объект, а потом в разговоре об этом, как бы случайно, говорил.

Начальник проектного управления, куда сегодня направился Сергей Павлович, сидел со своими сотрудниками в одном большом зале, но как бы отдельно, за стеклянной перегородкой. В зале стояло несколько десятков кульманов, мимо которых нужно было пройти, прежде чем попасть в его кабинет. Около одного из кульманов Платонов почему-то остановился:

— Проходите, любезный, — задела его молодая женщина с копной светлых волос на голове.

— Извините, мне нужен начальник проектного управления Антонов Никита Александрович.

— Это — туда, — не посмотрев в его сторону, кивком показала женщина.

Через час «любезного» к выходу провожал сам Антонов, что-то продолжая объяснять ему на ходу. Расставаясь с начальником управления, Платонов, между прочим, спросил у Антонова:

— Никита Александрович, а кто у вас сейчас работает за четвёртым кульманом?

— Лариса Николаевна Парамонова, толковый самостоятельный инженер.

— Понятно. Всего хорошего.

Возвращаясь на своё рабочее место, Антонов остановился около кульмана Парамоновой:

— Лариса Николаевна, вы не скажете мне, почему на вас обратил внимание заместитель генерального директора Платонов? Опять, наверное, что-то не то сказали?

— Понятия не имею, Никита Александрович. Наверное, понравилась, — не преминула сострить Лариса Николаевна.

— Ну-ну...

У Антонова был собирательный ум, который позволял ему складывать любой пазл, но сейчас Парамонова не входила ни в одну конструкцию, которую он собирал в голове. Женщина она была независимая, неконтактная и порой даже грубая. Это не давало Антонову покоя. И для того, чтобы как-то прояснить ситуацию, он на одно из совещаний у Платонова решил привести с собой Парамонову. К сожалению, ни ему, ни ей не дали на этом совещании выступить и поэтому интрига, связанная с Платоновым, осталась неразгаданной.

Но и Сергей Павлович не забыл эту дерзкую женщину, которая его «побрила» за несколько минут. Всё хотел с ней связаться, но позвонить не было никакой возможности, так как рабочий телефон стоял только на столе начальника управления Антонова. Попытка получить по городской справке номер домашнего телефона Парамоновой тоже не увенчалась успехом. Можно, конечно, было попросить найти её номер телефона своему секретарю и решить вопрос за пару минут, но входить в неформальные отношения с подчинёнными было ни в коем случае нельзя. Это когда-нибудь может выйти, как говорил его покойный ро-

дитель, боком. Оставалось надеяться на случай и он не преминул представиться.

Однажды, выходя с работы через общую проходную, Платонов столкнулся с Парамоновой нос к носу.

— Здравствуйте, Лариса Николаевна! Что-то вы позднеенько заканчиваете работать?

— Здравствуйте, Сергей Павлович! Как это вы так запомнили моё имя-отчество? Ведь в нашем объединении работают тысячи человек!

— Понравились вы мне, а это уже другой вид памяти.

— Не смешите. Вы меня видели только один раз.

— Не один, а два. Помните, вы со своим начальником Антоновым были у меня на совещании? А вот сегодня третий.

— Вам по должности положено быть въедливым или вы от природы такой?

— От природы, Лариса Николаевна, от природы. Но не въедливый, а любознательный. Это далеко не одно и то же.

— Может, вы ещё хотите проводить меня, Сергей Павлович?

— С удовольствием, если позволите.

Они шли от работы до дома Ларисы Николаевны минут сорок. Разговор между ними был какой-то бессвязный и пустой. Она пыталась шутить, демонстрируя своё независимое положение, а он старался не реагировать на её выпады, боясь, что она может фыркнуть и вообще уйти. Перед своей дверью в подъезд, она спокойным тоном сказала:

— Запишите, Сергей Павлович, мой домашний телефон. Он у меня закрытый. В городском справочном бюро его нет. Звоните, если будет настроение.

— А сегодня к вам нельзя зайти в гости, Лариса Николаевна?

— Сегодня — нет. До свидания.

— Всего хорошего.

Часть IV.

Проза жизни

Глава 10. Оля

10.1

Собираясь поехать в очередную субботу к маме, Сергей Павлович вспомнил о стюардессе. Порывшись в своём блокноте, он нашёл телефон Оли. Номер указывал на то, что девушка живёт в центре Москвы. Закрутившись со служебными делами, он решил, что позвонит ей из машины.

— Здравствуйте, пригласите, пожалуйста, к телефону Олю.

— Я у аппарата. А кто спрашивает?

И тут Сергей Павлович поймал себя на мысли, что в машине он не один. Рядом водитель и, несмотря на строго соблюдаемую с его стороны субординацию и корректность, наверняка прислушивается к его ответу на вопрос.

— Извините, ошибся номером, — пробормотал Платонов и положил трубку на рычаг.

Конечно, Оля не узнала его голос, но состояние, будто он что-то украл, почему-то осталось. «А что, собственно говоря, я делаю плохого? Да ровным счётом ничего! Холостой мужчина желает провести выходной день в обществе хорошенькой девочки... Просто замечательная идея! Вперёд!»

Он вспомнил спор с друзьями в Подольске, когда они обмывали его первое повышение по службе. Собрались, как обычно, втроём, но первым возмутился Моня:

— Мужики, а что мы так неинтересно отмечаем восхождение Платона на Олимп? Без девочек, без музыки... Что за мрачные игры? — как вопрошал, задрав голову вверх, наш патологоанатом.

— А что тебя не устраивает? — спросил Виктор. — Можно откровенно и спокойно, в своём кругу, поговорить о наших делах. Правильно я мыслю, Платон?

— Правильно.

— Тогда почему ты молчишь?

— А что говорить? С одной стороны, ты прав, а с другой, мне ближе позиция Мони. Сидим, понимаешь, как заговорщики перед выходом на Сенатскую площадь.

— Ну, вы и жуки, — продолжал гнуть свою линию Виктор. Всё вас на девочек тянет. Вам, в самом деле, нельзя ничего серьёзного доверить!

— Почему?

— Потому что можете, со своим повышенным либидо, сделать не так, как надо. И вообще предать.

— И это правильно, как говорит Михаил Сергеевич, но только с одной поправкой. Предают не друзья, если они, в самом деле, друзья. Предают близкие, в плане контактов с тобой, люди. Это может быть твой заместитель, твой водитель, твоя любовница, секретарша, охранник. Да мало ли кто!

— Мама мне как-то рассказывала одну удивительную историю, — оживился Виктор. — У её начальника управления в бухгалтерии работала любовница. У них были прекрасные доверительные отношения. Он ей по пьяни что-то наболтал о годовом отчёте, а она это запомнила. И когда её захотели уволить, она стала его шантажировать на крупную сумму денег. Денег он ей не дал, так как был мужик прижимистый. Тогда она его сдала, куда надо, и он сел в тюрьму.

— Ну, ты, Тарас, нас вообще застращал. Теперь ни к одной барышне не подойдёшь, — парировал его информацию Моня.

— Не застращал, а предупредил, чтобы вы контролировали себя в присутствии посторонних людей. Всем кажется, что сейчас можно в нашей стране всё и обо всех говорить. Но это далеко не так.

— И что? В газету попадём? — захихикал Моня.

— И это может быть, хотя в настоящее время ситуация с газетами изменилась в лучшую сторону.

— Кто тебе сказал, Тарас?

— Читай чаще прессу, Моня. Там всё написано.

— Ладно, давайте выпьем за нашу мужскую дружбу, — поднял свою рюмку Платон.

— Тупой тост, — снова прокомментировал Моня, — но по делу.

10.2

— На следующий день Платонов повторил свой звонок Оле, но уже с телефона мамы.

— Здравствуйте, я с Олей говорю?

— Да, с Олей. А вы кто?

— Я — Сергей.

— Это вы вчера мне звонили?

— Я.

— Пожалуйста, больше не звоните. Во всяком случае, в течение ближайшего месяца.

— Почему?

— У меня родители в гостях.

— До свидания.

Сергей положил трубку, совершенно ошарашенный. С ним ещё никто и никогда в жизни так жёстко не разговаривал. Не то, что неуважительно, грубо, а как-то уничижительно, в приказном тоне. Аж кровь бросилась в голову.

«Ничего себе! Третья попытка подойти к этой симпатичной девушке — и снова неудача. Хорошо, что мамы нет дома, а то бы она не преминула сказать: «Спесь сбежала с молодца, как горчичка с холодца». И что теперь делать?..

Прежде всего, успокоиться. Ничего страшного не произошло. Это — во-первых. Может, она с мамой не так поговорила, а может, чем-то просто расстроена... А во-вторых, она тебе честно сказала, что месяц будет занята. Мама приехала. Это — серьёзное мероприятие...

Конечно, серьёзное... Вот у меня мама никуда не уезжает и не приезжает, а каждая встреча с ней — это настоящее аутодафе...

Более того. Если бы она не хотела больше слышать твой голос, то могла бы просто сказать: «Извините, я занята...» Но она не такая девушка...

Какая — не такая?..

Много ты о ней знаешь...

Много — не много, но опыт общения с женским полом имею...

Ну, насмешил ты меня, Сергей Павлович. Никакой опыт в этом деле помочь не может. Каждая женщина — это особый мир со своими неписанными законами. Познавать этот мир мужчине нужно каждый раз заново и до конца дней своих... И всё-таки, почему у меня в который раз не получается наладить с этой девочкой контакт?..

Очень просто. Первый раз, в самолёте, она укоротила твою прыть из-за визитной карточки. Нечего тыкать под нос девушкам свои регалии. Второй раз в ресторане, когда она была с молодым человеком, а ты

пытался нагло влезть между ними. А сегодня?.. А сегодня она тебе сама всё объяснила. У неё определённые семейные обстоятельства...

И что, я не понял, мне делать?..

Ничего. Нужно на месяц об Оле забыть».

Но характером Платонов был в маму. Он забывать ничего не собирался. Наоборот, весь день ходил и обдумывал, как сократить месячный карантин, который установила ему девушка. Дело в том, что кроме номера телефона, который сообщила сама Оля, он ещё в гостинице узнал её домашний адрес. Может, нагрянуть к ней прямо на квартиру с цветами? Познакомиться с её родителями? Оставить приятное впечатление о себе, как он это умеет делать?

Но мама опередила Сергея Павловича с решением.

— Серёжа, что ты такой кислый? Очередная барышня отшила?

— Мама, ну что у тебя за выражения? Просто советский кинематограф двадцатых годов!

— А что я такого сказала? Тебе к пенсии ближе, чем к дате рождения, а ты всё ещё у нас на выданье. Да будет тебе известно, дорогой сыночек, что Мендельсон сочинил два марша — один свадебный, другой — похоронный. Какой тебе больше нравится?

— Я подумую, мама.

— Подумай, Серёжа, подумай. Кстати, у тебя скоро день рождения. Что тебе, любимый мой, подарить?

— Да ничего мне не надо. У меня всё в этой жизни есть. И, прежде всего, ты, моя мамочка, которая скучать не даёт.

— Ну, спасибо, дорогой. А внуков я всё равно хочу.

10.3

Екатерина Васильевна Платонова забрала с письменного стола свою пачку сигарет, зажигалку и пошла на кухню курить. Её любимое место было у окна. Она его слегка приоткрывала и, как ей казалось, весь сигаретный дым выходил на улицу. Разговор с сыном о подарке на день рождения её несколько расстроил. И не потому что у него есть всё и ему, в самом деле, ничего не надо. А потому что он стал уже совсем взрослым, чёрствым и равнодушным человеком. У него пропали желания, страсть, кураж. Исчезло чувство встречи с чем-то новым, неожиданным и прекрасным. Он ничего уже от жизни не ждёт.

Когда Серёже, маленькому любознательному мальчику, было че-

тыре года, у него появился дедушка, Василий Иванович Полторак. О дедушке ему постоянно что-то не совсем понятное рассказывали родители. И тут Василия Ивановича пригласили для переназначения в Москву, а по прибытии, на самом деле, отправили на пенсию. Но чтобы подсластить пилюлю его неожиданного увольнения в запас, ему разрешили, с учётом бывших заслуг перед доблестными правоохранительными органами, прописаться на старой бабушкиной даче в Подмосковье. Теперь, к всеобщему удовольствию, проблема с маленьким сыном решалась очень просто — при каждой провинности Серёжи, мама ему угрожающим тоном говорила:

— Поедешь к нашему начальнику на пленер.

Но это была не ссылка для маленького Серёжи, а место новых неожиданных впечатлений. Он с большим удовольствием проводил время с дедушкой и никогда не отказывался от поездки к нему в гости.

От разговоров с рассудительным мальчиком все окружающие тоже были в полном восторге. На все вопросы взрослых у Серёжи был всегда ответ, причём весьма неожиданный и оригинальный.

— Откуда ты всё это знаешь, мальчик?

— Мне дедушка рассказал, — и первым начинал смеяться.

— Где твой дедушка работает?

— В пожарной части.

— А кем?

— Он солдат-милиционер. Ездит по городу на красной машине и стреляет в бандитов.

— А ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

— Также пожарником.

— Почему?

— Потому что у пожарника тёплая работа. Мы с мамой так зимой замерзаем, что зуб на зуб не попадает. А дедушка всё время пожары тушит в тепле, а потом мне об этом рассказывает.

Но общение с дедушкой было для Серёжи замечательно не только разговорами, но и возможностью что-нибудь вместе с ним смастерить. Василий Иванович был на все руки мастер. Мог всё что угодно, по заказу внука, сделать. При этом приговаривал:

— Вот будет у тебя, внучек, день рождения, я тебе подарю новый автомат или машинку.

— Это когда будет, дедушка?

— Это ещё не скоро.

— Не согласен на «не скоро». Мой день рождения нужно сделать зав-

тра и подарок мне подарить тоже завтра. А гостей — своих и маминых, — можешь перенести на куда хочешь. Ты согласен, дедушка, со мной?

— Согласен.

— Ну, тогда начинай делать автомат.

За этими незатейливыми разговорами деда с внуком почти ежедневно появлялись на свет солдатики, машинки, автоматы, пушки. Всё многочисленное воинство они расставляли на веранде по всем законам и приводили в действие в соответствии с поставленными задачами. Причём, дедушка и внук так увлекались этими играми, что не замечали, как пролетало время и неожиданно появлялась на пороге дома со своими замечаниями мама.

— Папа, ну что ты с Серёжей весь день ползаешь на животе по немытому полу?

— Мы играем с ним в путешествия.

— Играешь с ребёнком в какие-то пустые игры.

— Это — не пустые игры. Это — познание жизни.

— Лучше бы книжку ему почитал или нарисовал что-нибудь.

— Он уже сам и читает, и рисует лучше меня.

— Кстати, ты кормил ребёнка?

— Конечно. Покушали картошечку с селёдкой и лучком. Потом чайку сладкого попили с сухариками.

— Это что за еда, папа? Селёдка, сухари... В общем, товарищ полковник, вы перепутали солдатскую казарму с детской комнатой.

— Катя, ты зря так говоришь. Во-первых, мы вместе с Серёжей каждый день моем пол и кушаем мужскую пищу, а не протёртую морковку. А во-вторых, отрабатываем в нём настоящие воинские качества. Это — большое и серьёзное государственное дело.

— Какое дело? Государственное? О чём ты говоришь? Ребёнку только четыре года.

— Самое время. Не зря при царе состоятельные люди отдавали своих маленьких детей в военные учебные заведения. Впоследствии из них вырастали умные, порядочные, преданные своему отечеству люди, а не какие-то слюнтяи.

— А что, сейчас разве не так поступают ответственные родители?

— К сожалению, нет. Сейчас воспитание ребёнка мужского пола сводится, как правило, к кормлению и одеванию, о чём ты постоянно печёшься.

— Правильно, потому что он — ребёнок.

— Нет, неправильно. Он, прежде всего, мужчина, а потом — ребё-

нок. Воспитание мальчика — это формирование у него чувства собственного достоинства, умения защитить от всех жизненных невзгод себя и свою семью, готовности честно выполнить свой воинский долг.

— Ладно, папа. Я вижу, что мы с тобой не договоримся.

— По этому вопросу — нет.

Серёжа вырослел и всё реже виделся со своим замечательным дедушкой, который жил на даче. Свободного времени у него, благодаря родительским заботам, практически не было. Всё было подчинено всестороннему и гармоничному развитию ребёнка. Мама с папой сами часто ездили в деревню к дедушке, а Серёжу, его единственного внука, вечно занятого уроками, музыкой, спортом, шахматами, редко брали с собой.

Дедушка очень сожалел, что мало видит внука, но регулярно передавал ему сделанные собственными руками, как в прежние времена, всякие интересные фигурки.

10.4

Сергей очень любил разговоры с мамой, хотя и проявлял иногда внешнее раздражение. Мало того, что были весьма поучительные, они позволяли ему увидеть все изъяны своей позиции. Только от мамы можно было услышать что-то плохое о себе и своих поступках. Только мама могла его в жёсткой форме опустить с неба на землю. Разговоры с ней, как правило, касались двух нескончаемых тем: мало уделяешь матери внимания и когда, наконец, женишься.

Но сегодня мама решила соединить обе темы в одну и поговорить с сыном о женщине и её роли в семье.

— Что ты так поздно, Серёжа? — спросила она, когда он, наконец, пришёл в субботу домой. — Не иначе, как у очередной подружки был?

— Был, мама, был. Денно и ночью ищу для тебя невестку. Никак не могу подобрать приличную женщину, но очень стараюсь.

— Это хорошо, что ты о маме не забываешь. Но мог бы когда-нибудь и посоветоваться со мной.

— Ну что ты можешь мне рассказать о женщинах, чего я не знаю?

— Не о женщинах, сын, а о твоей будущей жене. А это совершенно разные темы.

— А что, жена — не женщина?

— Женщина, но это совсем другая её ипостась. Более глубокая и содержательная.

— В смысле?

— В смысле того, что жена — ответственная за всю семейную жизнь.

— А что в этом случае мужчина делает? Зачем он вообще нужен?

— Хороший вопрос. Мужчина придан женщине высшими силами в услужение. Чтобы шкаф передвинуть, забор покрасить. И больше не для чего. Как у волков. Реальный вожак в стае — самка, а самец только дорогу прокладывает.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». И ещё. Супруги должны быть примерно одного возраста. Это позволяет им жить долгое время во здравии и согласии. И главное, одновременно стареть.

— А ещё какие есть варианты?

— Самый идеальный вариант — это когда жена старше мужа. Но никак не наоборот.

— Почему?

— Потому что у мужчины и женщины разный биологический возраст. Они по жизни идут разными темпами, но к финишу должны прийти вместе.

— Ну, тогда муж будет просто гулять от жены.

— И что?

— Как — что? В этом случае им просто нужно расходиться.

— Зачем? Чтобы идти искать себе нового мужа? А какая гарантия, что новый не будет вытворять то же самое, что и старый?

— Никакой.

— Вот. Поэтому умная жена делает вид, что ничего не происходит, когда имеет место какой-то сбой в семейной жизни. Твой папа, когда тебе было шесть лет, тоже однажды пришёл вечером домой и объявил, что уходит от меня к какой-то аспирантке. Я покормила его, постирала ему трусы и уложила спать. Утром он встал, надел чистые трусы и пошёл на работу, как ни в чём не бывало.

— Ну, ты даёшь, мама! А что ты мне никогда об этом не рассказывала?

— А что тут рассказывать? Обычная жизненная ситуация. Женщина не должна переделывать мужчину. Это не реально и несерьёзно. Он к ней попадает уже готовым к употреблению. У женщины другая, более ответственная задача.

— Какая?

— Хранить семейный очаг, несмотря на все попытки, как внешние, так и внутренние, его разрушить. Ей природой это заповедано. Жен-

щина — самое совершенное создание природы. Её квинтэссенция, её апофеоз. И прежде всего, это касается физиологии женщины. Ведь не напрасно существует очень сложная и ответственная наука — гинекология. Это наука не только о здоровье женщин. Это наука о зарождении и появлении на свет новой человеческой жизни!

— А есть наука, предназначенная для обеспечения здоровья мужчин?

— Есть. Урология. Она целенаправленно занимается функциональной деятельностью мочеполовой системы, причём как мужчины, так и женщины. Ничего особенного.

— И всё-таки, скажи, мама, почему женщин называют слабым полом? Ведь мужчина ни за что не выдержит всего того, что приходится в жизни на долю женщин?

— Кто так называет?

— Все. И прежде всего, мужчины.

— Вот видишь, и ты купился на эту байку. Слова «слабый пол» придумали сами женщины и в этой ситуации, вызывающей щадящую жалость к женской доле, они успешно решают все свои проблемы. А не то бы мужчины вообще сели им на голову.

10.5

Из разговора с мамой Сергею Павловичу особенно понравилось её высказывание относительно того, что жена должна быть с мужем одного возраста. А ещё лучше — старше. Это сразу возвращало его в мыслях к Вере Петровне Черниковой и почему-то, как ни странно, вызывало у него особый интерес. Последние два месяца он её не видел — не было никакой возможности вырваться в рабочий день в Москву. Помимо своей основной деятельности, Сергей Павлович Платонов на три недели оставался за генерального директора объединения. Оказывается, это очень непростая должность, так как правильное решение многих вопросов требует не только серьёзных профессиональных знаний, но и особых дипломатических способностей.

А ещё через месяц он снова позвонил стюардессе Оле и она ровным будничным голосом ему ответила:

— Алло.

— Здравствуйте, это — Сергей.

— Да. Я вас узнала.

— Вы своих родителей проводили?

— Проводила. Хотите прийти в гости?

— Да, хочу.

— Записывайте адрес.

— Я его знаю.

— С вашей настырностью я не сомневалась в этом. Тогда в воскресенье, в шесть часов. Устраивает?

— Да. Спасибо. Обязательно буду.

Вечер воскресенья его, конечно, не устраивал — в понедельник утром он должен быть на работе. Но отказаться от приглашения Оли у него и в мыслях не было. Просто нужно будет предупредить водителя, чтобы тот его забрал по определённому адресу в ночь с воскресенья на понедельник и сразу отвёз в Тверь.

И ещё Сергей Павлович понимал, что приглашён в гости к непростой молодой женщине и прийти с чем попало в этот дом нельзя. Был бы на его месте Моня, тот, ни минуты не сомневаясь, сразу бы эту сложную проблему упростил до предела. Он вспомнил их разговор.

— Когда ты идёшь в гости, старик, ты, прежде всего, должен думать о том, что сам будешь есть и пить.

— Ты шутишь, Моня?

— Ни в коем случае. Мой набор подарков, как правило, традиционный — бутылка водки и какая-нибудь нехитрая закуска: сыр, колбаска, коробочка шпрот, апельсинчики.

— И всё?

— И — всё. А чего усложнять?

— Ты — молодец, Моня. Живёшь без проблем.

— А зачем мне эти проблемы? У меня других хватает...

Не зная, что делать, Сергей Павлович решил посоветоваться по поводу Оли с мамой. Правда, здесь можно нарваться, в очередной раз, на чтение моралей, но попробовать стоит.

— Мама, скажи, пожалуйста, с чем можно прийти к серьёзной женщине в гости в первый раз?

— Ты что, Платонов, совсем квалификацию потерял?

— Нет, мама, ты меня не поняла. В первый раз я иду в гости к особенной женщине.

— В каком смысле — особенной?

— В смысле — обеспеченной, независимой, интеллектуальной. В общем, не такой, как все.

— Ну если в таком смысле, то никаких коробок конфет и примитивных коньяков.

— Ну не с пустыми же руками?

— Конечно, не с пустыми. Думаю, что только цветы. Небольшой аккуратный букет, без купеческого размаха. И больше ничего.

10.6

На входе в подъезд дома сталинской постройки на Калининском проспекте Москвы сидела пожилая женщина, как минимум в звании подполковника, которая поинтересовалась, к кому Сергей Павлович идёт. Старенький лифт, громыхая и повизгивая, медленно поднял его на шестой этаж. Дверь открыла сама Оля.

— Здравствуйте, Сергей. Спасибо за цветы. Проходите, пожалуйста, в гостиную, — и пошла первая вперёд по коридору.

— Сюда. Прошу вас.

В большой комнате с необычной старинной мебелью навстречу Сергею поднялся из кресла мужчина примерно его возраста и протянул руку для знакомства:

— Валерий Жураковский. Член союза журналистов России, — и жестом хозяина указал гостю на свободное кресло.

— Очень приятно, Сергей, — ответил с взаимным рукопожатием Платонов.

Через несколько минут в комнату вошла Оля, держа в руках вазу с его букетом цветов.

— Надеюсь, вы уже познакомились. Для полноты картины могу добавить. Валерий — мой давний друг. Журналист. Я его пригласила в гости, так как он, в силу своей профессии, умеет любую ситуацию сделать непринуждённой и приятной. Ну, а вас я ему представила, Сергей, как пассажира с рейса Москва–Апатиты, на котором иногда работаю. Желаю всем хорошего вечера.

Жураковский был в чёрном костюме, белой рубашке и невзрачного цвета галстуке. Сразу бросалось в глаза, что Валерий чувствует себя в этом костюме не совсем удобно. Более того, создавалось впечатление, что он его надел после большого перерыва.

— Скажите, Сергей, — сразу обратился Валерий к Сергею. — чем вы занимаетесь...

— В свободное от работы время? — с улыбкой закончил его вопрос Сергей, но уже серьёзным тоном ответил: — Работаю в провинциальном городе Тверь в авиационном объединении. На выходные дни иногда приезжаю в Москву к маме.

— И всё?

— Нет, не всё. Русский, военнообязанный, холостой, образование высшее. Теперь — всё.

— А чем вы занимаетесь в Твери?

— Работаю инженером-конструктором. Окончил Московский авиационный институт.

— Так почему же вы не остались работать в Москве? Жили бы рядом с мамой, на всём готовом.

— Вот поэтому и не остался. Мне всегда хотелось как можно больше простора и самостоятельности.

— Интересная позиция.

— Интересная. У меня есть друг Моня...

— Тоже в Твери живёт?

— Нет, в Подольске. Так у него есть любимый анекдот. Едут в поезде еврей и татарин. Еврей кушает курицу, а татарин — конину. Татарин смотрел на еврея, смотрел, а потом и говорит: «Ишь ты, еврей, курятину кушаешь!» А тот ему отвечает: «Что делать, если на лошадь денег не хватает».

Все дружно рассмеялись, а Оля неожиданно серьёзным тоном спросила Платонова:

— А вы знаете, Сергей, почему я вас пригласила к себе в гости?

— Знаю, конечно. Потому что я интересный обаятельный мужчина.

— От избытка скромности вы явно не умрёте. Но не совсем так. Потому что меня всё время разбирает любопытство: кто вы такой, что вас у трапа самолёта ждала в Апатитах чёрная машина?

— Чёрного цвета машина?

— Да, да, конечно, цвета. На моей памяти только моего дедушку так встречали. Да ещё с рапортом.

— А что вас, Оля, в этой ситуации напрягает?

— Уже, в принципе, ничего. Только к таким, как вы, Сергей, возникает у людей нездоровый интерес.

— Это хорошо, что возникает. Здоровый — нездоровый, это не важно. Если нет у человека к чему-то интереса, то с ним вообще не о чем говорить. Я буквально на днях слышал по радио выступление Сергея Владимировича Образцова. Позвольте я вам его коротко перескажу.

— Пожалуйста.

— Идут по берегу реки две девочки, одной — лет девять лет, другой — лет пять. Та, которой пять, увидела на берегу большую лягушку и говорит той, которой девять: «Нюрка, а Нюрка. Смотри, какая красавица

— пучеглазая, зелёная, переливается разными красками. Так и хочется взять на руки и получше рассмотреть». А Нюрка ей отвечает: «Подумаешь, переливается. Жаба как жаба. Ничего особенного. Большая и скользкая. Только не вздумай к ней прикасаться!» Так вот, говорит Образцов, из маленькой девочки обязательно вырастет интересный человек, потому что она умеет удивляться. А из большой — ничего. Ну, совсем ничего.

Сергей ждал реакцию Оли на свой рассказ о жабе, но Оля его не слышала. Она думала сейчас о том, почему Сергей в ответ на её едкое замечание о цвете машины даже не поинтересовался: «А кто у вас дедушка? Почему у него такие серьёзные привилегии? Чья это квартира в солидном доме, куда его, совсем незнакомого человека, вдруг пригласили?» У Оли создалось впечатление, что Сергей про неё и её семью знает всё и поэтому не задаёт лишних вопросов. «Зря я тогда в самолёте не взяла у него визитную карточку, которую он мне предлагал, — ругала себя Оля. — Всё это мой дурацкий характер, а главное, глупая гордыня. Никак я его не обуздаю... И что теперь делать? Ждать, пока Сергей сам не расколется? А если он не расколется?.. Тогда остаётся только гадать: кого ты, дура,пустила в дом, нарушив все инструкции дедушки... Хорошо, что ещё догадалась пригласить на этот вечер Валерия. Хоть он, как работник органов, сможет объяснить мне, кто это за человек...»

10.7

Оля была единственным ребёнком в большой семье Никаноровых. Тихая, воспитанная, она часто присутствовала при разговорах взрослых. Они, как правило, не обращали на неё никакого внимания. Но Оля, как губка, впитывала всю информацию, которую слышала.

Однажды дедушка за обедом сказал папе, тоже военному:

— Смотри, Коля, поднимаясь в армии по служебной лестнице, ты, во-первых, будешь встречать на своём пути всё больше и больше умных образованных людей. А во-вторых, всё более изощрённым и непредсказуемым будет их сопротивление твоим успехам. В любом случае, ни на какие фанфары не рассчитывай.

А он и не рассчитывал: прилежно учился в военном училище, а потом с женой и маленькой дочкой мотался много лет по гарнизонам, не смотря на папу-генерала. Даже приличную квартиру за время службы не сумел приобрести, а шикарная квартира, обставленная старинной

мебелью, куда был сейчас приглашён Сергей Павлович, принадлежала его родителям.

Сергей Павлович уже два часа сидел в уютной гостиной и гадал, кто же такой, на самом деле, Валерий Жураковский, которого Оля представила ему как журналиста. То, что он не журналист, Платонову было понятно сразу, так как он никакого участия в разговорах не принимал. Так долго с закрытым ртом журналист сидеть не может. Тогда кто? Какую роль он играет в этой встрече и зачем его пригласила к себе Оля?

«Может защитить себя от непредвиденных неприятностей со стороны незнакомого человека? Тогда грош мне цена, если я произвожу подобное впечатление на молодую приличную девушку... А может, он её любовник? Тогда вообще идиотская ситуация, больше похожая на дешёвый водевиль...»

В этом случае ему нужно, как можно скорее, поблагодарить хозяев за внимание и уйти из этого дома...

— Сергей, вы меня извините, пожалуйста, — прервала затянувшееся молчание Оля. — Можно попросить вашу визитку, которую вы мне любезно предлагали в самолёте?

— Конечно, можно. Прошу вас.

Платонов достал из бокового кармана пиджака бумажник и извлёк оттуда свою визитную карточку.

— О, так вы большой начальник, Сергей!

— Это вам, Оля, кажется. Вы даже представить себе не можете, как со мной разговаривает мама.

— Мама — это не показатель. Ей по чину положено так себя вести. Вы бы ещё послушали, как бабушка с дедушкой со мной общаются! От смеха можно умереть!

В этот момент Оля незаметно передала визитную карточку Сергея своему другу Валерию и тот стал её внимательно рассматривать. Краем глаза Сергей Павлович заметил, что выражение лица «журналиста» заметно изменилось. Оно как-то разгладилось и подобрело. Валерий даже позволил себе улыбнуться шутке, которую в очередной раз отпустил Платонов. А когда Оля всех напоила чаем с тортом собственного приготовления, он неожиданно подал свой голос:

— А позвольте я вам тоже кое-что расскажу. Это небольшой эпизод из нашей повседневной жизни. Сидят в ресторане двое мужчин. Обедуют и рассказывают друг другу анекдоты. «Ты знаешь, чем отличаются портки от парткома?» — спрашивает первый второго. «Нет, не знаю, — отвечает тот. «Портки — это одна жопа, а партком — это много жоп».

Они продолжают мирно беседовать между собой, как вдруг второй обедающий спрашивает у первого: «А ты знаешь, чем мы отличаемся друг от друга?» — «Не знаю». — «Я пойду домой, а ты пойдёшь совсем в другую сторону», — отворачивает лацкан пиджака и показывает значок службы безопасности. Первый обедающий весело улыбнулся в ответ и спросил у второго: «А ты знаешь, чем мы с тобой похожи?» — «Нет, не знаю». — «Мы оба пойдём домой», — и с улыбкой показал такой же значок на своём пиджаке.

Обстановка в гостиной заметно разрядилась: более спокойным стал тон разговоров, появились шутки, смех. А через полчаса Сергей Павлович попросил разрешение у Оли позвонить по телефону. Телефон стоял в прихожей на маленьком столике, около вешалки. На её верхней полке красовалась роскошная генеральская папаха.

Платонов набрал нужный ему номер телефона:

— Василий Петрович, подъезжайте, пожалуйста, к тому дому, где вы меня сегодня высадили. К десяти часам.

— Хорошо, Сергей Павлович.

Вернувшись в гостиную, он спросил у хозяйки:

— А скажите, Оля, чья это папаха стоит на вешалке в прихожей?

— Это моего дедушки. Он большой генерал. По-моему, у него воинское звание генерал-полковник.

— Что вы говорите! Очень интересно!

— А это его квартира, но он с бабушкой живёт всё время на даче.

— Понятно. Это вы мне сказали для того, чтобы я не вздумал претендовать на вашу квартиру?

— Нет, конечно, но на всякий случай.

Последняя фраза вызвала у всех присутствующих громкий смех. А через двадцать минут Сергей Павлович встал и попрощался с Журавковским. Оля пошла его проводить до входной двери. Она подала ему руку и, приблизившись к нему почти вплотную, тихо спросила:

— Сергей, вы сердитесь на меня за сегодняшнюю ситуацию?

— Конечно, сержусь. Беседовать с красивой молодой девушкой под надзором соответствующих органов мне ещё никогда не приходилось.

— Сергей, я вас очень прошу простить меня.

— Простить? Да ни за что! — он по-мальчишески улыбнулся и пожал её протянутую руку.

— Я буду ждать вашего звонка.

— До свидания, Олечка.

10.8

Сергей и Оля встречались уже полгода. Правда, не каждую неделю — то он занят, то её нет в Москве. Сергей, как правило, приезжал к ней около трёх часов дня в субботу и в семь вечера уезжал к маме.

— Серёжа, почему ты не можешь остаться у меня ночевать? Постоянно торопишься домой.

— Олечка, потому что для мамы нет уважительных причин отсутствия в субботу сына. Это — мама. После смерти папы на эту тему с ней говорить бесполезно.

— Ну ты же можешь уехать в командировку?

— Могу, но она этот факт обязательно несколько раз проверит. Я хорошо знаю её характер. И не только проверит, но и заставит меня позвонить ей из любой дыры. Благо у меня есть такая возможность.

— Серёжа, ты же взрослый человек и должен иметь личное время. Твоя мама разве это не понимает?

— Прекрасно понимает, но только не за свой счёт. Для мамы ощущение того, что за стенкой спит её ребёнок, дорогого стоит.

— В каком смысле «спит»?

— В прямом.

— Ну ты даёшь, Серёжа. Ребёнку под сорок лет...

— Для мамы неважно, какого возраста ребёнок, в особенности мальчик. Ведь не напрасно называют воспитанных мальчиков маменькин сыночек.

— А почему мальчиков?

— А потому что мама знает, что девочка — такая же стерва, как и она сама. Вот ты лучше мне скажи, Олечка, когда спустишься с неба на землю? Сейчас огромный дефицит профессиональных кадров в стране, а ты всё летаешь где-то в облаках.

— А что мне на земле делать? Идти работать в школу? Так у меня не та нервная система. Можно, конечно, ещё устроиться переводчицей в какую-нибудь фирму, но тебя обязательно будут приглашать поработать девушкой по сопровождению. А я буду всё время всем рассказывать, что не такая и денег не беру.

— Ну и какой же выход из этой ситуации, на твой взгляд?

— Выход простой — выйти замуж.

— И сразу за генерала?

— Ну зачем за генерала? Можно и за маршала. Девушка я богатая,

красивая, ухоженная. Плюс шикарная квартира, машина, дача... А ты, Серёжа, случайно не хочешь на мне жениться?

— Очень хочу, но не сейчас. Я к этому ещё не готов.

— Что так? — воскликнула Оля.

— Дело в том, Олечка, что сразу получить такое богатство, как ты, плюс всё движимое и недвижимое имущество в придачу — это плохой вариант.

— Почему?

— Потому что богатство нужно мужчине и женщине наживать вместе. Тогда оно будет обоими цениться.

— Да что ты говоришь, любимый мой? А какая гарантия, что мужчина не бросит женщину, со всем совместно нажитым, на закате лет, и не уйдёт к другой? Что тогда ей, бедненькой, делать?

— Хороший вопрос. Для того, чтобы эту ситуацию предотвратить, женщине нужно научиться пользоваться страховочным механизмом — уметь мужчину сильно напугать.

— Каким образом?

— Для этого у неё есть, как минимум, две серьёзные опции: здоровье и репутация.

На несколько минут оба неожиданно замолчали, по всей видимости, обдумывая варианты. Первой пришла в себя Оля.

— А можно, Серёжа, поподробней развернуть последний тезис? В особенности, про репутацию.

— Подробней я тебе объяснить не могу. Здесь может быть огромное число вариантов, так как ещё древние говорили: «На что способна женщина, не знает даже женщина».

— Но ты же на каком-то опыте сформулировал эти опции? — не отступала Оля.

— Немножко на своём, немножко на чужом.

— Ну ладно. Не хочешь говорить — не говори...

— Почему — не хочу? Хочу, но не могу.

— Тогда послушай, Серёжа, меня. Женщине мужчина нужен не только с физиологической точки зрения, но и для того, чтобы чувствовать себя женщиной.

— В каком смысле?

— В прямом: пойти с ним в театр, на концерт, в ресторан. Потанцевать и пофлиртовать с кем-нибудь из его друзей.

— Зачем это мужчине надо? — неожиданно спросил Сергей.

— Затем, что женщина живёт для того, чтобы на неё смотрели: восхищались её фигурой, любовались её нарядами, украшениями. А главное, чтобы другие женщины лопались от зависти от того, как она выглядит. Понятно тебе, Платонов?

— Понятно.

— Вот. А ты сидишь и бубнишь — не готов, не готов. А к чему ты вообще готов, хотела бы я знать?

— Ладно, Олечка, не сердись. Для мужчин обсуждение этой темы протекает всегда очень болезненно.

— И поэтому мужчины хотя бы как можно быстрее его прекратить. А ты не знаешь, Серёжа, почему?

— Почему, красавица моя? Я весь — внимание.

— Потому что мужчины, по своей природе, просто трусы: они боятся маму, жену, начальство, ответственности. Боятся проблем, которые нужно в связи с женитьбой решать, а главное, боятся потерять свою мнимую свободу — здесь поел, там поспал, отряхнулся и пошёл.

— Может быть, ты и права, Олечка. Не знаю.

— Да знаешь ты всё, Платонов, знаешь. Но наступает время, когда мужчине нужно принимать решение.

— Какое решение?

— Сережа, кончай из себя строить дурака. Решение создать семью.

— Понятно.

— Очень хорошо, что тебе понятно. Час расплаты за всё неумолимо приближается.

— Как зловеще из твоих уст, Олечка, это звучит. Только я не пойму, всё-таки — за что расплата?

— За бесцельно разбросанное семя.

— Bravo! Очень красиво сказано.

— Спасибо за комплимент. Но учти, дорогой мой: чем старше становится мужчина, тем труднее принять ему правильное решение. Я уже не говорю о том, что он сам по себе не очень свежий товар и большого интереса для женщин во всех смыслах не представляет. Вот так.

Сергей спокойно, с большим интересом выслушал эмоциональное выступление Оли, поцеловал на прощание и пошёл к маме. Со стороны могло показаться, что он со всеми её доводами согласился, но он даже не думал вносить какие-либо изменения в их отношения.

10.9

Из-за длительной зарубежной командировки Сергей больше месяца не встречался с Олей. А когда он ей, наконец, позвонил, она спокойно, как ни в чём не бывало, сказала:

— Приходи. Буду ждать.

И он пришёл. Как обычно в субботу, в районе трёх часов дня. Выставил на стол бутылку французского коньяка и довольно потёр руки.

— Из самого Авиньона вёз бутылку, преодолев много границ и поборов все соблазны.

— Ты что, Платонов, такой радостный? Решил напиться? А как на это мама посмотрит?

— Не напиться, а выпить. Просто хочу с тобой помириться.

— А я с тобой и не ссорилась. У вас, у мужчин, какая-то искривлённая логика. Если женщина погладила его накануне против шерсти, то в следующий раз он должен нести бутылку, чтобы за что-то оправдаться перед ней. А главное, что он сам, в конце концов, эту бутылку и выпивает.

— Да не собираюсь я ни за что оправдываться, Олечка. Это не мой стиль. Просто посидим, выпьем по рюмочке, немного расслабимся, поговорим о жизни нашей брэнной.

Оля быстро поставила на стол два бокала, коробку конфет, незаметно нарезала апельсин, положила на стол салфетки.

— Может тебе, Олечка, помочь?

— В чём? Поставить три тарелки на стол? В этом женщине помогать не надо, а вот эмоциональную нагрузку с ней разделить — это иногда от мужчины требуется.

— Я готов.

— К чему, Платонов?

— Разделить эмоциональную нагрузку.

— Д ни к чему ты не готов, Серёжа. Ни к чему. Но я не об этом. Хочу тебе сегодня кое-что рассказать. Но перед этим открою один свой секрет. Ты — первый, с кем у меня романтические отношения в этом доме.

— Очень приятно.

Оля пропустила мимо ушей реплику Сергея и продолжила:

— И не потому, что не было до тебя у меня мужчин, а потому что их поведение, когда они приходили ко мне в гости, становилось крайне

неестественным. Генеральская внучка, а теперь и генеральская дочка — папе недавно присвоили это звание... Мне это никогда не нравилось.

— А почему ты меня исключила из этого славного ряда претендентов на твою благосклонность?

— Потому что у тебя никаких мыслей по этому поводу не было и нет. Ты в прошлый раз мне всё подробно и доходчиво рассказал.

— Другими словами, ты заранее знаешь, что я не буду, в силу своего образования и воспитания, красть в твоём доме малахитовую пепельницу.

— Какое образование, Серёжа? О чём ты говоришь?

— Как какое? Которое я, например, получил.

— Когда? Двадцать лет назад? Ты бы ещё вспомни, что было до Первой мировой войны.

— Почему бы и нет? Раньше мой дедушка, инженер-путеец, шёл по улице в своей форме и незнакомые люди с ним здоровались. Шапки снимали. Кланялись.

— Тогда были другие принципы, по которым люди жили: образование было серьёзным и престижным. Существовал страх потерять репутацию, лишиться места работы.

— А сейчас что не так?

— Ну ты, Платонов, даёшь! В настоящее время образование многие получают не для знаний, а для того чтобы найти тёплое место и лучше устроиться в этой жизни.

— А когда было иначе? Всегда так было. И у нас, и на Западе. Только при этом знания никто и никогда не отменял. Я это вижу каждый день у себя на предприятии.

Но Оля не слышала Сергея. Казалось, что она специально вовлекла его в эту дискуссию. Уж очень ей хотелось его, успешного, грамотного человека, чем-то уязвить, обидеть, вывести из себя. Но он явно не хотел сдаваться и сам пошёл в атаку:

— Да не права ты, Олечка, не права. В любом государстве на образование должен быть общественный заказ. Образование существует не само по себе. Оно обслуживает общество. Сейчас у общества заказ на уродливых и гнилых специалистов. Государству не нужны образованные люди. Его вполне устраивают специалисты такого качества.

— Как это устраивают?

— А вот так. Когда в одном вузе, в одной учебной группе имеет место бесплатное (бюджетное) и платное (из своего кармана) образование, то это возвращает как преподавателя, так и студента.

— Каким образом?

— Простым. Обучающиеся бесплатно студенты — это, как правило, льготники: многодетные семьи, родители-инвалиды, матери-одиночки и т.д. В этих семьях нет денег на репетиторов, кружки, книги, симфоническую музыку. Уровень развития детей в этих семьях соответствует уровню их знаний. Не исключено, что среди них тоже есть ребята с высокими оценками, но, по моим ощущениям, их число весьма ограничено.

— Я не согласна. Как раз в таких семьях бывают хорошо успевающие студенты.

— Не возражаю. Не часто, но бывают. А теперь возьмём тех, кто обучается в вузе за плату. Это — дети из обеспеченных семей с хорошими возможностями, но, как правило, балбесы.

— И что?

— А то, что преподаватель имеет от руководства института определённые установки: отсеив студентов, обучающихся за деньги, должен быть минимальный.

— Правильно — корову нужно доить.

— Согласен, но в связи с этим ушлые люди получают возможность хорошо на этом зарабатывать: взятки, различные поборы, плата за экзамены и зачёты, всякие подношения. Результат всех этих деяний — липовые знания выпускников.

— Но ты же сам, Сергей, учился бесплатно?

— Нет, Олечка, не бесплатно. За меня, да и за тебя тоже, обязательно всегда кто-то платил: государство, профсоюз, армия, какой-нибудь фонд. Только учишь успешно, иначе, как это принято во всём мире, тебе укажут на дверь...

— Платонов, я в тебя снова сегодня влюбилась...

— К вашим услугам, мадам.

— А теперь вспомни, Серёжа, как ты учил в институте общественные науки. Тебе там рассказывали, что коммунизм — светлое будущее человечества. Это когда от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. В этой формулировке об образовании никогда вообще речь не шла.

— Но коммунизм — это утопия, Олечка. Глупая наглая утопия. Для реализации этого принципа нужно, чтобы все люди имели высочайший уровень образования и такой же уровень сознания. Ни хапали, ни жрали в три горла, ни отбирали друг у друга, ни складировали на чёрный день, а жили в духовном согласии с собой и окружающими.

— Ну, ты даёшь, Платонов.

— Извини, дорогая. Ну, в общем, так...

10.10

Сегодня Платонов выглядел каким-то очень озабоченным и засоби-рался домой через полчаса, после прихода к Оле.

— В чём дело, Сергей? Куда ты так рано уходишь?

— У меня мама заболела.

— Понятно. А что, дорогой, изменится, если ты к маме придёшь на пару часов позже?

— Ничего, кроме того что она будет, ожидая меня, нервничать.

— Подожди, Серёжа, ты же мне говорил, что у тебя мама доктор наук, профессор. Такие люди умеют держать себя в руках.

— Согласен, но и у меня на душе неспокойно. Тем более, что я у неё уже не был две недели.

— У меня ты тоже давно не был.

— Не надо сравнивать себя, Олечка, с мамой.

— Я себя ни с кем не сравниваю. Просто у меня тоже есть мама. Правда, она очень далеко отсюда живёт и у меня нет, к сожалению, возможности часто демонстрировать ей свою любовь.

— У тебя, кроме мамы, есть папа, бабушка, дедушка. А у неё — только я. И больше никого. Она это остро ощущает и переживает, когда меня нет дома или я опаздываю.

— Серёжа, все старики мнительны и эмоциональны. Они многое себе просто надумывают. Вот у меня бабушка звонит несколько раз в день и говорит, в принципе, одно и то же.

— Это связано не только с возрастом твоей бабушки.

— А с чем ещё?

— С отрицательным жизненным опытом, который у пожилых людей, к сожалению, накопился. На их долю выпало очень много плохого и тяжёлого в этой жизни. Поэтому они хотят нас лишней раз, как могут, подстраховать и уберечь. Чем-то лишней раз порадовать, угостить.

— И что?

— А то, Олечка, что к ним нужно относиться исключительно щадяще и бережно. А, главное, не считать каждую данную им копейку.

— Я так понимаю, что здесь речь идёт не о твоей маме с профессорской зарплатой?

— Конечно, нет. Но пожилые люди должны получать в платной иерархии от государства не самые маленькие деньги. При этом не рассказывать им с упоением, на сколько и когда проиндексировали их пенсию.

— Почему не рассказывать?

— Потому что им, в принципе, ничего не добавили, а просто привели в соответствие их денежное содержание с ценами на рынке.

— И куда они, Серёжа, будут девать дополнительные деньги? Ведь известно, что старики, по определению, злые и жадные люди.

— Во-первых, никому это не известно, а во-вторых, лишние деньги будут отдавать своим детям и внукам. Но отдавать с достоинством, широко, по-царски, а не засовывать, с оглядкой, чтобы никто не видел, три рубля ребёнку в карман.

— И всё-таки, если старики профукают эти деньги?

— Не может быть такого, если они, конечно, не пьяницы или законченные идиоты. Но их дети должны хорошо знать и понимать поведенческую природу пожилых людей.

— Поясни, пожалуйста, если тебе не трудно, что это за их особая природа поведения?

— Пожалуйста. Отношение к старикам должно быть с учётом их слабеющего психического и физического здоровья. Это уже не те былинские богатыри, которые всю жизнь решали наши проблемы. Теперь им нужны внимание, помощь и поддержка.

— Красиво сказал.

— Не ёрничай, Оля, а лучше послушай меня.

— Слушаю, хотя к моим старикам твои рассуждения никакого отношения не имеют.

— И всё-таки. Можно на эту тему принимать любые государственные решения, придумывать всякие праздники типа Дня пожилого человека. Даже создавать новые административные структуры, комиссии, министерства. Но это всё — пустое, нельзя любить стариков по датам, по принуждению. Пожилые люди эту неискренность очень хорошо чувствуют и соответствующим образом на неё реагируют.

— И что же нужно всё-таки, делать?

— Нужно вдалбливать, извини за такое слово, в сознание нового поколения, что старый человек — самый важный член семьи. За ним последнее слово, за ним лучшее место за столом, ему лучший кусок пирога. За ним окончательное решение любого вопроса.

10.11

— Знаешь, Серёжа, я выросла, да и ты тоже, под лозунгом: «Всё лучшее — детям». Разве это было неправильно в бывшем Советском Союзе?

— Правильно, но это выражение совершенно не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

— Почему? Что тут противоречит настоящему времени?

— Этот лозунг появился в страшные годы гражданской войны, всеобщей разрухи. Нехватки в стране самых элементарных вещей. В этом лозунге правильно говорилось, что нужно, в первую очередь, накормить ребёнка, а потом уже думать о себе.

— А что же тебя сейчас не устраивает?

— Всё не устраивает. Я однажды спросил у папы, умеет ли он кататься на велосипеде.

— И что он тебе ответил?

— Ответил, что нет. Оказывается, у него никогда не было велосипеда. И ещё он со смехом добавил, что хорошо катается на самокате, который сам смастерил.

— К чему ты мне это рассказал, Серёжа?

— А к тому, что у меня в детстве было четыре велосипеда. По мере того как я вырастал из одного, родители мне покупали новый.

— И мне тоже.

— А теперь обрати, Олечка, внимание: мы с тобой почти ежегодно меняли велосипед, а старики даже не знают, как им пользоваться и получают в нашем государстве всё по остаточному принципу.

— Потому что они свой век отжили, многие из них уже ушли в мир иной. Теперь нужно дать дорогу молодым.

— А ты знаешь, что чувствует человек, когда теряет родителей?

— Нет.

— И слава богу, что не знаешь. А я знаю. Когда у меня умер папа, я вдруг осознал, что за моей спиной никого больше нет. Холодно мне. Я теперь открыт всем ветрам.

— И всё-таки, что можно, с твоей точки зрения, сделать для стариков?

— А давай вернёмся к твоему лозунгу. Только вместо «Всё лучшее — детям» дадим другую редакцию этому лозунгу: «Всё лучшее — старикам».

- Почему?
- Потому что они самые незащищённые, самые ранимые, самые слабые. Их может обидеть каждый, и ему это, как правило, сойдёт с рук. Потому что всем некогда, все заняты собой. У всех дела.
- Такая сейчас жизнь, Серёжа. Всё правильно.
- Нет, неправильно. Старики больше всех сделали для семьи и теперь, когда они стали слабыми и немощными, им нужно за это, дорогая моя, сторицей заплатить.
- Чем заплатить?
- Сторицей, то есть во сто крат больше того, что мы получили от них. Это даже не деньги. Это внимание к их проблемам и бескорыстная помощь в их решении на современном уровне.
- Ну, ты совсем уехал не в ту сторону, Серёжа. Старые должны не мешать молодым идти своей дорогой.
- Какой дорогой? Кто тебе мешает, Олечка, идти вперёд? Иди на здоровье!
- Иду, как могу.
- Вот и иди. Но ты хочешь сказать другое. Старики отвлекают тебя от решения собственных задач.
- Вот именно.
- А ты вспомни, сколько времени они отдали тебе, когда ты болела, училась, выросла, переживала, радовалась, страдала.
- Но это один из основных законов жизни, Серёжа.
- Нет такого закона. Это люди с низким уровнем морали и ответственности сами для себя придумали.
- Может быть, может быть...
- Не может быть, а точно. Поэтому повторяю, для особо одарённых: старый человек должен жить на последнем отрезке своего жизненного пути не хуже, чем в предыдущие годы. Он не должен бояться старости и с ужасом думать о её приближении. Он должен её радостно встречать.
- Ишь ты, Серёжа, куда взмыл!
- Да, взмыл. Хорошее слово ты подобрала. Молодец. А за моральный, а тем более физический ущерб, нанесённый пожилому человеку, нужно очень серьёзно наказывать.
- Понятно.
- И ещё. Старый человек подобен древнему манускрипту. Поэтому хранят эту реликвию в специальном саркофаге с непрерывным автома-

тическим контролем всех параметров окружающей среды. Так же нужно поступать и в плане здоровья пожилых людей.

— А знаешь, что я тебе скажу, Платонов, — неожиданно обратилась к нему каким-то сердитым тоном Оля. — Я вижу много пожилых людей в самолётах на зарубежных рейсах. Они совершенно другие, чем наши: подтянутые, весёлые, счастливые, модно одетые. К пожилой женщине язык не повернётся обратиться словом «бабушка». А какие старички с озорными глазами! Ух!..

— Правильно, Олечка, потому что у них совсем другой уровень жизни, — с улыбкой ответил Сергей. — И мы должны к этому стремиться, а не искать объяснений сложившейся в стране ситуации.

Глава 11. Новые неприятности

11.1

Давление со стороны Оли на Платонова возымело действие. Приехав к ней в очередной раз, Сергей с порога торжественно объявил:

— Олечка, приглашаю тебя в следующую субботу в ресторан. Выбор ресторана за тобой.

— В чём причина, Серёжа, твоего широкого жеста? Получил от мамы разрешение?

— Мама тут не при чём. Пришёл к выводу, что нельзя скрывать от людей такую красивую женщину, как ты.

— Платонов, ну зачем ты врёшь? Наберись мужества и скажи, наконец, правду, чтобы я не терялась в догадках, — сердито сказала Оля.

— Какие здесь могут быть догадки? Всё, как на ладони.

— Неужели сам до этого дошёл?

— Конечно, сам. Просто озаботился серьёзностью момента, связанного с твоими претензиями ко мне: мы никуда не ходим, я ни с кем тебя не знакомлю. Так можно доиграться до того, что ты в один прекрасный момент укажешь мне на дверь.

— Хороший мальчик. Давно бы так.

Оля предложила пойти в престижный ресторан «Националь». Расположенный в самом центре Москвы, он во все времена пользовался вниманием приличной публики.

— А почему ты выбрала этот ресторан? Можно пойти в «Баку» или «Арагви»? Там тоже вкусно готовят.

— Во-первых, я в «Национале» была несколько раз в детстве с родителями и мне там очень понравилось. А во-вторых, в этом ресторане есть какая-то торжественность, величие, внутренняя красота. Тудаходишь, и от старинных зеркал, люстр, лестниц, ковров, швейцаров возникает в душе чувство праздника.

— Ну, ты умница, Олечка. Так всё красиво описала, что мне уже захотелось кушать. Осталось только найти в субботу вечером в таком ресторане свободный столик.

— А ты, Серёжа, своим документом не можешь воспользоваться?

— Ну, ты даёшь, Олечка. Если я покажу своё удостоверение, то нас проведут сразу в отдельный кабинет, где мы будем ужинать с тобой вдвоём. Тебе это надо?

— Нет, не надо. Я хочу посидеть в общем зале, где много людей, красивых лиц. Где играет хорошая музыка.

— Вот и замечательно.

Но их страхи, что не будет свободных мест, оказались напрасными. В четыре часа дня, когда время обеда закончилось, а время ужина ещё не наступило, народу в ресторане «Националь» было немного. К ним сразу подошёл распорядитель зала.

— Что уважаемые гости желают?

— Если можно, столик на двоих в большом зале.

— Любой каприз. Следуйте за мной, пожалуйста.

Когда Сергей Павлович сел на услужливо подставленный администратором стул, он увидел, что за столом напротив ему машет рукой какая-то женщина. Это была Евгения Ивановна Сотникова. Платонов тоже в ответ помахал ей рукой, выдавив на лице подобие улыбки. Евгения Ивановна сидела в центре большого стола, на самом видном месте, излучая море обаяния и уверенности в себе. Невзрачный мужчина, неуклюже ухаживающий за ней, по всей видимости, был её муж.

— Кто это, Серёжа? — с некоторой настороженностью спросила Оля.

— Это преподаватель из моего института.

— Надо же — столько лет прошло, а тебя ещё помнят.

— Бывает, — безразличным тоном ответил Сергей.

По лицу Оли было видно, что она удовлетворена этим ответом и не собирается его расспрашивать об этой немолодой женщине. Мама была права, когда говорила, что у женщин существует внутренний механизм, с помощью которого они чётко определяют соперницу, отбраковывая всех остальных. Так было, по всей видимости, в ситуациях с его влюбчивым папой, когда мама, сохраняя спокойствие, делала вид, что в их семье ровным счётом никогда ничего не происходит.

Сергей ещё раз незаметно бросил взгляд на жующую, жестикулирующую Сотникову и тут же с удовлетворением перевёл его на Олю.

11.2

Но Сергей Павлович Платонов запомнил Сотникову по их последней встрече несколько другой. Это было месяц назад. Начало весны. На дороге и тротуарах ещё лежали остатки снега вперемежку с грязью. Сергей Павлович в этот день был срочно утром вызван в Москву к заместителю министра на совещание. Поездка была совершенно неожи-

данной, а главное, ненужной, но отказаться от приглашения было ни в коем случае нельзя. Ехали из Твери до Москвы около четырёх часов, в потоке грузовых машин. Воспользоваться мигалкой не имело никакого смысла. Можно было, конечно, после совещания остаться в Москве и переночевать у мамы. Но ему нужно было сегодня вечером обязательно возвратиться в Тверь — завтра утром было ответственное совещание объединения.

— Василий Петрович, — обратился Платонов к водителю. — Давайте на обратном пути заедем в институт. Мне нужно забрать с проверки контрольные работы.

— Хорошо, Сергей Павлович.

Получить в деканате контрольные работы было делом нескольких минут, но когда Платонов шёл к выходу из института, его кто-то окликнул. Это была Евгения Ивановна Сотникова.

— Сергей Павлович, задержитесь на минуточку. Я сейчас возьму на вешалке пальто. Что вы так поздно делаете в институте?

— Да вот, заскочил на факультет за контрольными работами. А у вас замечательная память, Евгения Ивановна. Вы всех студентов помните по имени-отчеству?

— Не кокетничайте, Платонов. Это вам не к лицу. Лучше скажите, куда вы сейчас едите?

— Мы — в Тверь, — улыбаясь, ответил Сергей Павлович и предупредительно открыл перед преподавателем входную дверь института.

Но Евгения Ивановна его ответ не слышала. Её голова, словно высокоскоростная вычислительная машина, просчитывала одновременно множество вариантов продолжения разговора: о чём ещё спросить Платонова, чтобы он сразу не убежал? Что делать дальше в совершенно неожиданной ситуации? Как она вообще выглядит, не успев даже подойти к зеркалу?

Оказавшись на улице, Евгения Ивановна задала самый простой, пришедший ей на ум, вопрос:

— Вы на машине, Сергей Павлович?

— Естественно, Евгения Ивановна. Как мы ещё ночью можем добраться до Твери?

— Прошу прощения, не подбросите ли меня домой? Жуткая слякоть со льдом — боюсь упасть на своих каблуках.

— Какой разговор, Евгения Ивановна! Довезём с большим удовольствием. Где вы живёте?

— Берсенёвская набережная. Это недалеко от центра. Может, даже вам будет по пути.

— Василий Петрович, вы знаете, как доехать до Берсенёвской набережной? Это для нас небольшой крюк?

— Знаю, Сергей Павлович. Это дополнительно займёт минут сорок, если не будет пробок.

— Ну, тогда поехали. Садитесь, Евгения Ивановна, вперёд. Там вам будет удобней.

— Нет, нет. Я хочу сесть рядом с вами и немножко поговорить. Вы не возражаете, Сергей Павлович?

— Ни в коем случае. Садитесь, пожалуйста, где хотите.

— Спасибо. А теперь скажите мне, пожалуйста, почему вашей машине разрешают стоять около здания нашего института, а другим нет?

— Я не знаю, о чём вы говорите, Евгения Ивановна. Может, вы знаете, Василий Петрович?

— Нет, не знаю, Сергей Павлович.

— Ну что вы меня, молодые люди, разыгрываете? Мой муж попытался один раз там поставить машину, так ему служба безопасности института приказала сразу её убрать. Это почему так?

— Может, у него была грязная машина? — предположил Сергей Павлович.

— А может, его машина работала на дизельном топливе и загрязняла атмосферу? — добавил водитель.

— Вы специально мне задаёте вопросы, на которые я не могу ответить. Не хотите говорить — не надо, а зачем насмеяться?

За шутками и разговорами не заметили, как подъехали к дому Евгении Ивановны.

— Сергей Павлович, а давайте зайдём к нам на минутку? Я вас со своим мужем познакомлю. Он у меня большой строитель. Самый известный строительный подрядчик в Москве. Кругляк Одиссей Макарович.

— Нет, нет, благодарю вас, Евгения Ивановна. Не сегодня. Нам ещё в Тверь ехать, а это достаточно далеко.

— Ну на минутку. Некрасиво даме отказывать.

— Извините, Евгения Ивановна, но вы для меня в настоящее время только преподаватель, а не дама.

— Да. А как же Вера Петровна, Сергей Павлович? Каково ваше отношение к ней?

— Такое же, как и к вам. Сугубо уважительное.

Платонов быстро вышел из машины, открыл заднюю дверь и помог Евгении Ивановне выйти.

— Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Всего хорошего.

11.3

Евгению Ивановну всю колотило. Это же надо такому случится! Её, кандидата наук, доцента, какой-то студент учит, как себя вести! Объясняет, где заканчивается она как женщина и начинается как преподаватель! Просто неслыханное хамство!

«Ему, видите ли, некогда! В какую-то дыру спешит и при этом боится, что опоздает! Непременно к какой-нибудь бабе торопится...

Ты ж понимаешь... Очень занят...

Все мужчины — существа внушаемые. Подуешь в дудочку, а они уже столбиком стоят перед тобой. И ещё Верку сюда приплёл — эту размазню, которая не видит, что у неё под носом творится. Не может приличного мужика разглядеть... Даже своего провинциала не удержала! Откупился от неё квартирой и живёт в своё удовольствие...»

Евгения Ивановна ещё долго вела с собой страстный внутренний диалог и не могла прийти в себя. Только успокоится, как снова начинает всё с начала: «Это же надо! Так меня беспардонно унижить в присутствии какого-то водителя! Да кто он такой, этот Платонов, чтобы отказываться от приглашения зайти на чашку чая! Ладно... Это ему даром не пройдёт. И Верке тоже. Я ей завтра перескажу встречу с Платоновым и посмотрю на её реакцию. А дальше увидим, что можно с этой парочкой сделать...»

Во второй половине дня у Евгении Ивановны занятий в институте не было, но она решила посидеть на кафедре и подождать, когда освободится Черникова.

— Верунчик, ты никуда не спешишь? — спросила она, когда Вера Петровна возвратилась с лекции.

— Нет, не спешу. А в чём дело?

— Хочу тебе кое-что рассказать. Только, прошу тебя, не волнуйся. Не бери близко к сердцу.

— Хорошо, рассказывай.

— Вчера выхожу вечером из института, а перед входом стоит чёрная «волга». Я так, между прочим, посмотрела на машину, а из неё выходит Платонов. Ну, ты знаешь, о ком идёт речь, и обращается ко мне:

— Добрый вечер, Евгения Ивановна, разрешите вас подвезти домой.

— Я стала, естественно, отказываться, неудобно как-то: я — преподаватель, он — студент. Все на нас смотрят. А он так настаивает, мол, на улице ужасно скользко, а вы на каблуках... Ну и я, не подумав, согласилась.

— Так что произошло, Женя?

— Слушай дальше. Всю дорогу он рассказывал какие-то пошлые анекдоты, а главное, первым смеялся.

— Понятно.

— А когда мы подъехали к моему дому, он сразу выскочил из машины, чтобы открыть дверь. Помог мне выйти и всё норовит, как-то неуклюже, взять меня под руку.

— Это интересно.

— А потом таким ангельским голосом говорит: «Евгения Ивановна, не пригласите ли на чашечку чая, а то нам ещё несколько часов до Твери добираться».

— Я у него спокойно спрашиваю: «Одного вас пригласить или вместе с водителем?» А он мне так нагло отвечает: «Конечно, одного. Водитель в машине может посидеть». Ты представляешь, Верочка, каков нахал? Так себя развязно вести с преподавателем! В голове не укладывается. Что ты по этому поводу можешь сказать?

— Ничего. Меня это мало интересует.

— Как это — мало интересует? Ведь мы — подруги. А если бы это произошло с тобой?

— Со мной не произошло.

— Почему?

— Потому что я бы не села ни в какую машину.

— Так вроде приличный человек, наш студент.

— Не села бы и — всё.

— Ну, знаешь, Вера, ты меня просто удивляешь.

— Чем это я тебя удивляю?

— Тем, что так безразлично относишься к данному инциденту. Или ты не можешь поверить, что твой Платонов способен на такие поступки?

— Во-первых, он не мой, а во-вторых, я хорошо помню, Женя, наш разговор о Платонове у меня дома и угрозы не переходить тебе дорогу.

— Я тебе не угрожала, а предупреждала.

— В принципе, это одно и то же. У тебя — всё? А то мне нужно домой идти.

- Пока — всё.
- Ну, будь здорова.

11.4

Евгения Ивановна уже жалела, что затеяла этот разговор с Верой Петровной по поводу Платонова. Но отступать было некуда. Её униженное достоинство давно требовало разобраться с этой горячкой Черниковой за наряды, которые та приобретает в изысканном салоне на Кузнецком, за богемный образ жизни, связанный с еженедельными посещениями театров и концертных залов, за знакомых, дома которых известны всей Москве. И конечно, за её успешную преподавательскую деятельность, которую заведующий кафедрой профессор Конюхов всё время всем ставит в пример.

Евгения Ивановна часами придумывала разные сценарии отмщения, которые должны болезненно воспринять не только Вера Петровна, но и Платонов. Но главная ущербность всех её планов состояла в том, что ни в одном из них не было места им обоим. А без этого любое наказание оставляло горькое послевкусие. И тем не менее, как мама учила маленькую Женю, если позорящих фактов нет, то их нужно выдумать. И желательно в самой уязвимой, но трудно доказуемой области — морально-этические отношения между людьми.

В результате длительных и глубоких раздумий Евгении Ивановны над тем, как отравить Черниковой и Платонову жизнь, а также многократного обсуждения окончательного сценария мести с мужем, выкристаллизовалось два пути осуществления мести: первый — испортить обоим деловую репутацию, второй — посеять между ними непримиримую вражду.

Своего мужа, Одиссея Макаровича Кругляка Евгения Ивановна, в принципе, за самостоятельную единицу в семье не считала. А после того как мама однажды сказала, что по нему тюрьма плачет, то и вовсе скинула со счетов. Но когда она вчера ему всё рассказала, представив себя в роли жертвы, Одиссей Макарович, безмерно гордившийся учёностью своей жены, был потрясён случившимся до глубины души:

— Женя, это же форменное безобразия! Давай я с этим студентом по-мужски поговорю.

— Ни в коем случае. Ты что, Дуся? Ещё не хватало тебе встравать в какие-то бабские разборки.

— Не важно, что за разборки — бабские или мужские, но такие поступки нужно пресекать на корню и не оставлять без последствий.

— Пока не влезай. Немного потерпи. Я скажу, когда нужно будет тебе подключиться.

Одиссей Макарович был небольшого ума, но он искренне любил жену и считал, что деньгами можно решить любую проблему. Будучи от природы деятельным человеком, он сразу стал предлагать жене, как показательно наказывать обидчиков. Но все варианты мужа, связанные с деньгами, были ею отвергнуты, как мелкие и примитивные. Это был масштаб не таких людей, как Черникова и Платонов. К ним нужно применить специальные меры. В конце вечера, видя, как Светлана Ивановна переживает происшедший с ней инцидент, Одиссей Макарович пообещал купить ей новую шубу

Промучившись несколько дней в поисках оптимального решения сложившейся ситуации, Евгения Ивановна пришла к выводу, что проблему с Черниковой нельзя решать с помощью заурядной анонимки, посланной на имя ректора института. Здесь всё далеко не так просто. Во-первых, Черникова может рассказать о её визите к ней домой и требовании не встречаться с Платоновым. А во-вторых, Платонов может спокойно отказаться от факта домогательства к Евгении Ивановне. Благо, у него есть свидетель в лице водителя.

И тут Сотникову словно осенило, как организовать это резонансное дело. Надо воссоздать гипотетическую ситуацию отношений Черниковой и Платонова и материализовать все её шокирующие подробности. При этом отметить, что Вера Петровна — замужняя женщина, но с мужем не живёт и даже выгнала из дома собственную дочь. Написать реальное письмо ректору института, в котором выразить своё возмущение безобразным поведением доцента Черниковой, затеявшей на глазах у всего института интрижку со студентом. Создать отрицательный фон этому инциденту путём общественного обсуждения на кафедре возникшей ситуации.

Осталось только найти, кого можно использовать в качестве автора письма, до глубины души возмущённого поведением людей, попирающих человеческую мораль в стенах высшего учебного заведения. Перебрав всех своих знакомых, Евгения Ивановна пришла к выводу, что лучше всех подходит к этой роли секретарь заочного факультета Валя Полищук, которая знает Платонова в лицо. Недаром после подарка в виде флакончика французских духов, она смотрит на Евгению Ивановну влюблёнными глазами.

11.5

Профсоюзное собрание кафедры «Кредитное финансирование» с участием декана факультета являлось событием из ряда вон выходящим. Повестка дня заседания, состоящая всего из одного вопроса, была сформулирована весьма туманно: «О нравственно-этических принципах работы кафедры». Докладчик — профорг кафедры доцент Фёдорова Зинаида Степановна. Тем не менее, все члены кафедры, из кулуарных разговоров, знали, что на собрании будет обсуждаться конфликт между доцентом Сотниковой и доцентом Черниковой, но о подробностях конфликта члены кафедры имели весьма смутное представление.

Проведению профсоюзного собрания кафедры предшествовал непростой разговор заведующего кафедрой профессора Конюхова с деканом факультета профессором Васильевым:

— Разрешите, Александр Дмитриевич? — после робкого стука в дверь кабинета декана раздался голос профессора Конюхова.

— Заходите, Владислав Павлович. Присаживайтесь, пожалуйста. Как ваше здоровье, уважаемый?

— Спасибо, всё нормально. Съездил в санаторий, отдохнул, немного подлечился.

— Я слышал, что вы снова один. С новой женой жизнь по каким-то причинам не сложилась?

— К сожалению, да. Покойную жену мне уже, наверно, никто не заменит, царство ей небесное.

— И как же вы справляетесь с домашним хозяйством? Здесь без женских рук обойтись весьма сложно.

— Готовлю сам себе по кулинарной книге. Очень занимательное дело, смею вас заверить. А так мне помогает по хозяйству дочь и, в особенности, зять. Прекрасный человек.

— Понятно. Я вот по какому поводу вас к себе пригласил, Владислав Павлович. До меня дошла информация, что у вас очередной скандал на кафедре?

— От кого, позвольте узнать, поступили сведения?

— Мне об этом сообщил председатель профкома факультета. Вы не могли бы меня коротко посвятить в суть конфликта?

— Конечно, могу. Что-то не поделили между собой два доцента кафедры Черникова и Сотникова.

— Черникову, как мне помнится, вы не так давно представляли, как

свою преемницу на должности заведующего кафедрой. А тут такое некрасивое дело.

— Я вообще, по большому счёту, не знаю, о чём идёт речь, Александр Дмитриевич. Женский коллектив. Всякое бывает.

— Вы, уважаемый, разберитесь в своём женском коллективе. Не то будем разбираться вместе, но это будет уже другой разговор. А лучше всего, соберите кафедру и откровенно поговорите между собой. Если будет необходимость — пригласите меня.

— Да, да, Александр Дмитриевич, непременно так и сделаем. Мы уже об этом говорили, но есть предложение вместо заседания кафедры провести профсоюзное собрание.

— Мне, Владислав Павлович, всё равно, что вы будете проводить — профсоюзное собрание или заседание кафедры. В любом случае, поставьте меня в известность.

11.6

После перенесённого в детстве полиомиелита, профессор Александр Дмитриевич Васильев хромал на правую ногу и, может быть, в силу своего физического недостатка, в отношениях с подчинёнными был несколько суховат. Во всяком случае, сантиментов не любил и комплиментов никому не делал. На любых заседаниях старался быть незаметным, но своё мнение никогда не скрывал. Александр Дмитриевич работал деканом факультета уже второй срок. Свои обязанности выполнял добросовестно и грамотно. Тем не менее, должность декана не любил по двум причинам. Во-первых, это — огромный объём всех видов работ, который никогда не заканчивается. Во-вторых, необходимость участвовать в разных заседаниях, комиссиях, советах, общественных мероприятиях.

Сегодня на профсоюзном собрании кафедры профессор Васильев, как обычно, сел не в президиум с заведующим кафедрой и профоргом, а среди преподавателей. Он, не торопясь, достал из бокового кармана пиджака маленький блокнотик и приготовился слушать. Со своего места ему хорошо была видна расстановка противоборствующих сил, которая некоторым образом характеризовала участников конфликта. Вера Петровна Черникова сидела в первом ряду стульев одна. Рядом с ней никого не было. Она ни на что не отвлекалась и внимательно слушала всех выступающих. При этом своей гордо выпрямленной спиной Черникова демонстрировала присутствующим спокойствие и достоинство.

Евгения Ивановна Сотникова, наоборот, расположилась в самой гуще преподавателей. Всем улыбаясь, она мило переговаривалась с коллегами, которые, судя по репликам, её активно поддерживали.

Профессор Васильев прекрасно понимал, что каждый человек выбирает круг общения по своему темпераменту и интересам. Но в данном случае, согласно «языку тела», Черникова производила впечатление уверенного в своей правоте человека, в то время как Сотникова — хитрого, очень волнующегося за благополучный исход проводимого мероприятия.

Посмотрев на часы, с председательского места поднялся заведующий кафедрой профессор Конюхов и бодрым тоном сказал:

— Уважаемые товарищи, извините за обращение, но мне «товарищи» больше нравится, чем «господа и дамы»! Позвольте профсоюзное собрание коллектива нашей кафедры, инициированное проффоргом кафедры доцентом Фёдоровой Зинаидой Степановной, считать открытым. Темой профсоюзного собрания является обсуждение нравственного климата на кафедре. Основанием для проведения этого собрания послужило заявление доцента Сотниковой Евгении Ивановны о неподобающем поведении нашего коллеги доцента Черниковой Веры Петровны.

После вступительного слова профессор Конюхов неожиданно сделал паузу и уже тихим голосом добавил:

— Я, как заведующий кафедрой, согласен с целесообразностью проведения профсоюзного собрания кафедры, так как считаю, что лучше поговорить об этом в открытую, чем шушукаться по углам. Исходя из важности обсуждаемого вопроса, на нашем собрании присутствует декан факультета профессор Александр Дмитриевич Васильев. А сейчас я передаю слово нашему профоргу. Пожалуйста, Зинаида Степановна.

— Уважаемые коллеги! Мне, как профоргу кафедры, поступило заявление от доцента Сотниковой Евгении Ивановны о недостойном поведении доцента Черниковой Веры Петровны. Я его не буду пересказывать, а просто зачитаю, заявление большое, на трёх листах, так что наберитесь терпения. Пропускаю начало: дата, кому, от кого. Итак...

11.7

Декан Васильев уже видел сегодня утром заявление Сотниковой. Ему услужливо принёс ознакомиться с ним до начала профсоюзного собрания заведующий кафедрой Конюхов.

— Александр Дмитриевич, сделать для вас копию этой бумаги в отделе кадров или не надо? — почтительно спросил он декана.

— Нет, не надо. Я понял, о чём идёт речь. Спасибо.

Сейчас, слушая текст заявления Сотниковой, профессор Васильев мог чётко оценить её главные претензии к своей коллеге по кафедре Черниковой. Основная суть заявления состояла в следующих трёх позициях. Первое. Аморальные отношения между преподавателем Черниковой и студентом Платоновым. Второе. Втягивание в орбиту отношений Платонова и Черниковой работников деканата заочного факультета. Третье. Возмутительное поведение студента Платонова по отношению к самой Сотниковой.

Первой, после профорга кафедры, изъявила желание выступить старший преподаватель Николаева, сидевшая рядом со Евгенией Ивановной. И хотя собрание проголосовало за десятиминутный регламент, проговорила не менее двадцати. В конце она сформулировала выводы из своего эмоционального выступления:

— Если оставить за скобками поведение распоясавшегося студента-заочника, то высокое звание преподавателя вуза никому не позволительно ронять. Спасибо Евгении Ивановне, что она не прошла мимо этого явления и сделала неподобающее поведение доцента Черниковой предметом обсуждения общественности.

За ней попросила слово сидящая впереди Сотниковой доцент Гаврилова.

— Уважаемые коллеги! Я тоже хочу сказать несколько слов в поддержку заявления доцента Сотниковой Евгении Ивановны. Доцент Черникова, возмнившая себя заместителем заведующего, безответственно и нагло ведёт себя на кафедре. А именно: отказывается от вечерних занятий со студентами, требует отпуск в середине учебного года, когда кафедра задыхается от нагрузки, регулярно вступает в пререкания с другими преподавателями кафедры. Мне это, как председателю методической комиссии кафедры, очень хорошо видно. Своим поведением она не только создаёт проблемы в проведении учебного процесса, но и подаёт плохой пример молодым преподавателям...

И когда Евгения Ивановна незаметно качнула головой, давая этим самым команду следующей выступающей, профессору Васильеву стало ясно, что он присутствует на заранее подготовленном мероприятии.

— А давайте попросим выступить саму Евгению Ивановну, — предложил декан. — Что мы всё время слушаем о её претензиях к доценту Черниковой в пересказе других членов кафедры?

— Евгения Ивановна, вы можете что-то добавить к тому, что сказали другие преподаватели? — спросил у Сотниковой заведующий кафедрой Конюхов.

— Да, могу.

— Тогда прошу вас. Только не повторяйте их, пожалуйста.

К выступлению Евгения Ивановна была явно не готова. Она, по всей видимости, думала, что её пространного заявления, которое зачитала профорг кафедры, будет достаточно. Остальное доскажут заранее подготовленные коллеги. Но получилось не совсем так, как было задумано. Евгения Ивановна прошла к столу, за которым сидели заведующий кафедрой и профорг, и начала тихим голосом говорить. Было видно, что она очень волнуется. У неё дрожали руки, и чтобы скрыть это, она правой рукой крепко сжимала левую.

— Я постараюсь не повторять своих коллег. Просто расскажу, с чего начались мои неприятности. Однажды меня попросил декан заочного факультета принять экзамен у студента четвёртого курса Платонова по дисциплине «Экономика по отраслям» вместо доцента Черниковой. Дело в том, что он, как мне сказали в деканате, устроил Вере Петровне скандал по какому-то поводу и та отказалась с ним общаться, — после этой фразы Сотникова налила себе из графина стакан воды и сделала несколько глотков.

— Не знаю, что между ними произошло и на какой почве, но чтобы их развести по разным углам, я, на свою голову, приняла этот злополучный экзамен. Однако выяснилось, что там не всё так просто: сначала пропали с кафедры контрольные работы студента Платонова, а потом доцент Черникова обвинила меня в том, что я эту пропажу подстроила. Пришлось деканату заочного факультета, для выяснения обстоятельств дела, связываться с предприятием, где работает студент Платонов. К сожалению, у меня тоже произошёл с ним неприятный инцидент, о котором я подробно написала в своём заявлении.

До этого момента Вера Петровна Черникова молча сидела и не реагировала на выступающих. Но на последних словах Евгении Ивановны она громко усмехнулась.

— Вы что-то хотите сказать, Вера Петровна? — спросил профессор Конюхов.

— Да, если позволите, несколько слов.

Вера Петровна резко встала, повернулась к аудитории и спокойным тоном произнесла:

— Всё, что рассказала здесь Евгения Ивановна — абсолютная ложь.

У меня нет никакого желания это комментировать. А теперь я, с вашего позволения, пойду домой. Что-то неважно себя чувствую.

— Вернитесь, Вера Петровна, вас никто не отпускал, — кричал ей вслед заведующий кафедрой профессор Конюхов, но Черникова, не оглядываясь, шла к двери.

11.8

Казалось, что профсоюзное собрание кафедры без доцента Черниковой должно было потерять всякий смысл, но тут снова поднялась со своего места профорг кафедры доцент Фёдорова и обратилась к аудитории:

— Уважаемые господа, мы уже два часа обсуждаем сложившуюся на нашей кафедре ситуацию, а никто почему-то не поинтересовался, из-за кого заварилась вся эта каша?

— В каком смысле каша? — спросил сидящий рядом с Фёдоровой профессор Конюхов.

— В смысле — о каком студенте идёт речь?

— А зачем нам эта информация? — переспросил её Конюхов.

— Как — зачем? — возмутилась Фёдорова. — Вы что, не понимаете, Владислав Павлович?

— Нет, не понимаю. Через нашу кафедру этот студент уже прошёл. Кстати, Евгения Ивановна, вы ему какую оценку поставили на экзамене?

— Пятёрку.

— Ну вот и всё. — подвёл черту под обсуждением профессор Конюхов. — А остальными вопросами морально-этического характера пусть занимается деканат заочного факультета. У нас своих проблем хватает.

— Нет, не всё, — в свою очередь не согласилась с мнением заведующего кафедрой профорг Фёдорова. — Я попросила деканат заочного факультета дать справку об этом студенте и вот что они в ней написали: «Платонов Сергей Павлович, 1953 года рождения. Место рождения — город Москва. Образование — высшее, окончил в 1976 году Московский авиационный институт. Зачислен на 4 курс заочного факультета (платное обучение) по специальности «Финансы и кредит» (приказ от 09.09.1992 г.) для получения второго высшего образования. Работает инженером на авиационном предприятии города Твери. Проживает по адресу: город Тверь, ул. Московская, дом 4, квартира 114».

— А кем подписана выписка из учебной карточки? — неожиданно задал вопрос декан факультета Васильев.

— Секретарём заочного факультета Полищук и заверена факультетской печатью.

— Понятно. И по чьему запросу эта выписка предоставлена? — снова спросил декан Васильев.

— Как — по чьему? По моему, — с достоинством ответила профорг Фёдорова.

— Спасибо.

И в этот момент доцент Фёдорова своим профсоюзным, натренированным многолетней общественной работой нутром почувствовала, что не так просто задавал вопросы профессор Васильев. Определённо у него появились какие-то соображения по поводу информации, которую она сейчас бодрым голосом зачитала. «Что делать? — мелькнуло у неё в голове. — Не следует предлагать собранию в присутствии декана ещё две бумаги, лежащие в папке, заведенной ею на доцента Черникову: первая — служебная записка от того же секретаря заочного факультета В. Полищук, вторая — докладная начальнику охраны здания института от дежурного вахтёра Николаева «О стоянке 2 марта 1993 г. в неположенном месте машины марки «волга» с 17.33 до 17.54. Нужно срочно закрывать профсоюзное собрание».

И тут ей помог заведующий кафедрой Конюхов:

— Ну что, уважаемые дамы и господа! Если больше нет желающих выступить, то будем заканчивать профсоюзное собрание. Для оглашения решения собрания нашей кафедры, слово предоставляется проффору кафедры доценту Фёдоровой.

Это решение, пока Фёдорова зачитывала выписку из учебной карточки студента Платонова, профессор Конюхов сам и набросал. Оно состояло из трёх коротких пунктов:

«1. За самовольный уход с профсоюзного собрания кафедры объявить доценту Черниковой Вере Петровне замечание.

2. Обратиться к декану факультета профессору Васильеву А.Д. с ходатайством о создании административной комиссии по рассмотрению заявления доцента Сотниковой Е. И.

3. Рекомендовать включить в состав будущей комиссии профорга кафедры «Финансы и кредит» доцента Фёдорову».

11.9

Доктор экономических наук, профессор Васильев по своему темпераменту абсолютно не соответствовал должности декана. Тихий, невзрачный, а порой просто угрюмый. Его никогда не видели смеющимся или улыбающимся. Но более добросовестного, честного и фанатично преданного своему делу человека в институте не было. Его можно было застать в служебном кабинете в любое время дня. Казалось, что из института он вообще не уходит. И это было почти правдой, так как Александр Дмитриевич появлялся дома около десяти часов вечера, когда возвращалась с работы его жена, работающая заведующей столовой. Детей у них не было и поэтому особых забот по дому тоже не было. А в восемь утра следующего дня профессор Васильев уже был снова на работе.

Вернувшись с заседания кафедры и зайдя в свой кабинет, Васильев открыл маленький блокнотик, где, среди разных геометрических фигурок, были им сделаны какие-то записи на непонятном языке. На самом деле это были русские слова, но записанные с задумкой наперёд. Способность читать слова наоборот обнаружил у себя Васильев ещё в школе, но пользовался ею только на разных заседаниях, не боясь, что кто-то из сидящих рядом прочтёт его заметки. Сейчас он выписал из блокнотика на отдельный листик три слова: «лкаткепс» — «спектакль», «акапарт» — «тряпка» и «яиссимок» — «комиссия».

Первой бракадаброй он зашифровал действие, увиденное на кафедре. В принципе, он к этому был готов, так как доцент Сотникова, написавшая заявление в профсоюзную организацию, была из тех активных тёток, кого он по жизни старался обходить. Вторым словом он обозначил своё отношение, в очередной раз, к заведующему кафедрой профессору Конюхову. Декан Васильев и без заседания кафедры знал, что женская часть кафедры давно подмяла его под себя, но его сегодняшнее заискивание перед коллективом кафедры было явным перебором. И, наконец, третье слово выражало его отрицательное отношение вообще к комиссиям и к будущей, с участием Фёдоровой, в частности.

— И что тут рассматривать? — рассуждал за ужином Васильев, рассказывая жене о событиях прошедшего дня. — Подумаешь! Одна женщина на другую написала жалобу! Да на моём факультете больше семидесяти процентов преподавателей — женщины. И если разбирать все их жалобы, то некогда будет работать.

Жена молча слушала Васильева и одобрительно кивала головой.

Единственно, что она не поняла — почему Сотникова написала заявление на Черникову именно сейчас? Это на заседании кафедры не прозвучало.

На следующий день, придя на работу, Васильев обратился к своему секретарю по внутреннему телефону:

— Таня, пригласи ко мне, пожалуйста, заведующего кафедрой Коныхова.

— На какое время, Александр Дмитриевич?

— На сейчас, если он не на лекции.

Профессор Васильев не любил ничего откладывать в долгий ящик. Его любимым подходом было разобраться с возникшим вопросом сразу, а не откладывать принятие окончательного решения на более поздний срок.

Через несколько минут раздался телефонный звонок.

— Доброе утро, Александр Дмитриевич. Какие материалы я должен захватить с собой?

— Те, которые лежали вчера на столе в папочке доцента Фёдоровой.

— Извините, Александр Дмитриевич, но это же документы профора кафедры?

— Вы кем, уважаемый, у нас работаете?

— Заведующим кафедрой.

— Ну и ведите себя, как заведующий кафедрой, а не как посторонний наблюдатель.

Спустившись на третий этаж и идя по коридору деканата, профессор Коныхов только сейчас понял, почему, после вопросов декана, доцент Фёдорова так резко закрыла профсоюзное собрание кафедры...

Не поднимая головы от письменного стола, декан Васильев спросил у входящего в кабинет заведующего кафедрой Коныхова:

— Папку принесли?

— Да.

— Дайте её, пожалуйста, мне. А вы, уважаемый, присаживайтесь.

11.10

Профессор Васильев открыл папку, поданную ему заведующим кафедрой. Сверху в ней лежал черновик протокола профсоюзного собрания, который неизвестно кто вёл. За ним — выписка из учебной карточки студента Платонова, подписанная секретарём заочного факультета Валентиной Полищук и зачитанная доцентом Фёдоровой.

— Владислав Павлович, вы поняли, почему так поспешно завершила собрание ваш профорг кафедры?

— Нет.

— Потому что любая бумажка, которая выходит за стены факультета, должна быть подписана по инструкции или деканом или его заместителем. В противном случае может возникнуть на факультете ситуация полного бардака. Кстати, вы знаете, что обозначает слово «бардак»?

— Нет, не знаю.

— Объясняю. Это, прежде всего, наплевательское отношение к делу, а потом уже бордель.

Заведующий кафедрой Коныхов от шутки декана изобразил на своём лице подобие улыбки, но ничего не сказал.

— Ладно, вернёмся к нашим баранам. Что-то мне подсказывает, Владислав Павлович, что выписка из учебной карточки студента Платонова — не единственная причина, по которой было закрыто ваше профсоюзное собрание. Есть для этого какая-то ещё.

— Может быть, может быть... — промямлил Владислав Павлович.

— А вот и то, что я искал! Докладная записка секретаря заочного факультета Полищук. Любопытно, что же она докладывает и кому? Вам интересно?

— Очень интересно.

— Прекрасно. А давайте я её, Владислав Павлович, вслух прочитаю, а потом вместе обсудим, — и он принялся читать: — «В профсоюзную организацию кафедры «Финансы и кредит»... Довожу до вашего сведения, что мне, как техническому работнику заочного факультета, уже второй год приходится наблюдать ненормальные отношения между доцентом вашей кафедры доцентом Черниковой В.П. и студентом четвёртого курса заочного факультета Платоновым С.П. Сначала у них был какой-то скандал на экзамене, в результате которого доцент Черникова пришла к декану нашего факультета профессору Панфилову и потребовала, чтобы больше к ней не направляли студента Платонова на пересдачу. По распоряжению декана, экзамен вместо доцента Черниковой В.П. приняла доцент Сотникова Е. И. После этого в деканат снова пришла доцент Черникова и попросила показать ей контрольные работы студента Платонова по сданному предмету, которые она не нашла на своей кафедре. На заочном факультете его контрольных работ также не оказалось. И тогда доцент Черникова заставила меня позвонить Платонову на работу и потребовать, чтобы он их немедленно восстановил. Но этим дело не закончилось. Через некоторое время я увидела перед

зданием нашего института безобразную сцену, когда студент Платонов бежал по улице за доцентом Черниковой с букетом цветов. А она, чтобы от него отбиться, даже вызвала милицию. Студент Платонов регулярно приезжает в институт на чёрной машине, которая его ждёт у входа в здание. Всем своим видом он демонстрирует, что ему всё можно: развязно вести себя с преподавателями, отпускать плоские шуточки в адрес секретарей факультета, пытаться, под видом подарка, что-то всучить. Хочу добавить, что плановые занятия студент Платонов никогда не посещает. Экзамены и зачёты с группой, в которой учится, не сдаёт. Учебный план специальности в соответствии с графиком учебного процесса не выполняет. За год учёбы в институте сдал всего четыре предмета. По итогам года студент четвёртого курса Платонов оставлен на повторное обучение. Секретарь заочного факультета Валентина Полищук. Число. Подпись...» Вот и всё, уважаемый профессор. А сейчас я, в вашем присутствии, позвоню на заочный факультет и кое-что спрошу... — он повернулся к телефонному аппарату: — Здравствуйте, это заочный факультет?

— Да, секретарь Полищук, — ответили в трубке.

— Очень приятно. Это профессор Васильев. Скажите, пожалуйста, сколько экзаменов сдал за учебный год студент четвёртого курса вашего факультета Сергей Платонов?

— Одну минуточку, Александр Дмитриевич. Сейчас я найду его учебную карточку. Нашла. Перечислите вам дисциплины?

— Нет, перечислять ничего не надо. Назовите только количество экзаменов и оценки.

— Так... Четыре предмета. Три пятёрки по экзаменам и один зачёт.

— Благодарю вас.

11.11

Положив телефонную трубку, декан Васильев, ни к кому не обращаясь, произнёс:

— Ну и артистка же, эта Валя Полищук. Замечательно сыграла роль сельской простушки.

— А в чём дело, Александр Дмитриевич? — спросил Конюхов.

— Да ничего особенного, но мы ещё к ней вернёмся. А пока, если вы не возражаете, уважаемый, давайте обсудим, что известно о конфликте между Черниковой и Сотниковой. Только не сидите с отрешённым видом, Владислав Павлович. Видите себя активной.

— Я постараюсь.

— Постарайтесь. Я вас внимательно слушаю.

Профессор Конюхов начал свой рассказ с того злополучного заседания кафедры, когда Евгения Ивановна предъявила ему претензии по поводу непредставления её к званию доцента. А через некоторое время она сцепилась с Верой Петровной по поводу должности заместителя заведующего кафедрой.

— Это уже на другом заседании кафедры? — спросил декан.

— Да, на другом. Причём, перед заседанием кафедры Сотникова буквально со всеми преподавателями поговорила на эту тему и настроила их против Черниковой.

Профессор Конюхов чуть ли не в лицах обрисовал декану, что происходило на том памятном заседании кафедры: кто выступал, что говорил и какое решение приняли.

— Так что, как я понимаю, вчерашнее заседание вашей кафедры — это продолжение предыдущих двух? — спросил Васильев у Конюхова.

— Получается, так. Позвольте, Александр Дмитриевич, стакан воды?

— Таня, — позвонил по внутреннему телефону декан, — принеси, пожалуйста, бутылку воды и два стакана.

— Спасибо.

— На здоровье, Владислав Павлович. Продолжайте.

— А теперь, с вашего позволения, Александр Дмитриевич, я перейду к характеристике участников конфликта.

— Зачем, Владислав Павлович? Это называется — после драки кулаками махать.

— Для полноты картины.

— Мне и так всё понятно, за исключением одного персонажа.

— Вы имеете в виду студента Платонова?

— Да, Владислав Павлович. Платонова. Впрочем, у вас тоже нет о нём информации. И всё-таки, уважаемый, поясните мне, пожалуйста, природу этого конфликта?

— С моей точки зрения, Александр Дмитриевич, эти женщины — биологические антиподы, которые могли в этой жизни не встретиться. Они люто ненавидят друг друга. Но судьба распорядилась по-своему.

— Что вы говорите, Владислав Павлович, а мне кажется, что на наших глазах разыгрывается банальная мелодрама.

— Может быть. Вам виднее.

Профессор Васильев делал вид, что внимательно слушает профессора Конюхова. В то же время он пытался оценить ситуацию со стороны

и решить, что с ней делать. Из многословного рассказа заведующего кафедрой следовало, что конфликт между Верой Петровной и Евгенией Ивановной на спад не идёт. Наоборот, он набирает силу и до его полного завершения очень далеко.

По ходу беседы с заведующим кафедрой, декан Васильев набросал свои впечатления:

«Евгения Ивановна относится к типу людей, которые заранее знают, что всё ими затеянное, — пустое, но в силу своего склочного характера стремятся всколыхнуть общественное мнение, в надежде получить от этого грязного действия какую-то пользу.

От Веры Петровны, кроме желания интеллигентно отойти в сторону от Евгении Ивановны, больше ничего ожидать не следует.

Студента заочного факультета Платонова нужно вывести из тени, чтобы он внёс ясность в эту свару».

Когда профессору Васильеву показалось, что заведующий кафедрой профессор Конюхов начинает повторяться, он ему задал неожиданный вопрос:

— А скажите, Владислав Павлович, почему вы на заседании кафедры так резко высказались по поводу студента Платонова?

— А зачем нам нужно разбирать поведение студента, который уже завершил своё обучение на нашей кафедре?

— Но сейчас он фигурирует как один из участников конфликта между преподавателями вашей кафедры. Может пригласить его в институт на беседу?

— Вы меня извините, Александр Дмитриевич, но я бы не хотел этим заниматься.

— Не понял, чем заниматься?

— Студентом Платоновым.

— Склонен с вами согласиться, Владислав Павлович. Я поговорю с деканом заочного факультета профессором Панфиловым, и мы решим, что делать дальше.

— Спасибо за понимание.

— Пожалуйста. На этом мы, пожалуй, сегодня закончим разговор. Прошу вас экземпляр протокола профсоюзного собрания кафедры, когда он будет готов, передать мне напрямую. Не через секретаря.

— Непременно. Я могу идти?

— Идите. И перестаньте бояться своего женского коллектива.

— А я и не боюсь.

— Бойтесь, бойтесь. Это не на пользу дела.

11.12

Профессор Васильев после ухода заведующего кафедрой Конюхова сразу позвонил декану заочного факультета профессору Панфилову.

— Добрый день, Николай Фёдорович. Александр Дмитриевич беспокоит.

— Здравствуйте, Александр Дмитриевич. Чем обязан?

— Не могли ли вы ко мне подойти, коллега, когда вам будет удобно.

Есть у меня с вами небольшой разговор.

— О чём, если не секрет?

— Об одном студенте вашего факультета.

— Когда можно подойти, Александр Дмитриевич?

— Хоть сейчас, если у вас есть время.

— Хорошо, скоро буду.

Через несколько минут декан заочного факультета профессор Панфилов входил в кабинет профессора Васильева.

— Ещё раз здравствуйте, Александр Дмитриевич.

— Добрый день, Николай Фёдорович. Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь. Как ваше самочувствие?

— Да более менее в порядке. Спасибо.

— Вы извините, что я вас заставил прийти ко мне. Дело в том, что студент, о котором я хочу с вами говорить, стал героем определённой ситуации. А мой визит к вам вызвал бы некоторые неоднозначные толкования у секретарей вашего факультета.

— Понятно. Слушаю вас внимательно, Александр Дмитриевич.

Профессор Васильев рассказал декану заочного факультета о конфликте на кафедре, о профсоюзном собрании, на котором сам присутствовал, и двух документах за подписью секретаря факультета Полищук. Николай Фёдорович спокойно выслушал всю информацию и задал декану Васильеву только один вопрос:

— А кто вас предупредил о готовящемся профсоюзном собрании на кафедре профессора Конюхова?

— Председатель профкома факультета. После разговора с заведующим кафедрой я принял решение присутствовать на этом собрании.

— Очень хорошо. Как я понял, в этой пикантной ситуации нас с вами объединяет студент заочного факультета Платонов, так как к кафедре я никакого отношения не имею.

— Совершенно верно.

— Ну что ж. Я знаком с этим студентом. У меня, после жалобы доцента Черниковой, был с ним разговор. Он не отказывался от того, что

нахамил преподавателю и объяснял своё поведение тем, что задержался на какой-то важной встрече. Так как Черникова отказалась что-либо писать, то я ограничился внушением ему и рекомендацией извиниться перед доцентом Черниковой. Повторный экзамен у студента Платонова я попросил принять другого преподавателя.

— Что это вообще за студент, Николай Фёдорович?

— Какой-то инженер авиационного объединения в Твери. Получает второе экономическое образование. Платное. Есть рекомендация предприятия за подписью начальника управления кадров. В учебной карточке студента Платонова указан адрес и телефон для связи.

— А давайте мы, Николай Фёдорович, позвоним Платонову по этому телефону и пригласим его в институт на беседу. Удобней, наверное, вам, а не мне.

— Согласен.

На телефонный звонок сразу, по громкой связи, ответил приятный женский голос:

— Приёмная Сергея Павловича Платонова. Слушаю вас.

— Здравствуйте. Вас беспокоят из Московского института экономики и права. Можно пригласить к телефону Сергея Павловича?

— Нет, у него совещание. Что ему передать?

— Передайте, пожалуйста, чтобы он связался с деканатом заочного факультета института.

— Обязательно передам.

— Всего хорошего.

11.13

Декан заочного факультета профессор Панфилов положил телефонную трубку и вопросительно взглянул на профессора Васильева.

— Ну и что вы скажете, коллега, по поводу данного разговора?

— Скажу, что здесь есть над чем поразмышлять. Мы с вами, под влиянием корпоративной этики, почему-то сразу обвинили во всех смертных грехах студента Платонова. Мол, пришёл учиться в институт, так учишься, а не безобразничай.

— В принципе, да.

— А давайте подумаем, Николай Фёдорович, зачем человеку с высшим специальным образованием, получать второе экономическое образование? Это же не защита диссертации, когда учёная степень изменяет товарную стоимость её обладателя. Сейчас многие из маленьких и больших начальников этим грешат.

— Это точно. У меня на памяти есть такие случаи.

— А сдаётся мне, Николай Фёдорович, что ваш студент Платонов пришёл к нам в институт не за бумажкой, а за знаниями. И тогда его поведение следует рассматривать с других позиций.

— С каких, Александр Дмитриевич? Ведь конфликт с Черниковой был на самом деле.

— А с таких, — не обращая внимания на реплику Николая Фёдоровича, продолжил Александр Дмитриевич. — Платонов второй год сидит на четвёртом курсе не потому что ленится и не может себя организовать, а в силу своей производственной занятости. Он просто не успевает выполнять график учебного процесса.

— Согласен. И что мы должны в этом случае делать?

— Должны ему помогать, а не мешать. Кстати, что он учится серьёзно, указывает и тот факт, что преподаватели ставят ему на экзамене отличные оценки. Я разговаривал по этому поводу с секретарём вашего факультета и она это подтвердила. За взятку можно получить тройку или четвёрку, но отличную оценку — вряд ли. Вы согласны со мной, коллега?

— Да, согласен. Но мы сейчас обсуждаем не учебные дела студента Платонова, а его поведение, где не всё так безоблачно.

— А вот как раз здесь у меня тоже много вопросов. Я присутствовал на профсоюзном собрании кафедры и наблюдал за доцентом Сотниковой. А сегодня ознакомился с эпистолярным творчеством секретаря вашего факультета Валентиной Полищук.

— И — что?

— А то, что у меня вообще проблема с этой кафедрой. Заведующий кафедрой профессор Конюхов досиживает свой срок и мечтает поскорее уйти на пенсию. Власть захватила группа преподавателей во главе с профоргом Фёдоровой, у которой есть целая программа действий по «оздоровлению» климата на этой кафедре.

— И в чём она заключатся?

— В двух словах не расскажешь.

— Я никуда не спешу и с удовольствием вас выслушаю.

11.14

Для профессора Васильева сегодняшний день начался не очень удачно. Выйдя из автобуса, он обнаружил, что ручка от его старого портфеля всё-таки оторвалась. Жена давно настаивала, чтобы он купил себе новый дипломат, но Васильев всё время отшучивался:

— Хоть этим атрибутом я похож на Жванецкого.

— В этом ты прав, Саша. К сожалению, только этим. В остальном вы — очень разные ребята.

Подхватив портфель под мышку, Васильев с трудом открыл ключом дверь своего кабинета. И тут же раздался телефонный звонок.

— Извините за ранний звонок, Александр Дмитриевич. Это доцент Фёдорова. Когда я могу вам занести экземпляр протокола профсоюзного собрания кафедры?

— А вы уже, Зинаида Степановна, в институте?

— Нет, я ещё дома.

— Ну, вот когда придёте в институт, тогда и заходите ко мне. Вместе с протоколом. Я на месте.

— Спасибо, Александр Дмитриевич.

— Пожалуйста.

По всей видимости, заведующий кафедрой Конюхов передал Фёдоровой, что у декана есть много к ней вопросов. В принципе, ему уже, в общих чертах, были понятны цель проведения собрания и позиция профорга. Но беспардонность Фёдоровой, которая, ещё не придя на работу, договаривается с деканом о встрече, говорила о том, что разговор между ними будет не из лёгких. И тут Александр Дмитриевич вспомнил мудрый совет своей жены:

— Самый испытанный способ осадить зарвавшегося подчинённого — это перенести с ним встречу.

— И что это меняет?

— В принципе, ничего, но, как правило, повторная встреча проходит в более спокойной обстановке. Страсти утихают.

В районе десяти часов утра раздался аккуратный стук в дверь. Это была доцент Фёдорова.

— Разрешите, Александр Дмитриевич?

— Заходите, Зинаида Степановна. Извините, что я вас не приглашаю присесть. Весьма занят.

— Да, но я хотела отдать вам копию протокола профсоюзного собрания и поговорить с вами о наших дальнейших шагах.

— Чьих, Зинаида Степановна?

— Кафедры, разумеется.

— Я поговорю, если будет в этом необходимость, с заведующим кафедрой профессором Конюховым. А сейчас не смею вас задерживать.

Зинаида Степановна положила на стол декана протокол собрания и с недовольным видом вышла из кабинета. Протокол был толково на-

писан и завершился почему-то просьбой к декану заочного факультета принять административные меры к студенту четвёртого курса Платонову. В частности, направить письмо по месту его работы.

Пытаясь понять, где проходит красная линия между поведением студента Платонова и проблемами кафедры, профессор Васильев несколько раз внимательно прочитал протокол. Оказывается, красная линия была не одна. Их было, как минимум, три.

Первой было признание аморальными отношения между доцентом Черниковой В.П. и студентом Платоновым С.П.

Вторая — неприкрытая конфронтация между доцентом Сотниковой Е.И. и доцентом Черниковой В.П.

Третья — жёсткая борьба между членами кафедры за показавшуюся на горизонте вакантную должность заведующего кафедрой.

Откладывая протокол кафедры в сторону, Александр Дмитриевич про себя подумал: «Да, теперь мне самому интересно узнать, кто такой Платонов. Серьёзный человек или какой-нибудь проходимец? Всего год учится в институте, а уже какая каша вокруг него заварилась...»

11.15

Докторскую диссертацию Александр Дмитриевич Васильев защищал в Ленинградском финансовом институте на одном из самых квалифицированных в стране Учёном совете. Александр Дмитриевич работал над текстом диссертации до последнего дня её представления в Совет. Многократно исправлял, переписывал отдельные страницы и даже целые параграфы.

Наблюдая за процессом «выворачивания себя наизнанку», как правило, по ночам, его жена Наташа однажды спросила:

— Саша, а зачем ты это всё делаешь?

— Что делаю?

— Вылизываешь свою диссертацию до паркетного блеска.

— А как иначе? Всякую работу человек должен делать честно и добросовестно.

— Это ты о нашей стране говоришь или о какой-то другой?

— О нашей, Наташа, о нашей.

— Тогда ты, дорогой, что-то, мне кажется, путаешь. В нашей стране всё делается на глазок, по вкусу, как хозяйка солит суп. А ты уродуешься над диссертацией с утра и до вечера.

— Может быть, но я по-другому не умею.

— Почему? Все уже научились, а ты продолжаешь не уметь.

— В каком смысле?

— А в таком. Сейчас куда не плюнь, попадешь в кандидата, а то и доктора наук. Все что-то пишут, докладывают, защищают.

— Оставь, Наташа. Не раздражай меня.

— Ну, ну. Продолжай свою жизнь гробить, не понятно на что.

Весь день разговор с женой не выходил у Васильева из головы. Они прожили вместе тридцать семь лет. Она была свидетельницей всей его научно-производственной деятельности. Всех взлётов и падений. И если жена, самый близкий ему человек, откровенно говорит, что он что-то делает не то, то это так и есть. Совсем недавно он оказался в эпицентре скандала, связанного с защитой кандидатской диссертации начальником какого-то экономического департамента главка. Пришёл просто послушать защиту и не заметил, как втянулся в дискуссию. То ли ему не понравился самоуверенный вид диссертанта, то ли его бросающаяся в глаза лощённость, но он начал задавать соискателю вопросы. Результат защиты оказался неутешительным, что, как ни странно, Васильева не порадовало. А вечером он подробно рассказал жене, как проходила защита, закончившаяся провалом соискателя.

— И часто у вас, Саша, бывает подобная ситуация?

— Очень редко.

— А что же сегодня привело к такому печальному результату?

— По всей видимости, личность защищающегося. Уж больно он вызывающе выглядел.

— А до этого все выглядели пристойно?

— Не могу утверждать, но, наверное, да.

— Понимаешь, Саша, я в вашей кухне не разбираюсь. Но в настоящее время в стране возникла откровенная спекуляция плодами интеллектуальной деятельности и никого это не смущает. Никто это не пресекает.

— Ты о чём это, Наташа?

— О том, что газеты пестрят всякими наглыми объявлениями: полностью подготовим диплом, напишем кандидатскую и даже докторскую диссертацию. Всё это девальвирует науку и бросает тень на серьёзных учёных.

— Ты всё правильно говоришь, Наташа. Только не даёшь совет, как эту ситуацию изменить. Сейчас очень трудно отличить настоящего специалиста от фальшивого и, следовательно, воздать каждому из них по заслугам.

11.16

А ещё через год после злополучной защиты «чиновника от науки», профессора Васильева пригласил к себе проректор по научной работе института профессор Чибисов. Профессор Чибисов был очень занятый человек: помимо работы проректором института, он заведовал кафедрой. И Васильев, и Чибисов знали друг друга много лет — учились в одно и то же время в аспирантуре, принимали участие в сельскохозяйственных работах в подшефном колхозе, иногда встречались на теннисном корте. Оба дослужились до профессорского звания с той лишь разницей, что Чибисов всё выше и выше поднимался по карьерной лестнице, а Васильев не проявлял никакого интереса к административной деятельности.

— Извини, Александр Дмитриевич, что заставил ждать. Никак не могу договориться с главным бухгалтером института по госбюджетной тематике. Ну, да ладно. Скажи, в двух словах, как живёшь? Аттестат профессора уже получил?

— Да, всё в порядке.

— Очень хорошо. Немножко, правда, поседел, а так — всё такой же. Орёл!.. Я вот по какому поводу тебя пригласил к себе. Хочу тебя сосватать на должность декана факультета.

— Нет, Владимир Максимович, не по мне шапка. Я человек тихий, камерный, а тут нужно уметь характер проявить. Надавить, накричать, а кого-то вообще поставить на место.

— А ты это умеешь, Александр Дмитриевич. Мне недавно рассказывали, как ты этого прощельгу Боброва на защите диссертации отделал. Такого крупного лося не каждый может завалить. Так что не прикидывайся этакой сироткой.

— А там заваливать было нечего. Ни серьёзной диссертации, ни грамотного доклада. Даже на простые вопросы не мог ответить. Какая-то чепуха, детский лепет на лужайке.

— Ну вот видишь! В общем, я тебя прошу — подумай. Не отказывайся. Это не только моё предложение. Это мнение ректората. И вообще, надо же и на родной институт немножко поработать, а не только на себя. Так что готовься принимать факультет...

Глава 12. Репутация

12.1

Прошла неделя со дня состоявшегося на кафедре «Финансы и кредит» профсоюзного собрания. Декан Васильев попытался на совещании у ректора дать короткую информацию об инциденте, но ректор спокойным тоном сказал ему, чтобы тот решал этот вопрос на своём уровне. К сожалению, никакого решения принять было нельзя, так как один из главных фигурантов — студент Платонов — больше месяца в институте не появлялся.

Секретарь заочного факультета позвонила на предприятие и выяснила, что Платонов находится в двухнедельной зарубежной командировке. Неявка студента в институт для разговора с деканом была, безусловно, по уважительной причине. И тем не менее, деканат заочного факультета уже подготовил грозное письмо Платонову на предприятие, когда он сам неожиданно появился в деканате.

— Здравствуйте, Валечка, как ваша жизнь молодая? — и с улыбкой протянул ей красивую шоколадку.

— Это вам скромный сувенир из Швейцарии.

— Не надо мне от вас никаких сувениров, Платонов. И вообще, с вами желает говорить декан. Я сейчас ему доложу, что вы, наконец, появились в институте.

Секретарь Полищук встала со своего места и, тихо постучав в дверь, вошла в кабинет декана.

— Николай Фёдорович, в приёмной стоит Платонов. Я сказала ему, что вы хотите с ним поговорить.

— Пусть подождёт. Я его приглашу.

— Посидите, Платонов. Вас пригласят, — объявила секретарь, выйдя из кабинета декана.

Внезапное появление студента Платонова застало врасплох декана заочного факультета Панфилова. Он решил сразу позвонить профессору Васильеву, чтобы согласовать с ним совместные действия.

— Александр Дмитриевич, извините, пожалуйста, что отвлекаю. В приёмной у меня сидит студент Платонов. Свалился, как снег на голову. Что с ним делать?

— Хорошо, что пришёл. А давайте, Николай Фёдорович, подходите ко мне вместе с ним минут через двадцать. Все бумаги для разговора у меня есть. Не возражаете?

— Договорились.

— Валя, что происходит? — подал голос через пятнадцать минут ожидания Платонов. Можно мне пройти к декану?

— Нет, он занят. Вам же сказали: нужно подождать. Вот и ждите, а не отвлекайте меня от работы.

— Ну, хорошо, только у меня тоже время ограничено.

На реплику студента секретарь факультета не ответила. А через несколько минут из своего кабинета вышел сам декан Панфилов.

— Здравствуйте, Платонов. Идёмте со мной. С вами желает поговорить профессор Васильев.

Сергей Павлович встал и спокойно, без вопросов, пошёл за деканом заочного факультета. В кабинете, куда его привёл Панфилов, уже находились два пожилых человека: один сидел на председательском месте за большим столом, второй — у приставного столика. После того как декан Панфилов тоже подсел к этому столику, Платонов сел на стул у стены при входе в кабинет. Мужчина, сидящий за большим столом, представился:

— Профессор Васильев, декан экономического факультета, а это заведующий кафедрой профессор Конюхов, — указал он на сидящего рядом с ним человека.

— Очень приятно, — успел среагировать Платонов.

— Мы вас, уважаемый студент, пригласили, чтобы вы помогли нам разобраться в одном деликатном деле. Кстати, я вам звонил по рабочему телефону несколько недель назад и просил явиться в институт.

— Я был в зарубежной командировке.

— А вам не передали о моём звонке по возвращению из командировки?

— Передали, но я был, извините, очень занят.

Профессор Васильев внимательно посмотрел на сидящего напротив него студента Платонова, пытаясь создать о нём впечатление. На вид, мужчина лет сорока, спокойный взгляд, интеллигентное лицо. Скромный серый костюм, светлая рубашка, неяркий галстук. Никакого намёка на разухабистого покорителя женских сердец. Почтителен и очень аккуратен в словах.

В свою очередь, Платонов внимательно наблюдал за собравшимися в кабинете декана серьёзными, безусловно, занятыми людьми и не мог понять — чем он обязан их вниманию.

12.2

Перед тем как начать разговор с Платоновым, профессор Васильев позвонил по внутреннему телефону своему секретарю:

— Таня, меня ни с кем не соединять.

— Хорошо, Александр Дмитриевич.

После этого он придвинул к себе какую-то папку с бумагами начал спокойным тоном говорить:

— Молодой человек! Ничего, что я к вам так обращаюсь? — спросил он у Платонова.

— Конечно, ничего.

— Так вот, одна из кафедр вверенного мне факультета обратилась с просьбой создать комиссию по рассмотрению ситуации, имеющей к вам непосредственное отношение.

— Извините, какой ситуации?

— Не торопитесь, мы вам всё по порядку расскажем. Но перед этим ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов... Вы работаете, как написано в вашем личном листке, инженером в авиационном объединении города Твери в соответствии с профильным дипломом Московского авиационного института?

— Всё правильно.

— Если вас не затруднит, скажите, зачем вам нужно получать второе экономическое образование?

— В объединении постоянно возникают проблемы, при решении которых весьма желательно уметь оценивать экономическую целесообразность того или иного действия.

— Другими словами, вы пришли к нам, чтобы повысить свою квалификацию?

— Никак нет. Моя квалификация — инженер-конструктор, подтверждённая дипломом, выданным мне Московским авиационным институтом. Но после окончания вашего института я надеюсь на то, что буду более эффективно исполнять свои служебные обязанности.

— А сейчас, выходит, что вы их исполняете неэффективно?

— Выходит, так. Дополнительное экономическое образование повысит уровень моей квалификации, но саму квалификацию не изменит.

— В каком смысле?

— Для того, чтобы изменить квалификацию инженера на более высокую, я должен подготовить и защитить новую квалификационную

работу — кандидатскую диссертацию. А для этого у меня, к сожалению, нет времени.

— Так кем вы, всё-таки, уважаемый, работаете в своём объединении?

— Инженером.

— И что вам, как инженеру, полагается служебная машина, на которой вы приезжаете в институт?

— Машина мне полагается в соответствии с должностью, которую я в настоящее время занимаю.

— Что у вас за должность, если не секрет?

— Не секрет. Я — заместитель генерального директора объединения.

— У вас есть служебное удостоверение?

— Естественно.

— Покажите его, пожалуйста.

— Пожалуйста.

— Спасибо.

— А теперь о сути дела, по которому мы здесь собрались. Двадцать шестого марта, то есть три недели назад, на кафедре «Финансы и кредит» состоялось профсоюзное собрание. Протокол собрания находится в этой папке. На этом собрании рассматривалось заявление доцента Сотниковой Евгении Ивановны о нарушении морально-этических норм поведения в высшем учебном заведении доцентом Черниковой Верой Петровной. В этом заявлении в нескольких эпизодах упоминается и ваша фамилия.

— Могу я ознакомиться с этим заявлением?

— Конечно. Вот оно. В папочке. Хотите его прочитать?

— С вашего позволения. Но перед этим разрешите мне воспользоваться вашим телефоном?

— Пожалуйста.

Платонов подошёл к телефонному аппарату, стоящему на тумбочке рядом со столом декана, и набрал нужный номер:

— Василий Петрович, это Сергей Павлович. Позвоните, пожалуйста, через диспетчера объединения моему начальнику канцелярии Зое Ивановне и предупредите, что я сегодня на работе не буду. Пусть она перенесёт встречу с Барыкиным на завтра в соответствии с моим расписанием. Всё. Ждите меня в машине. Я немного задержусь.

12.3

Платонов очень быстро прочитал все документы, аккуратно сложенные в папочке. Их было четыре: заявление доцента Сотниковой Е.И., протокол профсоюзного собрания, докладная Валентины Полищук и служебная записка вахтёра Николаева.

— А где объяснительная доцента Черниковой?

— Она отказалась что-либо писать, — за всех ответил заведующий кафедрой профессор Конюхов.

— Ну, что ж. Тогда я сам попытаюсь ответить на то, что прозвучало в заявлении доцента Сотниковой. Не знаю, чем руководствовалась эта дама, сочиняя гнусный пасквиль на свою коллегу доцента Черникову, но могу сказать только одно: Евгения Ивановна полностью искадила в своём заявлении благодстную картину этой ситуации. Дело в том, что это не у Черниковой роман со мной, а у меня с Черниковой. Чудный, трогательный роман. Он продолжается уже целый год, но, к сожалению, эта замечательная женщина об этом ничего не знает.

— Вы отдаёте себе отчёт в том, что сейчас нам рассказали? — спросил профессор Васильев, видя, что разговор со студентом Платоновым начинает продвигаться в сторону, о которой его вчера предупреждала жена Наташа. Она ему сказала: «Учти, Саша, если ваш студент — порядочный мужчина, он будет защищать женщину, а не выгораживать себя. И следовательно, ваша беседа закончится ничем».

— Конечно, отдаю, — ответил Платонов и продолжил. — Во всём виноват только один я. Сначала нахамил Вере Петровне, когда она меня не допустила до экзамена. Потом два раза неуклюже извинялся: один раз — в институте, второй — на улице. Даже пытался всучить ей на ходу букет цветов. Последняя моя ошибка — подвозил домой Евгению Ивановну и спровоцировал её на то, что она написала всю эту галиматью. Обиженная женщина — это не тигр в клетке, которого можно накормить. Это цунами, сметающее всё на своём пути.

— Почему же Вера Петровна отказалась комментировать то, что было написано в заявлении Евгении Ивановны? — недоумённо спросил профессор Конюхов.

— Потому что она — умная порядочная женщина и совершенно правильно сделала, что отказалась. Писать что-либо в ответ на эту глупость — значит, прыгать с доцентом Сотниковой на одной подкидной доске. А это ниже достоинства Веры Петровны. Не за что ей перед кем-либо извиняться. Не за что.

— А как вы можете объяснить своё безобразное поведение в отношении самой Евгении Ивановны?

— Никак. Всё было ровно наоборот.

— В каком смысле? — вступил в разговор декан заочного факультета Панфилов.

— В прямом. Во-первых, не я напрашивался к ней в гости, а она настойчиво мне предлагала зайти на чай. Причём, всё это происходило на глазах у моего водителя.

— Ну, ваш водитель — человек подневольный. Скажет то, что вы ему прикажете, — перебил его профессор Васильев.

— Это правда. Только мой водитель работает в организации, которая мне не подчиняется. Это, во-первых. А во-вторых, моя служебная машина имеет систему мониторинга движения, которая фиксирует во времени все её короткие остановки и длительные стоянки. Около дома Евгении Ивановны моя машина стояла не больше минуты, что и должно быть зафиксировано соответствующим регистратором.

— Это можно проверить? — спросил профессор Васильев.

— Конечно, если у вас есть желание. Ну и чтобы закончить со сплском претензий в мой адрес, скажу несколько слов о докладной записке секретаря факультета Валентины Полищук. Хорошая девушка, но не по той дорожке катится. Её или запугали, или подкупили.

— У вас всё? — недовольно спросил декан факультета Васильев.

— Всё.

— Вы свободны.

— Спасибо.

— Но хочу поставить вас в известность, товарищ Платонов, что институт подготовит письмо вам на работу, — как итог беседы сообщил профессор Панфилов.

— Когда подготовите — отправляйте, только оставьте, пожалуйста, в покое Веру Петровну Черникову. И позвольте мне ещё раз воспользоваться вашим телефоном: — Василий Петрович, подъезжайте ко входу в институт. Я через пять минут выхожу.

— До свиданья.

— Всего хорошего.

12.4

Сев в машину на своё любимое место сзади водителя, Сергей Павлович достал из дипломата бумаги и приготовился работать. Всё-таки до

Твери ехать больше трёх часов. Времени предостаточно, но сосредоточиться ни на чём не мог. В голове крутились разные фрагменты состоявшейся непростой беседы с тремя профессорами. При этом колючие, бесформенные осколки его впечатлений от этой беседы никак не складывались в разумную законченную картину.

Что же всё-таки, получилось в сухом остатке? Две серьёзные образованные женщины сцепились мёртвой хваткой друг с другом. Неужели из-за него? Да быть такого не может! Во всяком случае, со стороны Веры Петровны. Чушь несусветная...

Тогда из-за кого или из-за чего возник весь этот невероятный сырбор, в разбирательстве которого участвуют серьёзные люди?

«Не знаю и знать не хочу. Сцепились — и всё. Мама мне говорила когда-то, что у женщин такое бывает... Это — не ответ. Тем более, что одна из женщин этой кафедры мне далеко небезразлична...

И всё-таки, не могу представить, что являюсь предметом их внимания, а тем более — объектом схватки! Думаю, что весь этот балаган затеян Сотниковой для того, чтобы опорочить Черникову...

Зачем? По всей видимости, существуют и другие причины, кроме меня. Вера Петровна — исключительно интеллигентная женщина, случайно попавшая в эту ситуацию. А вот Сотникова — наглая, нахрапистая баба, хоть и с образованием, без какой-либо натяжки вписывается в этот террариум единомышленников...

А я причём?.. Мне это надо?.. Конечно, нет... Но, как говорится: «У тебя украли, ты украд — не важно. Участвовал...»

А вообще, что за люди со мной сегодня беседовали?.. Беседой этот разговор назвать нельзя — голый наезд. Один профессор — заведующий кафедрой, судя по поведению, ждёт не дожждётся, когда выйдет на пенсию. Лишнее слово сказать боится. Второй — декан заочного факультета — путается в фактах, говорит какими-то лозунгами. И только третий профессор, декан экономического факультета, находится на своей должности: нормально мыслит и задаёт вопросы по существу... Вроде все руководители высокого ранга, а занимаются какой-то чепухой. Разбираются со студентом, который никакого отношения к их непосредственной деятельности не имеет... Хотя это, может быть, и не чепуха... Не исключено, что в результате нескольких, не до конца продуманных действий, они почистят свои «авгиевы конюшни»...

А вот интересно, какое письмо они на меня напишут?

В любом случае, оно ко мне попадёт...

А если не ко мне?..

Цена этому письму — три копейки...

Не скажи... Любую бумагу можно рассмотреть таким образом, что придётся за неё оправдываться...

Правильно. А может, в самом деле, перевестись в другой институт? Платное обучение везде есть... Но в этом случае я должен буду распрощаться с женщиной, на которую молюсь... Нет, это — плохой вариант...

Что же делать?.. Нужно с кем-то посоветоваться... Но с кем? Надо подумать...»

То ли сказалось непростое совещание в министерстве, то ли двухчасовая неприятная беседа в институте, но через какое-то время Сергей Павлович задремал. И снилось ему, что кто-то настойчиво звонит по телефону. А он не может взять трубку и ответить на звонок. Телефон звонит на все лады, обещая разные сюрпризы и интересные сообщения, но у него нет сил, чтобы до него дотянуться. А напротив него стоит мама, смотрит на него с улыбкой и говорит:

— Я всё знаю. Даже больше, чем ты думаешь. Но не лежит у меня к ней душа, сыночек. Не лежит. Согласись, что она тебе — не пара...

12.5

На следующий день после возвращения из Москвы Сергей Павлович Платонов пригласил к себе начальника юридического отдела объединения Леонида Исааковича Горина — человека грамотного, выдержанного, а главное, исключительно порядочного, и подробно рассказал ему, о чём с ним говорили в Московском институте экономики и права. После этого Платонов достал из холодильника бутылку холодной минеральной воды, молча разлил её в два стакана и, не предлагая Горину, выпил свой залпом.

— Что вы так волнуетесь, Сергей Павлович?

— Нет... Вроде, нет причин для волнения.

— Ну я же вижу.

Горин подвинул к себе свой стакан и сделал несколько глотков.

— Больше ничего не хотите добавить? — спросил Леонид Исаакович у Платонова, вытирая платком губы.

— Ничего. А что ещё?

— Не знаю, вам видней. Только в ситуации, которую вы описали, я не увидел нигде вашего интереса

— Не пойму, о каком интересе вы говорите, Леонид Исаакович?

Горин сидел, делая вид, что последний вопрос адресован не ему. Но Платонов тоже замолчал.

— Так не бывает, — добавил Горин.

— Интерес у меня простой, — после минутной паузы снова заговорил Сергей Павлович, — чтобы оставили в покое Веру Петровну Черникову...

— Вот. Это уже ближе к делу. А скажите, Сергей Павлович, письмо, которое придёт в объединение по поводу ваших несовершенных дел, вас совсем не волнует?

— В принципе, нет.

— А зря. Оно будет очень некстати. Сейчас решается вопрос о назначении вас на должность генерального директора объединения. Вам это понятно, уважаемый?

— Но это же всё просто несерьёзно, Леонид Исаакович: машина, цветы, шоколадки.

— Сергей Павлович, масштаб претензий здесь не играет никакой роли. Серьёзно — несерьёзно. Главное, что они есть. А мастера, умеющие прекрасно делать слона из мухи, найдутся.

— Так что, получается, я не имею право на личную жизнь?

— Имеете, никто с этим не спорит. Только нам с вами нужно продумать серьёзные контрмеры, чтобы это безобидное, по вашему мнению, письмо вообще не вышло за стены московского института. Правда, в таком учреждении, как институт, письмо будут долго готовить, прежде чем отправить нам. Но это сути дела не меняет.

— И что вы предлагаете, Леонид Исаакович?

— Надо подумать, Сергей Павлович. То, что Евгения Ивановна, к которой вы якобы приставали, выстроила прочный редут из своих коллег — можете в этом не сомневаться. Это обычная схема корпоративных отношений в учреждении, где люди связаны между собой успешной профессиональной деятельностью.

— А институт именно такое место?

— Представьте себе, Сергей Павлович, да. Но в вашем случае, в этом гомогенном конгломерате есть одно инородное тело — секретарь Полищук, присутствие которой, как вы правильно заметили, определённо чем-то проплачено.

— И что?

— Она, может быть, где-нибудь учится?

— Думаю, что — нет. Уж больно она простая и глупая девица. Но это несложно проверить.

— Хорошо. Тогда есть другая версия. Вы мне сказали, что Евгения Ивановна упомянула, когда приглашала вас к себе в гости, своего мужа. Причём, представила его как известного по Москве строительного подрядчика. Я правильно вас понял?

— Правильно, только что это нам даёт? Известный строитель, неизвестный строитель...

— Многое даёт. Не исключено, что муж Сотниковой тоже участвует в этой игре.

— Каким образом?

— Этого я вам сказать не могу. Но у него, как строителя, всегда есть мутные места в работе — что-то утаил, что-то подменил, что-то недоделал. А что-то просто присвоил...

— И дальше что, Леонид Исаакович?

— А дальше, Сергей Павлович, нам нужно во что бы то ни стало найти эти места. Компромат на мужа Сотниковой должен заставить Евгению Ивановну отозвать своё заявление на Веру Петровну и предотвратить направление пасквильного письма в ваш адрес.

— Уважаемый Леонид Исаакович, вы тут развернули передо мной план целой войсковой операции. Не много ли чести этим людям?

— Смотрите, Сергей Павлович, лучше переоценить противника, чем недооценить. Судя по тому, что Сотникову не остановила, извините за упоминание, даже ваша служебная машина чёрного цвета с мигалкой, здесь можно ожидать любых сюрпризов.

— С мигалкой я никогда по Москве не езжу. Только на трассе, да и то очень редко. Когда куда-то опаздываю.

— Хорошо, без мигалки. Цель этой дамы простая — нагадить вам и убрать из института Веру Петровну. Она этого может добиться.

— Да вы что! Неужели всё так серьёзно?

— Думаю, что да.

Часть V.

Сколько верёвочке не виться

Глава 13. Леонид Исаакович

13.1

Леонид Исаакович Горин, главный юрист объединения, относился к Сергею Павловичу Платонову с большим уважением не только как к перспективному работнику, но и как к исключительно порядочному человеку. Для этого ему было достаточно только одного незначительного эпизода. Два года назад, на одном из производственных совещаний у генерального директора, главный инженер Андрей Иванович Громов, отвечая на вопрос директора о причине невыполнения планового заказа, заметил:

— Договор с заказчиком, к сожалению, до сих пор не подписан из-за позиции главного юриста Горина. Устроил, понимаешь, прямо на техническом совете объединения какую-то синагогу.

— А это вы к чему, Андрей Иванович, сказали? — сразу среагировал на его слова Сергей Павлович.

— Да ни к чему. Работать нужно, а не заниматься демагогией, чтобы потом не оправдываться.

Совещание у директора было продолжено, но вопрос Платонова был всеми услышан. И, конечно, кто-то Горину в тот же день всё пересказал.

Сейчас Леонид Исаакович, обдумывая информацию, полученную от Сергея Павловича по поводу его разговора с деканом Московского института экономики и права, пытался понять один для себя важный момент: участие трёх профессоров в разговоре со студентом Платоновым было случайным событием или заранее спланированным мероприятием? В первом случае к тому, о чём рассказал Платонов, следует отнестись без особого ажиотажа. Во втором — нужно глубоко продумать план ответных действий. Дело в том, что ни один уважающий себя профессор, если нет на то серьёзной необходимости, не будет рисковать своей репутацией и влезать в какие-то непонятные разборки.

Через два дня Горин позвонил Платонову:

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Как ваше самочувствие?

— Более менее в порядке. Как у вас дела, Леонид Исаакович?

— Да всё хорошо. Когда нам можно встретиться?

— Сегодня нет возможности — гости из Венгрии. А завтра — пожалуйста. Давайте в одиннадцать часов. Не возражаете?

— Договорились. Всего хорошего.

Леонид Исаакович Горин имел удивительную способность, нарабатанную многими годами профессиональной деятельности: при принятии любого решения перебирать много разных вариантов. В конце этого процесса у него что-то срабатывало в голове и указывало на наиболее оптимальный вариант. Сейчас он был в некоторой растерянности: в случае с институтом его методика не давала результата. Леонид Исаакович понимал, что условия работы людей на производстве, где главным было выполнение планового задания, и в институте, где требовалось соблюдать морально-этическую ситуацию, были, по определению, разные.

Что же, в таком случае, делать? Как сблизить эти далёкие друг от друга сферы деятельности? Каким образом высветить нужный для анализа общий для них параметр? С учётом этого Горин решил построить разговор с Платоновым в виде вопросов и ответов.

— Уважаемый Сергей Павлович, не можете ли вы мне подсказать, по какой причине объединилась уважаемая профессура московского вуза, обсуждая ваше поведение. Что их вдруг сплотило?

— Думаю, что это обычные корпоративные отношения между вузовской профессурой.

— Не совсем так, Сергей Павлович. Как правило, каждый профессор, исходя из личной значимости, ведёт в институте самостоятельную линию поведения и старается не нарушать конвенцию. А тут они дружно навалились на какого-то никому не известного студента-заочника. Что вы по этому поводу думаете, уважаемый?

— Естественно, Леонид Исаакович, что у каждого из этих людей свой мотив участвовать в обсуждении моего случая.

— Вы не будете так добры, Сергей Павлович, пояснить свой последний тезис?

— Попробую, но не уверен, что вы со мной по ряду пунктов согласитесь... Декана экономического факультета Васильева напрягла перманентная конфликтная ситуация, сложившаяся на одной из кафедр его факультета и беззубое при этом поведение заведующего. Заведующего кафедрой Конюхова озаботила жёсткая реакция декана Васильева на сложившуюся обстановку на кафедре и возможные неприятные по-

следствия разбирательства этого инцидента накануне его ухода на пенсию. Декана заочного факультета Панфилова интересовал только инцидент, связанный со студентом его факультета, подробно описанный в докладной секретаря факультета Полищук.

Последняя фраза, произнесённая Платоновым, внезапно высветила для Горина фигуру, с которой следует начинать распутывать этот клубок. Конечно, это секретарь Полищук, мотивы участия которой во всей этой истории совершенно непонятны. Более того, Полищук может быть той ниточкой, которая приведёт к основному персонажу, стоящему за возникновением данной ситуации. Не исключено, что этот персонаж даже не фигурирует в бумагах, с которыми ознакомили Платонова.

— А теперь у меня вопрос, Леонид Исаакович: как вам кажется, чью просьбу, а может быть, указание, выполняла Полищук?..

И тут в памяти Леонида Исааковича всплыла из рассказа Сергея Павловича фамилия строительного подрядчика Кругляка — мужа доцента Сотниковой. Теперь данную конфликтную ситуацию можно перенести на хорошо знакомое ему, как юристу, производственное поле. Благо, есть для этого серьёзный повод — их авиационное объединение начинает строительство спортивно-оздоровительного комплекса в Подольском филиале объединения и участие в этом подрядчика Кругляка может быть вполне оправдано.

Завершив разговор с Сергеем Павловичем, Леонид Исаакович вернулся в свой кабинет.

Листая записную книжку, он неожиданно наткнулся на фамилию одного из первых председателей московского строительного кооператива Провоторова Георгия Николаевича. Уж он точно должен знать шустрого строительного подрядчика Кругляка, которого прорекламовала его жена Сотникова.

Леонид Исаакович набрал указанный в книжке номер телефона Провоторова. На том конце телефонной линии бодро ответил женский голос:

— Управление кредитов, Злотникова. Слушаю вас.

— Добрый день. Не подскажете, милая барышня, как мне связаться с Георгием Николаевичем?

— Я сейчас вас соединю.

— Добрый день, Георгий Николаевич. Горин беспокоит.

— Леонид Исаакович? Рад вас слышать! Вы где сейчас находитесь? Случайно не в Москве?

— Нет. Я в Твери, но собираюсь на днях приехать в Москву. Как бы нам с вами увидеться, Георгий Николаевич?

— Очень просто. Накануне вы мне звоните по этому номеру и мы договариваемся о встрече.

13.2

Встречу Георгий Николаевич и Леонид Исаакович назначили в ресторане «Баку». Известное всем москвичам место, где можно отлично покушать. К ресторану Леонид Исаакович подъехал на машине ровно в три часа дня. Георгий Николаевич уже его ждал за столиком у окна. Они тепло поприветствовали друг друга.

— Сколько же лет мы не виделись, Леонид Исаакович? Какая встреча! Вы как-то внезапно исчезли из Москвы.

— Не я исчез, а меня насильно увезли в славный город Тверь на должность главного юриста авиационного объединения, где я и продолжаю в настоящее время пребывать.

— Сколько же лет прошло, Леонид Исаакович?

— Думаю, лет двенадцать. Не меньше.

— Не прошло, а пролетело.

— Ну, а вы как, Георгий Николаевич, поживаете?

— Я по-прежнему работаю в Министерстве внешней торговли и поднимаюсь, крадучись, по карьерной лестнице. Вот дослужился до начальника управления кредитов. Вам, случайно, Леонид Исаакович, на хороших условиях кредит не нужен?

— Нет, Георгий Николаевич, спасибо. Я, к счастью, по другому ведомству. Возьмёшь кредит, так вы потом в два раза больше денег потребуете вернуть...

— Это точно. Тут без баловства.

В шутках, анекдотах, взаимных подкалываниях промелькнуло два часа, прежде чем Леонид Исаакович стал рассказывать Георгию Николаевичу о большом проекте объединения — строительстве под Подольском спортивно-оздоровительного комплекса.

— Я вот по какому вопросу хочу с вами посоветоваться, Георгий Николаевич. Нам нужен толковый, а точнее, надёжный строительный подрядчик. Вы, как мне помнится, были председателем строительного кооператива Министерства внешней торговли и сталкивались с людьми этой непростой профессии.

— Да, я был председателем правления кооператива и уговорил быть

моим спарринг-партнёром одного молодого юриста, выпускника МГУ — Черникова Виктора Ивановича. Мы с ним разделили сферы деятельности: я занимался согласованиями, разрешениями, кредитами, банками, а Виктор Иванович работал непосредственно со строителями, снабженцами и всякими другими службами.

— И тем не менее, вы не помните, Георгий Николаевич, фамилию строительного подрядчика — Кругляк?

— Нет, не помню. А давайте, Леонид Исаакович, я вам дам телефон Черникова. Я думаю, что он даст какую-нибудь информацию об интересующем вас человеке.

— Черников, Черников... Где-то я недавно слышал эту фамилию, — старался вспомнить Леонид Исаакович.

— Для нас с женой — это очень дорогие люди, — продолжил говорить Георгий Николаевич. — Благодаря Виктору Ивановичу и его жене появилась на свет наша красавица дочечка.

— А где жена Черникова работает?

— Этого вам сказать не могу. Я её видел с мужем всего пару раз, и то очень давно. Производит серьёзное впечатление умной интеллигентной женщины.

13.3

Отец Леонида Исааковича Горина геройски погиб на фронте в марте 1942 года. В это время Роза Марковна Горина и её дети — двухлетний мальчик Лёня и его старшая сестра Лёля ходили по домам промышленной зоны Челябинска в поисках жилья. Мама, после четырёх месяцев бегства от фашистов, держа на руках худенькое тельце сына, умоляла взять их на постой на любых условиях, но получала везде отказ. Шансы на то, чтобы найти хоть самый плохой кров после толпы беженцев, прочесавших до них этот район, были близки к нулю. Но они упорно продолжали искать приют, и вот в одном деревянном двухэтажном доме, после стука в дверь, на пороге появилась женщина в мужском ватнике и строгим тоном, посмотрев на женщину с детьми, спросила:

— Евреи? — и после того как мама безнадежно мотнула головой, сказала: — Вас возьму. Больше никого. Заходите и вещи заносите. Меня звать Наталия Фёдоровна.

После небольшой паузы, когда Роза Марковна сняла пальто и раздела детей, Наталия Фёдоровна добавила:

— Я в одной комнате живу. Будете спать втроем. На старом топчане.

За постой мне платить не надо, но готовить должны из своих продуктов. Вам всё понятно?

— Понятно, — тихо ответила мама. — Спасибо.

— Почему тебя с детьми беру — не спрашивай. Когда время придёт, сама расскажу.

По окончании войны Роза Марковна Горина вернулась с детьми в свой небольшой городишко на юге Украины. Маленький Лёня много раз в детстве слышал от мамы страшные рассказы об эвакуации и узнавал из них много для себя нового. А когда они отмечали 27 апреля 1947 года — десятый день рождения старшей сестры Лёли, мама вдруг вспомнила:

— Утром в тот день я подарила Лёлечке два моточка толстого белого бинта, из которого девочки делали себе красивые банты. Хозяйка это увидела и вечером, когда все сели ужинать, поставила в центр стола большую тарелку с манным пудингом, политым каким-то сладким сиропом.

— Хоть ты, Роза, и скрываешь от меня, но я догадалась, что сегодня день рождения твоей дочери. Поздравляю.

— Спасибо, Наталия Фёдоровна, за поздравление, но мне кажется, что сейчас людям не до праздников.

— До праздников, до праздников, но по своим возможностям. Пока жив человек, он должен жизни радоваться и отмечать такую дату, как день своего рождения. Это — подарок Божий. Им нельзя пренебрегать. А теперь ты у меня спроси, почему я тебя с детьми у себя приютила?

— Извините, не знаю.

— А я тебе сейчас расскажу. В школе у меня была одна близкая подруга. Звали её Фая. Фаина Соломоновна Берштейн. Честная, умная девочка. Я её очень любила, — и вдруг эта простая русская женщина стала в голос плакать и причитать. Скорбь её была такая искренняя и неподдельная, что плакать начали все сидящие за столом.

Когда Наталия Фёдоровна немного успокоилась, она продолжила свой рассказ:

— В сорок первом году фашисты на Украине сожгли мою Фаю вместе с двумя маленькими детьми. Это я буду помнить до конца своих дней. Так что живи у меня, Роза, сколько хочешь и ни о чём не думай.

Из рассказа мамы, Леонид Исаакович понял для себя на всю оставшуюся жизнь, что все люди, в зависимости от их отношения к евреям, делятся на две большие группы — на хороших и плохих. И больше никакой другой классификации, независимо ни от чего, не существует.

По окончании войны, начиная с 1946 и по 1965 год, пока Наталия Фёдоровна была жива, Роза Марковна каждый месяц посылала этой святой женщине деньги. Как она объясняла своим детям, за построй во время войны, а на самом деле — за большое человеческое сердце, которое в самое страшное время войны с фашистами чутко среагировало на чужую беду и боль.

13.4

В тот же день после обеда в ресторане с Провоторовым, Леонид Исаакович позвонил Виктору Ивановичу Черникову.

— Здравствуйте, коллега. Вас беспокоит начальник юридического отдела Тверского авиационного объединения Леонид Исаакович Горин.

— Очень приятно, Леонид Исаакович. Чем обязан?

— Я сегодня имел удовольствие обедать с господином Провоторовым Георгием Николаевичем, и он любезно дал мне ваш телефон. Когда мы можем с вами встретиться и поговорить?

— Позвольте узнать, на какой предмет?

— Хотелось бы посоветоваться с вами по некоторым вопросам гражданского строительства.

— Понятно. Запишите, пожалуйста, адрес моего офиса. Вас устроит завтра в десять часов утра?

— Да, вполне.

— Тогда до завтра.

— Всего хорошего.

Двухэтажное здание, в котором располагалась юридическая контора Виктора Ивановича Черникова, было старинной архитектурной постройкой и утопало в зелени. Некоторые окна были ею затянuty полностью. Около входной двери висела массивная информационная доска, на которой золотыми буквами было написано: «Адвокат-нотариус Черников Виктор Иванович».

При входе в здание Леонида Исааковича остановил современно одетый молодой человек:

— Извините, уважаемый, вы приглашены?

— Да.

— На какой час?

— На десять утра.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Горин Леонид Исаакович.

Молодой человек достал из бокового кармана пиджака какое-то устройство и нажал на кнопку.

— Леночка, господин Горин приглашён на десять утра?

— Устройство мигнуло зелёной лампочкой.

— Проходите, пожалуйста, на второй этаж. Если желаете, можете на лифте. Кабинет 210.

В большой приёмной Леонида Исааковича встретила симпатичная молодая девушка. Она протянула ему визитную карточку, на которой золотыми буквами были написаны телефоны и адрес адвокатской конторы Черникова.

— Присаживайтесь, пожалуйста, Леонид Исаакович, Виктор Иванович вас пригласит.

В офисе Черникова всё говорило о высоком уровне обслуживания: солидная вывеска, красивая визитная карточка, вышколенный персонал.

— Господин Горин, Виктор Иванович приглашает вас к себе в кабинет.

13.5

Навстречу Горину из-за стола вышел спортивного вида мужчина лет пятидесяти и протянул гостью руку:

— Черников Виктор Иванович.

— Горин Леонид Исаакович. Очень приятно.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Что вас привело ко мне, коллега? Хотя после того, как вы отрекомендовались знакомством с Провоторовым, как говорит грузин после посещения хорошего ресторана: «Спасибо, пальто не надо».

— Георгий Николаевич Провоторов — это мой наставник. Благодаря ему я занимаюсь адвокатской деятельностью, — с улыбкой произнёс Горин.

— Он мне тоже в своё время очень помог. Серьёзный человек. А теперь, Леонид Исаакович, расскажите, чем я могу быть вам полезен?

— Дело в том, Виктор Иванович, что я никогда в своей практической деятельности не занимался гражданским строительством, хотя в юриспруденции более пятнадцати лет. А интерес у меня вызвала фраза, которую вчера произнёс господин Провоторов: «Когда я стал председателем строительного кооператива, мне нужен был человек, чтобы прикрыть спину. Надёжный юрист. И я пригласил на эту должность».

Черникова Виктора Ивановича». Как вам удалось заработать такую репутацию?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос, Леонид Исаакович. А вы, вообще, кто по базовому образованию?

— Я — историк. Окончил Ставропольский университет, но меня с дипломом историка, к сожалению, несколько лет никуда не брали на работу. Пробавлялся всякой ерундой.

— И как вы вышли из этого затруднительного положения?

— Друзья надумили пойти учиться заочно на юридический факультет того же университета. В совокупности два диплома сразу заработали. Я стал просто нарасхват.

— В каком смысле — нарасхват?

— Заказывали выполнение экспертных и оценочных услуг. Потом устроился юрисконсультом на одно из оборонных предприятий Калужской области.

— А сейчас работаете начальником юридического отдела авиационного объединения в Твери?

— Совершенно верно. Объединение огромное, с большим количеством филиалов. Вот сейчас задумали строить в Подольске большой спортивно-оздоровительный комплекс. Вы бы не могли подсказать, Виктор Иванович, кого из известных московских строителей можно пригласить к нам в субподрядчики?

— Да их море, но я уже этим давно не занимаюсь, Леонид Исаакович.

— Понятно. Я вот уже не помню, но кто-то мне назвал фамилию энергичного, при связях некого Кругляка. Георгий Николаевич сказал, что у вас должен быть его телефон.

— Я могу вам дать его телефон, Леонид Исаакович, но рекомендовать с ним работать воздержусь.

— Почему?

— Потому что он непростой человек. Не брезгует всякими авантурными делами, а мне это не нравится.

— Вы давно в строительном бизнесе, Виктор Иванович?

— Лет двадцать, пожалуй. Начинал вместе с Георгием Николаевичем — строили первый кооперативный дом для Министерства внешней торговли. Особых проблем тогда не было — никто в те времена взятки не требовал и приписками не занимался.

— А скажите, Виктор Иванович, почему вся эта дрянь расцвела махровым цветом в настоящее время? Люди перестали бояться или мы с вами научились их хорошо защищать?

— Потому что раньше многие не знали, что такое красиво жить, и не стремились к этому, наплевав на все опасности. А сейчас знают и используют любые методы для того, чтобы наворовать, нахапать и побыстрее обогатиться. Вот так, Леонид Исаакович.

— И что с этим делать?

— Ничего. Надо этим переболеть. Пережить, как вирус. И не следует никого и ничего сравнивать. Тогда было одно время, сейчас — другое.

— В смысле?

— В смысле совести, достоинства, порядочности, чести. Если хотите, отношения к государству, обществу, семье. Раньше в почёте было образование, культура, интеллект. Книги читали, музыку слушали. А сейчас на календаре, уважаемый, девяностые годы. На передний план у людей вышли большие деньги, за которые могут продать, предать, оклеветать, убить.

— Но для того, чтобы это предотвратить, Виктор Иванович, существует закон и его охранители в нашем лице.

— Да что вы говорите, Леонид Исаакович? А я не знал.

И оба, не сговариваясь, стали громко хохотать.

— А давайте мы с вами кофейку попьём с ликёром. У меня хороший кофе. Не возражаете?

— С удовольствием.

За кофе и сигарами пошёл совсем другой разговор — добрый, интересный, увлекательный. Подбрасывая друг другу различные шуточки, рассказывая анекдоты и байки, Черников и Горин не заметили, как промелькнуло два с половиной часа.

Провожая гостя, Виктор Иванович заметил с усмешкой:

— Леонид Исаакович, извините, пожалуйста, но я, правда, не совсем понял, зачем вы ко мне приходили. Но это теперь не важно. Я рад нашему знакомству. Будете в Москве, непременно звоните.

Горин тоже был доволен результатом визита к Черникову. То, что он наметил сделать в своей московской поездке, он сделал. В кармане у него лежал телефон Кругляка, а главное, есть вразумительная легенда, по которой можно на него выйти.

13.6

Леонид Исаакович пришёл в авиационное объединение города Твери много лет назад на должность рядового юриста. За годы работы в объединении вырос до начальника юридического отдела и своей долж-

ностью очень дорожил. Всё, вроде бы, складывалось хорошо до тех пор, пока Горин не схватился на одном из совещаний с главным инженером объединения Громым.

— Леонид Исаакович, задержитесь на пару минут. У меня есть к вам небольшой разговор.

— Слушаю вас, Андрей Иванович.

— Скажите, пожалуйста, почему вы мне, главному инженеру объединения, постоянно мешаете проводить нормальную техническую политику? Вы второй раз за последнее время не позволили принять техническому совету объединения серьёзное и взвешенное решение. Если у вас были возражения, вы могли бы перед совещанием мне их высказать, а не устраивать чёрт знает что.

— Вы имеете в виду синагогу?

— Что?

— Синагогу, говорю. Вы так представили эту ситуацию генеральному директору.

— Послушайте, Леонид Исаакович, почему вам, в самом деле, не уехать в свой Израиль. Сейчас только ленивый не уезжает из России. Все об этом мечтают, а вы не хотите.

— Рад был бы, но, к сожалению, не могу.

— Почему?

— Потому что там живут одни евреи.

— Ну и прекрасно.

— Не совсем. Я со своими средними способностями просто в Израиле затеряюсь.

— Всё. Вы свободны.

С этого дня жизнь начальника юридического отдела объединения Леонида Исааковича Горина наполнилась другим смыслом — он поставил себе задачу не допустить на должность генерального директора Андрея Ивановича Громова, который конкурировал с Сергеем Павловичем Платоновым. Всё, в принципе, складывалось в пользу Платонова, но вот незадача — возникла угроза появления в объединении порочащего письма из Московского института экономики и права.

— Что ты паникуешь, Горин? — успокаивала его жена. — Ну, придёт какое-то письмо? Сколько разных писем люди пишут друг на друга! Так устроен человек. Но это же, в конце концов, не тридцать седьмой год.

— Согласен, но письмо есть письмо. Одни письма выбрасываются в корзину, за другие люди оказываются в лагерях. А иногда письмо даже не разбирается: замаран — и всё.

— Это точно. Пятно на мундире Платонова может появиться совершенно не вовремя и сразу изменить всю картину. Так что тебя, дорогой, так озаботило? — продолжала она спрашивать мужа.

— Озаботила лёгкость, с какой Платонов относится, судя по его собственному рассказу, к этой ситуации. Поэтому мне самому требуется принятие незамедлительных мер по этой проблеме. Ведь сейчас решается судьба не только Платонова, но и моя.

13.7

Вернувшись из Москвы, Леонид Исаакович стал готовиться к активной фазе операции под кодовым названием «Письмо». Он ещё раз прокрутил в голове всю информацию, которую ему сообщил несколько дней назад Сергей Павлович, и определился с центральной фигурой в этом конфликте. Это, безусловно, была Евгения Ивановна Сотникова и связанные с ней две позиции: надуманные претензии по поводу того, что Платонов прямо на улице её домогался (свидетельские показания водителя машины будут, по всей видимости, отвергнуты, как заинтересованного человека); служебная записка секретаря заочного факультета Полищук, написанная, безусловно, под диктовку Сотниковой (без прямой для себя выгоды эта ушлая девица ничего бы не делала).

Леонид Исаакович второй день по возвращению из Москвы анализировал ситуацию, сложившуюся вокруг Сергея Павловича Платонова, и искал различные варианты её благоприятного разрешения. Вариантов было несколько, но все они были какие-то слабые и зависящие от подхода к этому делу московского института. И тем не менее, беседа с Провоторовым, а затем с Черниковым укрепила Леонида Исааковича в мысли, что нельзя стоять в оборонительной позе и ждать кляузного письма. Нужно играть с Сотниковой на опережение и нанести превентивный удар по научному сообществу института.

Первой целью этого удара должна стать секретарь заочного факультета Полищук, которая привела в своём письме надуманные факты морального падения студента Платонова.

Второй — доцент Сотникова, обвиняющая Сергея Павловича в якобы имеющих место с его стороны сексуальных домогательствах.

Леонид Исаакович достал из ящика стола чистый лист бумаги и сверху большими буквами написал:

«Некоторые соображения по делу: Сотникова—Черникова
(тезисы)

1. Мелкие и примитивные претензии Полищук к Платонову имеют, к сожалению, доказательную базу. Поэтому Сергею Павловичу нужно будет подготовить объяснения.

2. Вся контригру следует построить на секретаре факультета Полищук, привязав к ней действия мужа и жены Сотниковых.

3. Обязательно однозначно установить, чем подкупила Сотникова алчную Полищук.

4. Ни в коем случае не допустить никаких обсуждений, а тем более разбирательств надуманных обвинений Сотниковой в сексуальном домогательстве со стороны Платонова.

5. Платонова в мои планы до поры до времени не посвящать».

13.8

Сегодня Леонид Исаакович Горин был доволен собой — пасьянс дела Сергея Павловича Платонова вроде как начал складываться. При этом все участники этой мутной истории заняли свои, отведённые им заранее, места. Тем не менее, требовалось найти предметные доказательства всем его гипотезам и, в первую очередь, сведения о месте жительства семьи Полищук. От этой информации теперь зависело очень многое. Конечно, можно войти в плотный контакт по строительному проекту объединения с самим Кругляком, сославшись на «рекомендацию» Черникова. Но здесь не исключено, что эта фамилия сразу отпугнёт Кругляка и ниточка оборвётся.

Есть ещё один вполне легальный вариант получить информацию: направить упреждающий официальный запрос объединения руководству Московского института экономики и права по теме законности беседы с Платоновым в деканате.

«Так как Сергей Павлович является не простым сотрудником производственной структуры объединения, а заместителем генерального директора, то в сложившейся ситуации я, как начальник юридического отдела, имею право просить выслать в адрес объединения все необходимые документы для проведения внутреннего расследования...»

Но здесь, к сожалению, существуют две равноценные опции: первая — для того чтобы не выносить сор из избы, Московский институт экономики и права сам закроет дело, вторая — институт всё-таки присылает обещанное письмо на Платонова. В таком случае объединение обязано его рассмотреть и направить в адрес института официальный ответ.

Леонид Исаакович написал последнее предложение, открыл нижний ящик письменного стола и положил туда свои тезисы. Однако перед самым уходом домой он их снова достал и дописал: «Обе опции — плохие. Первая не может состояться, потому что дело вышло на самый верх руководства института, а вторая — потому что противоречит решению поставленной задачи».

Домой Горин пришёл не в лучшем настроении. Жена Таня была не одна. В гости к ней пришла её младшая сестра Оля. Разница в возрасте у них была всего один год, и они постоянно цапались друг с другом по любому поводу. Разговор между ними шёл, как обычно, на повышенных тонах. Сидели женщины во второй комнате, но неплотно прикрытая дверь позволяла Горину слышать, о чём они спорили. Тема была традиционной: делёж жалкого наследства давно умерших родителей.

Леонид Исаакович никогда в этот спор не влезал, так как ему было совершенно понятно — дело не стоит выеденного яйца. Но в пылу разговора сёстры говорили друг другу такие вещи, которые вряд ли бы обсуждали в обычной обстановке.

И вдруг его осенило: а чем отличается ситуация на кафедре Московского института экономики и права от мелкой свары между его женой и сестрой, которую он наблюдает в течение многих лет? Да ни чем! Только женщин на кафедре профессора Конюхова значительно больше двух, чем сейчас у него в квартире. При этом они громче кричат и активней себя ведут.

Отсюда вытекает простой вывод: нужно набраться терпения и ждать. Рано или поздно в женском коллективе интересные подробности, касающиеся конфликта между Черниковой и Сотниковой, обязательно выплывут на поверхность. И тогда, как любил говорить его школьный учитель математики, довольный ответом своего ученика, — люди-люди, нате вам на блюде...

В приподнятом настроении, Леонид Исаакович прямо из коридора, не заходя в комнату, где сидели женщины, прошёл на кухню и налил себе перед ужином рюмку водки.

13.9

Своё скверное настроение заведующий кафедрой профессор Конюхов пытался уже несколько дней объяснить тем, что у пожилых людей весной, как правило, обостряются все недуги. А настроение — это эмоциональный отклик человека на состояние его организма. Если с ор-

ганизмом всё в порядке, то и настроение хорошее. А если нет, то ищи проблемы в себе, а не в окружающей среде.

Но сегодня утром он решил прекратить себя обманывать и признать в том, что причиной его плохого настроения является Вера Петровна Черникова. Он давно не ровно дышит к этой скромной умной женщине, а после смерти жены, зная, что она живёт отдельно от мужа, даже хотел сделать её объектом своего внимания. Но отступил, когда она категорически отказалась от предложения стать его заместителем. В последнее время, после скандала с Сотниковой, их отношения вовсе стали прохладными. И ещё он себя всё время ругал за то, что не только не защитил Веру Петровну на профсоюзном собрании кафедры, но и поддался общему настроению осуждения Черниковой, инициированному наглой интриганкой Евгенией Ивановной.

Сегодня, придя на кафедру и пройдя прямо через всю большую аудиторию, где сидят преподаватели, в свой кабинет, Конюхов сразу пригласил к себе доцента Черникову.

— Присаживайтесь, Вера Петровна. Мне кажется, что вы последнее время стараетесь меня избегать. Это на самом деле имеет место быть или мне показалось?

— Вы мне задали, Владислав Павлович, очень непростой вопрос. Как я могу вас избегать? Вы — заведующий кафедрой, а я — простой преподаватель.

— Ну, не такой уж и простой. Как-никак — доцент. Так что, голубушка, не надо прибедняться. А сейчас я вас спрашиваю не как заведующий кафедрой, а как мужчина женщину, — захихикал довольный собой профессор Конюхов.

— Боже мой, что-то чересчур много мужского внимания в последнее время на меня свалилось, — тоже шуткой решила ответить Вера Петровна. — То какой-то студент глаз на меня положил. Теперь вы. Это явно не к добру.

— Наоборот, дорогая моя, к добру. Но перед этим я хочу вам кое-что рассказать. Только вы меня, Вера Петровна, не перебивайте. Хорошо?

— Хорошо.

— Позавчера в кабинете профессора Васильева, в присутствии декана заочного факультета профессора Панфилова, состоялся весьма интересный разговор, коим свидетелем я лично был, — заведующий кафедрой профессор Конюхов сделал многозначительную паузу и внимательно посмотрел на Черникову. Та молча сидела и ждала, когда он продолжит говорить.

— Вас не интересует, Вера Петровна, с кем был разговор и о чём?

— Нет, не интересует. Со мной многие, как ни странно, хотят поговорить на разные серьёзные темы. Так что я к этой ситуации уже более менее адаптировалась.

— Напрасно. А разговор был, уважаемая, со студентом четвёртого курса заочного факультета Сергеем Платоновым. Я его первый раз в жизни видел, но он произвёл на меня весьма хорошее впечатление. Собранный, серьёзный, а главное, правильный человек.

— В каком смысле — правильный?

В смысле, что не хитрит и не ловчит. Не стремится выглядеть лучше, чем на самом деле есть. Говорит, что думает.

— И что же он сказал интересного, Владислав Павлович?

— Он сказал... только вы на меня, ради Бога, не обижайтесь, Вера Петровна... что у него с вами роман. При этом он особо подчеркнул — не у вас с ним, а у него с вами.

— Он нормальный человек или идиот?

— Вера Петровна, я передаю вам слово в слово то, что сказал этот человек. Как стенограмму. А теперь вам решать, что с этим делать.

— Спасибо, Владислав Павлович, за неординарную информацию. Я, с вашего позволения, подумую.

— Да, вот что ещё. Он сказал, что вы молодец, не стали ни перед кем оправдываться, писать объяснительные и отвечать на всякую грязь. К сожалению, декан Васильев предупредил Платонова, что отправит ему на работу какое-то нехорошее письмо. Теперь — всё.

Профессор Конюхов и доцент Черникова проговорили друг с другом больше часа. Они обсудили несколько тем, в том числе обстановку на кафедре, подготовку ею докторской диссертации, предстоящий на следующий год уход его с должности заведующего кафедрой на пенсию. Однако к ситуации, связанной со студентом Платоновым, больше не возвращались. Вся кафедра, стараясь не шуметь, следила через стеклянные стены кабинета Конюхова за их беседой, но по лицу Веры Петровны, когда она вышла из кабинета заведующего кафедрой, прочитать было ничего нельзя.

После разговора с доцентом Черниковой, профессор Конюхов сидел и думал о том, что обязан в настоящее время поддержать Веру Петровну в конфликтной ситуации на кафедре, ибо его идея рекомендовать её на должность заведующего кафедрой вместо себя абсолютно здравая.

А ещё он почему-то подумал о том, что в студенте заочного факультета, получающего второе высшее образование, нужно видеть, прежде

всего, специалиста, желающего повысить свою квалификацию, а не обсуждать, на какой машине он приезжает в институт. И вообще, ничего страшного нет в том, что студент и преподаватель испытывают симпатии друг к другу. Они — взрослые люди и способны сами решать, как в этой ситуации поступить.

13.10

Владислав Павлович Конюхов знал о членах своей кафедры всё: когда кто пришёл на кафедру, как готовили и защищали диссертации, где работают члены их семей, сколько у кого детей и другие подробности. На кафедре всегда было чисто и уютно, пахло духами и выпечкой. Женщины старались принести на кафедру что-то домашнее и угостить, а порой удивить своим кулинарным искусством коллег, не говоря о том, какие столы они накрывали на праздники. А как весело, с какой добротой и искренностью отмечались на кафедре интересные семейные даты!

Правда, не всё было в коллективе кафедры безоблачно и мило, как казалось со стороны. Имели место ссоры и скандалы, выяснения отношений и последующие обиды, но Владислав Павлович искренне любил свою кафедру и с грустью думал о том, что когда-то будет вынужден её оставить.

После продолжительной беседы с Конюховым, а главное, той информации, которую он ей сообщил, Вере Петровне было не по себе. Но не успела она сесть на своё рабочее место, как к её столу подошла старший преподаватель кафедры Никифорова.

— Вера Петровна, можно мне с вами поговорить?

— Слушаю вас, Антонина Николаевна. Присаживайтесь, пожалуйста. О чём вы хотите со мной говорить?

— Дело в том, что не все преподаватели, присутствовавшие на недавнем профсоюзном собрании кафедры, были на стороне Евгении Ивановны. Многие из нас знают цену её высказываниям и категорически их не поддерживают. Но самое важное я вам хотела сказать не это. Дело в том, что у меня в методическом управлении нашего института работает родственница. Они с Валецкой Полищук часто ездят вместе домой. По всей видимости, живут недалеко друг от друга. Так Валентина ей однажды, под большим секретом, рассказала, что написала докладную записку на вас под давлением Сотниковой. Евгения Ивановна за

это обещала, что её муж практически бесплатно перестроит ей квартиру, которую они недавно купили.

— Вы бы мне, Антонина Петровна, очень помогли, если бы узнали адрес, по которому проживает семья Полищук.

— Точно не могу сказать, но они обычно вместе выходят на станции метро «Речной вокзал», а дальше Валя садится на автобус номер 132.

— Спасибо, Антонина Николаевна, за информацию.

— Не за что. Ещё раз извините, что вас побеспокоила.

— Да какое уж тут беспокойство. Наоборот, я вам очень благодарна за поддержку.

13.11

Сегодня, наверное, впервые за много лет, Вера Петровна Черникова ни на кого в метро не обращала внимание. Никто её не интересовал, а главное, не раздражал. Как ни странно, за то время, что она была в институте, окружающий мир кардинально изменился. Утром, куда ни глянь, были сплошные неандертальцы — страшные, шумные, хамовитые. А сейчас — спокойные, уставшие от работы и замученные своими домашними проблемами люди. Значит, верно говорят, что мир как зеркало: если у тебя внутри праздник, то и вокруг всё красиво, а если неприятности на душе, то всё — погано.

«А что же, собственно говоря, сегодня произошло? Что меня могло привести в такое благостное состояние? — начала рассуждать про себя Вера Петровна. — Неужели байку о глупом романе со студентом Платоновым профессор Конюхов придумал?.. Не может быть такого. Он ещё поклялся, что всё это — чистая правда. И, в самом деле, зачем это ему, пожилому человеку, надо?.. С другой стороны — просто смешно. Такие слова больше подходят сопливому гимназисту, признающемуся в любви однокласснице, а не солидному заместителю генерального директора..»

А может, Конюхов ничего не придумал и всё, что он рассказал, было на самом деле?..

Но такого не может быть! Уж больно неподходящая обстановка. Всё-таки — кабинет декана... Присутствуют несколько почтенных незнакомых людей. А тут — такая нелепая откровенность...

Другое дело, информация, которую сообщила ей сегодня старший преподаватель Никифорова... Хорошая, порядочная женщина. Нужно подумать, что с этой информацией делать...

Вообще и так было понятно, что секретарь Полищук написала свою возмутительную бумагу под чьим-то давлением. Неужели это рука Евгении Ивановны?.. А почему бы и нет? В силу своего грязного торгашеского нутра она вполне могла принудить это сделать молодую женщину...

И что?.. А то, что это уже круче, чем наш разговор у меня дома, когда Сотникова угрожающим тоном требовала от меня отстать от Платонова. Это уже не пустые слова, а конкретные действия, которые могут закончиться серьёзными для всех неприятностями...

Интересно, какими?..

Прежде всего, может пострадать моя деловая репутация, а мне ещё в этом институте работать и работать...

Это верно, а что ещё?..

Как — что ещё! Поставлен под удар ни в чём не виновный человек...

Ты имеешь в виду Платонова?..

Конечно...

Ну ты же знаешь, Верочка, поговорку: не тронь дерьмо...

Знаю. А ты предлагаешь продолжать делать вид, что ничего вокруг не происходит?..

Нет, не предлагаю. Это — глупо.

Вот. Не исключено, что мне сейчас могут понадобиться грамотные адвокатские услуги и, следовательно, без помощи мужа не обойтись. Это — с одной стороны. А с другой?.. А с другой, что я Виктору скажу? Что ко мне приставал какой-то студент и я не смогла ему дать отпор? Что меня разбирали на профсоюзном собрании за аморальное поведение и коллеги объявили мне бойкот?..

А если честно, то не в этом всё дело. Я без Платонова жить не могу...

Ты что, влюбилась в него?..

Да. И ты сама это прекрасно знаешь... А что касается Сотниковой, то, вне всякого сомнения, она — последняя стерва и эту историю придумала, чтобы нас развести...

Ну так что ты от Виктора хочешь — чтобы он пожалел тебя и наказал Сотникову? Вступился за поруганную честь своей пока ещё жены и разобрался со студентом Платоновым?

Не знаю... В голове сплошная каша. Нужно подумать...»

Вечером того же дня Вера Петровна позвонила мужу.

— Витя, ты завтра после шести вечера свободен?

— Вообще я занят. Но если нужно, освобожусь.

— Освободись, пожалуйста. У меня есть к тебе небольшой разговор.

— Хорошо. До завтра.

Глава 14. Наощупь

14.1

Вера Петровна весь вечер, чтобы отвлечься от тягостных мыслей, придумывала для себя различные работы: перебрала вещи в платяном шкафу, постирала гардины, навела порядок на письменном столе. Но потом всё отставила и решила приготовить на завтра ужин для мужа. Он всегда любил — привычка детства — простые блюда: селёдку с картошечкой и лучком, жареное мясо, гречневую кашу с салом, да ещё мамини пирожки из особого теста с любой начинкой. Мама умерла, не передав секрет приготовления пирожков, а у неё они получались не такими вкусными. Пити муж не будет, так как за рулём.

Виктор Иванович пришёл ровно в шесть, купив ей, как обычно, красивый букет цветов. Отношения у них сохранились достаточно тёплые, но не более. Они, в принципе, были согласны расторгнуть брак, но формальный повод для этого не возникал.

— Что-то, Верочка, ты неважно выглядишь. Синяки под глазами. У тебя неприятности?

— К сожалению, да. Но прежде чем я тебе о них расскажу, мы поужинаем. Не возражаешь?

— Конечно, нет. Прийти к жене и не пообедать — это просто преступное действие.

— Ты всё шутишь, Витя. А ведь не знаешь, по какому поводу я тебя пригласила. Может, после моего трогательного рассказа ты и ужинать не захочешь?

— Ни за что. В одном европейском государстве много лет назад, когда ещё не было кодекса о труде, существовало правило: перед тем как уволить работника, хозяин обязан был его сытно накормить.

— Ну, я тебя пока не собираюсь увольнять.

— И это хорошо. Слушаю тебя внимательно, Верочка. Только, если ты не возражаешь, я буду во время твоего рассказа потихоньку кушать свои любимые блюда.

— Конечно, кушай. Я для этого их приготовила.

Вера прекрасно знала привычку своего мужа слушать всё до конца, не задавая никаких вопросов. И хотя ей приходилось несколько раз во время своего рассказа уходить на кухню за очередным блюдом, это никак не влияло на реакцию Виктора. Он спокойно сидел и ждал её воз-

вращения. Сейчас он был не муж, а юрист — жёсткий, собранный, чёткий, умеющий сфокусировать своё внимание на главной информации.

— Ну, вот, пожалуй, Витя, и всё, что со мной в последнее время произошло. Ты кофе будешь пить?

— Да, буду.

— Тебе, как обычно, один сахар?

— Один. Спасибо, Верочка, за ужин. А теперь присядь, пожалуйста.

У меня есть к тебе несколько вопросов.

— Слушаю тебя, Витя.

— Ты когда видела в последний раз студента Платонова, о котором тебе вчера рассказал профессор Конюхов?

— Где-то месяцев восемь тому назад. Когда он хотел ещё раз извиниться и прямо на улице вручить мне букет цветов.

— Ты испугалась, как я помню, и попросила его предъявить удостоверение личности?

— Правильно. И он мне его сразу показал.

— Тогда ты обратила внимание на две большие буквы «О» и «С» в его удостоверении и позвонила мне с вопросом, что они обозначают?

— Да. А после того как ты мне объяснил, я успокоилась и вообще забыла об этом инциденте.

— Ты никому не рассказывала об удостоверении Платонова?

— Нет, никому. А кому я могу рассказать? Кого это может интересовать?

— Ну, например, Евгении Ивановне, когда она была у тебя в гостях.

— Да боже сохрани! Этой трепачке? Никому.

— Верочка, дай мне несколько дней. Я подумаю, о чём мы с тобой сегодня говорили и обязательно что-нибудь посоветую.

— Хорошо, дорогой. Я на тебя надеюсь.

— Не волнуйся, Верочка. Всё будет хорошо. Если что будет у тебя не так — позвони. Пока.

— Пока.

14.2

Выйдя из подъезда дома, где жила Вера Петровна, в тихий заросший буйной зеленью садик, Виктор Иванович Черников пошёл в сторону соседнего двора. Там была большая бесплатная стоянка, где он всегда оставлял свою машину. До неё спокойным шагом, не торопясь, было минут пять ходу. Но Черников пошёл на стоянку самым длинным пу-

тём, через соседнюю улицу, чтобы насладиться свежим воздухом московского вечера и проветрить мозги. Тёплый весенний ветерок с неизвестным цветочным запахом приятно освежал лицо.

Виктор Иванович предполагал, что жена его пригласила на какой-то нестандартный разговор, но вопросы, которые они сегодня обсуждали, были значительно глубже и серьёзней. Приехав домой, он, как его учили в университете, взял большой чистый лист бумаги и нарисовал на нём прямоугольник с двумя диагоналями. Все обсуждаемые вопросы он расположил на одной диагонали прямоугольника, а людей, связанных с решением этих вопросов, на другой. Такое схематическое представление проблемы позволяло концентрированно воспринять ситуацию и связать воедино все элементы. В его голове уже полностью сформировался перечень вопросов, на которые требуется найти конкретные ответы, и список действующих лиц. Оставалось только определиться с главным героем или героиней данной истории и, в зависимости от этого, решить, в каком направлении двигаться дальше. Юрист Черников взял след.

Ему нравилось это состояние лёгкого азарта, связанное с перебором гипотез. Но сейчас была другая ситуация. Не до адвокатской игры. Речь шла о репутации его жены, а это уже не игрушки. Виктор Иванович сделал себе кофе и решил позвонить жене:

— Верочка, ты ещё не спишь?

— Нет, я до одиннадцати часов, как правило, не сплю. Ты хочешь что-то спросить?

— Да. Вы с Евгенией Ивановной учились в аспирантуре в разных институтах?

— В разных, но примерно в одно и то же время.

— А в карьерном росте вы друг другу на кафедре как-то мешали?

— Думаю, что нет. Сначала я получила звание доцента, а где-то через полгода — она.

— Понятно. Ты не можешь вспомнить, дорогая, когда у вас началась с ней конфронтация?

— Нет, не могу.

— Ну, постарайся. Это очень важно.

— Наверное, после того, как профессор Конюхов сделал мне предложение быть его заместителем. Но я от его предложения сразу категорически отказалась.

— И всё?

— Нет не всё. У нас несколько месяцев назад на кафедре было за-

седание методической секции. Евгения Ивановна докладывала о новой методике преподавания своей дисциплины с помощью телевидения.

— И что?

— Я выступила в прениях и сказала, что общение между лектором и студентом ничем заменить нельзя. Никаким самым продвинутым телевизионным проектом.

— Ты всё правильно сказала, Верочка. С преподавателем нужен ощутимый реальный контакт.

— Кстати, ты помнишь, Витя, как моя мама общалась с каждым больным ребёнком? Она сажала его к себе на колени, крепко прижимала и после этого ставила диагноз.

— Да, конечно, помню. Это была замечательная методика.

— К сожалению, всеми забытая. А сейчас...

— И последний вопрос, Верочка, — перебил её Виктор. — Евгения Ивановна приходила к тебе в гости до того, как она принимала экзамен у студента Платонова или после?

— После. Это я хорошо помню.

— Всё, Верочка. Спасибо тебе. Спокойной ночи.

Виктор Иванович взгляделся в чертёж, который набросал перед разговором с женой, и уверенно поставил в квадратике на пересечении диагоналей участников и событий фамилию «Платонов». После этого, почувствовав какое-то внутреннее облегчение от того, что нашёл центральную фигуру, из-за которой разгорелся конфликт, выпил, не торопясь, чашечку кофе и выключил телевизор.

14.3

Утром Виктор Иванович, внимательно всмотревшись в схему, которую нарисовал вечером, резко зачеркнул фамилию «Платонов».

Не может этот человек быть в центре конфликта и активно влиять на создавшуюся ситуацию. Потому что он находится за пределами института и, по большому счёту, результат конфликта его не интересует...

А может, как раз для некоторых участников конфликта в этом его привлекательность? На него можно повесить, без особых проблем, всё, что угодно... Не убедительно... Он студент-заочник. Сегодня есть — завтра нет. Возьмёт и перейдёт на платное обучение по этой же специальности в другой вуз...

И потом, в силу своего служебного положения, Платонов может отбиться от любого обвинения.

А другие не могут отбиться?.. Тоже могут. Только те, кто работает в институте, будут в долгосрочной перспективе иметь подмоченную репутацию. А для Платонова — всё, как с гуся вода...

«И всё-таки, убираем его кандидатуру», — Виктор Иванович взял новый лист бумаги, перенёс на него с первого листа все обозначения, но в центральный квадратик поставил фамилию «Черникова». Внезапно он почувствовал, что вспотел от этого шага, но зачёркивать фамилию жены не спешил.

«А почему, в самом деле, Вере не быть такой фигурой? Ведь в неё впились все стрелы участников конфликта...

Не может и — всё...

Почему? На неё в разной форме указали многие члены кафедры... Потому что её роль в этом скандале другая...

Какая?

Другая... Она не могла, по определению, спровоцировать эту ситуацию...

Ещё раз — почему?

Потому что она эталон умной интеллигентной женщины...

Согласен. Что-то я погорячился, назвав её, в погоне за результатом, центральной фигурой. Конечно, Верочка — самая светлая, чистая, порядочная из всех знакомых мне женщин. И как я в этом мог усомниться! Потому что глупый индюк. Другая бы на её месте, чтобы не компрометировать себя в глазах мужа, скрыла эту информацию. А она честно всё рассказала, не стараясь себя выгородить... Ну всё, всё. Виноват. Горжусь ею и буду защищать, несмотря ни на что. Она всегда была и будет королевой в моём царстве!»

В связи с последним тезисом Виктор Иванович взял следующий чистый лист бумаги и на пересечении диагоналей вписал в центральный квадратик третью фамилию «Конюхов».

«А что? Пожилой заведующий кафедрой тоже может успешно претендовать на центральную фигуру в этом конфликте. Ведь это при его попустительстве состоялось грязное профсоюзное собрание, где он в защиту Веры не сказал ни слова и даже подыграл некоторым фигурантам... Не сказал, потому что ему было выгодно лишний раз продемонстрировать всему коллективу, кто в доме хозяин. Пусть каждый член кафедры задумается над тем, что может произойти, если он оставит свой пост и уйдёт на пенсию...

А что, в самом деле, может такое произойти?.. Да ровным счётом — ничего. Но своим поведением профессор Конюхов продемонстриро-

вал, что у него на кафедре нет любимчиков. Все равны. Что заработал, то и получи...

И всё равно Конюхов не тянет на центральную фигуру не только по возрасту, но и по темпераменту...

При чём тут возраст, а тем более, темперамент?..

При том, что для большой возни нужно иметь хорошее здоровье и крепкую нервную систему. А у него с этим не всё в порядке...

Ну, тогда остаётся последняя кандидатура, с которой можно серьёзно поиграть на данном поле... Сотникова...»

Виктор Иванович с каким-то особым чувством вписал её фамилию в центральный квадратик следующего листа. Основания для этого у него, в принципе, были такие же, как и при рассмотрении всех других кандидатур. Но его адвокатская интуиция подсказывала, что он на правильном пути. Что это именно тот человек, который для достижения своих грязных целей, заварил всю эту кашу.

И вдруг Черников почему-то, вспомнил, как мама в честь какого-то праздника жарила на смальце картошку. Мокрую, гнилую, грязную, которую он покупал в районном овощном магазине. Картошка и в жареном виде была невкусная, но иногда на сковородке попадались хорошие кусочки. Он отодвигал их в сторону, на закуску, предвкушая особое удовольствие в конце еды.

14.4

Евгения Ивановна Сотникова родилась в 1948 году в городе Зеленограде Московской области в скромной советской семье. Родители работали на одном машиностроительном предприятии: отец — инженером, мать — нормировщицей цеха. Жили в малогабаритной двухкомнатной квартире, перебиваясь от зарплаты до зарплаты. Никаких признаков достатка, вроде машины или дачи, у них никогда не было.

Женя была вторым ребёнком и, как мама говорила, нежелательным. Первым был сын Володя, старше сестры на два года. А ещё через два года после Жени в семье Сотниковых родился третий ребёнок. Тоже мальчик. По этому поводу муж, выписывая жену из роддома, сказал, что она себя реабилитировала, и сразу получил в ответ:

— Ты, Ваня, закрой лучше рот. Моя роль в этом маленькая — что заказал, то и доставили.

В образе нормировщицы — безапелляционной горластой бабы — мать Жени находилась как на работе, так и дома. Людей, события, пред-

меты она жёстко оценивала с помощью двух слов: «дешёвка» или «роскошный». Эти выражения постоянно звучали в их доме, превращая любой разговор в склоку. Особенно её выводили из себя разговоры с домочадцами о деньгах, которых никогда не хватало.

Родительская любовь разделилась между мальчиками: отец, не скрывая, любил старшего сына Владимира, а мать души не чаяла в младшем Алексее. К дочери вся семья относилась как к прислуге, постоянно что-то от неё требуя и обвиняя по каждому поводу. Чтобы не нарваться на какую-нибудь грубость, Женя дома себя вела тише воды, ниже травы. Но как только оказывалась за порогом, её поведение менялось ровно наоборот. Усвоив уроки, полученные от матери, она сразу становилась наглой, жёсткой, нацеленной на нужный результат. В школе её просто боялись, так как она могла не только обматерить, но и поднять на любого ученика руку, тем самым компенсируя своё униженное положение в семье.

При всей гнетущей в доме обстановке и постоянной нищете, дети Сотниковых хорошо учились в школе. А когда они ещё были маленькими, мать объявила всем свою жизненную программу:

— Разобьюсь в лепёшку, но все мои дети получают высшее образование. Не допущу, чтобы они гавкались, как я, со всяким сбродом.

Взятое на себя обещание родители сдержали: сыновья стали инженерами-строителями, а дочь не только окончила торговый институт по экономической специальности, но даже защитила кандидатскую диссертацию.

На втором курсе института Женя через своего старшего брата познакомилась со своим будущим мужем Одиссеем Макаровичем Кругляком — невзрачным конопатым парнем, уникальной способностью которого было умение делать деньги из воздуха. Его отец Макар работал в городской строительной артели плотником. Каждый вечер, как правило, имел какую-нибудь халтуру: кому замок вставить, кому тумбочку починить. Оплату за свой труд брал только водкой. Приходя домой навеселе, он был неоднократно бит женой Варварой, но таксу за выполненную работу никогда не менял.

В день, когда нужно было забрать жену из роддома, Макар на работу решил не идти, но свою бутылку водки с утра выпил. Только под вечер пошёл пешком встречать жену с новорожденным и заблудился. Вышел Макар к роддому, когда услышал крики:

— Макар! Одиссей! Где ты? Ау, отзовись...

Родственники жены, собравшиеся у крыльца роддома и также при-

нявшие на грудь по этому поводу, уже хотели уезжать, когда вдруг объявился новоиспечённый папаша. Протрезвев на следующий день, Макар почему-то вспомнил из ситуации, связанной с выпиской из роддома жены, имя Одиссей и решил так назвать своего сына. Сколько его не отговаривали родственники и друзья, он продолжал стоять на своём.

Сам Одиссей, стесняясь своего имени, всегда всем представлялся как Дима, а познакомившись со своей будущей женой Женей, получил от неё кличку Дуся. Так его знакомые и клиенты всю жизнь и называли. Дуся имел среднетехническое строительное образование, но умел, как отец, всё делать своими руками и не гнушался никакой работы.

14.5

По характеру Женя была вся в мать — хитрая, завистливая, мстительная, не прощающая ничего и никому. Но если мама эти качества приобрела в результате тяжёлой многолетней службы в рабочем цеху на «собачьей должности» нормировщицы, то Женя всё это получила от неё в наследство. Ни о чём хорошем в семье Сотниковых никогда не говорили. Все разговоры сводились к обсуждению недостатков окружающих людей. В результате этого Женя с детства научилась всех ненавидеть и подозревать в планируемых против неё кознях.

Высокая, стройная, она с четырнадцати лет ловила на себе восторженные мальчишеские взгляды. Но ей хотелось нравиться не одноклассникам, которые в её глазах все были недоумками, а взрослым мужчинам. И чтобы за ней ухаживали по-взрослому: говорили приятные слова, дарили подарки, встречали и провожали. Осуществлению её желаний мешало, как она считала, только одно обстоятельство — совершенно безобразный внешний вид одежды, а точнее, её отсутствие. К сожалению, все её наряды перешивались из платьев мамы, которая была ниже ростом и худее своей дочери. Разговоры с родителями о том, что у неё, кроме школьной формы, ничего нет, оканчивались, как правило, скандалом.

— Сколько можно из меня жилы тянуть! — орала на неё мать. — Женщину, если она женщина, можно в любую тряпку завернуть, и всё равно она должна хорошо выглядеть.

— Каким образом?!

— Используй с головой свою природу. У женщины всё на виду и привлекай этим. Природа ей много дала, в чём отказала мужчинам.

— Ну, спасибо, мама!

— Пожалуйста! Вот ты лучше скажи, что нам с твоим старшим братом, с Анатолием, делать? Ничего с отца ему не подходит — или короткое, или маленькое.

— А я почему должна от этого страдать? — огрызалась Женя. — Ни с кем даже познакомиться не могу.

— Рано тебе ещё этим заниматься. Чересчур много дури в башке. Ты сначала окончи школу, а потом начинай оглядываться по сторонам.

Но здесь мама оказалась не права — в десятом классе Женя стала встречаться с выпускником строительного техникума Одиссеем Круглюком. Невзрачный, несуразный во всех отношениях Одиссей, влюбился в симпатичную девушку с первого взгляда. Он этого не скрывал и ходил за Женей буквально по пятам. Работал Одиссей мастером по строительству дачных домиков и был всегда при деньгах. Будучи от природы практичным и сметливым, он сразу сориентировался в расстановке сил семьи Сотниковых и вместо дочери стал обхаживать мать: дарил ей подарки, привозил продукты, выполнял всякие мелкие поручения. Но сокрушительный удар Одиссей нанёс по семейной обороне Сотниковых, когда предложил им оформить документы на покупку дачного участка.

— Вы только купите, — уговаривал он родителей Жени, — а дачу я вам сам построю. Вот этими руками.

И если мамины аппетиты ограничивались масштабом семьи и дома, то Женя видела свои жизненные горизонты гораздо шире. Поступив в институт, она очень хотела отделаться от ухаживаний Одиссея. Его присутствие рядом не входило в её планы, которые она в своей голове строила. Мало того, что Женя стеснялась Одиссея, она его постоянно обманывала со всеми подряд. Но он не отступал.

14.6

Однажды, когда после ужина Женя, как обычно, стала мыть посуду, мама ей неожиданно предложила:

— Давай, дочка, помогу. Ты мой тарелки, а я буду их протирать.

Женя удивлённо посмотрела на мать, но промолчала. Быстро справившись, благодаря её помощи, с посудой, она уже собиралась покинуть кухню, когда мать её задержала.

— Не торопись, дочка, присядь. Я вот на какую тему хочу с тобой серьёзно поговорить.

— Слушаю тебя, мама.

— Скажи мне, как ты думаешь, на какие деньги наша семья всю жизнь жила? Все дети окончили среднюю школу, поступили в институт. Более менее одеты, обуты. На какие?

— Думаю, что на те, которые вы с папой получали?

— Ну, ты меня рассмешила, Женька. Твой папа работал всю жизнь инженером за смешную зарплату, а я — нормировщицей.

— Ну и как же вы выкручивались?

— Вот это вопрос по существу. А теперь я тебе на него отвечу. Видишь мой рабочий фартук с большим карманом, который на гвозде висит в передней?

— Да, вижу.

— Ну, так вот. В конце каждой недели я обходила свой цех и мне все клали в этот карман деньги.

— За что?

— За то, что я — нормировщица. Старшая нормировщица. От этого зависел их заработок.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Понятно, что нужно уметь делать деньги.

— Правильно. Но к чему я это тебе всё рассказываю?

— Не знаю. Наверное, жизни учишь.

— Да, учу. Но дело в том, что я скоро уйду на пенсию и ситуация в нашей семье, по всей видимости, изменится в худшую сторону.

— Ну, к этому времени уже все дети начнут сами работать и вам будут помогать.

— Ой, не смей меня, Женька. Запомни на всю жизнь: деньги имеют ход только от родителей к детям, а не наоборот. И это правильно.

— К чему это всё ты мне, мама, рассказываешь?

— А к тому, что на днях твой Одиссей имел со мной беседу. Жениться он на тебе хочет. А так как считает, что ты ему откажешь, то решил зайти с тыла и поговорить сначала со мной.

— Правильно считает. Не пойду я за этого урода замуж.

— Подожди, Женька, не горячись. Тебе уже двадцатый год. Следует по этому поводу задуматься. Ну, найдёшь себе какого-нибудь смазливую муженьку и будешь от него всю жизнь баб палкой отгонять. И что?

— А то. Ты представляешь, мама, какие от Дуси, извини, от Одиссея у меня дети будут? Ужас!

— От мужа, дорогая моя, дети не требуются. От мужа требуются

деньги и свобода. А остальное, при желании, отгребёшь на стороне. В том числе и детей.

— Ну, не знаю. Не знаю...

— А ты знай и не будь дурой. Из мужа можно сделать всё, что тебе нужно и даже то, что не нужно. Если, конечно, подойти к этому с головой и затратить определённые усилия. Одиссей из породы мужиков, который всю жизнь будет заглядывать тебе в рот. Только этим надо уметь пользоваться. Подумай о том, что я тебе сказала, а потом принимай решение.

— Хорошо, я подумаю.

— Подумай.

14.7

Деликатное поручение, которое Виктору Ивановичу Черникову дала жена, не выходило у него весь день из головы. Вроде, с одной стороны, всё понятно, а с другой — полный туман.

— Чтобы быть хорошим адвокатом, — говорил в университете профессор Юсупов своим студентам, — нужно быть, прежде всего, хорошим актёром. Любой юридический процесс — это спектакль, который разыгрывается перед зрительской аудиторией. Единственное отличие суда от театра — это реальность происходящего: убитый, по окончании судебного процесса, не воскреснет и не пойдёт в буфет пить чай со своим убийцей. А всё остальное — совершенно идентично.

Виктор Иванович уже второй день уговаривал себя сесть за стол и написать, как он это называл, судебный сценарий по сюжету, рассказанному Верой. Однако ему мешали это сделать два обстоятельства: участие в этом деле жены и появление потенциального соперника в лице Платонова. Он не собирался предъявлять какие-то либо претензии Вере. Боже сохрани! Они давно де-факто перестали быть супругами, но де-юре ничего в их жизни до сегодняшнего дня ничего не изменилось. Виктор сохранил к жене глубокое уважение и обсуждать её поведение в связке с патентованной интриганкой Сотниковой ему категорически не хотелось. Он был на сто процентов уверен, что Вера не могла дать какому-то студенту ни малейшего повода вести себя неподобающим образом.

И тем не менее, несмотря на внутреннее противодействие, он, в центральную клеточку, под фамилией Сотниковой, вписал ещё раз фамилию своей жены. Бесцельно похажив минут двадцать по своему

кабинету, он подошёл к столу, взял из стопки очередной лист бумаги и расположил его на столе не вертикально, а горизонтально. Затем аккуратно поместил в центре листа квадратик с фамилиями: «Сотникова» и «Черникова», а по его углам нарисовал четыре кружка, обозначив их цифрами от 1 до 4, и пометил:

«цифра 1 (левый верхний угол) — Платонов (студент),

цифра 2 (правый верхний угол) — Конюхов (заведующий кафедрой),

цифра 3 (левый нижний угол) — Полищук (секретарь факультета),

цифра 4 (правый нижний угол) — Кругляк (муж Сотниковой)».

Секретаря Полищук и прораба Кругляка обзывать центральными фигурами, в силу их ничтожной возможности влиять на общую ситуацию, Виктор не стал. Также он решил не включать в блок-схему деканов факультетов, как отдельных фигурантов, оставив их на полях до получения дополнительной информации. Все кружочки он соединил между собой и с центральным квадратиком прямыми линиями.

Виктор сидел и, не отрываясь, смотрел на свой рисунок, стараясь придумать для каждой фигуры процессуальное имя. Такой подход к фигурантам давал, во-первых, возможность никого зря не светить, а во-вторых, помогал рельефней увидеть схему их взаимодействия между собой и чётче представить всё дело в целом. Имена для каждого, как ни странно, нашлись без особого труда: 1 — сопляк, 2 — пенсионер, 3 — шестёрка, 4 — деляга.

То, что ему самому не следует заниматься этим делом, сомнения не вызывало. Тогда кому поручить, а главное, доверить столь деликатное расследование? Ведь речь идёт, ни много ни мало, о чести его семьи. Кто ещё может быть, как и он, заинтересован в том, чтобы примерно наказать шайку Сотниковой?

И тут у него мелькнула мысль: а что если попросить заняться этим делом юриста Горина из Твери? Серьёзный, грамотный, дотошный человек. Ведь не напрасно он к нему приходил? Такие люди не теряют время на пустые знакомства. Только нужно вспомнить его имя-отчество и найти в записной книжке номер телефона.

14.8

Горин сразу узнал Черникова по голосу, как будто они уже много раз беседовали по телефону.

— Здравствуйте, Виктор Иванович, весьма рад слышать. Чем обязан вашему звонку?

— Сразу об этом рассказывать или сначала, для порядка, спросить о вашем здоровье, Леонид Исаакович?

— Давайте сразу.

— Хорошо. Дело в том, что у меня есть к вам весьма важный разговор, который требует нашей личной встречи. Если не возражаете, я к вам завтра подъеду.

— Одну минуточку, Виктор Иванович. Я сейчас найду и посмотрю свой ежедневник, — Леонид Исаакович, конечно, помнил, что у него было запланировано на завтра, но соглашаться сразу на встречу с Черниковым он не спешил. Это, как говорили в его южном городе, терять фасон. Он, во-первых, не должен показывать, что ждал этого звонка, а во-вторых, продемонстрировать свою большую занятость. — Виктор Иванович, вы меня слышите? Завтра у меня весь день расписан, а вот послезавтра я должен быть на экспертном совете Министерства в Москве и, если не возражаете, могу к вам после обеда заскочить. Как вы на это смотрите?

— Хорошо смотрю, Леонид Исаакович, договорились. Буду вас ждать.

— До свидания.

— Всего доброго.

Горин не пил и не курил. Поэтому в минуту стресса не хватался за рюмку или искал пачку сигарет, а доставал из кармана талисман — заточенную по краям монету и три раза подбрасывал её вверх. Если монетка больше выпадала орлом, то будет всё хорошо, если решка — жди неприятностей. Сегодня монета показала два раза решку и только один раз — орёл. Этого и следовало ожидать, так как Леонид Исаакович вступал на территорию высшей школы, где работают другие, нежели в производственной сфере, законы. Где на заданные вопросы, как правило, отвечают совершенно не то, что думают, а тем более, собираются делать.

В двадцать минут второго Горин вошёл в приёмную Виктора Ивановича. Предупредительная секретарша приветливо поздоровалась с гостем, быстро встала со своего места и открыла перед Гориним дверь в кабинет Черникова.

— Проходите, пожалуйста. Виктор Иванович вас ждёт.

Черников встречал Горина, как старого знакомого. Он вышел из-за стола к нему навстречу и крепко пожал руку.

— Рад вас видеть, Леонид Исаакович! Искренне рад!

Сухой и замкнутый по жизни человек, сегодня Черников излучал радость гостеприимства. Причём, это было совершенно естественно и не наигранно. Он, в самом деле, был рад встречи с Гориным — единственным человеком, который, по его мнению, способен поставить на место распоясавшуюся Сотникову.

— Спасибо, Виктор Иванович, я тоже искренне рад. Когда мы с вами на прошлой неделе встречались, я чувствовал, что мы далеко не всё друг другу сказали. Вы у меня ещё спросили, зачем приходил?

— Это верно, — смеясь, ответил Черников. — Ну так сегодня этот пробел постараемся восполнить. Я позавчера позвонил, чтобы обсудить с вами, Леонид Исаакович, весьма щекотливую для любого мужчины тему.

— Какую тему, Виктор Иванович? Весь внимание.

— Речь идёт о деле, связанном с моей женой — Верой Петровной Черниковой. Мне туда влезать, с целью обеспечения юридического сопровождения, нельзя — любая судебная инстанция сразу опротестует моё участие. Это — с одной стороны. А с другой, у меня огромное желание наказать этих мерзавцев во главе с Сотниковой.

— Понимаю вас, Виктор Иванович. Очень понимаю.

— К данному судебному разбирательству я могу привлечь весьма квалифицированных адвокатов, но мне показалось, при нашей первой встрече, что у вас есть в этом деле какой-то личный интерес. Если не секрет, Леонид Исаакович, какой?

— Не секрет, Виктор Иванович. Мой интерес не только личный. Он шкурный, извините за термин. В настоящее время в нашем авиационном объединении проходит смена генерального директора. На эту должность претендуют два человека: небезызвестный вам заместитель генерального директора Платонов и главный инженер объединения Андреев.

— И в чём ваш, Леонид Исаакович, интерес?

— Сразу отвечаю, не вдаваясь во всякие подробности, — назначение Андреева на должность Генерального директора автоматически приводит к моему увольнению с поста главного юриста объединения.

— Что так?

— Вот так. Я этого, естественно, не желаю и поэтому всеми силами буду противодействовать реализации этого сценария. Вот и всё.

14.9

Как Черников, так и Горин были искренне заинтересованы в том, чтобы показательно наказать Сотникову, но находились на совершенно разных исходных позициях. Горин стремился не допустить любое — громкое или тихое — разбирательство этого дела, способное помешать Платонову занять должность генерального директора. Черников, наоборот, хотел, чтобы дело Сотниковой получило большой общественный резонанс и она прилюдно извинилась бы перед его женой. Задачей сегодняшней встречи было максимальное сближение их точек зрения на данный скандал.

— Вы за рулём, Леонид Исаакович?

— Нет, с водителем.

— В таком случае, может по пять капель?

— Не откажусь.

— Ну и прекрасно. Думаю, что хороший коньячок нашей встрече не помешает. А теперь позвольте, Леонид Исаакович, перейти непосредственно к делу. Несколько дней назад я имел серьёзную беседу со своей женой — честной, умной, порядочной женщиной.

— Я в этом не сомневаюсь.

— В ситуации, когда над её головой сгустились тучи, я готов защищать её кристально чистую репутацию, извините за пафос, всеми возможными средствами.

— Согласен.

— К сожалению, статус мужа не позволяет по закону мне этим заниматься. С целью найти оптимальное решение этой непростой проблемы я решил посоветоваться с вами.

— Я весь внимание, Виктор Иванович.

— Отлично. Так как вы, Леонид Исаакович, поставили себе цель провести хирургическую, а не войсковую операцию, то наша задача сводится к нахождению самого больного места у воображаемого противника.

— Совершенно верно.

— Ну и где оно, по вашему мнению, может быть расположено? Вы, кстати, играете в преферанс?

— Играю, но слабо.

— В данном случае это не важно... Позволю вас спросить, когда у вас на руках не очень сильные карты и к тому же чужой ход, какую масть вы назначите козырной?

— Самую слабую.

— Совершенно верно. И чтобы провести прицельный огонь, нам нужно найти в этой компании наиболее слабую, в моральном отношении, фигуру. А для того чтобы мы не гадали на кофейной гуще, я кое-что перед вашим приходом прибрёл. Взгляните, пожалуйста, на эти рисунки, — Виктор Иванович вынул из лежащей на столе папки несколько листов бумаги, на которых были изображены непонятные, на первый взгляд, схемы, и разложил их перед Леонидом Исааковичем. — Это — схема взаимосвязи участников конфликта между собой. На первый взгляд, все четыре рисунка одинаковы, но они отличаются друг от друга персонажем, расположенным в центральном квадратике: 1 — Черникова, 2 — Конюхов, 3 — Платонов, 4 — Сотникова.

— А зачем вы, Виктор Иванович, свою жену сюда засунули?

— Как видите, для полноты картины я даже не пожалел собственную жену, так как каждый из вышперечисленных фигурантов мог легко создать эту конфликтную ситуацию.

— Интересные рассуждения.

— Но сегодня утром, — продолжил Виктор Иванович, — я сделал пятый рисунок, который способен эту ситуацию полностью развалить, и хочу услышать на этот счёт ваше мнение, Леонид Исаакович. Мой вопрос — кто этот пятый?

— Я так сразу не могу ответить.

— Леонид Исаакович, напрягитесь. Это, насколько мне кажется, наша стратегическая задача.

— Ну, вы — молодец, Виктор Иванович! Основательно подготовились к нашему разговору.

14.10

Леонид Исаакович несколько минут изучающе смотрел на четыре рисунка, которые разложил перед ним Черников. Но потом, вроде как невпопад, не поднимая от стола головы, заметил:

— Вы правильно, Виктор Иванович, сформулировали основную цель моих усилий, связанных с Платоновым. Я не только хочу развалить это дело в самом начале. Я хочу не оставить о нём у участников конфликта никаких воспоминаний. Поэтому думаю, что на пятом рисунке в центральном квадратике должна стоять фамилия «Кругляк».

— Разрешите с вами чокнуться, Леонид Исаакович. Вы — большая

умница! А теперь хочу услышать ваши аргументы в пользу этого варианта.

— Извольте, Виктор Иванович, но позволю начать высказываться по порядку вашего списка.

— Слушаю вас внимательно, Леонид Исаакович.

— Итак, начнём. Первый номер — Черникова. Ценю вашу объективность, что в рассмотрение всех участников конфликта вы её включили. Тем не менее, мне даже неудобно её упоминать в числе инициаторов конфликта.

— Спасибо, уважаемый.

— Второй номер — Конюхов. Когда я заканчивал университет по юридической специальности, моим руководителем дипломной работы был известный профессор Боголюбов. Старенький, плохо слышащий человек. Он два раза в неделю «приходил» в институт: аспиранты встречали его на улице, выходящем из машины, и приносили на кафедру, сидящем на стуле.

— Интересная ситуация.

— Ну, так вот. При первой встрече я думал, что профессор Боголюбов уже ничего не соображает. Только сидит и делает вид, что слушает. Ничего подобного — он так раскритиковал мою работу, что пришлось менять весь план её подготовки. А однажды он мне прямо сказал: «Хочу, уважаемый, чтобы меня все оставили в покое. Я очень устал. Собираясь в институт, я одеваюсь дольше, чем провожу время на кафедре». По этой причине считаю, что профессор Конюхов, в силу своих возрастных особенностей, не тянет на руководителя мятежа.

— Согласен.

— Третий номер — Платонов. Ну что я могу вам о нём сказать? Он человек из прошлого или из будущего, как вам удобней. Но не из настоящего. И учится он сейчас в этом институте не ради диплома. Ему нужны добротные современные знания. Поверьте мне, я с ним давно рядом работаю. И потом Сергей Павлович очень занят, чтобы участвовать в какой-то неприятно пахнущей заварушке.

— Понятно.

— Ну и, наконец, четвёртый номер — Сотникова. Это человек — вампир. Грязный, жёсткий, без комплексов. Никакой психологической совместимости с Черниковой здесь и речи быть не может. Это огромное зло, взращённое в течение многих лет малокультурной семьёй и многократно усиленное.

— Каким образом вы пришли, Леонид Исаакович, к такому интересному заключению?

— На основании того, что вы мне, Виктор Иванович, рассказали. Ведь, как я понимаю, вы всю информацию получили от жены?

— Именно так.

— Тогда идём дальше. Первый эпизод в этой истории был связан со скандалом вокруг должности заместителя заведующего кафедрой. Второй — с нереализованными претензиями Сотниковой на Платонова. Сотникова два раза подряд за короткое время проиграла вашей жене. А для женщины с такой психологией, как у Сотниковой, это очень много.

— Приятно слушать, Леонид Исаакович, ваши рассуждения. Но вы не отвечаете на основной вопрос: «Каким образом можно укоротить Сотникову?»

— Её укорачивать не надо. Здесь нужен другой подход. Вы помните, Виктор Иванович, комедию Гайдая «Самогонщики»?

— Конечно, помню.

— Ну, так вот. В этой гениальной короткометражке артист Вицин, вроде как без связи с общим сюжетом, из пирамиды детских горшочков вынимает один горшочек из самого нижнего ряда. В результате этого действия вся конструкция с грохотом разваливается.

— И что, Леонид Исаакович?

— А то. Работать нам следует, уважаемый Виктор Иванович, не с умной стервой Сотниковой, а с её безвольным, но деловым мужем — Одиссеем Макаровичем Кругляком, у которого столько серьёзных проблем с законом, сколько на собаке блох. Для этого нам нужно узнать домашний адрес секретаря Полищук.

14.11

Виктор Иванович Черников, по просьбе Леонида Исааковича, не только оперативно узнал адрес семьи секретаря заочного факультета Валентины Полищук, но и выяснил, что место её проживания относится к Васильевскому муниципальному образованию.

История возникновения Васильевского района была типичной для 30-х годов страны. Наркомат пищевой промышленности СССР выделил в Подмоскovie большой участок земли и построил для передовиков производства в посёлке Огарково улицу двухэтажных домиков, назвав её Стахановской. После войны с фашистской Германией Васильевский

район потихоньку разросся и со временем вошёл в состав города Москвы.

В ближайший понедельник, после разговора с Черниковым, Леонид Исаакович, для подтверждения своей гипотезы о причине написания секретарём Полищук кляузы на Черникову, поехал в посёлок Огарково. Оставив машину в самом начале Стахановской улицы, он пошёл по ней пешком. Двухэтажные постройки довоенного времени, с облупившейся штукатуркой и давно некрашеными фасадами, производили тяжёлое впечатление, но нужный ему дом под номером 18 выглядел как новенький. Весь обложенный розовой плиткой, с ухоженным палисадником и свежескрашенным штакетником, он выделялся среди всех остальных. Визуальный осмотр дома подтверждал гипотезу Горина, что владельцы первого этажа не так давно сделали капитальный ремонт: расширили площадь дома, заменили двери и окна, поставили на окнах решётки, оборудовали стоянку для машины.

Леонид Исаакович уже собирался уходить, когда краем глаза заметил, что за ним со второго этажа дома кто-то наблюдает. Он поднял голову и увидел в проёме окна седую женщину с уставшим лицом. Поднявшись на второй этаж, Горин нажал на кнопку звонка. За дверью кто-то старческим голосом тихо спросил:

— Кто там?

— Извините за вторжение. Я агент по продаже недвижимости. Проходил мимо и случайно обратил внимание на ваш, недавно построенный, красивый дом. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Какие вопросы? Мы живём на втором этаже и ничего не знаем ни о каком строительстве.

— Вы можете на минутку открыть дверь?

— Нет, не могу. Я себя плохо чувствую.

— Тогда позвольте спросить, вы давно ремонтировали дом?

— Мы ничего не делали. Ремонт занимались хозяева с первого этажа, а мы только терпели от этого мероприятия шум, грязь и хамство.

— В каком смысле хамство?

— В прямом. На наши просьбы не стучать хоть час в день и не выбрасывать строительный мусор на наш участок, они только усмехались и продолжали это делать. Пришлось нам с мужем, пожилым людям, самим убирать кучи мусора. В общем, загадили весь двор, засыпали цветник и при этом захватили кусок нашей земли.

— Это же как?

— А так. Пришли к нам ночью, часов в девять вечера. Сказали, что

они наши новые соседи с первого этажа. Подсунули какие-то бумаги и попросили, чтобы мы их подписали. Даже показали, где. Ну как не порадеть молодым людям, начинающим жить? А они, оказывается, на нашем участке возвели свои постройки. Кроме того, ухитрились всё хозяйственное оборудование дома — электрический щит, все кабели, водную колонку, канализацию, газовые приборы — сосредоточить на нашей земле. Теперь мы должны за всем этим следить и ремонтировать. Нам с мужем по восемьдесят лет. Часто болеем. Детей рядом нет и некому помочь.

— А что, нельзя пожаловаться на них в муниципалитет?

— Неоднократно жаловались, письма писали, но никто оттуда ни разу к нам не пришёл. Пришлось нам с мужем самим управляться. И ещё нам новые хозяева пригрозили, чтобы не открывали рот, не то от этого только хуже будет.

— А как фамилия ваших соседей?

— Полищук.

14.12

Районная администрация посёлка Огарково располагалась в большом трёхэтажном доме, на входе которого Леонида Исааковича остановил строгий вахтёр.

— Куда идём, уважаемый?

— В службу быта.

— Нет у нас такой службы. У нас есть отдел «Культура жилища».

— Да-да, конечно. Немножко перепутал.

— Ничего. Бывает. Комната номер восемь на первом этаже.

— Спасибо. Вы очень любезны.

В восьмой комнате на стук Леонида Исааковича в дверь раздался резкий женский голос:

— Входите.

За столом сидела взлохмаченная женщина, которая одной рукой держала телефонную трубку, а другой — какую-то бумагу. Она не разговаривала по телефону. Она кричала. По всей видимости, собеседница была её хорошей знакомой, так как она дважды обозвала её дурой. Резко бросив трубку на рычаг, она обратила внимание на Леонида Исааковича и грубым голосом спросила.

— Чего надо?

— Агент по продаже недвижимости Горин. Хочу поговорить с вами по поводу дома номер восемнадцать на Стахановской улице.

— Некогда мне с вами разговаривать. Принесите письмо от своей организации с формулировкой цели получения информации. А лучше расспросите хозяина дома Ваську Полищука. Он вам всё объяснит.

— Простите, как ваше имя-отчество, должность?

— Никитич скажет. До свидания.

Вахтёр Никитич, которого Леонид Исаакович угостил сигаретой, оказался словоохотливым и простым человеком. На вопрос, кто работает в восьмом кабинете, жёстко ответил:

— Дашка Цуранова. Поди, уж лет пятнадцать сидит на этой должности.

— А как её имя и отчество?

— Да никто её по имени-отчеству и не называет. В деревне такое обращение не принято.

— Она со всеми так грубо разговаривает?

— Со всеми. В конец зажралась баба. Возомнила себя хозяйкой района. Даже с мэром позволяет себе хамить.

— Понятно.

— Так ты узнал, что тебе было надо?

— В принципе, узнал.

— Ну и хорошо. Приезжай, когда что нужно будет. Я всегда на месте. С утра и до вечера.

— Спасибо, Никитич.

— Не за что. Да, вот ещё. У нас есть книжка. Там всё написано, кто есть кто в нашем районе.

— Вот за это тебе отдельное спасибо. Ну, будь здоров, Никитич. Возьми ещё пару сигарет, я всё равно не курю.

— А для чего ты их тогда с собой носишь?

— Чтобы хороших людей, как ты, угощать.

Леонид Исаакович был очень доволен своей поездкой в посёлок Огарково. Во-первых, убедился в том, что семья Полищук за последнее время существенно улучшила свои жилищные условия. Во-вторых, установил, что необходимую помощь в этом им оказала поселковая администрация в лице начальника отдела «Культура жилища» Дарьи Цурановой. Ну и, в третьих, познакомился с соседями, живущими на втором этаже, которые очень обижены на новых хозяев и, при необходимости, могут дать серьёзные свидетельские показания.

Глава 15 Наглость — не второе счастье

15.1

Леонид Исаакович Горин ехал в машине и раскладывал по полочкам свои впечатления от осмотра дома Валентины Полищук в посёлке Огарково. Вырисовывалась непростая и достаточно запутанная картина, в которой появились, в лице пожилых соседей Полищук, новые персонажи. Но это были мелочи, по сравнению с трёхминутным разговором, которым удостоила его сегодня начальник отдела районного муниципального образования Дарья Дмитриевна Цуранова. Встречу с соседями Полищук в своих предварительных рассуждениях Горин предвидел, но к хамской встрече с Цурановой был совершенно не готов. Многие факты из тех, на которые Горин обратил внимание в муниципалитете, не стыковались с тем, что он увидел в посёлке. Некоторые просто противоречили друг другу, ставя его, достаточно опытного юриста, в тупик.

Внимательно наблюдая за, вроде, пустой дорогой, Леонид Исаакович продолжал обдумывать ответ на вопрос, который уже несколько дней крутился у него в голове: «Зачем опытная, битая жизнью Сотникова затащила в этот конфликт алчную, не блещущую умом, Полищук? Неужели эта молодая неприметная женщина была ей нужна для создания, через районное управление, возглавляемое Цурановой, второстепенного канала, затрудняющего разбирательство конфликта между нею и Черниковой?»

По всей видимости — да. Не вызывало сомнения, что Евгения Ивановна просчитала всю эту ситуацию на много ходов вперёд. Любой юрист, начиная копать под Полищук, обязательно столкнётся лоб в лоб с отвязанной Цурановой и застрянет в этом разбирательстве на долгие годы.

Вместе с тем, вспоминая служебную записку секретаря Полищук по поводу доцента Черниковой, Леонид Исаакович продолжал одновременно искать ответ и на второй вопрос: «Что за интерес у секретаря Полищук, скромного работника заочного факультета, впрягаться за доцента Сотникову? Ведь они находятся на разных полюсах вузовской иерархии».

Горин притормозил на нерегулируемом перекрёстке.

«Ответ на второй вопрос тоже лежит на поверхности — чтобы об-

рести определённые блага от строительного подрядчика Кругляка, обещавшего выполнить перестройку её дома за копейки...

А откуда вдруг взялся прораб Кругляк?

Не исключено, что сама Сотникова рекомендовала Валентине Полищук этого прораба. Причём, Полищук даже могла не знать, что Кругляк — муж Сотниковой, хотя утаить этот факт в институте, работники которого нередко пользовались услугами Кругляка, было сложно...

И всё-таки, в чём же фишка, заставившая Сотникову привлечь Полищук, а не кого-нибудь другого, к написанию служебной записки против Черниковой?.. А фишка состоит в том, что получить разрешение на перестройку дома Полищук могла только с помощью Цурановой. Значит, Цуранова входит в цепочку лиц, имеющих дивиденды от незаконного строительства в посёлке Огарково...

В таком случае, кляуза, написанная Полищук, — слабая компенсация за те усилия, которая затратила Цуранова на получение разрешения перестроить дом в дачном районе Москвы...

А вот здесь вы, уважаемый, глубоко ошибаетесь... Это был очень сильный и весьма продуманный ход со стороны Сотниковой. Ход, увлекающий Черникову в многолетнюю судебную тяжбу с районным муниципальным образованием... Допустим, а дальше что?.. А то, что это дело следует рассматривать в двух аспектах. Первый связан с тем, что Черникова не может, по определению, проигнорировать жалобу Полищук и должна на неё отвечать. Жалоба выходит за стены института и попадает в районное муниципальное образование, где начальником отдела работает человек Сотниковой — Цуранова Дарья Дмитриевна. А второй заключается в том, что ушлая, много лет проработавшая в муниципальном образовании с разного рода махинациями Дарья Дмитриевна Цуранова воздвигнет столько искусственных трудностей для нормального рассмотрения этого дела, что без суда не обойтись. Причём, суда на долгие-долгие годы...»

15.2

Последнее время Одиссей Макарович Кругляк ходил в именинниках. Во-первых, он получил несколько перспективных заказов на строительство дачных объектов в зелёной зоне Москвы, а во-вторых, почувствовал кардинальное изменение в отношении к нему со стороны жены. Евгения Ивановна не переставала, особенно в присутствии по-

сторонних людей, нахвалить Одиссея Макаровича. Даже несколько раз заявляла, что при принятии окончательного решения по любому вопросу она непременно с ним советуется. Здесь она, по всей видимости, имела в виду серьёзный конфликт с доцентом кафедры Верой Петровной Черниковой, на которой сама работала. В центре конфликта была обнародованная Сотниковой на весь институт романтическая связь между доцентом Черниковой и студентом Платоновым. Евгения Ивановна не сомневалась в своей победе, так как выступала под лозунгом моральной чистоты рядов работников высшей школы. И ещё она была уверена, что муж Черниковой, известный московский адвокат по гражданскому строительству, в разбирательстве этого дела участвовать не будет, так как статус обманутого супруга обнулил все его возможности. Правда, было известно, что супруги Черниковы де-факто вместе давно не живут, но это, по большому счёту, ничего не меняло.

От дальнейшего обдумывания этой непростой ситуации Леонида Исааковича отвлек трактор, выехавший с просёлочной дороги на шоссе и загородивший проезжую часть. Маневры трактора продолжались около четверти часа, а когда он, наконец, съехал с шоссе и восстановился привычный темп движения машин, Горин вернулся к своим собственным рассуждениям:

«Основной неприятный аспект конфликта заключается в том, что на первом этапе Сотникова выводит в бессрочную схватку Черникову и Полищук, не соответствующих друг другу ни по какому параметру. Они не только из разных весовых категорий, но даже, как говорится, из разных видов спорта.

И что из этого следует?..

А то, что Черникова, в силу своего воспитания, образования и культуры, наверняка откажется от поединка. А если даже и согласится в нём участвовать, то обречена вчистую проиграть не обременённой налётом интеллигентности Полищук. Цена проигрыша поединка — уход Черниковой с кафедры и увольнение из института, что, в конечном итоге, и нужно Сотниковой».

Горин со злостью переключил двигатель на более высокую передачу и резко объехал злополучный трактор. Его, честно говоря, мало интересовала судьба всех фигурантов конфликта на кафедре экономики, а тем более выяснение, кто из них прав, а кто виноват. Его основной задачей было вытащить Сергея Павловича Платонова из этой клоаки, в которую тот случайно попал.

«Всё, заканчивай, Леонид Исаакович, свои мыслительные экзерси-

сы. Правильно мама тебе говорила: пока воспитанный человек выбирает красивую позу, хам успевает набить ему морду».

15.3

На следующий день, после посещения посёлка Огарково, Горин позвонил Виктору Ивановичу.

— Рад вас слышать, Леонид Исаакович. Какие впечатления от загородной поездки?

— Нормальные. Очень хочется этими впечатлениями поделиться с вами, но не знаю как.

— Можно по телефону?

— Нежелательно. Но, как говорил мой учитель, при хорошем владении русским языком, это реализуемо.

— Ну и прекрасно. Я весь внимание, Леонид Исаакович. Можете спокойно говорить — подслушивающей аппаратуры у меня нет.

— Думаю, что мы на правильном пути, Виктор Иванович, обозначив центральной фигурой всей этой коллизии Одиссея Макаровича. Только нам нужно зайти к нему оттуда, откуда он нас вообще не ждёт.

— Интересная мысль. И откуда же?

— Из муниципального образования посёлка Огарково. Оно самым активным образом проучаствовало во всех безобразиях, которые сопровождали строительство дома Полищук.

— Понятно. А в чём конкретно заключается участие нашего героя?

— Он, как я понял, просто рядовой исполнитель, направляемый стервой Сотниковой в нужное русло. Она всегда держала своего мужа в ежовых рукавицах, так что этот эпизод из жизни Одиссея Макаровича — не исключение. Кстати, к активному участию в этой истории Сотникова привлекла начальника отдела «Культура жилища» Цуранову.

— Это уже, Леонид Исаакович, хуже. Дело в том, что инициировать проверку работы муниципальной структуры можно только или по указанию надзорных органов или на основании искового заявления.

— Совершенно верно. Я вчера коротко побеседовал с соседями Полищук и получил от них столько жалоб, что можно составить на этом основании весьма серьёзное заявление в нужный орган. Как правильно оформить заявление, я им помогу. Кроме того, прослежу за тем, чтобы оно попало в соответствующую надзорную структуру.

— Понятно, Леонид Исаакович. Правильно ли я понял, что вы всеми возможными способами стараетесь увести данную проблему за преде-

лы Московского института экономики и права, придав ей нехороший уголовный окрас?

— Совершенно верно. Когда перед участниками конфликта будет развёрнута вся панорама последствий от их незаконных действий, они сами забудут о своих претензиях к Черниковой, стараясь уберечь свой карман, репутацию и, не исключено, свободу. А остальное уже не наши с вами вопросы.

— Ну, вы — гигант, Леонид Исаакович! Что будет от меня нужно, я к вашим услугам.

— Спасибо, Виктор Иванович. Привет супруге.

15.4

Вечером того же дня, когда Цуранову посетил Горин, она позвонила Василию Полищуку в автосервис.

— Ну как, Вася, дела?

— Да ничего, Дарья Дмитриевна. Всё нормально. Работаем потихоньку. Вы что-то хотите?

— Когда я что-то хотела, тебя ещё на свете не было. Дело в том, что сегодня ко мне в кабинет вломился какой-то хмырь и сказал, что ему твой дом очень понравился. С чего бы это, не догадываешься?

— Не догадываюсь. Кто такой?

— Какой-то агент по продаже недвижимости.

— Не знаю никакого агента. Я вообще с этой публикой мало знаком.

— А ты у своих образованных соседей поспрошай. Они пенсионеры, всё время дома торчат. Может, что-нибудь видели или слышали.

— Хорошо, спрошу, хотя мы с ними давно не разговариваем. Вроде как поругались.

— По такому поводу не грех и помириться. Только аккуратно говори, без грубостей. Ты понял меня?

— Да понял, понял.

— Поговоришь, отзовони.

— Хорошо.

Придя с работы, Вася Полищук пересказал жене свой разговор с тещей и недовольным голосом спросил:

— Валька, ты ничего не припоминаешь по нашему дому? Может, кто-то интересовался им или ещё чего?

— Нет, ничего такого не припоминаю. А что?

— Сегодня какой-то мужик был у твоей матери на работе. Что-то выспрашивал, вынюхивал... В общем, тёрся.

— И что ты, Вася, запаниковал? Чего ты боишься? За нами очень серьёзные люди стоят.

— Серьёзные, говоришь? Ну-ну... Когда тебя за задницу прихватят, куда все эти серьёзные одеваются.

— Не прихватят. Эти интеллигенты, которые работают в нашем институте, — трусоватый народ. Я их каждый день у себя в деканате вижу.

— Среди интеллигентов тоже разные бывают. Смотри на кого налетишь. Ну да ладно. Пойду с нашими соседями поговорю.

— Каким образом? Ведь мы с ними, Вася, вообще не общаемся?

— Каким образом, каким образом... Самым простым. Сейчас пробки на щитке выкручу и профессор сразу прибежит выяснять, в чём дело? А я, между прочим, всё у него в темноте и выпрошу: кто приходил, зачем приходил, что спрашивал, когда снова обещал прийти и так далее.

15.5

Пётр Павлович Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки, много лет проработал в одном известном московском институте и вышел на пенсию с должности заведующего кафедрой. Он очень гордился тем, что государство назначило ему не стандартную пенсию в 120 рублей в месяц, а аж целых 132. Плюс военкомат регулярно подбрасывает, как ветерану войны, продуктовые талоны. Так что с голоду, как говорил он своей жене Валерии Николаевне, преподавателю музыки по классу фортепиано, не умрут.

Всё было бы ничего, если бы только не безобразное поведение жильцов, вселившихся в квартиру на первом этаже. Наглые, бесцеремонные молодые люди, начали активно всё перестраивать, выбрасывая на их территорию строительный мусор, вытаптывая цветы и ломая штакетник. После очередной варварской акции соседей, Валерия Николаевна спросила у мужа:

— Петя, а что на этих мерзавцев в нашей стране нельзя найти соответствующую управу?

— Думаю, что нет.

— Почему?

— Потому что сейчас другое время, дорогая. Страной правит гнилой социум, с полным отсутствием понятия чести и совести. Все крепко повязаны друг с другом своими делишками. А ещё этот союз скрепляет

презрение к интеллигентным и образованным людям, типа тебя, с которых, как говорит наш сосед, и взять нечего.

— Ты имеешь в виду наших соседей с первого этажа?

— Их, Лерочка, их. Для достижения своей цели эти люди готовы оскорблять, обижать, угрожать и просто идти по головам. Их не останавливает ни наш возраст, ни наше образование, а тем более, наши заслуги перед родным отечеством.

— И как же их образумить, в конце концов?

— Никак. Ужас сегодняшнего дня состоит в том, что они, как плесень, захватили все сферы жизни: здравоохранение, образование, культуру, социальные органы. Основой их безбедного существования является кумовство и коррупция.

— Подожди, Петя. Ты же историк и прекрасно знаешь, что на каждом переломном этапе общественного развития происходят подобные явления. Так было в 1917 году, когда большевики пришли к власти. Так происходит и сейчас, в период Перестройки, когда малограмотная толпа сметает всё на своём пути.

— Всё правильно, дорогая, с той лишь маленькой разницей, что в те далёкие времена за быдлом с наганом в руке стоял, как правило, образованный заместитель из «бывших», которого советская власть решила до поры до времени потерпеть. А сейчас за каждым подонком стоит ровно такой же подонок и конца им не счесть.

— Не торопи события, Петя. Не торопи. Люди ещё не забыли войну, не отошли от разрухи, холода, голода. Сколько они, бедные, вынесли на своих плечах!

— Нет, жёнушка моя дорогая. Дело не в этих людях. Просто наша страна в какой-то момент свернула на кривую дорожку. Люди животом почувствовали власть денег и стали бессовестным образом зарабатывать, а приобретать. Забыли о том, что культуру, знания, совесть за деньги не купишь. К сожалению, основной целью человеческой деятельности в наше время стало побольше хапнуть и побыстрее отскочить.

— Неужели всё так плохо, Петя? По-моему, ты очень сильно преувеличиваешь.

— Плохо, Лерочка, плохо. Не может быть в стране хорошо, когда мясника из гастронома забирает после работы чёрная Волга, а профессор возвращается домой на трамвае. Люди перестали ценить порядочность, верить в духовность. Можно, конечно, всё списать на различные катастрофы, в том числе и на войну. Но все бедствия человека — только

от человека, и улучшение его генома в ближайшее время не предвидится.

— Ну уж, ты больно мрачное будущее нарисовал. Может быть, осталось в нашей жизни что-то дорогое, святое, неприкасаемое?

— Конечно, осталось, Лерочка, конечно. А для того чтобы не закончить наш разговор в миноре, расскажу тебе, дорогая, короткий анекдот. Приходит к врачу богатый человек и говорит: «Хочу с вами, доктор, посоветоваться по одному деликатному вопросу». — «Слушаю вас внимательно, уважаемый». — «Сегодня утром я проснулся, как обычно. В семь утра. Помылся, побрился, надушился. Сел завтракать. На стол подали оливки, красную икру, солёные огурчики, перепелиный паштет, семгу, окорок, куриные ножки, тёплый жульен, фаршированные перчики. Я всё с большим аппетитом поел, но чувствую, что чего-то мне не хватает. Не скажите, доктор, чего?» — «Скажу. Второго заднего прохода».

— Ну ты даёшь, Петя...

— Извини, Лерочка, но из песни слов не выкинешь.

— Я просто удивляюсь, какие у тебя, профессор, стали песни с годами. Да и на власть ты стал чересчур сильно обижаться.

— А вот в этом ты, дорогая моя, не права. На власть нельзя обижаться, так как она своими руками ничего плохого для народа не делает. Власть просто позволяет своим бюрократам обижать, унижать, оскорблять и обирать граждан. За это она требует своей доли от их несправедливых доходов, увеличивающейся от каденции к каденции.

15.6

Дачный кооператив в посёлке Огарково в начале 60-х годов прошлого столетия представлял собой несколько стандартных двухэтажных домиков, расположенных на одной улице. В маленькой конторке с многообещающей вывеской «Рассвет» сидели, и то не каждый день, двое: Вера Васильевна Степанова — бухгалтер кооператива — и молодая девушка Даша — секретарь. Вера Васильевна приходила на работу два раза в неделю и то на несколько часов, так что Даша, как правило, сидела в конторе одна и была её полновластной хозяйкой. А рядом с конторой постоянно крутился невзрачный мужичок с библейским именем Одиссей и золотыми руками. Он умел всё: кому замок врезать, кому заборчик поставить, а кому что-то из мебели сотворить. Девушка Даша

регулярно поставляла Одиссею клиентов, а он в благодарность делал ей небольшие подношения.

Владельцев домиков в дачном кооперативе в те времена было немного. Приезжали хозяева в посёлок редко, в основном, весной и летом. У людей не только не было своего транспорта, но и отсутствовали нормальные, кроме грунтовых, дороги. Однако времена потихонечку менялись — спрос на дачные домики рос, цены тоже, и посёлок Огарково в 70-е годы превратился в районное муниципальное образование. Даша была девушка смекалистая и родилась у неё в голове замечательная мысль: а что если одинаковые унылые двухэтажные домики, в нарушение типового проекта, разнообразить всякими дополнениями, отличающими их один от другого. Кому балкон построить, кому сарай, а кому вообще дом полностью переделать за соответствующее вознаграждение. А для солидности Даша, превратившаяся в Дарью Дмитриевну Цуранову, придумала своему специальному отделу и красивое название — «Культура жилища».

Цепочка получения неучтённых доходов в дачном кооперативе «Рассвет» выглядела следующим образом. Клиенту, при оформлении документов на владение домиком в дачном кооперативе, недвусмысленно намекали, что есть различные варианты улучшения его домика, вплоть до увеличения площади. Для этого ему следует обратиться с заявлением в отдел архитектуры муниципального образования и обсудить там все детали нового проекта. После договорённости по цене услуг и сроках выполнения работ, заявление попадало в тёплые руки местного подрядчика, которым стал старый знакомый Дарьи Дмитриевны — Одиссей Макарович Кругляк.

Год назад Дарья Дмитриевна Цуранова узнала, что померла одинокая хозяйка квартиры дома на первом этаже по Стахановской улице, номер 18, и решила построить тёплое гнёздышко для своей недавно вышедшей замуж дочери Валентины. Посчитав все затраты на покупку квартиры, она, ни минуты не раздумывая, позвонила Кругляку:

— Привет, Дуся. Узнал?

— Ну, конечно, Дарья Дмитриевна, как вас не узнать!

— А я вот стала забывать твой приятный голос. Месяцами не звонишь, не показываешься.

— Да кручусь всё время, как белка в колесе. То одно, то другое. Из Москвы практически не выезжаю.

— Понимаю. Молодой, горячий, везде хочешь успеть.

— Спасибо, Дарья Дмитриевна, за тёплые слова, но я, к сожалению, уже не тот.

— Ладно, не прибедняйся, кобелёк необструганный. Что я звоню? Есть у меня к тебе, Дуся, разговор. Ты спланируй как-нибудь свою поездку в наши края и заезжай ко мне. Только не тяни.

— Всё понял. Завтра буду.

— Ну и хорошо. Гостинцы не забудь. Только не мне их завези, а зятю моему Ваське. Запиши адрес. Когда будешь у него, по сторонам посмотри. Всё ли в порядке. Понял?

— Понял.

— Ну, тогда до встречи.

15.7

Молодые люди появились на пороге квартиры профессора Афанасьева около девяти часов вечера, когда хозяева уже никаких гостей не ждали. Тихие, почти одного роста, они скромно представились:

— Василий и Валентина Полищук. Ваши новые соседи с первого этажа. Пришли познакомиться, а заодно и кое-что у вас подписать.

— Проходите, пожалуйста. Мы всегда рады гостям.

Валентина достала из папочки, которую не выпускала из рук до конца разговора, какие-то бумаги и тоном, не терпящим возражения, сказала:

— Нужно вам согласовать незначительные изменения в планировке нашей квартиры. Думаю, что вы не откажите в подобных пустяках молодой семье. Если вас не затруднит, нужно расписаться здесь и здесь.

— Конечно, конечно. Мы с Валерией Николаевной прекрасно вас понимаем. Помочь молодой семье — святое дело. Сами были молодыми, — сразу откликнулся Пётр Павлович.

Пока профессор Афанасьев искал, чем подписать строительный чертёж, молодая соседка ловко подсунула ему свою ручку:

— Пожалуйста.

— А какие конкретно изменения вы собираетесь делать? — робко спросила жена профессора у Валентины Полищук.

— Да так — сущие пустяки. Хотим увеличить на полтора метра по периметру дома площадь нашей квартиры и сделать перед домом небольшой навес. Чтобы можно было там поставить стол, стулья и ещё что-нибудь. Мы бы вам показали всё на натуре, да сейчас уже темно.

Вопрос Валерии Николаевны оказался далеко не праздным, так как через два дня профессорский двор наполнился какими-то сурового вида людьми. Не говоря ни слова, они начали крушить стены первого

этажа и разбрасывать строительный мусор по всей территории дома. От их работы в квартире Афанасьевых всё ходило ходуном. В серванте звенел сервис, а по обеденному столу двигались тарелки. Люстры в обеих комнатах тоже пришли в угрожающее движение. С замиранием сердца супруги Афанасьевы в течение всего дня наблюдали весь этот ужас, не зная, что предпринять. Первой пришла в себя Валерия Николаевна.

— Петя, пока не поздно, звони в полицию!

— А что полиция? Что она может сделать? Нужно звонить в муниципалитет. Сейчас я поищу их номер телефона.

Через несколько минут хриплый, по всей видимости, от долгого молчания голос дежурного, ответил:

— Муниципалитет. Служба охраны. Что надо?

— Вас беспокоит профессор Афанасьев. Дело в том, что соседи по дому начали вчера делать ремонт. Мы с женой боимся, что на нас просто крыша рухнет.

— Завтра звоните. Отдел жалоб и предложений работает с восьми до двенадцати.

— Но у нас пиковая ситуация...

На том конце провода положили телефонную трубку.

— Лера, быстро забирай документы и, пока не поздно, уезжаем.

— Куда?

— Как — куда? К Тане, в Москву. Надеюсь, что родная дочь приютит нас на пару дней.

Дверь открыла внучка Юля и сразу повисла у бабушки на шее.

— Ой, бабуля. А мама меня не предупредила, что вы сегодня приедете. Заходите! Какой праздник, какой праздник!..

С последними словами Юля быстро смела со стола все свои учебники и побежала на кухню ставить чайник.

15.8

Вечером семья Афанасьевых собралась на ужин. Раньше эту ситуацию все заранее предвкушали, так как многочасовая беседа была увлекательным путешествием в мир культуры и науки, где Пётр Павлович рассказывал присутствующим о таких вещах, которые даже трудно было найти в учебниках по истории. Но сегодня, к всеобщему сожалению, общение пошло по другому руслу и касалось обсуждения внезапного приезда родителей Тани в Москву.

— Мама, расскажи, пожалуйста, поподробней, что произошло у вас на даче? Как я понимаю, ваши соседи вчера начали ремонт дома, о котором вас заранее предупредили.

— Правильно.

— И в чём тогда проблема?

— Это — не ремонт, Танечка, это — геноцид, который могут себе позволить по отношению к пожилым людям только совершенно распоясавшиеся, пользующиеся абсолютной безнаказанностью, люди.

— Вы им сказали, чтобы они прекратили издевательство над вами? Что это вам мешает нормально жить?

— Да, сказали. Но они ответили, что их деятельность соответствует техническим требованиям проведения строительных работ.

— Правильно они вам ответили.

— Но мы с папой и представить себе не могли, что это за ад. Чем для нас обернётся согласие на ремонт их квартиры.

— В смысле?

— В смысле того, что они там устроили.

— Они ничего не устроили. Это — стиль жизни современных молодых людей и называется он «каток». Только не тот, на котором катаются на коньках, а с помощью которого укладывают асфальт на дороге и решают свои жизненные проблемы.

— И что нам делать?

— Пока ничего. Вы ведь даже не спросили номер телефона новых хозяев. На участке работают строители, которым ваши проблемы глубоко безразличны, а хозяева в это время находятся на работе.

После этого за столом воцарилась неловкая тишина, которую прервал недовольный голос дочери.

— Витя, — обратилась она к мужу, — а ты что сидишь, как не родной? Давай, предлагай что-нибудь. Ты же у нас самый умный.

Виктор, работник районного страхового агентства, спокойным голосом осадил жену:

— Тише, Танечка, не кричи. Я, не сомневайся, — родной и поэтому скажу следующее. Пока ситуация неприятна только тем, что твои родители подписали, в силу своей интеллигентности, какие-то бумаги. Ловкие люди, увидев перед собой пожилых людей, могли подсунуть им под покровом ночи всё, что угодно.

— И что сейчас им делать?

— Прежде всего, затребовать у муниципалитета копии всех строительных чертежей, касающихся переделки дома. И во-вторых, отдать

эти копии на экспертизу специалисту по гражданскому строительству. Если окажется, что соседи подготовили ложные документы и ловко, ничего не сообщив, подписали их у родителей, то это уже уголовное преступление.

— Соседи могут сказать, что никто никого не принуждал и родители подписали всё добровольно.

— Могут, но теперь возникает главный вопрос: а почему они это сделали?

— Просто захотели и сделали.

— Ты не отвечаешь, Танечка, на мой вопрос: почему? Просто захотели — это не ответ. Что — соседи им близкие родственники, друзья, однополчане? Почему они подписали заведомо ущемляющие их интересы документы? Это уже называется подлог, основной смысл которого состоит в том, чтобы заведомо ввести пожилых людей в затруднительное положение.

— И какова твоя версия?

— Судя по взволнованным лицам твоих родителей, ответ лежит на поверхности.

— На каком основании?

— Не знаю. На этот вопрос может ответить только суд. Но при всей простоте ваших соседей, у них могут быть длинные руки.

— Скажи, дорогой, а что сейчас моим родителям делать? Какие у тебя предложения?

— Что делать? Прежде всего, пожить недельку-другую у нас. А когда строительная пыль на их участке уляжется — оценить, насколько их соседи приличные и добрые люди. С учётом этого и предпринимать следующие шаги.

15.9

Через неделю профессор Афанасьев с женой вернулись домой в дачный посёлок Огарково. К сожалению, их нехорошие предчувствия подтвердились: соседи всё на их участке поломали, захватили кусок двора и возвели на нём свои хозяйственные постройки. Перед их сараем вырыли канаву, затрудняющую пожилым людям к нему подход, поломали переносную лестницу и водопроводный кран, а с крыши по стенам спустили кабели и провода, не имеющие к ним никакого отношения. Соседи не только забросали строительным мусором территорию их двора,

но и уничтожили клумбу с цветами, за которыми ухаживала Валерия Николаевна.

Встретив появившегося, наконец, на стройке дома Полищука, Пётр Павлович его спросил:

— Скажите, уважаемый, а кто будет убирать на моём участке строительный мусор и вообще ликвидировать все неприятности, связанные с вашим строительством?

— Это вам нужно обратиться в муниципалитет и заказать соответствующий транспорт, который вывозит строительный мусор.

— Вы в своём уме? Это же результат вашей стройки, а не моей!

— К сожалению, таков порядок. На вашу территорию вы должны сами приглашать рабочих, а затем оплачивать их услуги. Ничем, при всём желании, не могу помочь.

— Я буду жаловаться на вас в муниципалитет!

— Жалуйтесь. Это ваше право, но думаю, что вам там скажут то же самое.

Профессор Афанасьев терялся в догадках, к кому можно обратиться, чтобы ему помогли разобраться в сложившейся ситуации. Он тогда ещё не догадывался, что за всеми действиями Васи Полищука, связанными со строительством дома, стоит его тёща Дарья Дмитриевна Цуранова — начальник отдела «Культура жилища». Не представлял он также, что перестройка их дома является далеко не главным элементом в цепочке разворачивающихся событий, эпицентром которых является Московский институт экономики и права.

Следует отметить, что Дарья Дмитриевна серьёзно относилась ко всем делам, за которые бралась. Тем более к строительству дома для дочери. Сегодня она пригласила к себе в контору подрядчика Кругляка, чтобы обсудить с ним, какой плиткой лучше обложить фасад здания и сколько это будет стоить. После жёсткого разговора с Кругляком, она сразу перезвонила зятю:

— Вася, сегодня после обеда тебе кое-что завезут на квартиру.

— А что это — кое-что, Дарья Дмитриевна?

— Сюрприз.

— Ну скажите, прошу вас, а то я до вечера не доживу.

— Ладно, скажу. Ящик чешского пива.

— Ой, спасибо. Это надо же так уважить!

— Только Вальке пиво не предлагай. Ей нельзя. Понял?

— Конечно, понял.

Друзей и знакомых Вася ещё в посёлке обрести не успел. И сейчас,

сидя на лавочке перед своим домом и попивая пиво, вдруг увидел за забором своего учёного соседа.

— Ну ты, марамои, пивка выпить не хочешь?

— Нет. И потом я, уважаемый, не марамои, а профессор.

— Подумаешь, профессор! Да их столько за мной каждый день ходит, выклянчивая бензонасос или втулку, что аж в глазах рябит.

— Это вы так говорите, потому что не представляете, о ком идёт речь. После этого я с вами категорически пить не буду.

— Обижаешь, начальник. Обижаешь. Это у тебя идёт от того, что много читаешь. А я вот за всю свою жизнь только одну книжку прочитал. «Как закалялась сталь» называлась. Правда, не до конца. Даже не знаю, до чего Павка Корчагин домахался своей саблей.

— Ну, что ж. Советую вам дочитать эту книгу. А теперь извините, я вас оставляю. Нужно идти домой.

— Стой! Ты куда? Я ещё не договорил.

— Всего хорошего. Спокойной ночи.

А перед сном Пётр Павлович спросил у жены:

— Лерочка, ты когда-нибудь слышала такое слово: марамои?

— Точно не знаю, но мне кажется, что когда я с родителями отдыхала в Прибалтике, то местные жители так называли финских рабочих, которые у них работали.

— Ты не знаешь, что оно означает?

— Мне кажется, что это ограниченный, никчёмный, пустой человек.

А где ты его услышал?

— Сосед с нижнего этажа меня так сегодня обозвал.

— Ну, молодец, наш сосед, большой знаток русского фольклора.

И они стали дружно смеяться.

Глава 16. Криминальный дуэт

16.1

Работник местного автосервиса Василий Полищук был уверен в том, что разговаривать с соседями по дому незачем и не о чем. Выжившие из ума два старика, старающиеся жить по каким-то нелепым, только им известным замшелым принципам, не вызывали у него никаких положительных эмоций. Он читал их наивные, призывающие к справедливости, жалобы в адрес главы районной администрации, на которые никто, а тем более мэр, никогда не собирался отвечать.

Профессор Афанасьев с женой продолжали бы писать в муниципалитет письма, оседающие в ящике стола начальника отдела «Культура жилища» Цурановой, пока однажды вечером на участке Василия и Валентины Полищук не появился высокий нескладный человек и тихим голосом представился хозяину:

— Инспектор Гусев. Анатолий Кириллович. Отдел по борьбе с экономическими преступлениями при Московской областной прокуратуре. Разрешите узнать, с кем имею честь...

— И дальше что? — спросил Василий не очень приветливым тоном.

— А дальше хотелось бы побеседовать с вами. Представьтесь, пожалуйста.

— Ну, Василий Александрович Полищук. Так о чём, если не секрет, идёт у нас речь?

— Не секрет. Соседи на вас жалуются.

— Соседи всегда жалуются. Такая уж их соседская доля. А по какому поводу жалуются? Цветочки потоптали им, что ли?

— Моё ведомство, уважаемый, цветочками не занимается. У нас другой профиль.

— Ну, а тогда — что? Какие вопросы?

— Об этом я и хочу с вами поговорить. Подходите, пожалуйста, завтра к 10 часам утра в отдел областной прокуратуры со всеми документами по строительству дома. Я вам с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Адрес указан в повестке.

— Завтра никак не могу — очень много срочной работы. Давайте в другой день, товарищ инспектор.

— Постарайтесь завтра. С начальством ваша явка согласована. А

теперь подскажите мне, пожалуйста, где заканчивается ваш участок и начинается участок ваших соседей?

— Такой границы вообще не существует. Много лет назад руководство дачного кооператива, закладывая посёлок, нарезало каждому дому кусок земли, в равной доле принадлежащий всем и каждому из хозяев.

— Интересное решение, но непонятное.

— Кстати, наши соседи предложенный нами новый план застройки участка без дополнительных вопросов подписали.

— Что вы говорите? А мне кажется, что граница между участками существует. Ваше хозяйство обнесено капитальным забором, а чужое — просто бурьяном заросло.

— Правильно, потому что любим хозяйством нужно заниматься. Как говорится, руки прикладывать. Мы это регулярно делаем, а наши соседи не желают.

— Понятно. Вы не возражаете, Василий Александрович, если я немного погуляю по территории вашего участка?

— Пожалуйста, гуляйте, пока не стемнело.

— Это вы правильно заметили. Пока не стемнело. Спасибо.

Гусев несколько раз, не спеша, обошёл ухоженный двор хваткого Полищука, где всё дышало достатком и сытостью: под навесом уютно располагался стол с десятком стульев для гостей. Напротив, на высоком комод, возвышался цветной телевизор с большим экраном. Двор пересекало несколько пешеходных дорожек, красиво подсвеченных оригинальными маленькими лампочками, а в углу участка, прямо около забора, отделявшего соседский участок от участка Полищука, стояло капитальное сооружение для жарки шашлыков. Затем Гусев перевёл глаза за забор на участок соседей. Там было тихо и темно.

16.2

После ухода инспектора Гусева, Вася Полищук, несмотря на позднее время, позвонил тётке.

— Дарья Дмитриевна, сейчас у нас в гостях был инспектор из областной прокуратуры по каким-то хозяйственным делам. Мы с ним, вроде, нормально поговорили, а он в конце разговора пригласил меня на завтра к себе в отдел со всеми бумагами по строительству дома. И чё мне теперь делать?

— Раз пригласил, Вася, нужно идти. Только лишнего не болтай и

неси с собой только бумаги, касающиеся квартиры, а не участка. Всё проверь, перед тем, как пойдёшь. Кстати, как фамилия инспектора?

— Гусев. Зовут, кажется, Анатолий. Отчество не запомнил, но какое-то простое.

— Ладно, Бог с ним, с отчеством. Всё равно этим делом будет Дуся заниматься. Да, и вот что ещё. Вальку своими глупыми разговорами не нагружай. Ей сейчас не до этого. Понял меня?

— Понял, понял.

На следующий день без пятнадцати минут десять Вася Полищук подъехал на своей сверкающей машине «жигули» шестой модели по указанному адресу. Никакой вывески на доме не было, но на входе в здание Полищука остановил человек в форме охранника без знаков различия и жёстким голосом спросил.

— Куда, уважаемый, направляетесь?

— Меня на десять утра пригласил Гусев.

— Инспектор Гусев. Ваша фамилия, имя, отчество?

— Полищук Василий Александрович.

— Предъявите документы, подтверждающие личность.

— Какие документы? У меня с собой только автомобильные права.

— Молодой человек, когда вас приглашают в государственное учреждение нашего типа, нужно иметь при себе соответствующие документы. Вам это понятно или нет?

— Понятно. Ладно, тогда я в следующий раз приду с документами.

— Не торопитесь принимать решение. Станьте в сторонку, пока я кое-что о вас не выясню.

Охранник куда-то позвонил по телефону и что-то с кем-то обсудил.

— Сегодня я вас пропущу, Василий Александрович, по водительскому удостоверению, но это — первый и последний раз. Комната номер двенадцать. Второй этаж.

Плохо освещённый коридор второго этажа областной прокуратуры сразу производил на посетителей гнетущее впечатление — ни горшков с цветами, ни ковров. Одни двери. Как в тюрьме. Всё говорило о том, что в данном учреждении не может быть у посетителей никаких легкомысленных настроений.

В глубине комнаты за номером двенадцать сидел в полутьме при включённой настольной лампе инспектор Гусев.

— Здравствуйте, — робко промямлил Полищук.

— Здравствуйте, Василий Александрович. Проходите. Присаживайтесь вот на этот стул.

— Спасибо, а можно сесть на другой?

— Нет, я вас должен хорошо видеть, — ответил Гусев и повернул в сторону Полицука настольную лампу.

— Хорошо, я пересяду.

— Сделайте одолжение. Я вас, Василий Александрович, просил принести с собой документы вместе с чертежами, на которых расписались ваши соседи со второго этажа. Вы их принесли?

— Да, принёс. Всё, как вы просили. Только я в них не разбираюсь. Я больше по автомобильным делам. Может, у вас есть с машиной какие-нибудь проблемы, так я их вмиг порешаю!

— У меня нет автомобиля и проблем, следовательно, нет.

— Странно, у всех начальников есть, а у вас — нет.

— Так, уважаемый. Давайте вернёмся к чертежам вашего участка. Кто в них у вас разбирается?

— Валька, моя жена, но она сейчас «тяжёлая». Не до бумажек ей. Рожать скоро будет.

— А вы, значит, не разбираетесь... Хотя при первой нашей встрече вы с удовольствием мне рассказывали, что напрямую общаетесь с подрядчиком Кругляком.

— Да вы что, Анатолий...

— Кириллович.

— Анатолий Кириллович. Мне до него, как до неба!

— И тем не менее, всё же вы находите для обсуждения с ним какие-то общие проблемы?

— Да какие там проблемы — одна мелочёвка!

— Выясним. А скажите, Василий Александрович, вы со своей тещей Цурановой давно разговаривали?

— Давно. Даже не припомню, когда...

— И она вам никаких серьёзных советов не давала? По поводу, например, нашей сегодняшней беседы?

— Нет, не давала. А в чём дело, Анатолий Кириллович? Я не совсем понимаю, куда вы клоните...

— Не волнуйтесь, Василий Александрович. Всё скоро поймёте.

Откровенно говоря, Вася Полицук к такому повороту дел был не готов. Он привык, что в перестроечные времена с ним, как правило, разговаривали на темы, касающиеся его профессиональной деятельности на станции техобслуживания. Неглупый от природы, он, как бы между прочим, переводил разговор на ремонт автомобилей, дефицитные запчасти, возможность сделать любую работу вне очереди. А дальше уже

общение шло в нужном для него ключе. Но сейчас он сразу понял, что обсуждение посторонних тем инспектора Гусева не интересует.

Скривив что-то похожее на улыбку, Полицук, после короткой паузы, заметил:

— А хотите, я в следующий раз жену Вальку с собой приведу. Она у меня смышлёная — всё вам расскажет.

— Не надо никого сюда приводить. Оставьте свои документы. Мы сами их посмотрим, а потом сообщим вам результаты.

— Согласен. Хорошо.

— Да. Вот ещё. О подробностях вашего визита к нам постарайтесь не очень распространяться. Не советую.

— Понял, Анатолий Кириллович. Всё понял. До свидания.

— Будьте здоровы.

16.3

Инспектор Гусев в первый раз пригласил профессора Афанасьева к себе в отдел по расследованию экономических преступлений повесткой, которую официально направил по месту его жительства.

— Заходите, Пётр Павлович. Присаживайтесь, — пригласил он, когда тот робко постучал в дверь его кабинета.

— Я не очень вас напугал своим приглашением в наше заведение?

— Откровенно говоря, напугали. К вам людей просто так не зовут.

— Это точно, — с улыбкой ответил Гусев. — Но вы, уважаемый, являетесь редким исключением. Мы не часто в своей работе сталкиваемся с учёными подобного уровня. А потом мне очень хочется лично ответить на вопросы, которые вы задавали в своих письмах руководству муниципального образования посёлка Огарково.

— Да? Я бы вам за это был очень признателен!

— Кстати, моя дочь однажды присутствовала на вашей публичной лекции и была в полном восторге. Она просила меня лично поблагодарить вас за лекцию.

— Большое спасибо.

— Но я вас пригласил, уважаемый профессор, не для того, чтобы передать вам восторженные впечатления своей дочери. У меня к вам, Пётр Павлович, один конкретный вопрос: вы согласны выступить в качестве свидетеля на суде?

— По тем фактам, которые я изложил в своих жалобах и обращениях в муниципальный совет, конечно, согласен. У меня до сегодняшнего

дня не укладывается в голове, как у этих бессовестных людей поднялась на нас с женой рука.

— А я вам объясню. Вы совершенно случайно оказались в цепи ряда коррупционных дел, которыми занимались, вместе с администрацией поселкового совета Огарково, строительные подрядчики. А мы вышли на них через ваших соседей с первого этажа — Валентину и Василия Полищук.

— Что это за фигуры, Анатолий Кириллович, чтобы через них на кого-то выходить?

— Зря вы так о них думаете, Пётр Павлович. Вот как раз они в наше непростое время — фигуры. Полезные, уважаемые люди. Он — автослесарь на станции техобслуживания, она — секретарь факультета института. А вы со своей учёностью и интеллигентностью только раздражаете окружающих. От вас никакой пользы никому нет.

И эти два серьёзных человека стали громко, от души, смеяться

— И всё-таки, какую роль мои соседи могли сыграть в вашей, Анатолий Кириллович, профессиональной деятельности?

— Большую. Сейчас уже можно об этом деле говорить.

— Внимательно слушаю.

— Но перед моим рассказом хочу вас, Пётр Павлович, угостить кофе, правда, растворимым. Нам на прошедший праздник начальство в продовольственном наборе одну баночку дало.

— Это — не кофе, Анатолий Кириллович. Это — грубая подделка. Когда я был во время войны в Австрии, мне один русский ресторатор объяснил, что растворимый кофе делают из отходов обработки кофейных зёрен. В таком кофе не более 20% настоящего кофе, а всё остальное, в основном, — добавки для вкуса и запаха.

— А почему же мы его с таким удовольствием пьём? — с удивлением воскликнул Гусев.

— Во-первых, мы не знаем, что такое настоящий кофе. Многие никогда в жизни его не пили. А во-вторых, для имитации красивого образа жизни. Так человек устроен.

— Но мы, вроде как, ощущаем прилив сил после небольшой чашечки растворимого кофе? — удивлённо спросил Анатолий Кириллович.

— Это мы себе, уважаемый, внушаем. Проводим каждый раз сеанс самогипноза.

— Что вы говорите!

— Представьте себе. В принципе, самогипнозом люди занимаются не только в плане кофе.

— Что вы имеете в виду, Пётр Павлович?

— То, что вся наша жизнь — сплошной растворимый кофе.

— Интересное утверждение. А можно поподробней?

— Можно, но я историк, а не психотерапевт.

— Понятно, но я всё равно с удовольствием послушаю вашу оценку, как историка, ситуации в нашей стране.

— Хорошо, но, чтобы вас не отвлекать от серьёзных дел, постараюсь очень коротко.

— Согласен.

— Вы, я надеюсь, помните, Анатолий Кириллович, страшный голод в 1947 году? А в конце этого года была проведена первая послевоенная денежная реформа и отмена карточек.

— Конечно, помню. Всем хотелось, чтобы после убедительной победы над фашистами мы сразу зажили богато и красиво. Но ничего подобного, к сожалению, не произошло.

— Правильно. Поэтому мудрый Сталин, уловив настроение народа, сделал навстречу этой мечте маленькие шаги. Более того, в последующие годы Сталин продолжил политику улучшения качества жизни населения путём ежегодного снижения цен.

— И это я хорошо помню.

— Прекрасно. Хрущёв пошёл ещё дальше. Чтобы обеспечить себе несколько лет спокойной жизни, он пообещал народу к 1980 году построить в нашей стране коммунизм. Но всё, к сожалению, оставалось таким же, как и прежде. Плюс Новочеркасское восстание.

— Точно так.

— А потом пришёл Брежнев с анекдотами и своими бессмертными произведениями о Великой Победе в Отечественной войне, позволяющими людям сравнить пар.

— Да, но народ, на самом деле, стал жить лучше...

— Народ не стал жить лучше. Народ стал жить в долг. Для лучшей жизни не было никаких серьёзных предпосылок.

— Понятно.

— Наконец, в 80-х годах появился во главе государства Горбачёв с его ужасным, антиалкогольным законом и пустыми полками в магазинах. Народу совсем стало плохо жить. Так что всё это иллюзии и обман, уважаемый Анатолий Кириллович. Но по сравнению с тем, что мы пережили в войну — это самый безобидный обман.

16.4

Перед тем как начать рассказывать о криминальной схеме, созданной Цурановой и Кругляком, Анатолий Кириллович выключил настольную лампу и включил в комнате верхний свет.

— Итак, уважаемый Пётр Павлович, всё началось весьма прозаически. В одном из высших учебных заведений Москвы некая серьёзная дама с учёной степенью, назовём её доцент Х, возжелала занять должность заведующего кафедрой. И всё было бы хорошо, если бы на её пути к заветному креслу не возникло препятствие в лице другой, не менее серьёзной дамы, доцента У. В принципе, ситуация настолько банальна, что на неё не стоило бы такому ведомству, как наше, обращать внимание. Но возникло одно «но»: доцент Х, чтобы гарантированно устранить свою соперницу доцента У, уговорила секретаря заочного факультета Валентину Полищук написать на доцента У клевету, обвинив её в адюльтере со студентом заочного факультета.

— Я таких историй, Анатолий Кириллович, за свою сорокалетнюю работу в вузе, слышал не один десяток. И что в этом могло заинтересовать ваше ведомство?

— Хороший вопрос, Пётр Павлович. Но не торопитесь. Эта вроде пустяковая ситуация поначалу заинтересовала других людей, а уже потом, по их сигналу, подключились мы.

— И по какой причине вы подключились, позвольте узнать?

— Нас заинтересовало, почему молодая девушка, Валентина Полищук, решила написать на уважаемого доцента У подобную бумагу?

— А что вас, Анатолий Кириллович, удивляет? Сейчас все пишут. Вот у меня был аспирант, еврей. Его не то, что в аспирантуру, на работу никто не брал. А я его взял. Так он на меня, наверное, в знак благодарности, более 100 писем написал — от районного отделения милиции до Организации Объединённых Наций. Правда, все подписанные, не анонимные.

— Понятно, Пётр Павлович. Но вернёмся к Полищук. Сначала мы подумали: может, её письмо было просто горячим протестом против аморального поведения преподавателя вуза?

— Вполне возможно, Анатолий Кириллович. В вузовской нестандартной среде встречаются такие неадекватные борцы за справедливость.

— Не торопитесь, Пётр Павлович. А может, тут имело место нечто другое, не имеющее никакого отношения к моральному облику преподавателя высшей школы?

— Вы хотите сказать, Анатолий Кириллович, что просто кто-то банально оплатил «жертвенность» секретаря факультета?

— Вот именно. И здесь возникает уже наш ведомственный интерес, о котором я вам сейчас, в пределах дозволенного, кое-что расскажу.

— Весь внимание.

— Итак, в 60-е годы советская страна награждала отдельных, особо отличившихся граждан, земельным участком в ближнем Подмоскovie и стандартным домиком. Из этих домиков многие делали себе дачи и жили в них, как правило, в летнее время со своими детьми и внуками. Руководство дачного товарищества следило за сохранностью домиков, в основном, в зимнее время, и помогало, по мере возможности, в их обустройстве. Вам всё здесь понятно, Пётр Павлович?

— Пока всё.

— Если что будет непонятно, задавайте вопросы. Не стесняйтесь.

— Хорошо.

— Тогда продолжим. На стандартный домик заводился технический паспорт, где было чётко прописано: каждый владелец дома имеет равную долю владения дачным участком. В 80-х годах, когда кооперативы типа посёлка Огарково вошли в зелёную зону Москвы и появились нормальные автомобильные дороги, многие владельцы дачных строений стали их приватизировать. Незыблемым только оставалось прописанное в государственном реестре требование дачного товарищества для всех хозяев домов сохранять равную долю владения землёй.

— Но в нашем случае это не так, Анатолий Кириллович. Соседи всё разрушили и, переделав часть дома на свой лад, бессовестным образом залезли на нашу территорию.

— Правильно, Пётр Павлович. Но не забегайте вперёд. Постарайтесь дослушать меня до конца. В последние годы цены на дачные домики серьёзно возросли и несколько ушлых предпринимателей решили сделать на этом неплохой бизнес. В этом случае произошло несколько серьёзных правонарушений. Начальник отдела «Культура жилища» вашего муниципального образования Цуранова вступила в преступный сговор с подрядчиком Кругляком. Они умышленно вводили в заблуждение хозяев домиков, как правило, пожилых людей и, используя их доверие и некомпетентность, заставляли подписывать новый план строения, нарушающий государственное постановление. Естественно, что выручку от всех махинаций они делили между собой.

— Ну как не подписать, Анатолий Кириллович! Пришли после рабо-

ты поздно вечером с виду приличные молодые люди. Не могли же мы им в этом отказать!

— Понятно. А теперь несколько слов о том, что вы им, Пётр Павлович, подписали: увеличение на полтора метра по периметру своего дома площадь квартиры, что составляет приблизительно двадцать квадратных метров; согласие на строительство на вашей территории частных строений соседей; концентрацию на вашем участке земли всех систем хозяйственного обслуживания дома... И ещё кое-что по мелочи...

— И что можно сейчас с этим поделать, Анатолий Кириллович?

— До суда — ничего. А в дальнейшем, в соответствии с судебной процедурой, Цурановой Дарье Дмитриевне, как руководителю заказчика, и Кругляку, как строительному подрядчику, может быть предъявлено несколько процессуальных эпизодов. Первое: подготовка заведомо ложного проекта перестройки дома, нарушающего базовый принцип деятельности дачного кооператива в соответствии с требованием государственного реестра. Второе: захват чужой территории и строительство на ней непредусмотренных проектом объектов. Третье: вредительское планирование муниципалитетом хозяйственной инфраструктуры дома на территории участка одного владельца (вода, канализация, электричество, компрессоры разного назначения, газовое хозяйство и т. д.). Четвёртое: преступный сговор муниципального управления посёлка Огарково со строительным подрядчиком Кругляком с целью незаконного обогащения. Вот такие, примерно, обстоятельства дела.

— И что, всё это безобразия произошло только с моей квартирой, Анатолий Кириллович?

— Безусловно, нет. Выявлением подобных случаев мы сейчас и занимаемся. Ваше дело — это ниточка, которая привела нас к расследованию серьёзной коррупционной схемы. Но об этом мы поговорим с вами, Пётр Павлович, в следующий раз.

Часть VI.

Мужская дружба

Глава 17. Пагубная страсть

17.1

Следующая встреча профессора Петра Павловича Афанасьева и инспектора Анатолия Кирилловича Гусева была запланирована через две недели, но каждый раз по каким-то причинам откладывалась. Наконец, Гусев позвонил Афанасьеву и радостным тоном сообщил:

— Пётр Павлович, у меня завтра отменилось совещание. Вы не могли бы ко мне подъехать этак часикам к четырём?

— Могу. Буду рад с вами встретиться.

— Так я вас жду.

— До встречи.

После обмена рукопожатиями, Гусев, улыбаясь, предложил Афанасьеву садиться:

— Только не на этот стул.

— Чего так, Анатолий Кириллович?

— Он — нечистый.

— В каком смысле?

— В прямом. Здесь нехорошие люди сидят.

— Вот как! Ну-ну...

— К сожалению, Пётр Павлович, встречаются и такие.

— Понятное дело.

— Сегодня я хочу продолжить рассказывать о деле, которое касается вашего дома. Но прежде хочу задать вам, если позволите, несколько вопросов.

— Задавайте. Я на них, если смогу, с удовольствием отвечу.

— Скажите, Пётр Павлович, у вас не возникло чувство жертвы при первой нашей встрече?

— Не понял? В связи с чем оно должно было возникнуть?

— В связи с теми неприятностями, которые вам доставили некие ловкие люди в посёлке Огарково

— Боже упаси! Я же — участник войны, Анатолий Кириллович. С чувством жертвы выжить на фронте было никак нельзя.

— А желание найти правду вам никогда не мешало жить?

— Ещё как мешало! Но я никогда ни перед кем и ни за что не оправдывался. Всегда стоял на своём.

— И всё-таки, что вы испытали, оказавшись в ситуации, связанной с вашим домом?

— Чувство омерзения и скорби. Даже было трудно самому себе признаться, за что столько лет воевал.

— Не понял, Пётр Павлович. Уж больно туманно вы ответили на мой конкретный вопрос.

— Попытаюсь объяснить, Анатолий Кириллович. Война меня многому научила и, в частности, заставила кардинально пересмотреть свои взгляды на жизнь старшего поколения. Никого в военное время мне никогда не было так жалко, как брошенных стариков.

— Не совсем так, но, в общем, согласен.

— Так, так. В любом обществе, испокон веков, самым уважаемым и почитаемым был самый старый человек. Все о нём в первую очередь думали и заботились. Пусть больной, недееспособный, невнятно говорящий, но его мнение было камертоном, относительно которого отстраивались мнения всех остальных. А оскорбить или поднять руку на старика было самым большим грехом.

— Но есть же официальные государственные структуры, которые отвечали и отвечают за социальное обеспечение пожилых людей? — успел вставить несколько слов Анатолий Кириллович.

— Я вас умоляю! Старики, по большому счёту, в наше время никому не нужны. Они вызывают у окружающих раздражение и злость. Я годами наблюдаю, как к врачу-геронтологу, а его кабинет рядом с кабинетом нашего участкового врача, сидят в очереди тихие пожилые люди. А рядом с ними — недовольные их дети и внуки.

— Почему недовольные?

— Потому что их оторвали от своих неотложных дел.

— Чего так?

— Неужели непонятно, Анатолий Кириллович? Что такое — отвезти старика к врачу? Это нужно его помыть, переодеть, расчесать, накормить. Организовать транспорт. Привезти и увезти.

— Ну, это на самом деле так, Пётр Павлович, — заметил Гусев, чувствуя, что теряет в разговоре инициативу.

— А не проще ли врачу, Анатолий Кириллович, самому отправиться

к своим пожилым пациентам? Не увидеть собственными глазами среду обитания своих подопечных?

— Это было бы правильно.

— Вот! А может, вообще упразднить амбулаторный приём лиц пожилого возраста, доплачивая врачу за визит домой пару копеек?

— Ну вы, Пётр Павлович, совсем заговорились. Развернули картину какого-то нереального будущего.

— Ничего подобного! Всё реально! Старость нельзя убрать из графика жизни всех, без исключения, людей. Это — естественное состояние человека. Но старость нужно сделать счастливой, радостной, а главное, — желанной.

— Как вы сказали? Желанной?

— Да, да — желанной. Все люди стареют, независимо от того, служил ли человек командиром дивизии или танцевал в балете.

— И что?

— А то, что им нужно создать на последнем отрезке жизни нормальные комфортные условия. И вы знаете, почему? Потому что больные, заброшенные, никому не нужные старики — это самый страшный урок, который получают дети от взрослых в начале своего жизненного пути. Вред от этого урока — гигантский, который даже невозможно оценить.

— Это точно.

— А старики всё терпят, всё сносят и тихо страдают, боясь вызвать гнев окружающих — ещё чего доброго от них вообще откажутся.

— И что же делать, Пётр Павлович, чтобы ваши слова не остались только словами?

— А вот что. Пожилых людей следует рассматривать в нашем государстве как отдельную, особой социальной важности, группу населения. Не парады устраивать с их участием, не в президиум сажать один раз в год и даже не подарки раздавать ко Дню Победы, а создать Особый Комитет социальной безопасности пожилых людей.

— Вместо комитета государственной безопасности?

— Может быть, и так.

— Интересное предложение.

— Да, интересное. При этом считать всякое посягательство на достоинство и честь стариков государственным преступлением, а не, как правило, его замалчивать.

— Кстати, Пётр Павлович, я тоже успел побывать на фронте. Правда, всего четыре месяца, но в моём сознании кое-что отложилось.

— Интересно, что?

— Я пришёл к выводу, что зло нельзя победить добром. Это чушь, возникающая в мозгу слабого и трусливого человека. Зло можно победить лишь только превосходящим по силе воздействия ответным злом, — после этих слов Гусев склонился к Афанасьеву и тихим голосом прошептал, как будто их мог кто-то услышать: — Я вам сейчас скажу то, что в этих стенах никогда и никому не говорил. В нашей стране уже много лет идёт страшная война между созиданием и разрушением, между гопниками и академиками, между порядочными людьми и ворьём. К большому сожалению, академики вчистую проигрывают гопникам.

— Извините, Анатолий Кириллович, а я здесь причём?

— В принципе, не при чём. Но вы по всем своим параметрам относитесь к стану академиков. Это — с одной стороны. А с другой, вы — совершенно случайно оказались вовлечёнными в цепочку крупных хозяйственных преступлений.

— Каких преступлений?

— Серьёзных. Скажу откровенно, Пётр Павлович, если бы не засветилась ваша соседка Полищук, то до ваших мелких проблем с домом никогда у нашего ведомства руки не дошли.

— В каком смысле засветилась?

— В прямом. Ей бы, по-хорошему, выполнив свою подленькую роль в написании пасквиля на приличную женщину, отползти в сторону. Так нет же. Она ещё, под руководством своей прожженной мамы, решила научить вас, умных и образованных профессоров, как родину любить. Указать вам в посёлке Огарково место, которое вы должны, по её мнению, занимать? Да-да, уважаемый. И не закатывайте глаза, не надо. Поверьте мне, так оно всё в нашей реальной жизни и есть.

— Ну вы и разошлись, Анатолий Кириллович!

— Ничего я не разошёлся. Я вам даже больше скажу. Если немедленно не воспрепятствовать распространению этой жуткой скверны, то цурановы-полищуки захватят всё вокруг и будут диктовать таким, как вы — профессорам, свои условия жизни.

— Я с вами полностью согласен.

— Это хорошо, что вы хоть в чём-то со мной согласны. Потому что они на вас, да и на меня тоже, смотрят как на досадное недоразумение, которое можно ногтем сквырнуть и пойти дальше.

— И что делать? — спросил под напором слов своего собеседника Пётр Павлович.

— Что делать? А я вам скажу. Во-первых, ни в коем случае не опу-

скаяться до их уровня. А во-вторых, этих людей следует сажать в тюрьму и жестоко наказывать.

— Зачем?

— Для того, чтобы они поняли своё ничтожество, невежество и внутреннюю гнусность. Это нужно делать публично, чтобы они громко, во весь голос, просили пощады у нормальных людей и раскаивались во всех своих смертных грехах.

17.2

Леонид Исаакович Горин постоянно был на связи с Анатолием Кирилловичем Гусевым. Он был в курсе всех дел, составляющих суть процессуальных действий по обличению строительно-муниципальной мафии Кругляк-Цуранова. Тем не менее, его, в принципе, не интересовала ни группа мошенников во главе с Цурановой, окопавшаяся в муниципальном образовании Огарково, ни строительный аферист Одиссей Макарович Кругляк, повязавший своими грязными услугами всё Подмосковье. Конечной целью действий Горина было заблокировать информационный канал, который связывал Сергея Павловича Платонова с инспирированным доцентом Сотниковой делом, зреющим в недрах Московского института экономики и права. Он ни на минуту не забывал о приватной задаче, которую сам себе поставил: оградить Сергея Павловича Платонова от этого скандала.

Горин и Гусев иногда встречались на различного рода совещаниях, но сегодня была совсем другая ситуация. До утверждения Платонова на должность генерального директора авиационного объединения оставалось чуть больше трёх недель. Нужно было торопиться, и Горин решил экстренно встретиться с Гусевым.

— Добрый день, Анатолий Кириллович, — услышал Гусев в телефонную трубку.

— Добрый, Леонид Исаакович. Вы меня схватили в дверях буквально за хвост.

— Ну, всё-таки схватил и это — большая удача. Вы случайно не в мою сторону направляетесь?

— Нет. А что, есть необходимость нам пересечься?

— Есть. И достаточно серьёзная.

— А по телефону нельзя эту форс-мажорную ситуацию обсудить? У меня дел по горло.

— Я понимаю, Анатолий Кириллович, что вы — занятый человек. Но, к сожалению, нельзя.

— Тогда давайте завтра пообедаем «У Багратиона». Ресторан как раз на полпути от Твери до вашего Подмоскovie. В час дня вас устраивает?

— Вполне.

— Ну, тогда до завтра.

— Всего наилучшего.

Ресторан «У Багратиона» славился хорошей грузинской кухней. Говорили, что у него один хозяин с московским рестораном «Арагви». Вечером ресторан всегда был заполнен до отказа, но днём можно было найти свободные места. Гусев припарковал свою скромную «тройку» на грунтовой площадке позади ресторана, так как на асфальтированной стоянке у входа в него, как правило, свободных мест не было. А через пятнадцать минут подъехал Горин. Все столы для «персон» были заняты, так что им пришлось довольствоваться периферийными местами. Столик был на четверых, но Горин дал распорядителю зала денежную купюру и попросил, чтобы к ним никого не подсаживали. После общих фраз о семье, детях, погоде, Леонид Исаакович обратился к Гусеву:

— Как, Анатолий Кириллович, продвигается рассмотрение дела о строительной мафии в Огарково?

— Двигается потихоньку, но конца этому не видно. Чем дальше в лес, тем больше подробностей про дрова.

— А более конкретно?

— А более конкретно дело обстоит следующим образом. С вашей подачи, Леонид Исаакович, мы начали расследование некоторых частных нарушений при строительстве дома семьёй Полищук, а вышли на дачную мафию, щупальца которой простираются почти по всему Подмоскovie.

— Я понимаю грандиозность решаемых вами задач, Анатолий Кириллович, но меня оно интересует только в той части, которая касается Сергея Павловича Платонова.

— Понятно. Вы меня, Леонид Исаакович, зачем в этот ресторан сегодня пригласили? Обсудить наши дела?

— Да Боже сохрани! Вы сказали, что, как правило, в час дня обедаете. Вот я и вспомнил, что очень давно не был в хорошей компании в ресторане «У Багратиона».

— Ну, тогда приятного аппетита.

— Взаимно.

17.3

Обед Горина и Гусева подходил к концу, а в дружеской беседе двух весьма занятых людей не было сказано ни одного слова по делу, ради которого они встретились. Серьёзный Гусев не хотел проявлять инициативу, а ироничный Горин не спешил рассказывать, зачем он его пригласил на встречу.

Беседа вообще могла бы закончиться ничем, если бы Горин не нашёл оригинальный вариант продолжения разговора.

— А хотите, Анатолий Кириллович, я вам расскажу один маленький английский анекдот?

— Весь внимание, Леонид Исаакович.

— Ну, так вот. В Лондоне, на мосту через Темзу, стоит мужчина во фраке, в цилиндре, с тростью. А в Темзе тонет женщина. Увидев мужчину, женщина душераздирающим голосом начала взывать к нему: «Сэр, вы видите — я не умею плавать, я тону! Помогите, я не умею плавать!» Мужчина галантно приподнял шляпу и спокойным тоном ей ответил: «Мадам, я тоже не умею плавать, но я об этом не ору на весь Лондон».

От души посмеявшись по поводу рассказанного анекдота, они продолжали с большим аппетитом кушать, когда Гусев, как бы между прочим, спросил Горина:

— А что за персонажи, уважаемый Леонид Исаакович, фигурируют в вашем анекдоте? Вы же его не просто так рассказали. Расшифруйте их, пожалуйста.

— Извольте, Анатолий Кириллович. Тонущей женщиной является доцент Сотникова, а мужчиной — гражданин Кругляк, с которым мне очень нужно, с вашего разрешения, встретиться.

— А зачем вам моё разрешение?

— Очень правильный вопрос. Дело в том, что это даст мне возможность вывести на какое-то время хитрого и осторожного Кругляка из-под вашей разработки. Я его должен убедить обратить самое пристальное внимание на свои проблемы, а не подыгрывать жене в каком-то пустяковом деле.

— Неплохая идея. И как вы собираетесь с ним встретиться, чтобы не спугнуть такого карася?

— Заманить его, опять же с вашего разрешения, через Полищука на территорию автосервиса.

— А дальше что?

— Дальше убедить в необходимости очень серьёзно переговорить со своей женой Сотниковой.

— На предмет?

— На предмет того, чтобы она забрала своё заявление на Платонова и Черникову.

— Помилуйте, уважаемый Леонид Исаакович! Кругляк для своей жены — пустое место, половая тряпка, об которую она вытирает ноги.

— Это не важно, какое он для неё место — пустое или полное. Она должна своим женским чутьём понять, что облегчение предъявленных её мужу серьёзных обвинений позволит ей хоть что-то сохранить в настоящей благополучной жизни.

— Да не будет он с ней говорить.

— Почему?

— Потому что его страх перед женой во много раз больше страха перед нашим правосудием.

— И это не важно.

— Тогда поясните, Леонид Исаакович, что, по вашему мнению, важно, а что — нет. И ещё раз чётко сформулируете ваше видение дела, по которому основным фигурантом проходит Кругляк.

— Пожалуйста. Дело Кругляка следует разделить на две части. Первая касается ситуации, связанной с его женой, и может ей стоить не только репутации, но и дальнейшей карьеры. А вторая — с его экономическими преступлениями перед государством, наказание за которые можно, с вашей помощью, несколько смягчить.

— Не понял, а причём здесь Полищук? Какую роль вы ему отводите в этом серьёзном деле?

— Полищук нужен только для того, чтобы Кругляк согласился на встречу со мной.

— Вы что, шутите? Полищук для Кругляка вообще не авторитет.

— Я знаю.

— Так чем вы собираетесь заманить его на автобазу?

— Ну, это, как раз, просто. Полищук представит меня как серьёзного, богатого клиента и назначит ему встречу на территории своего автосервиса. В надежде, кстати, получить за это хорошие комиссионные.

— Хорошо, Леонид Исаакович, но хочу вас предупредить: Кругляк патологически скуп и жаден.

— Я знаю об этом. Но он очень любит деньги.

— И что?

— А то, что скупой человек, в отличие от щедрого, Анатолий Ки-

риллович, непременно имеет какую-то непреодолимую страсть: кто-то играет на скачках, кто-то в рулетку, а кто-то в карты. Любая страсть, как правило, связана с азартом, который жадный человек, как правило, не контролирует. Что вы на это можете сказать?

— Могу сказать, что вы, Леонид Исаакович, со своим большим адвокатским опытом вышли на правильную тропу. Как мне сказал на одной из наших бесед Полищук, испепеляющей страстью Кругляка являются машины. У него уже были в жизни практически все отечественные марки. Он уже ими просто пресытился.

— Очень интересно. И что?

— А то, что однажды ему, по большому благу, удалось побывать на экскурсии в личном гараже Брежнева. После этого Кругляк, в полном смысле этого слова, «заболел» желанием иметь что-нибудь подобное.

— Каким образом? В нашей стране у него нет никаких шансов купить такую машину.

— Правильно. Поэтому если у него когда-нибудь появится возможность приобрести настоящую иномарку, а не битую краденую «японку», он ни перед чем не остановится.

Анатолий Кириллович даже не мог представить, что этим разговором он подал Леониду Исааковичу прекрасную идею заставить Сотникову через Кругляка прекратить преследование Черниковой и Платонова.

17.4

Встреча между Кругляком и Гориным была назначена на территории автосервиса Полищука на шесть часов вечера в ближайшую пятницу. Конец рабочего дня, конец недели, так что никто не будет никуда спешить. Леонид Исаакович для выполнения поставленной задачи решил поехать на встречу с Кругляком на шикарной представительской машине своего авиационного объединения. Для решения этого вопроса Горин накануне позвонил Платонову:

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Горин беспокоит. Извините, что отвлекаю, но мне необходимо воспользоваться во второй половине дня в пятницу представительской машиной объединения.

— Зачем, Леонид Исаакович?

— Я вам потом всё подробно объясню.

— Леонид Исаакович, вам же известен список лиц, которые имеют доступ к представительской машине?

— Известен, но я бы не стал вас беспокоить, Сергей Павлович, без серьёзной на то причины.

— Хорошо. На какое время вам нужна машина?

— На семнадцать часов.

— Записал. Чтобы не возбуждать нездорового ажиотажа по этому поводу, машина будет заказана на моё имя, а поедете вы. Водитель Владимир Николаевич будет об этом предупреждён.

— Где будет стоять машина?

— В нашем гараже. Вторая стоянка.

— Спасибо.

Положив телефонную трубку, Горин в очередной раз отметил высокий уровень деловой культуры Платонова, который в разговоре с ним не задал ни одного лишнего вопроса и не потребовал никаких дополнительных объяснений. Несомненно, что при первой же встрече он расскажет Сергею Павловичу, зачем понадобилась ему эта машина.

Кругляк подъехал к автосервису Полищука без пятнадцати шесть. Поставив машину недалеко от проходной, он уверенным шагом подошёл к охраннику. По всему было видно, что они знают друг друга, так как его сразу пропустили на территорию предприятия. А в шесть часов Полищук и Кругляк вышли на улицу встречать клиента. Ждать долго не пришлось, к входу автосервиса подъехал шикарный «инфинитив». Судя по выражению лица обоих мужчин, они такую машину вблизи видели в своей жизни впервые. Из «инфинитива» вышел водитель в фирменной фуражке, поздоровался с каждым из встречающих за руку и спросил:

— Кто из вас, господа, Одиссей Макарович Кругляк?

— Я, — тихо ответил небольшого роста мужчина.

— Вас просят пройти в машину. А с вами, уважаемый, — обратился он к Полищуку, — мы пока погуляем по улице, если не возражаете.

Водитель подвёл Кругляка к машине и предупредительно открыл перед ним вторую дверь. Но тот стоял как замороженный в полуметре от машины и боялся к ней прикоснуться. Ладони Кругляка стали мокрыми от пота, что не давало ему возможность взяться за ручку.

— Вам помочь? — с недоумением спросил водитель. — Вас ждут, господин Кругляк. Садитесь в машину.

Но Кругляк не мог пошевелиться, чтобы сделать последний шаг. Его как будто парализовало — ноги и руки перестали слушаться, а глаза стали почему-то слезиться. Когда же он, наконец, втянул своё тщедушное тело в машину и примостился на краешке сидения, водитель с силой захлопнул за ним дверь.

Так как тонированные стёкла машины создавали голубоватый полумрак, то Кругляк не мог рассмотреть, кто сидит внутри, и поэтому поздоровался в пустоту:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Одиссей Макарович. Входите, пожалуйста. Устраивайтесь поудобней, — произнёс сидящий в глубине машины человек.

— Спасибо, — с трудом выдавил из себя Кругляк. Он всё ещё находился в полном шоке от обстановки, в которой неожиданно оказался.

— Вы, уважаемый, не волнуйтесь. Сейчас привыкнете к полумраку. Он очень успокаивающе действует, — произнёс незнакомец. — В машине человек должен отдыхать и настраиваться на деловую встречу.

— Да, да, — пролепетал Кругляк еле проворачивающимся во рту языком.

— А ещё я люблю, когда в салоне тихо играет музыка, — продолжил говорить неизвестный человек и нажал на какую-то кнопку.

Придя в себя, Кругляк попытался сесть поглубже, но его потные руки заскользили по бархатной обивке сиденья, приятно щекоча пальцы. Когда же Одиссей Макарович всё-таки справился со своим телом, ему сразу бросились в глаза потрясающей красоты фирменные знаки машины, расположенные на задней стороне передних кресел. Такие же знаки он увидел на дверных ручках и приборной панели. И ещё Кругляк уловил, что в салоне пахнет какой-то пряной травой, от которой немного кружится голова.

Горин, с его огромным адвокатским опытом общения, очень хорошо разбирался в людях. Для себя он давно вывел простую формулу: чем ничтожней человек, тем больше в нём холуйского почтения и тем меньше чувства собственного достоинства. Кругляк полностью вписывался в образ жалкого, беспринципного, ничтожного человека, готового за хорошие деньги кого угодно продать и купить заново.

— Хотите, уважаемый, выпить?

— Не откажусь, — почему-то шёпотом ответил Кругляк.

— А что вы предпочитаете: коньяк, виски, бренди?

— Да мне, извините, всё равно. На ваш вкус.

— Тогда позволю вам предложить коньяк «Сан-Ремо». Очень мягкий и с великолепным запахом. Не возражаете?

— Да вы что! — замахал на Горина обеими руками Кругляк, испугавшись, что тот передумает его угощать.

— Вот и хорошо.

17.5

Горин нажал кнопку на своём подлокотнике и откуда-то снизу, между сиденьями, плавно вышел компактный столик с барной стойкой. Леонид Исаакович наугад вынул из неё бутылку коньяка и небольшими порциями разлил коньяк по бокалам. Подняв свой бокал, Горин первый раз повернулся к Кругляку. Перед ним сидел невзрачный, неопрятно одетый, потерявший себя в окружавшем его великолепии, человек. Мелкий делец, в глазах которого одновременно читался испуг что-то сделать не так и страх не понравится владельцу машины.

— Чем занимаетесь, Одиссей Макарович? Да вы не стесняйтесь, закусывайте. Лимончик, пожалуйста, конфеты...

— Как вам сказать...

— Так и скажите. Какая ваша специализация? Гражданское, промышленное строительство, машиностроение?

— Да всем понемножку. Куда приглашают, туда и идём. Коллектив у меня небольшой, но высокопрофессиональный. Любую работу делаем.

— А дачное хозяйство вас интересует?

— Интересует. Здесь мы, как правило, работаем за наличные, без оформления официальных бумаг.

— Деньги любите?

— А кто их не любит? Есть пара лишних копеек — живёшь красиво, в своё удовольствие. А нет — так нет.

— Это вы правильно сказали. Все любят деньги, но не все умеют их хорошо считать.

— Золотые слова. В строительном бизнесе не только нужно уметь считать деньги, но и видеть ситуацию на перспективу. Вон сколько вокруг стоит недостроенных объектов...

— Ну, так вот, уважаемый, — резко перебил Кругляка Горин. — Есть у меня серьёзный проект строительства спортивно-оздоровительного комплекса с небольшой базой отдыха в несколько десятков домиков. Типа профилактория выходного дня.

— Очень интересно...

— Подыскиваю строительную компанию, — продолжил Горин, не обращая внимания на реплику, брошенную Кругляком, — способную его реализовать. Небезызвестный вам господин Черников рекомендовал вас как делового и энергичного подрядчика.

— Мне это весьма лестно слышать, но, позвольте узнать, почему он рекомендовал именно меня?

— Сказал, что вы в этом районе много лет работаете. Всё и всех отлично знаете.

— Это — верно. Я здесь начинал работать, когда ничего вокруг не было. Природа здесь замечательная и тишина. Только дорогами нужно заниматься. Машины жалко, я уже не говорю о такой красавице как у вас.

— Понятно. Ну, о делах мы, Одиссей Макарович, поговорим в следующий раз, но один момент хочу обсудить с вами прямо сейчас.

— Слушаю вас внимательно.

— Серьёзные люди, рекомендовавшие вас, сказали, что у вас есть какая-то некрасивая тяжба с Московским институтом экономики и права. Это правда или навет?

— Это не у меня тяжба. Это у моей жены. Она с кем-то там сцепилась и грозит даже обратиться в суд.

— Не годится это, Одиссей Макарович, — резко перебил его Горин, — не солидно. Наше требование к партнёрам — безупречная репутация. А вы суд, не ко сну будет сказано, поминаете.

— Да там ещё ничего, по-хорошему, нет. Одни разговоры и намерения.

— Ну, вот когда и намерений не будет, тогда и продолжим наш разговор о строительном проекте. Эту информацию, в недельный срок, сообщите господину Черникову. После этого наши люди с вами свяжутся. И не советую с нами шутить. Всего хорошего.

— До свидания.

Леонид Исаакович всё верно рассчитал: Кругляк, будучи от природы алчным и жадным человеком, считал, что в жизни всё можно купить. Только цена разная и — больше ничего. Окунув сегодня Кругляка в «инфинитив» и угостив дорогим коньяком, Горин не сомневался, что с этого момента Одиссей Макарович стал его клиентом, из которого можно вылепить всё, что он захочет. В течение нескольких минут Леонид Исаакович сделал смыслом жизни этого ничтожного человека приобретение такого роскошного автомобиля как у него.

Кроме того, Горин был уверен в том, что разрешив посидеть Кругляку несколько минут в такой машине, он ему сделал смертельную инъекцию. Теперь для достижения своей цели у Кругляка не существовало никаких преград, в том числе и ситуация в семье. Одним махом Леонид Исаакович разрушил страх Кругляка перед женой и упразднил желание смотреть на жизнь её глазами.

17.6

Одиссей Макарович вошёл в свою квартиру, как Наполеон в Париж после очередного выигранного сражения. После многих лет строительства каких-то «курятников» в дачных посёлках Подмоскovie, он, наконец, получил достойное его таланту предложение. Более того, судьба его вывела на людей, для которых в этой жизни нет никаких преград. Интересно, какого финансового уровня будет предлагаемый ему проект? Счёт, наверное, будет идти на миллионы, а может, даже и на миллиарды... Не меньше. Люди такого уровня с меньшими объёмами просто не работают.

«Кстати, как его звать? Обо мне он, по всей видимости, знает всё, а сам даже не представился. Серьёзный жучара... Может, спросить о нём Ваську Полищука, который наводочку организовал?.. Да ты что! Не вздумай ничего спрашивать. Сейчас ставки пошли не Васькиного масштаба...

И всё-таки, почему этот крутой мужик обратился именно ко мне? Ведь не только потому, что я энергичный и деловой. Таких как я, по Московской области много бегают...

А что тут непонятного? Кто ещё, кроме тебя, все тропинки в Подмоскovie знает?.. Э, нет... Этого мало...

Стоп. Он же не просто так упомянул в разговоре адвоката Черникова?.. Конечно, не просто. У этого адвоката очень серьёзные клиенты. Он вообще сейчас, по-моему, работает только с министерствами. Неужели Черников испугался, что запачкается через свою жену, у которой с Женькой конфликт? А что!.. Вполне возможно... Такие люди видят очень далеко.

Всё... Хватит пустой болтовни... Голова кругом уже идёт...

А не налить ли нам рюмашечку коньяка? По-моему, я сегодня это заслужил!»

Одиссей Макарович вытащил из серванта высокую коробку, в которой стояла нераспечатанная бутылка французского коньяка. Аккуратно её открыл и налил полную рюмку.

«Ну, будь здоров, Одиссей! Я им отомщу за взятие Зимнего дворца!»

17.7

Кругляк выпил рюмку, довольно крякнул и пошёл на кухню сделать себе пару бутербродов с домашней колбасой. После третьей рюмки на-

строение праздника достигло апогея, когда во входной двери щёлкнул замок. Это пришла Евгения Ивановна.

— Дуся, ты что, совсем охамел? Пьёшь коллекционный коньяк, который я хотела подарить председателю совета профессору Воротникову?

— Да разве это коньяк? Это — моча пожилого зайца. Вот я сегодня пил коньяк, так коньяк!

— Это где же ты так лихо устроился?

— С серьёзными людьми встречался. Не чета этой старой кошёлке Дашке Цурановой.

— Да что ты говоришь, козёл облезлый! Совсем берега попутал. И с кем это ты встречался? Рассказывай, а то я лопну от любопытства.

— Имя сказать не могу, но на крупные бабки вышел.

— И поэтому тебе уже Дашка — не товарищ?

— Представь себе, да.

— А может, и я уже тебе не по плечу, идиот доморощенный?

— С тобой пока всё нормально, но есть одно условие.

— Какое, единорог ты выставочный?

— Прекрати конфликт с Черниковой. У её мужа такие длинные руки, что нам там делать нечего.

— В каком смысле?

— В таком, что ты сама, раньше твоей Черниковой, вылетишь из института.

— Ты что, Дуся? Хороший коньяк окончательно помутил твой скромный рассудок?

— Да ты пойми, Женька. Если я получу этот проект, мы заработаем с тобой такие бабки, что я для тебя построю другой институт, где ты будешь полноправной хозяйкой. Хорошие деньги решают любые проблемы. А всё остальное в этом мире — полная ерунда.

— Ну, ты совсем плохой, Дуся! Встретил какого-то мужика и раскис.

— Я раскис? Ты должна раскиснуть!

— Это же почему?

— Потому что поменяют тебе твой богатый прикид на телогреечку и поедешь ты, моя любимая жена, туда, где даже нет железной дороги. Только перед этим пересчитай, на всякий случай, сколько у тебя сейчас шуб в шкафу висит.

Через два дня Кругляк позвонил адвокату Черникову и сказал, что его жена, Евгения Ивановна Сотникова, сегодня забрала своё заявление из профсоюзного комитета Московского института экономики и права.

Глава 18. Обычная жена

18.1

К пяти часам дня вторника в кабинет генерального директора авиационного объединения Владимира Алексеевича Соколова, для передачи дел от старого директора объединения новому, были приглашены назначенный на эту должность Сергей Павлович Платонов, начальник канцелярии объединения Любовь Петровна Прокофьева, главный юрист объединения Леонид Исаакович Горин и помощник директора Юрий Иванович Петров.

— Уважаемые товарищи, я вас сегодня пригласил, чтобы поручить выполнить требуемую нашим законодательством формальность: составить нормативный акт передачи дел по Федеральному авиационному объединению города Твери от меня к Сергею Павловичу.

— А что тут активировать? Сергей Павлович работает в должности вашего заместителя уже восемь лет. У всех на виду, — подал голос Горин.

— Всё правильно, но короткий и чёткий акт комиссии, с подписями всех присутствующих, должен быть подготовлен. Срок представления — пятница, одиннадцать утра. Всё. Все свободны.

— Сергей Павлович, останьтесь, пожалуйста. Побеседуем.

— Спасибо.

— Одну минуточку. Сейчас я попрошу секретаря приготовить нам чай. Не возражаете?

— С удовольствием.

— Вот и хорошо. Может, у вас есть ко мне вопросы?

— Нет. Мне всё понятно.

— Тогда я вам, как директор директору, кое-что расскажу. Но, прежде всего, хочу вас спросить вот о чём...

— Слушаю вас внимательно.

— Вы не один раз оставались вместо меня, когда я уезжал в отпуск или командировку. Но, в силу своей деликатности, никогда не переходили в мой кабинет и не садились в моё кресло. Почему?

— Вы сами уже ответили на этот вопрос...

— И всё-таки?

— Не видел в этом необходимости.

— Понятно. А теперь я вам скажу, в чём смысл моего вопроса. Дело в том, что с этой стороны стола видно то, что не видно с той.

— Интересно. И в чём секрет?

— Секрет простой. Вы, как только пересядете в моё кресло, сразу почувствуете — будто на высокую гору поднялись. Вам неожиданно станет холодно и одиноко. Это не только от большой ответственности перед людьми и государством, а от отношения к вам окружающих, которые вчера были вашими коллегами, а сегодня стали подчинёнными.

— Ну, ответственности я не боюсь, а отношения с людьми строить, как мне кажется, научился.

— Это другая ответственность, уважаемый, о которой вы ещё понятия не имеете. Совсем другая. Мой отец погиб в самом конце войны под Прагой. У мамы нас было трое — я, двенадцати лет, самый старший, мои младшие брат и сестра. Однажды вечером она всех детей посадила за стол и сказала серьёзным тоном: «Теперь ты, Витя, хозяин в нашем доме. Понял?» — «Понял...» — и я сразу стал взрослым, ответственным за всю семью. А вообще, Сергей Павлович, хочу вам дать, если позволите, несколько советов.

— Буду весьма признателен.

— Что будет не понятно — спрашивайте. Не стесняйтесь.

— Хорошо.

— Совет номер один. Всегда говорите людям правду. Будьте предельно честными. Совет номер два. Никогда не повышайте ни на кого голос. Будьте предельно вежливыми. Совет номер три. Никогда не опаздывайте. Будьте предельно пунктуальными.

Владимир Алексеевич встал со своего кресла, одёрнул пиджак и каким-то официальным голосом сказал:

— Завтра я уезжаю в Москву, а вы приступаете к работе в новом качестве. Думаю, что наши деловые отношения продолжатся, так как я в Министерстве буду курировать деятельность нашего объединения. Желаю вам успехов, — Соколов протянул руку Сергею Павловичу и крепко её пожал. — Спасибо.

Сергей Павлович прошёл к себе в кабинет. Сделал сам себе крепкий кофе, так как секретарь уже закончила работать. Он по памяти восстановил все три совета, которые дал ему сегодня Владимир Алексеевич, и записал их на первой странице ежедневника. К сожалению, пока ему было не совсем понятно, чем видения жизни по разные стороны рабочего стола генерального директора объединения отличаются от того, с чем он сталкивается каждый день?

— Ладно, время покажет, — улыбнулся Платонов и открыл папку с документами «На подпись», которую ему подготовила секретарь.

18.2

Подольский филиал авиационного объединения, где начинал работать семнадцать лет назад после окончания Московского авиационного института Сергей Павлович Платонов, получил на следующий день по факсовой связи приказ о вступлении в должность нового генерального директора.

— Так это же наш Серёжа Платонов, которого перевели в Тверь, — первой воскликнула, увидев факс, заведующая канцелярией Наталия Ивановна Зарубина. — Сколько же ему сейчас лет? Надо позвонить Тарасову в газету и всё узнать. Он с ним делал первое интервью и дружит, по-моему, до сегодняшнего дня.

Наталия Ивановна набрала номер телефона редактора газеты «Подольская правда».

— Виктор Валентинович, вы знаете, что наш бывший сотрудник Сергей Павлович Платонов стал генеральным директором головного предприятия в Твери?

— Нет, не знаю.

— Вы можете с ним связаться и поздравить, а то нам такому высокому начальству звонить нельзя?

— Могу. Позвоню после девяти по домашнему телефону. Он раньше с работы не приходит.

Вечером Тарасов позвонил Платонову домой:

— Платон, ты живой?

— Живой... А что у тебя за такой странный вопрос, Тарас?

— Да тут в Подольске прошёл слух, что ты пол сменил?

— Ты что, смеёшься, что ли? Какой пол — боже упаси! Мне ещё этого не хватало до полного счастья.

— А что не говоришь, что новую должность получил?

— Да я вчера об этом только сам узнал. А вообще, в чём дело? Что ты так переполошился?

— Да не я. Девочки спрашивают, ты их продолжишь любить или уже тебе нельзя?

— Не дождёться.

— Я им передам. Всё равно рад за тебя и от души поздравляю. Я вот по какому поводу тебе звоню, Платон. Мне редакция нашей газеты дала задание: сделать с тобой интервью на тему «Как я дошёл до жизни такой». Не возражаешь?

— Нет, не возражаю.

— Ну, вот и хорошо. Остаётся решить, где мы встретимся, чтобы с тобой поговорить.

— Смотри, Тарас, мне всё равно нужно в ближайшее время посетить Подольский филиал. Да и вас всех давно не видел. Там и встретимся. Привет балбесу Моне.

— Передам, но я его тоже редко вижу. Правда, до меня дошла информация, что он собирается жениться.

— Да ты что! И на ком?

— Этого я не знаю. Я же тебе говорю, что мы, после твоего отъезда в Тверь, мало видимся. Моя Нинка возражает. Всё боится, что он на меня может плохо повлиять.

— Ну, тогда до встречи, Тарас.

— Будь здоров.

18.3

Моня продолжал успешно работать на «скорой помощи». Открытый, добрый, безотказный, он пользовался большим уважением у своих коллег. Рядом с ним, уже более десяти лет, была верная помощница — медицинская сестра Таисия Николаевна Петрова. На вопрос, почему согласна работать только в бригаде Фридмана, она, как правило, улыбалась. Но однажды, всё-таки, ответила начальнику подстанции:

— Мне мама всегда говорила: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти».

— Здравствуйте, Америку ваша мама открыла! А вообще, что вы здесь имеете в виду, Таисия Николаевна?

— То, что Эммануил Моисеевич, шумный, эмоциональный человек, но я не помню ни одного случая, чтобы мы не довели человека до больницы. Он — прекрасный врач.

Год назад Петрова ушла на пенсию. Жила в однокомнатной квартире с дочерью — инвалидом детства. На улицу выходила редко, но всем необходимым, и прежде всего, продуктами, её обеспечивал энергичный Эммануил Моисеевич. Он, как правило, два раза в неделю заезжал к своей бывшей медицинской сестре и решал все её домашние проблемы. К нему в бригаду присылали разных медсестёр, но таких как она — схватывающая на лету то, что хочет доктор, — не было.

Однажды в бригаду Фридмана пришла тихая, скромная выпускница местного медицинского училища. Выглядела она, как подросток, без признаков какой-либо косметики на лице, и промолчала всю смену.

Звали её, как и жену Тарасова, Нина. Присоединилась она к бригаде почти на выходе из здания, неся на плече тяжёлую медицинскую сумку.

— Давай помогу до машины донести, — предложил ей водитель Николай Иванович.

— Спасибо, не надо.

А когда кто-то из мужчин попытался ей при выходе из машины подать руку, она его молча проигнорировала. Нина была не постоянным членом бригады, но несколько раз в месяц её к Фридману присылали. О себе она ничего никому не рассказывала, даже кушала отдельно. Но информация о новой медсестре Моне поступила совершенно случайно. Встретившись на одном из оперативных совещаний со своим коллегой, доктором Протасовым, тот у него спросил:

— Ну что, Эммануил Моисеевич, как там поживает наша Нина Андреевна? Прижилась?

— Кто это, не понял?

— Как кто? Ваша новая медсестра.

— Нина, что ли? Грустная девочка.

— Ничего себе, девочка. Ей уже под тридцать лет.

— Да ты что! Не может быть!

— Ещё как может. У меня сестра с ней училась в одной школе. Очень серьёзная барышня.

— Ну, расскажи о ней что-нибудь. Всё-таки вместе работаем.

И он рассказал. Нину Медведеву растила одна мама. Папа оставил семью, когда дочери было пять лет. После девятого класса Нина поступила в медицинское училище города Подольска и по его окончании четыре года трудилась в местной больнице. К этому времени мама ушла на пенсию, денег в семье не хватало и Нина работала посменно в «Скорой помощи». Высшее медицинское образование она решила не получать, а вместо этого поступила на заочный факультет Московского государственного университета по специальности «Философия». Через год мама Нины умерла, оставив ей в наследство небольшую комнату в коммунальной квартире.

18.4

Учёба, работа, уход за часто болеющей мамой, всё с автобуса на автобус, не оставляли Нине Медведевой времени на личную жизнь. Она вообще не понимала словосочетание «личная жизнь». Что это такое? К

чему это можно приторочить? Попыталась найти объяснение в хорошем толковом словаре, но это её не удовлетворило.

Сегодня она ехала после работы домой в автобусе и почему-то опять в голове всплыли эти слова. «Слово «жизнь» — понятно, а слово «личная» — не совсем. Хотя человек часто этим выражением пользуется: личные вещи, личная собственность, личное время, личное дело. По всей видимости, это то, что принадлежит только конкретному человеку, находится в его личном пользовании, как зубная щётка. Никто, кроме него, не имеет права ею распоряжаться. А вот с выражением «личное дело» — сплошной конфуз. С ним может ознакомиться, не спросив у тебя разрешения, кто хочет...»

Сейчас Нина вспомнила, почему она задумалась на эту тему. Сегодня ей, после окончания вечерней смены, Эммануил Моисеевич неожиданно задал странный вопрос:

— Извините, коллега, а сколько вам лет?

— Мне, — без тени кокетства ответила Нина, — тридцать два года.

— Что вы говорите! А выглядите на двадцать два.

— Это вам в темноте машины показалось.

— Не думаю. Так в чём секрет вашей молодости, Нина?

— Нет никакого секрета. Просто я не смотрю на себя в зеркало и не переживаю по поводу возраста.

— И — всё?

— И — всё.

— Очень интересно.

— Может быть. А вам, вообще, Эммануил Моисеевич, знакомо такое выражение как «личное жизненное пространство», за вторжение в которое можно получить реальное наказание?

— Знакомо, но содержательная часть этого выражения мне не совсем понятна.

— Что не понятно?

— Не понятно, о чём здесь, в принципе, идёт речь: о вашей жилплощади, состоянии здоровья, банковском счёте, наконец? Как мне стало известно, вы учитесь на философском факультете Московского университета? Объясните, пожалуйста, какая между всем этим связь?

— Попробую, Эммануил Моисеевич, но не гарантирую, что у меня что-нибудь путное получится...

— Попробуйте. Я уверен, что получится.

— Жизненное пространство — это ваша, исключительно индивидуальная, область взаимодействия с окружающей средой. Во всех нор-

мальных государствах принято считать, что это — самый ценный и самый охраняемый параметр бытия человека на земле.

— А вы, Нина, не можете поподробней рассказать, что включает в себя эта область?

— Не могу утверждать, но в эту область входит то, что постороннему человеку знать о вас не следует.

— Например?

— Например, сколько денег у вас в кошельке или какими болезнями вы в своей жизни болели.

— А моё вероисповедание, это — тоже секрет?

— Безусловно. Это очень большой секрет, ибо оно ваше — и только ваше. В этом случае речь идёт о душе человека, к которой ни у кого не должно быть никакого доступа. Ведь есть у людей даже угрожающее замечание: «Ты зачем мне в душу лезешь?»

— А скажите, Нина, что такое душа? Где она начинается и где заканчивается?

— Не знаю. Это уже — не философия, а другая наука.

— Понятно. А вы боялись, что у вас ничего путного не получится. Всё прекрасно получилось.

— Спасибо за внимание, Эммануил Моисеевич.

— Пожалуйста. И последний вопрос, Нина. Мне известно, что вы живёте в промышленной зоне нашего города, а точнее, в пригороде. Как вы собираетесь сегодня ночью добираться до своего дома? Ведь никакие автобусы в это время к вам уже не ходят.

— Ничего страшного. На вокзале переночую.

— Смотрите, Нина, есть более интересное и конструктивное предложение. Можно переночевать у меня, а завтра утром за нами заедет автобус и отвезёт на работу. Согласны?

— Да. Согласна.

— Ну, вот и хорошо.

18.5

Моня открыл дверь своей квартиры, включил в коридоре свет и пропустил Нину вперёд.

— Я предполагала, что у такого серьёзного доктора, как вы, Эммануил Моисеевич, более интеллектуальное жилище.

— В каком смысле?

— В смысле — стеллажи книг, картины на стенах, рояль... А у вас обыкновенная холостяцкая берлога.

— Обижаете. Это — не берлога, а квартира тяжело работающего холостяка: кровать, тумбочка, радиоприёмник, телефон.

— Квартира обычная, только вы — не обычный человек. Так что вам нужно этой ипостаси соответствовать.

— Понятно.

— А что вам понятно? Где, например, у вас, Эммануил Моисеевич, телевизор?

— Нет у меня телевизора.

— Как — нет? Вообще — нет?

— Вообще. Телевизор — очень вредное изобретение современности. Оно мешает человеку нормально жить и самостоятельно мыслить.

— А если будет война? — спросила Нина, удивлённо смотря на Моню.

— Будет война — объявят по радио.

И они, впервые за вечер, стали дружно смеяться.

— А хотите, Нина, я вас хорошим чаем угощу?

— Что значит: хорошим?

— Хорошим, значит, — хорошим. Как говорил старый еврей своим детям: «Не жалейте заварку».

— Хочу. Чувствую, что немножко продрогла.

— К сожалению, рюмочку коньяка предложить не могу.

— Почему? Не пьёте?

— Обижаете. Как вы вообще могли обо мне так нехорошо подумать!

— Ну, мало ли что? Сейчас всякие мужчины встречаются. Остаётся только удивляться, пока штаны не снял.

— Это верно. По окончании медицинского института я три года проработал врачом в сельской местности. Жил на квартире у деревенского зоотехника. Водку в селе не продавали, поэтому все гнали самогон. Зоотехник этим не занимался — не по чину. Руководитель, всё-таки.

— Не пил, что ли?

— Нет, ему из районного центра, в качестве подарка, её постоянно привозили. Иногда — три бутылки, иногда — четыре. Ну, так вот, пока они всю водку не выпьют, по домам не расходились.

— Это вы к чему, Эммануил Моисеевич, рассказали?

— А к тому, что нет у нашего народа привычки оставлять бутылку водки или коньяка на потом. Всё нужно выпивать сразу и до конца.

— Спасибо, что дали развёрнутое объяснение, почему у вас в доме нет приличного коньяка.

— Правильно, но к следующему разу я подготовлюсь. Даю слово.

На последнюю реплику Мони, Нина многозначительно промолчала — без отпираний и отнекиваний.

— Ну что, Эммануил Моисеевич, будем ложиться спать.

— Кровать к вашим услугам, мадам.

— Нет, зачем же мне вас стеснять. Если вы не возражаете, я в кресле на кухне до утра подремлю.

— Ну, что вы, Нина! Я не могу этого, как настоящий мужчина, допустить: вы — в кресле, я — на кровати!

— На сегодняшнюю ночь будете, Эммануил Моисеевич, не настоящим. Я думаю, вы достаточно благоразумны, чтобы по зову своего мужского естества меня не беспокоить и дать хоть немного отдохнуть.

— Вы знаете, Нина, в двадцатые годы в Советском Союзе был очень хороший поэт и писатель Илья Сельвинский. К сожалению, сейчас его незаслуженно забыли. Так вот, у него есть небольшая повесть, в которой он устами своего главного героя, простого красноармейца, говорит: «Я — солдат. Даст — не даст, а попросить обязан».

— Считайте, уважаемый Эммануил Моисеевич, что вы уже это сделали и получили отказ.

— Всё понятно.

— А вообще, позвольте мне вам сделать замечание. Мужчина должен каждый день бриться и менять сорочку.

Последней фразой Нина охладила Моню до такой степени, что он, не пожелав ей спокойной ночи и не раздеваясь, бухнулся в свою кровать.

18.6

Моню знал практически весь Подольск. Лёгкий в общении, добрый, благожелательный человек, он никогда и никому не отказывал в помощи, совете и даже деньгах. Его отзывчивым характером пользовались многие знакомые и незнакомые люди, так как он мог, в принципе, решить в Подольске любой вопрос. Особенно к нему благоволили женщины, видя в нём не обременённого никакими проблемами мужчину. Особых привязанностей Моня ни к кому из женщин не испытывал. Легко с ними сходилась и так же легко их оставлял. Но получив отказ Нины, Моня, неожиданно для себя, первый раз в жизни на кого-то обиделся. Всё было бы ничего, но Нина не выходила у него из головы:

он всё время о ней думал и, как ни странно, искал удобный повод для возобновления общения. Но он, к сожалению, не подворачивался. Так как цветы, подарки и Моня были вещи несовместимые, то для продолжения отношений он ничего не мог придумать.

Сегодня бригада доктора Фридмана была на вызове у пожилой женщины. Женщина находилась в состоянии, когда её транспортировка в больницу была невозможна. Это обязывало доктора находиться рядом с тяжелобольной. Рабочий день подходил к концу, когда к Моне подошёл водитель «скорой помощи» и сказал:

— Эммануил Моисеевич, через час мне нужно машину вернуть в гараж для следующей смены.

— Смотрите, уважаемый, бросить больную я не могу. Она точно не дотянет до утра.

— Так что же нам делать?

— Забирайте бригаду, Николай Иванович, и все поезжайте на подстанцию.

— А вы?

— А я останусь. Если больной станет легче, я, как-нибудь до дому доберусь. А если нет, продолжу ею заниматься.

— Нет, Эммануил Моисеевич. Так нельзя. Я тоже должна с вами остаться, — неожиданно заявила Нина.

— Хотите остаться — оставайтесь, — индифферентным тоном ответил доктор Фридман. — Но учтите, динамика состояния больной отрицательная и это может продолжиться до утра.

— Я согласна.

— Хорошо, не возражаю.

В середине ночи, после выполнения нескольких процедур, Эммануил Моисеевич повернулся к медсестре:

— Нина, ну к чему этот героизм? Зачем нам вдвоём здесь мучиться? Возьмите ключи от моей квартиры и деньги на такси. Поезжайте и выспитесь, как следует. У нас завтра непростая смена.

— Нет, Эммануил Моисеевич. Я буду с вами до конца. Мало ли какие ситуации могут возникнуть?

— Ну, смотрите. Вам виднее.

К утру старушка, несмотря на все усилия доктора и медсестры, благополучно умерла. А когда они, после непрерывной почти двенадцатичасовой борьбы за её жизнь, вышли на улицу, полную солнечного света и спешащих на работу людей, Нина подошла к Эммануилу Моисеевичу и молча поцеловала его в щёку, прижавшись к нему всем телом.

18.7

Роман между доктором Фридманом и медсестрой Медведевой развивался у всех на глазах стремительными темпами. Как будто они хотели наверстать упущенное время, когда ещё не знали друг друга. Но всё протекало как-то тихо, без демонстрации чувств. Особенно это было не похоже на Моню, с его необузданностью и темпераментом.

В один из выходных дней Эммануил Моисеевич пошёл к старшему диспетчеру подстанции Коноплёву и попросил, чтобы Нину Медведеву закрепили за его бригадой на постоянной основе.

— Что так, Эммануил Моисеевич? Что с вами случилось? То вы всех подряд браковали, а сейчас за Медведеву сами пришли просить.

— Как бы вам попроще сказать, Иван Афанасьевич?

— Скажите так, чтобы я понял.

— Дело в том, что любовь мужчины к женщине — это особое химическое состояние.

— Состояние чего? Какого органа? — с усмешкой спросил Иван Афанасьевич, сняв при этом очки.

— Души, уважаемый, души.

— Нет такого органа у человека, Эммануил Моисеевич. Это вы просто фантазируете.

— Есть, Иван Афанасьевич. Это я, как врач, вам говорю.

— Ладно, не буду спорить. То, что вы выдающийся доктор — всем известно. Мне жена о вас все уши прожужжала: не дай бог Фридман от вас уйдёт! Только сразу вас хочу предупредить: не вздумайте это делать. Не отпустим, — с улыбкой заметил старший диспетчер.

— Да боже сохрани! Куда я уйду? Мне и здесь хорошо. А своей жене передайте от меня большое спасибо.

— За что?

— За веру. У мужчины крылья вырастают, когда в него верит женщина.

— Обязательно передам, но у меня есть к вам ещё один вопрос.

— Слушаю вас, Иван Афанасьевич.

— Говорят, что, когда вы, Эммануил Моисеевич, берёте за руку человека, то можете сразу поставить диагноз? Что это у вас за такая удивительная способность?

— Знаете, Иван Афанасьевич, в одном из рассказов великого писателя Михаила Зощенко описывается диалог двух служащих. Один из

них спрашивает другого: «Иванов, это правда, что секретарша нашего начальника — твоя любовница?» — «Правда...» — «Врёшь!»

— А к чему вы мне это рассказали, Эммануил Моисеевич?

— А к тому, что у вашей жены, Иван Афанасьевич, прекрасное воображение. Берегите её.

18.8

С этого дня доктор Фридман и медсестра Медведева стали работать в одной смене. Общались они между собой только по мере необходимости и исключительно в официальной форме, а после работы расходились в разные стороны. Окружающие догадывались, что напряжённые отношения между ними возникли не на пустом месте, но делали вид, что это их не касается. Такое положение вещей долго продолжаться не могло, и однажды в конце рабочего дня Эммануил Моисеевич обратился к Нине с совершенно банальным вопросом:

— Нина Андреевна, подскажите, пожалуйста, сколько мы за последнюю неделю израсходовали ампул строгой отчётности?

— Это мне нужно посмотреть все свои последние записи.

— Сделайте одолжение, посмотрите.

— А завтра нельзя, Эммануил Моисеевич? У меня автобус уйдёт.

— Нет, нельзя. А насчёт автобуса не переживайте. Уедете следующим.

Пока она просматривала свои записи, все сотрудники разошлись по домам и они остались вдвоём. Нина очень нервничала по поводу автобуса и, не сдержавшись, резким тоном спросила доктора:

— Эммануил Моисеевич, почему вы сами работаете по сумасшедшему графику и других заставляете? Почему вы не просите оплату за внеурочную работу, повышения по службе, премий, наконец?

— Зачем? Я всем доволен.

— Как — зачем? — с возмущением вскочила со своего места Нина. — Да для того, чтобы семья вас чаще видела дома. Чтобы вы могли полноценно отдохнуть, нормально питаться.

— У меня, как вы знаете, Нина Андреевна, нет семьи.

— А как она может возникнуть, если от вас постоянно пахнет куревом и водкой?

— Ну, это уже совсем другой вопрос, уважаемая. И вообще, в чём дело? Что вас не устраивает? Это — абсолютно мужские запахи. Почитайте Золя, Бальзака, Куприна, наконец.

— Читала я ваших классиков. Читала.

— Да вы присаживайтесь, Нина Андреевна, и не нервничайте. Я вам сейчас кое-что интересное расскажу. Правда, это несколько выходит за рамки наших служебных разговоров, но вы, думаю, не будете ко мне в претензии.

— Слушаю вас, Эммануил Моисеевич.

— Ну вот. Известно, что евреи во все времена спаивали русский народ. Еврей держал шинок, а русский человек там пил водку. Один нёс деньги в семью, другой — из семьи. И передавал еврей это ремесло своим детям, а те — внукам. Страшная картина жизни. Жуть беспросветная. Так я хочу разрушить этот мерзкий стереотип и тоже не ношу деньги домой, — Эммануил Моисеевич громко, по-молодому, рассмеялся.

— Очень интересно, — без намёка на улыбку ответила Нина.

— А вообще, — без какого-либо перехода, вдруг заявил Фридман, — Нина Андреевна, вы мне очень нравитесь. Я вас приглашаю к себе в гости. Обещаю прекрасный вечер.

— На вашем сексодроме, что ли?

— Не понял?

— А что тут понимать? Пока вы, Эммануил Моисеевич, не выкинете из квартиры вашу кровать, через которую прошла половина Подольска...

— Заметьте, лучшая половина...

— ...моей ноги у вас не будет, — жёстко закончила Нина свою тираду. — Вам всё понятно?

— Да. Всё.

— Ну, будьте здоровы.

— Всего вам хорошего.

18.9

Вечером у Эммануила Моисеевича было прекрасное настроение. Он на своей шкуре прочувствовал, как заводить роман на работе. Какая это жуткая пытка: каждый день видеть предмет своего обожания и делать вид, что ничего не происходит. Но сегодня он поговорил с Ниной. Правда, разговор был нервный, на грани грубостей. Причём, практически говорил он один, но, в любом случае, это — лучше, чем гнетущее молчание в течение последних нескольких недель.

Однако условие, которое ему продиктовала сегодня Нина — заменить мебель в квартире, — в стране тотального мебельного дефицита

было практически невыполнимо. Придётся звонить Тарасу — пусть он пошурует в закромах нашей Родины.

— Привет, Тарас.

— Здрав, Моня.

— Хорошо, что я застал тебя на работе. Как ты себя чувствуешь, папашка? Что-то я стал забывать твой светлый образ, — захихикал Моня.

— А мы тут тебя на днях вспоминали. Будешь жить сто лет, Моня.

— Кто это мы?

— Мы — Платон и я. В связи с чрезвычайными обстоятельствами, я говорил с ним по телефону.

— Ну и как поживает наш мыслитель?

— Хорошо поживает. Недавно его назначили генеральным директором авиационного объединения.

— Да ты что! Вот это новость! Сюда не собирается приехать? Друзей навестить и вообще.

— Собирается. Ведь теперь наше Подольское авиационное предприятие у него в прямом подчинении. А сейчас городская газета мне поручила сделать с ним интервью.

— Ну и новости! Потрясающе!

— А ты сам как, Моня?

— Да всё хорошо. Работаю там же, занимаюсь тем же. Водку пью, взятку не беру, что не поощряется в настоящее время.

— Не женился, случайно?

— Случайно — нет, но есть некоторые соображения.

— Что-то ты, Моня, темнишь? На тебя это не похоже.

— Похоже — не похоже. Узнаешь, когда будет надо. А то станешь слишком умным, как Платон.

— Очень интересно, — подвёл итог Тарас. — Ничего не хочешь добавить к тем глупостям, которые сейчас наговорил?

— Очень хочу. Я тебя вот по какому поводу беспокою, Тарас... — уже серьёзным тоном ответил Моня.

— Слушаю внимательно.

— Мне нужно срочно купить новую мебель.

— Что-что? — расхохотался Тарас. — Какую мебель?

— Любую.

— А почему срочно?

— Потому что — надо.

— Моня, есть замечательный анекдот про мебель и девочек.

— Да знаю я этот старый еврейский анекдот. Ты мне лучше с мебелью помоги, а не анекдоты с бородой вспоминай.

Но Тарас продолжал громко смеяться и поэтому не мог продолжать разговор. А когда, наконец, прекратил хохотать, то уже серьёзным голосом сказал:

— Мебель, Моня, — это большая государственная проблема.

— Если бы она была маленькая, я бы к тебе, Тарас, не обращался.

— Ну, не знаю, что тебе ответить... Не знаю.

— А ты подумай. Пошевели своими партийными мозгами. Ты же совсем недавно собирался коммунизм народу построить, а сейчас нельзя в городе простую табуретку купить.

— Я же тебе сказал, Моня, не знаю.

— Тарас, ты меня извини, что я на тебя давлю, но мне это очень надо.

— Да я понимаю, что тебе надо, но не знаю, как помочь.

— Подумай, дружище. Может, кому-нибудь из твоего партийного начальства нужно что-то вне очереди отрезать — гланды, аппендицит, яйца... Ты же знаешь — я всё могу. Только скажи и — будет сделано.

— Слушай, Моня, у меня появилась гениальная мысль! А давай мы к решению этого вопроса подключим Марго.

— С какого перепуга? Я её видел всего один раз в жизни.

— Тебе не надо её видеть. Я с ней сам поговорю по телефону.

— А что ты ей скажешь?

— Пообещаю сообщить, когда в Подольск приедет Платон.

— И чего?

— Да она за эту информацию не то что мебель — живого слона ко мне в редакцию приведёт.

— Но мне кровать нужна, Тарас, а не слон. И потом неизвестно, когда приедет наш бесценный Платон?

— Моня, не суши мне мозг. Работаем по схеме: утром стулья — вечером деньги. Ты всё понял?

— Всё.

— Ну давай. Я тебе сам перезвоню.

А через два дня Тарас радостным голосом сообщил своему другу:

— Моня, наш план сработал. Запиши адрес полулегального мебельного салона.

— Почему полулегального?

— Потому что для избранных. Всё, как положено. Из-под полы.

— И как это работает?

— Ты приходишь по указанному адресу и говоришь, что от Марго,

шестьдесят семь. Правда, там не совсем обычные цены, но зато можно кое-что приличное подобрать. Ну, пока...

— Пока. Спасибо тебе, Тарас.

— На здоровье. О дате приезда Платона я тебе сообщу отдельно.

18.10

На следующий день, когда они остались в лаборатории одни, Эммануил Моисеевич обратился к Нине:

— Нина Андреевна, задержитесь, пожалуйста, на несколько минут. Есть разговор.

— Что так официально, Эммануил Моисеевич?

— Дело в том, что я хочу вас попросить помочь мне в одном очень деликатном деле.

— В каком?

— Поменять в моей квартире мебель. После вашей критики, я не совсем доверяю своему вкусу.

— А при чём здесь моя критика?

— Хочу, чтобы вы, когда я поменяю мебель, переехали ко мне жить.

— Что? В каком качестве?

— Сначала в качестве невесты, а потом — законной жены.

— Очень интересное предложение, Эммануил Моисеевич, но вы его как-то скучно, постно, не празднично озвучили.

— А что бы вы хотели, дорогая Нина Андреевна, увидеть, как я стою на колене с цветком в зубах в окружении хора цыган?

— Ну да. Как-то так...

— Могу предложить вам в данной ситуации хлопнуть по тридцать грамм спирта и поцелуй. Не сходя с рабочего места.

— Я согласна.

— Ну, тогда вперёд!

— Только у меня к вам, Эммануил Моисеевич, вопрос.

— Какой?

— Где вы в нашем городе видели в продаже мебель?

— Да есть одно место, куда мы с вами сейчас и съездим.

— С удовольствием. Люблю такие поездки.

Эммануил Моисеевич, выйдя с Ниной на улицу, стал ловить такси. А через двадцать минут они подъехали к дому, номер которого назвал водителю Моня. Никакой вывески на доме не было, кроме нескольких ступенек вниз. Ступеньки вели к закрытой железной двери, расположенной в полуподвальном помещении. Звонка тоже не было, но

на уровне среднего человеческого роста располагался глазок, по всей видимости, с фотоэлементом, который и фиксировал гостей. Через несколько минут за дверью раздался спокойный мужской голос:

- Слушаю вас.
- Марго, шестьдесят семь.
- Проходите.

Дверь сразу открылась и пропустила Эммануила Моисеевича и Нину в небольшой коридорчик, который заканчивался тяжёлой малиновой портьерой. За портьерой находился огромный зал, по всей площади которого стояли красиво сгруппированные стулья, столы, кресла, кровати, тумбочки и другая мебель.

Навстречу Эммануилу Моисеевичу и Нине шёл, улыбаясь, как близким родственникам, хорошо одетый мужчина лет сорока.

— Здравствуйте, уважаемые гости. К вашим услугам — администратор Орлов Владимир Николаевич.

— Нам нужна мебель для однокомнатной квартиры, — робко начал разговор Эммануил Моисеевич.

— Всё перед вами, господа, — ответил администратор.

— И что — это всё продаётся? — спросила Нина.

— Вам — да. К тому же мы каждому покупателю вручаем подарок.

— А почему нигде не видно цен?

— Это не магазин, мадам. Это — художественный салон, где выставлены изделия, как правило, штучного исполнения.

— Понятно.

— Кроме того, здесь вы можете расслабиться: выпить бокал вина, за счёт заведения, или чашечку кофе.

— Но мы пришли не смотреть, а покупать мебель? — продолжала с недоумением наступать Нина.

— Мебель, на которую вы укажете своим пальчиком, завтра будет доставлена по указанному вами адресу.

Нина с вопросительным выражением лица повернулась к Эммануилу Моисеевичу, ища подтверждения слов администратора.

— Всё правильно, Нина Андреевна. Это мой вам свадебный подарок. Приступайте к акции траты денег.

— А где платить? — наивно спросила Нина у администратора, до конца не веря тому, что услышала от Эммануила Моисеевича правду, а не слова обидного розыгрыша.

— Не волнуйтесь, уважаемая. На выходе вам всё объяснят, — подтвердил администратор Орлов.

Глава 19. Ещё один клиент

19.1

Выбор мебели в полулегальном салоне Марго занял у Нины Андреевны порядка двух часов. Всё это время Эммануил Моисеевич сидел в одном из кресел салона и, выпив три чашечки кофе, внимательно следил за её действиями. Это была не просто покупка мебели. Это было таинственное, абсолютно непонятное для него действие, которое совершала дорогая ему женщина. И проходило оно в несколько этапов.

Сначала Нина быстрой походкой обошла весь зал, что-то на ходу записывая в своём блокнотике.

Потом, уже в довольно спокойном темпе, сделала ещё один круг, то и дело останавливаясь и что-то внимательно разглядывая.

И наконец, она стала подходить к отдельным экспонатам и вешать на них любезно предоставленные администратором зала таблички «Продано».

Но это ещё был не конец. Нина несколько раз подходила к каждому уже выбранному предмету, отдалялась от него, возвращалась, щупала, гладила, трепала. Эммануил Моисеевич, не отрываясь, смотрел на Нину и пытался угадать её следующий ход в увлекательном путешествии по залу. Но это было напрасно — всё было непредсказуемо. И тут его осенило, что процесс совершения покупки — лакмусовая бумажка для объективной характеристики мужчины и женщины. Мужчина, в своих желаниях и поступках, крайне примитивен. У него одна, очень простая задача — побыстрее что-то купить, отделаться и забыть. Женщина при совершении покупки должна получить, прежде всего, эмоциональное удовольствие. Она принимает решение не торопясь, вдумчиво и, как правило, после нескольких подходов. Её даже меньше интересует результат, чем сам процесс.

Получается, что мужчина и женщина — это разные существа, с разных планет, совершенно не похожие друг на друга. Женщины значительно сложнее, чувствуют все ситуации объёмней и глубже, а мужчина — сплошной проходняк. И вдруг Моня задал сам себе вопрос: а зачем Бог поселил мужчину и женщину, если они такие разные, в одном месте? Какую цель он преследовал? Что хотел он от этого эксперимента получить? И тут же сам себе с удовлетворением ответил: только для продолжения человеческого рода. И больше ни для чего.

Закончив что-то писать на отдельно вырванном из блокнотика листочке, Нина, наконец, подошла к Фридману.

— Эммануил Моисеевич, я выбрала для вашей квартиры всю необходимую, с моей точки зрения, мебель. Посмотрите, пожалуйста, перечень.

В списке были указаны следующие предметы: диван-кровать, две тумбочки, настольная лампа, журнальный столик, два кресла, торшер, шторы, платяной шкаф, ковёр.

— Ну, вы — молодец, Нина Андреевна! Всё нормально, только я бы ещё добавил к этому списку трюмо с большим зеркалом. А платяной шкаф можно убрать. Он уже в квартире есть и встроен в стенку коридора. Вот теперь всё.

До выхода их провожал довольный посетителями администратор Орлов.

— Когда молодым привезти заказ? — спросил он, тепло прощаясь с гостями.

— Утром у нас заберут кровать. Покупатель уже есть. Давайте завтра, но только во второй половине дня. Это возможно? — обратился Эммануил Моисеевич к Орлову.

— За ваши деньги всё возможно, сударь.

— У нас же завтра дежурство во вторую смену, Эммануил Моисеевич, а вы заказываете мебель?

— У нас с вами, дорогая Нина Андреевна, с завтрашнего дня и до конца недели, по случаю регистрации законного брака, отпуск.

— Понятно. А кто будет свидетелями?

— Мой друг Виктор Иванович Тарасов с женой.

— Подождите, Эммануил Моисеевич, так нельзя. Без гостей, тостов, всяких пожеланий?

— Нина Андреевна, вы же сами мне, при первой встрече, сказали: если бы я была вашей женой, то всю шоблу вокруг вас вмиг разогнала. Сказали?

— Сказала.

— Ну вот. Я так и сделал. А вы теперь недовольны?

— Ладно. Всё в порядке. Сняли вопрос.

Эммануил Моисеевич подхватил на руки худенькую Нину и закружил её на глазах у изумлённых прохожих. А та, счастливая, обхватив его за шею, громко смеялась.

19.2

На следующий день Нина приехала к Эммануилу Моисеевичу в десять часов утра. К этому времени уже должны были забрать знаменитую фридмановскую кровать. Но она стояла на своём прежнем месте, так как не проходила во входную дверь. Вокруг кровати суетились несколько рабочих и шумно обсуждали, каким образом её когда-то внесли в квартиру и установили. Пришли к выводу, что, по всей видимости, для этого разрушали стену, а потом вновь её заделывали.

Нина застала производственное совещание с участием Эммануила Моисеевича в самом разгаре. Все его участники хорошим русским матом объясняли друг другу, что надо делать. Решение, с которым все, в конце концов, согласились, было простое, но требовало времени: снять входную дверь, разбить стенку и разобрать дверную коробку.

— Моисеевич, — убеждал доктора старший рабочий, — ты пойми: главное Сашке привезти домой целую кровать, а стенку, вместе с дверью, мы тебе сегодня же восстановим.

— Ниночка, ты рано приехала, — встретил её словами Эммануил Моисеевич. — Тут ещё работы на пару часов. Пойди куда-нибудь в хозяйственный магазин, например, пока они тут всё сделают.

Когда Нина в час дня вернулась, всё было закончено: кровать в квартире, слава Богу, отсутствовала, дверь стояла на своём месте, но мусора было по колено.

— Эммануил Моисеевич, теперь вам, чтобы мне не мешать всё убрать, следует пойти на пару часов погулять.

— Хорошо, я вернусь к четырём, когда должны привезти новую мебель.

— Договорились, но не раньше.

Сказать, что квартира была запущенной — это ничего не сказать. Нине пришлось мыть как пол, так и стены. Причём не только в комнате, но и в коридоре. Но самое странное заключалось в том, что чище всех была кухня и ванна, к которой кто-то периодически по-хозяйски прикладывал руки.

Без десяти четыре к дому Фридмана подкатил аккуратный фургон, из которого бодро вышли два молодых парня в униформе.

— Вы — хозяйка квартиры? — спросил один из приехавших на машине у Нины.

— Я, — ни минуты не колеблясь, ответила она.

— Мы привезли ваш заказ. Администратор Орлов сам всё по списку проверил.

— Заносите, пожалуйста, вещи и складывайте всё в комнате. А я, в соответствии с квитанцией, буду их принимать.

Список был достаточно внушительный, но кроме чьей-то подписи и даты доставки, в квитанции больше не было никакой информации. А главное, нигде не было отметок, сколько вся эта красота стоит. Все вещи были аккуратно упакованы и завернуты в полиэтиленовую плёнку.

Через полчаса вернулся Эммануил Моисеевич. Нина сидела посреди комнаты какая-то расстроенная.

— Чем недовольна, моя любимая старуха? Это не я сказал. Это АС Пушкин.

— Эммануил Моисеевич, сколько стоит это богатство, которое нам привезли?

— А позвольте узнать, Нина Андреевна, какой у вас до этого интерес?

— Как — какой? Самый прямой.

— А конкретно?

— Если мы с вами задумаем расходиться, то вы потребуете от меня половину суммы, которую сейчас заплатили за эту шикарную мебель.

— Я ещё, во-первых, никому ничего не платил. Но могу вам, обожаемая моя, выдать заранее расписку, что не буду иметь к вам никаких материальных претензий. Это — во-первых. А во-вторых, пожилые кобели, к коим я себя в настоящее время отношу, уже больше на солнышке греются, чем кого-то греют. Так что разводиться с вами, Нина Андреевна, ни при каких обстоятельствах не собираюсь.

— Смотрите, Эммануил Моисеевич, вы ещё не знаете, в какие цепкие ручки попали!

— Ну почему не знаю? Знаю. Вернее, догадываюсь.

— Ну вот и не ворохайтесь.

— Слушаюсь, мой однозубый повелитель! Только ты меня ещё долго будешь по имени-отчеству называть? Меня даже в КГБ зовут Моня.

— Неудобно как-то.

— Хорошо. Есть другой вариант. Моё имя — Эммануил или, в иной транскрипции, — Эммануэль. С древнееврейского оно переводится на русский как «С нами Бог». Будешь называть меня Богом.

— Нет, так не пойдёт. Вы меня однозубой старухой, а я вас Богом?

— Ну, тогда Моня. Другого выхода нет.

— Договорились. И последний земной вопрос к вам, Моня.

— К тебе.

— Хорошо, к тебе. У кого-нибудь из твоих знакомых есть ещё ключи от вашей квартиры?

— От нашей квартиры?

— Есть или нет?

— Только у участкового. Но он, как правило, пользуется отмычкой.

— Моня, когда ты начнёшь серьёзно со мной говорить?

— Ниночка, красавица моя, никогда. Обходи десятой дорогой мужчин, которые говорят с женщинами серьёзным языком. Женщине нужно говорить приятные, тёплые, ласковые слова. А серьёзным тоном можно только нотации читать учащимся профессионально-технических училищ.

— Интересное предложение.

— Интересное. А вот теперь мне скажи, тебе не скучно иметь имя Нина. Через одну встречается. Да и потом у нас уже есть одна Нина — жена Тараса. Вполне достаточно.

— И что ты предлагаешь? — спросила Нина.

— А давай что-нибудь сделаем из твоего имени оригинальное. Только для тебя и для меня. Как пароль.

— Давай.

— Итак, задание: придумать ласковое имя, не выходя из четырёх букв и сохранив первую.

— Да. Начинай, Моня.

— Нана.

— Не оригинально, уже есть такое. Нанайские мальчики.

— Ну ну.

— Не нравится мне — похоже на Муму. Да ещё с какой-то скрытой тургеневской угрозой.

— А что, если — Нини? Ближе к оригиналу. При этом какое-то мягкое и, в то же время, что-то запрещающее.

— Ура, я согласна.

— Продано...

19.3

Регистрация брака Эммануила Моисеевича Фридмана и Нины Андреевны Медведевой в районном загсе была назначена на четырнадцать часов в пятницу.

— Моня, а нас, что — регистрируют без очереди?

— А ты хочешь месяцами ждать? Так я могу организовать.

— Нет, конечно. Просто я хочу знать, почему без очереди?

— Потому что год назад я спас от верной смерти маму заведующей загсом. После этого она мне сказала: «Эммануил Моисеевич, сколько раз вы будете жениться — столько раз я буду оформлять вас без очереди. Причём, шампанское — за счёт заведения».

— Моня, опять ты шутишь?

— Нет, не шучу. Сейчас всё серьёзно.

И тут Нина, умеющая всегда держать себя в руках и скрывать свои эмоции, навзрыд расплакалась. Сквозь её всхлипывания и слёзы, он услышал:

— Моня, я тебя боюсь. Боюсь твоих знакомых, твоих связей, твоих возможностей. Мне всё время кажется, что сейчас какая-нибудь женщина позвонит по нашему телефону или даже в нашу дверь. Начнёт меня оскорблять, а то и выгонять из дома. Мне от этого становится просто страшно.

— Ну что ты, любимая моя! Что ты напридумывала сама себе! Да, я просто — весёлый, добрый, общительный человек. Но учти, я ещё никого в загс никогда не приводил. Ты — первая и, надеюсь, — последняя.

— Правда?

— Правда, правда. Кстати, это можно легко проверить. Ты лучше помоги завязать мне галстук. Я последний раз завязывал пионерский и полностью разучился это делать.

В загсе Нину и Моню уже ждали Тарасов с женой. Процедура бракосочетания, включая обмен кольцами, заняла не более десяти минут. Но кульминация этого действия была впереди, когда заведующая загсом Татьяна Васильевна задала молодым традиционный вопрос:

— Какую вы, Эммануил Моисеевич, хотите взять фамилию после заключения брака?

И тут последовал шокирующий всех ответ:

— Медведев.

Хохотали все, находящиеся в это время в загсе, включая следящего за порядком швейцара. Причина хохота для многих была непонятна, но смех был такой заразительный и громкий, что никто не мог устоять. А когда заведующая этот же вопрос задала невесте, то за неё сразу ответил сам Эммануил Моисеевич:

— Естественно, Медведева.

После этого был объявлен двадцатиминутный перерыв. Молодые и свидетели прошли в соседнюю комнату, после чего Татьяна Васильевна

плотно закрыла за собой дверь. На столе, покрытом белой скатертью, стояла бутылка шампанского и коробка шоколадных конфет. Тарасов, ловко открыв бутылку и разлив шампанское по бокалам, с большим энтузиазмом произнёс:

— Ура, клеточка захлопнулась! За здоровье молодых!

А когда выпили всю бутылку, Моня задал заведующей загсом вопрос:

— Татьяна Васильевна, откуда у вас, при тотальном дефиците выпивки в нашем славном городе, есть для избранных шампанское от заведения?

— Ответ простой. Когда через нас проходят «новые русские», они приносят в зал регистрации шампанское не бутылками, а ящиками. Ну и всегда после них остаётся несколько бутылок.

— Спасибо за угощение и тёплый приём, — стали прощаться с работниками загса гости.

— Вам всего самого наилучшего. Приходите ещё!

— А что... — откликнулся Моня. — Вполне возможно! У нас для вас есть ещё один серьёзный клиент.

— Это кто? — встревожено спросила Нина у Мони.

— Ты его не знаешь, но скоро увидишь, — и вся компания снова стала громко хохотать.

19.4

Приезд нового генерального директора авиационного объединения Сергея Павловича Платонова в Подольск всё время откладывался по независящим от него причинам. Оказывается, чем выше человек поднимается по карьерной лестнице, тем меньше он сам себе принадлежит. Всем нужен и причём срочно: министерству, городским властям, заказчикам, работникам предприятия. И что весьма существенно, при данном уровне коммуникаций нельзя нигде ни от кого спрятаться.

И тут Сергею Павловичу пришла в голову спасительная мысль.

— Василий Петрович, — обратился он к водителю. — У вас личная машина есть?

— Обижаете, Сергей Павлович. Я же — профессиональный шофёр. Много лет работал на грузовом транспорте.

— Мне нужно, чтобы в пятницу вы отвезли меня на своей личной машине в Подольск.

- Хорошо, а в чём проблема?
- Какая у вас машина?
- Боюсь, что вам не понравится. «Двойка», «жигули-пикап». Я в ней рабочий инструмент вожу, ну и всякие приспособления для рыбалки.
- А скажите, никакой связью с нашим гаражом или диспетчером объединения она не оборудована?
- Нет. Зачем она мне нужна?
- Годится. Поедем на вашем пикапе.
- Сергей Павлович, если хотите, я могу взять машину у зятя. У него «троечка», вполне прилично выглядит для любой поездки.
- Нет, не надо. Бензин я вам оплачу.
- Да вы что, Сергей Павлович!..
- Без разговоров, Василий Петрович.
- Понял. А позвольте полюбопытствовать: зачем вам весь этот маскарад?
- Могу рассказать, если вам интересно. Был в России в девятнадцатом веке царь Николай первый. Его жизнь и особенности правления очень интересно описал в своём романе «Путешествие дилетантов» Окуджава Булат Шалвович. Так вот, царь любил гулять, в основном, рано утром по Петербургу один. Без охраны.
- С какой целью?
- Чтобы видеть, как живёт простой человек.
- Вот это да! А я и не знал. Возьму эту книгу в библиотеке и обязательно прочитаю.
- Почитайте, почитайте. Получите удовольствие.
- Ну, про царя понятно. А вам — для чего?
- Хороший вопрос. Много лет назад, а точнее, почти семнадцать, приехал я в Подольск после окончания Московского авиационного института молодым специалистом. Начал свою производственную деятельность с должности младшего инженера и прожил здесь больше десяти лет. Обзавёлся друзьями и всё такое.
- И — что?
- А то, что визит у меня в Подольск неофициальный. Во всяком случае, не в ранге генерального директора. Хочу приехать так, чтобы никто об этом не знал. Похожу по городу, посмотрю, с кем-то встречу, поговорю. А в основном, проведу время с друзьями.
- Так что мы, Сергей Павлович, только на один день едем в Подольск?
- На один. Вечером вернёмся в Тверь.

- Всё понял. Вас забрать от дома или с работы?
- От дома. И как можно раньше.

19.5

Чтобы не попасть в пробку, выехали из Твери в шесть часов утра. До Подольска было примерно три часа езды, но с каждым годом дороги Подмосковья всё больше и больше были загружены транспортными перевозками, в основном, грузовыми автомобилями. Так что поездка в Подольск из Твери могла занять не три, а все четыре часа в одну сторону.

С производственной точки зрения Платонову в Подольске было делать абсолютно нечего — он хорошо знал, как обстоят дела во всех филиалах объединения, в том числе и Подольском. Интервью в газету, о котором просил его друг Тарасов, он мог бы с таким же успехом дать и по телефону. Что же тогда погнало Сергея Павловича в Подольск, да ещё, мягко говоря, в не совсем комфортабельном автомобиле? Зачем он задумал эту экскурсию по местам своей юности? С кем он, на самом деле, хотел в Подольске встретиться и о чём поговорить? А причина была очень простая. Сергей Павлович, глядя на своих степенных женатых друзей, решил завершить свою прежнюю бесшабашную холостую жизнь и чётко отделить её этой поездкой от той, в которой ему нестерпимо хочется жить.

Платонов расслабился и задремал. И снилось ему, что стоит он на одном берегу реки, а его друзья — Тарас и Моня — на другом. Они что-то ему кричат, а он слышит только отдельные слова.

- Что ты приехал, Платон, в Подольск, да ещё не на тот берег?
- Поздравить Моню с бракосочетанием.
- Не ври. При твоей занятости на новой должности для Мони в твоём графике места нет.
- Ничего подобного! Моня мне — близкий друг.
- Не юли, Платон. Скажи честно, с какой целью ты затеял эту поездку?
- Я уже ответил.
- Ты ещё нам скажи, чтобы дать Тарасу интервью в газету!
- Нет, конечно.
- Ну тогда, что? Давай, признавайся.
- В чём признаваться?

- Зачем ты приехал в Подольск, да ещё инкогнито?
- Оставьте меня в покое.
- Не оставим. Говори.
- Не знаю.
- Не хочешь говорить, ну тогда мы тебе скажем сами. Ты просто — обыкновенный трус.
- Чего? О чём вы?
- Испугался, что не в состоянии совершить нормальный мужской поступок.
- Какой поступок?
- Подойти к любимой женщине и, глядя ей в глаза, всё сказать о своём чувстве.
- А поездка причём?
- При том. Ты хочешь получить поддержку от нас, своих старых и преданных друзей. Сделать с нашей помощью этот шаг навстречу той, без которой жить не можешь.
- Да мне только стоит свистнуть, и женщины будут за неделю занимать очередь на встречу со мной с ежедневной переключкой!
- Нет, уважаемый. Те, которые будут стоять в очереди, тебе и даром не нужны. А та, которая нужна, тебя в упор не видит.
- А вы откуда знаете?
- Знаем. И ещё ты сгораешь от любопытства получить информацию, как Моне удалось влюбить в себя красивую молодую девушку?
- У Мони совсем другая ситуация: гениальный доктор положил глаз на свободную, неустроенную в жизни девушку и решил вопрос.
- А у тебя что-то не так?
- К сожалению, всё. Она — замужем, богатая, кандидат наук, доцент. А главное, ни в чём не нуждается.
- Откуда ты знаешь, в чём она нуждается, а в чём — нет?
- Знаю.
- Ну тогда женись на Оле в Москве, которая спит и видит, чтобы выйти за тебя замуж. А можно в Подольске — Марго страдает по тебе столько лет. Даже устроила Моне мебель.
- Да не нужны мне эти женщины.
- Что ты говоришь!
- Представьте себе.
- Так реши, наконец, для себя, кто тебе нужен, а кто — нет. И прерати эту комедию. Всё-таки тебе уже сорок лет.
- Я подумаю.

— Подумай, дорогой друг. И ещё подумай над тем, что мама у тебя не железная. Не жалеешь себя, пожалей её.

19.6

Они приехали в Подольск в начале двенадцатого. Как всегда, возникла проблема со стоянкой. На главной улице свободных мест не было, и поэтому Василий Петрович поставил пикап на второстепенной, недалеко от центрального входа в рынок. Сергея Павловича это вполне устраивало, так как рядом с рынком находился четвёртый корпус Подольского филиала авиационного объединения, где он начинал свою производственную деятельность.

До встречи с друзьями оставалось ещё больше двух часов, и Сергей Павлович решил посетить своё родное предприятие. Для того, чтобы его никто не узнал, он надел кепку с большим козырьком и спортивную курточку. Вместо привычных очков нацепил солнцезащитные.

У турникета в здание стоял охранник и у каждого входящего проверял пропуск. Отвлекающий манёвр с очками сработал: охранник мельком взглянул на пропуск Платонова, не взяв его даже в руки, но зато попросил снять солнцезащитные очки. Сергей Павлович про себя заметил: «Нужно пригласить начальника управления по режиму и поговорить с ним на эту тему».

Первым делом он решил посетить заводскую столовую, а по пути зайти в туалет. Если туалет в порядке, то и всё остальное должно быть в нормальном состоянии. Такому подходу к оценке предприятий общественного питания научил его папа.

К туалету никаких претензий не оказалось, зато заводская столовая, к сожалению, оставляла желать лучшего. С порога Платонов почувствовал не совсем приятный запах приготовляемой пищи, а в меню числился только комплексный обед: борщ из квашеной капусты, рагу (непонятно из чего), сырники и компот. Отказаться от какого-то блюда из комплекса было нельзя: или — всё, или — ничего. Из четырёх блюд более менее съедобными оказались только сырники.

«Завтра же разберусь с заместителем директора по рабочему снабжению», — подумал про себя Платонов.

Походив по коридорам и отметив практически отсутствие праздно шатающихся работников, Сергей Павлович решил спуститься в цокольный этаж здания. Там когда-то работал человек, учеником которого он себя считал. Это был старший мастер по ремонту авиацион-

ных двигателей Василий Георгиевич Шестаков. Прославился Василий Георгиевич тем, что по шуму работающего двигателя мог определить, исправный он или есть какие-то проблемы. Для этого он прикладывал ухо к работающему агрегату и на некоторое время замирал.

В большой комнате, где обычно работал Шестаков, кроме одного молодого парня никого не было.

— Прошу прощения, а где можно найти Шестакова Василия Георгиевича?

— Василий Георгиевич уже давно ушёл на пенсию, а в прошлом году умер от рака лёгких. Всю жизнь курил, вот и сторел. А зачем он тебе понадобился?

— Учил меня когда-то разным премудростям.

— Да, мастер он был от бога. Сейчас уже нет таких.

— Жалко человека.

— Будь здоров.

При выходе с территории завода Сергея Павловича никто и вовсе не остановил. Времени до встречи с друзьями оставалось совсем немного, и он быстрым шагом направился к машине, в которой дремал Василий Петрович. На стоянках он, как правило, далеко от своей машины не отходил, опасаясь, что обворуют.

— Василий Петрович, где на рынке можно цветы купить?

— Зайдёте, Сергей Павлович, в центральные ворота и идите прямо до первого крана с водой. От него свернёте направо и, по-моему, третий ряд. Там много прилавков с цветами.

Продавцов с цветами, в самом деле, было много, но Сергею Павловичу хотелось купить для Мони что-нибудь особенное. Он сразу увидел то, что ему было надо: старый человек, обделённый прилавком, продавал гладиолусы на длинной ножке. Старик держал дрожащей рукой, для демонстрации, один цветок и провожал мимо идущих людей слезящимися глазами.

— Сколько стоит цветок, отец?

— Да сколько дадите, за столько и отдам.

— А вся ваза?

— Не понял, сынок?

— Я все цветы хочу у вас купить. Вместе с вазой. Если не возражаете.

— Вазу я тебе, уважаемый, отдам бесплатно, только цветы купи. У меня на огороде такие вазы ещё есть. Я их сам делаю.

— Нет, отец. За всякую работу надо платить. Бери деньги.

— Это чересчур много, сынок.

— Нет, не много. Это тебе, отец, деньги не только за цветы, но и за совесть.

— Здоровья тебе, сынок, и хорошей жены.

— Спасибо.

19.7

Моня с Ниной пригласили на свадебный обед к себе домой только близких друзей — Тараса с женой и Платона. Моня сначала хотел большого праздника и, как один из вариантов проведения торжества, рассматривался центральный городской ресторан с шумом оркестра, длинными пустыми тостами и неискренними пожеланиями. Но, после детального обсуждения с Ниной, этот вариант был отвергнут. Он, в конце концов, согласился с доводами Нины, что задача такого обеда — познакомить его друзей с ней. В пользу домашнего праздника Моня согласился ещё и потому, что очень хотел продемонстрировать всем, как Нина его холостяцкое жильё превратила в уютное семейное гнездышко.

Водитель плохо знал этот район Подольска, и поэтому поиски дома Мони заняли больше времени, чем они предполагали. Отказавшись от помощи водителя, Сергей Павлович сам с большим трудом занёс вазу с цветами на третий этаж. На его звонок дверь открыл сам хозяин квартиры. Не поняв, как это произошло, Платонов вместе с вазой оказался в объятиях Мони, который долго его не хотел отпускать. Обнявшись с Тарасом и его женой, Сергей Павлович увидел в квартире незнакомую молодую женщину, которая скромно стояла несколько в стороне.

— Нина, — представилась она и протянула Платонову руку.

— Платон, — он церемонно её пожал и поцеловал. А потом неожиданно спросил: — Так это вы — жена Эммануила Моисеевича?

— Ну, Платон. Ты совсем оглупел на своей новой должности? Кто ещё может быть сегодня в моём доме?! — заорал Моня.

— Моня, не кричи. Ты лучше скажи, куда дел вазу с цветами?

— В ванну поставил.

— Ну, молодец.

— А что?

— А то, что я хочу вручить эти цветы твоей жене. Быстро неси их сюда.

— Один момент, только прошу всех пройти в комнату, — приказным тоном сказал Моня, — а не толпиться в коридоре.

Платон сгрёб в охапку все цветы, из-за которых его еле было видно, и громким голосом произнёс:

— Дорогие Нина и Моня, искренне поздравляю вас с созданием замечательной семьи! Примите от меня эти белые гладиолусы, символизирующие любовь и глубину чувств. Остальные все мои эмоции — деньгами.

Он подошёл и расцеловал молодожёнов, незаметно сунув конверт с деньгами Нине.

— А что делать с таким количеством цветов? — снова завопил Моня.

— В ванну положи, только воды налей, — вступил в разговор Тарасов. — Будешь, драгоценный ты наш, когда мы уйдём, отмокать среди цветов.

— Всё, прошу всех к столу, — прервала мужской хохот хозяйка дома.

— Рассаживаемся в соответствии с указанным на салфетке именем.

Гости расположились оригинальным образом: во главе стола восседал Платонов, а по бокам — две семейные пары.

— Вот ты, Платон, и будешь тамадой, — с улыбкой заметил Тарас.

— Почему я?

— Потому что ты, во-первых, оказался в центре нашей компании, а во-вторых, самый умный среди нас. Приехал, понимаешь, на долгожданную встречу с друзьями в какой-то телеге на колёсах. Мы тут обзвонились в поисках тебя, а ты, оказывается, без связи в машине.

— Правильно мыслишь, Тарас. Советская власть научила тебя, как уходить от слежки. Молодец.

— Ты давай столом руководи, а не болтай.

19.8

Встреча старых друзей по поводу женитьбы Мони была исключительно интересной, весёлой и доброй. Благодаря кулинарному искусству молодой жены, всё было на столе заманчивым и вкусным. Каждые несколько минут кампания взрывалась громким смехом. Причём, смеялись, в основном, мужчины, а обе женщины застенчиво улыбались.

— А сейчас я хочу, — объявил Платон, — попросить наших молодых жеребцов на некоторое время утихомириться и предоставить слово Нине Рукавишниковой. Кстати, Моня, твоя жена теперь Фридман?

— Нет.

— А кто?

— Теперь я Медведев.

Смеялись все и громче всех сам Моня. Стол ходил ходуном. Никто не мог успокоиться и прекратить гомерический хохот. Наконец, смех пошёл на убыль, и Нина подняла свой бокал.

— Дорогие Нина и Моня, я от всей души вас поздравляю с этим очень важным в жизни каждого человека событием! Но ты, дорогая Ниночка, не представляешь, куда вляпалась. Потому что ты вышла замуж не за Моню, а за всю эту шумную компанию.

— Ничего себе поворотик, — заметил Платон.

— Да, да. Я не оговорилась. Когда я выходила замуж за Тараса, я не его мамы боялась. Я боялась вас — его друзей с вашими розыгрышами, шуточками, сюрпризами.

— Вот тебе на. Мы к ней всей душой, а она...

— Помолчи, Моня. Дай Нинке досказать свою женскую мысль.

— Молчу, молчу...

— Ну, так вот, — продолжила Нина, — хотела, прежде всего, понравится им. А потом задала сама себе вопрос: «А с какой стати я должна подстраиваться под этих шалопаев? Может, наоборот?»

— И что? — с любопытством спросил Моня.

— И тогда сразу всё стало на свои места: сыграла партию в шахматы с Платоном, правда, проиграла, а потом всю ночь резалась с ними на равных в преферанс.

— Так я не понял, — продолжал наступать Моня, — мы понравились тебе или нет?

— Ну, а как же! Конечно, понравились!

— Ну, это другое дело. По этому поводу нужно выпить, — сказал Тарас и начал неуклюже разливать по бокалам шампанское.

— И всё-таки, чем мы тебе, Нина, тогда понравились? — теперь уже возник Платон.

— Чем? Могу сказать: интересом к жизни. Я увидела трёх умных, образованных, интеллигентных людей, которых объединяет не только преферанс и шахматы, но также музыка, книги, путешествия, спорт, женщины, виски...

— В результате этого ты нашла среди нас козла отпущения, то бишь Тараса, — не отставал от Нины Платон.

— Да вы все — козлы, — огрызнулась Нина.

— Это правильно. Но ты решила: хоть одного из них, но накажу, — попытожил Платон.

— Неправда, мы уже тогда с Тарасом год жили вместе.

И опять хохот накрыл всю компанию. А когда, в конце концов, на-

ступила тишина, Нина в этом весёлом разговоре поставила свою женскую точку:

— А что ты тут, Платон, раскомандовался? Это в Твери ты — генеральный директор, а здесь, как говорит Моня, — простой поц.

— И правильно говорит.

— Ну вот. Ты лучше расскажи людям, что ты сам до сегодняшнего дня болтаешься, как неприкаянный. Никак в этой жизни не можешь себе пару найти.

— Во-первых, я — самый младший из всех. Ждал, пока Моня женится. А во-вторых, уже нашёл... Подробности скоро сообщу.

— Ура! — все дружно заорали и полезли чокаться с Платоном.

— Только смотри, Платон, не передумай. А главное, ничего не зажди. Мы этого не допустим!

19.9

А через некоторое время все пошли на кухню курить. За столом остались сидеть двое: Нина Медведева и Платонов. Как люди, недавно познакомившиеся, они не знали, с чего начать разговор. Первым нарушил молчание Сергей:

— А где вы, Нина, работаете? — задал он дежурный вопрос.

— На «скорой помощи». В одной бригаде с Эммануилом Моисеевичем.

— О, так вы с мужем проводите вместе все двадцать четыре часа?

— Да. А что в этом плохого?

— Ничего плохого, кроме дополнительной моральной нагрузки.

— Какой нагрузки?

— Моральной.

— А в чём она заключается?

— В том, что вы всё время думаете о нём, а он о вас. Постоянно страхуете во всём друг друга.

— Что-то я этого пока не замечала.

— А это невозможно заметить. Вы с Моней теперь — одно целое. Муж и жена.

— Ну да. Совершенно верно.

— А как вы, Ниночка, к нему на работе обращаетесь?

— Эммануил Моисеевич.

— А дома?

— Дома — Моня. Он так приказал.

— Вот это — неправильно. Для того чтобы была крепкая семья, муж должен иметь в семье совещательный голос. А вы говорите, приказал. Вот у меня дома была следующая ситуация: папа что-то предлагал, мама это выполняла, но только по-своему.

И тут Нина тихо-тихо расплакалась, как будто про себя. Слезы произвольно текли по её щекам и капали с подбородка.

— Ниночка, что с вами? Чем я вас обидел?

— Ничем. Я плачу из-за Мони.

— Ниночка, не надо плакать. Моня — очень добрый и талантливый человек. Врач от Бога.

— Я знаю. Но куда бы мы с ним по вызову в Подольске не приезжаем, все его обнимают, целуют. Особенно женщины. Меня эти ситуации страшно пугают и напрягают.

— Понимаю, Ниночка, понимаю... Моня пользуется всеобщим уважением и любовью.

— Да каким там уважением! Мне это уважение никаким образом не надо.

— Вы не правы, Ниночка. Такое отношение к себе надо заслужить.

— Сергей Павлович, миленький, заберите Моню из Подольска. Дайте ему работу в Твери. Ведь вам хорошие врачи нужны?

— Конечно, нужны. А как же вы, Ниночка?

— Я поеду за ним. Готова работать в любой должности, лишь бы изменить обстановку вокруг нашей семьи.

— Нужно подумать. Это всё как-то неожиданно...

— В отношении жилплощади, Сергей Павлович, вы не волнуйтесь. Мы здесь эту квартиру продадим, а там купим.

— Квартиру, как раз, продавать здесь не надо. Если мы решим вопрос положительно, то вы здесь филиалу нашего объединения отдадите эту квартиру, а там получите другую.

Раскрасневшаяся от разговора Нина смотрела на Сергея Павловича, как на какое-то божество. Она даже не представляла, что можно так быстро решить все их проблемы.

— А скажите, Ниночка, Моня знает о наших с вами сепаратных переговорах?

— Нет, но я ему сегодня обязательно расскажу.

— Это плохо, что мы за его спиной всё обсуждаем. Не по-товарищески как-то.

— А что делать? Он может не согласиться.

— Не в этом дело. Есть у меня другой вариант. Давайте мы передела-

ем сценарий, и инициатива вашего переезда в Тверь будет исходить от меня. Не возражаете?

— Конечно, нет! Это — замечательно!

— Ну и хорошо. Я всё понял.

19.10

Перед тем, как разойтись по домам, Тарас отвёл Платона в сторону.

— Послушай, директор, мне для газеты нужно, кровь из носа, сделать с тобой интервью. Задание редакции.

— Ну, зачем тебе это интервью именно сейчас, Тарас? О чём оно будет? О моём приезде в Подольск?

— Совершенно верно.

— Да кроме тебя и Мони, об этом никто не знает. Ну, ещё ваши жёны, если не проболтаются.

— Ну и что. Пусть все узнают про своего земляка.

— Оставь, Тарас. Ты будешь задавать мне глупые вопросы типа: «Какие у вас планы на будущее?» — а я буду тебе также глупо отвечать.

— Так что сейчас мы не будем, Платон, ничего делать?

— Ну почему — ничего? Сейчас, Тарас, мы будем пить водку за нашего друга Моню. А интервью — пусть пройдёт хоть год, появятся какие-то результаты в работе. Тогда предметно и поговорим.

— Ну, ты меня без ножа режешь, Платон.

— Да тебя уже давно Нинка прирезала. Скажи ей спасибо, что ты ещё не потерял способность с друзьями общаться. Кстати, с такой же просьбой ты ко мне, как к молодому специалисту, много лет назад приставал. Ты помнишь, Тарас?

— Помню, Платон. И что из этого следует?

— А то, что как был ты упёртый баран, так и остался.

— В этом и суть мужской дружбы, Платон. Она на века.

А через две недели приказом генерального директора Федерального авиационного объединения города Твери Платонова Сергея Павловича, доктор Медведев Эммануил Моисеевич был принят на должность заместителя главного врача по лечебной работе ведомственной поликлиники с предоставлением ему служебной жилплощади.

Эпилог

1.

Рассказ профессора Конюхова о поведении Сергея Павловича Платонова на совещании у декана факультета произвёл на Веру Петровну ошеломляющее впечатление. Под этим впечатлением она находилась уже почти месяц: засыпала и просыпалась с ним, читала лекции, ходила в магазин, мыла посуду. Ей трудно было представить, чтобы в наше время посторонний мужчина мог сказать такие удивительные слова о незнакомой женщине. И сейчас, по большому счёту, ей было совершенно всё равно, чем этот мужчина занимается, где работает, какая у него должность. Для неё он был просто мужчина.

А ведь она и раньше это понимала. Зачем же тогда так долго себе врала, придумывала пустые отговорки, а главное, приписывала этому человеку всякие страшные грехи? Конечно, это её мужчина — единственный, дорогой, до боли желанный и такой родной!

С того дня, как наступил летний отпуск и ей не надо было торопиться в институт, чтобы присутствовать на бесконечных заседаниях, семинарах и советах, Вера Петровна практически не выходила из дома. В середине дня сбегает в магазин, купит всё необходимое — и быстрее назад. Боялась, что однажды, когда её не будет дома, он придёт. Постучит в дверь и, не дождавшись ответа, уйдёт навсегда.

Её мучило раскаяние. Она постоянно грызла себя за все те глупости, которые совершила по отношению к Платонову. Мысли о нём мешали ей сосредоточиться: она перестала читать книги, смотреть телевизор, говорить по телефону, посещать концертные залы. Отказывалась от приглашений в гости и никого не принимала у себя. На все предложения мужа встретиться и поговорить отвечала категорическим отказом. Это было до странности жуткое и мучительное состояние, похожее на ожидание заключённым дня своей казни.

Каждый вечер Вера Петровна делала праздничный макияж, надевала самое красивое платье и драгоценности. Сидела в своё любимое кресло на балконе и, не отводя глаз, смотрела на фигурку жабы во дворе, отполированную многократными к ней прикосновениями.

Изнуряюще жаркий, медленно тянущийся летний день никак не кончался. Вечер, а вместе с ним и долгожданная прохлада почему-то не наступали. На часах было двадцать часов двенадцать минут, когда Вера

Петровна услышала в подъезде лёгкий шум и в её дверь кто-то робко постучал.

Нервы напряглись до предела.

Может, ей показалось?

На всякий случай Вера Петровна лёгкой походкой приблизилась к двери и, затаив дыхание, прислушалась. Стук повторился.

— Кто там? — тихо спросила она.

— Это я...

Замирая от волнения и страха, Вера Петровна распахнула дверь. На пороге стоял крепкий мужчина среднего роста. Обеими руками он едва удерживал огромный букет цветов, за которым совсем не видно было лица. Плавным движением он передал Вере Петровне букет и, не спрашивая разрешения, шагнул вперёд. Казалось, он не только знаком с хозяйкой, но и хорошо знает расположение комнат в квартире. Не оглядываясь, мужчина прошёл на балкон, в задумчивости остановился и, опершись на перила, стал всматриваться куда-то вдаль.

Вера Петровна осторожно закрыла входную дверь, положила букет на стол и следом за незнакомцем вышла на балкон.

— Простите, а вы — кто? — с трудом выговорила она, глядя ему в спину.

Мужчина, не поворачиваясь к хозяйке дома, спокойным тоном ответил:

— Я — Сергей Платонов.

Не говоря ни слова, Вера Петровна приблизилась к мужчине вплотную, обняла его могучую талию своими тонкими руками и всем телом прижалась к нему. Чувствуя каждую его мышцу, каждое движение, каждый вздох, она прижималась всё сильнее и сильнее, будто стремилась слиться с ним в одно целое. И не было на свете силы, которая могла бы сейчас оторвать её от него хоть на секунду и разрушить это единение, о котором она грезила много дней и ночей.

На улице становилось свежо, и Вера Петровна, вздрагивая от вечерней прохлады, всё теснее прижималась к Платонову. Чтобы согреться, она засунула свои холодные руки ему под пиджак, а потом и под рубашку. Тепло его тела подействовало успокаивающе, и глубоко вздохнув, она замерла. Однако при мысли о том, что это — сон, который может внезапно кончиться, и очарование момента исчезнет, её временами бросало в дрожь.

Природа тоже затихла. Даже сверчки в кустах перестали трещать, и

только одинокая каменная жаба во дворе продолжала светиться отражённым светом.

Прошёл как минимум час. Сергей несколько раз пытался повернуться к Вере Петровне лицом, чтобы что-то сказать, но она ни разу не позволила ему это сделать. И тут она сама, очень медленно и тихо заговорила. Видно было, что каждое слово ей даётся с огромным трудом. А он, почти не дыша, слушал, стараясь ничего не пропустить.

— Серёжа, я тебя каждый вечер жду. Уже двадцать второй день. Наряжаюсь и жду. Я так счастлива, что Бог услышал мои молитвы и прислал тебя ко мне. Не то бы я сошла с ума.

— Верочка, это не ты бы сошла с ума. Это произошло бы со мной. Я всё делал, чтобы тебя забыть: работал сутками, гулял, пил, ездил по разным командировкам. Но ничего мне не помогает.

— В чём не помогает?

— В том, чтобы не вспоминать тебя. Выбросить из головы. Мне папа однажды рассказал, как он ухаживал за моей мамой.

— В каждой семье своя история, Серёжа...

— Верочка, не перебивай меня. Послушай...

— Хорошо, не буду.

— Ну, так вот. Мама с папой поженились, будучи студентами четвёртого курса, а познакомились, учась на втором. Оба жили в общежитии: она — в женском, он — в мужском. Общались на лавочке в городском саду или в подъездах.

— Ну так скажи, наконец, что тебе интересного рассказал папа, Серёжа?

— А то, что крепость брака определяется сроком ухаживания мужчины за женщиной. Так было в старые времена и так должно быть сейчас.

— Серьёзное открытие.

— Представь себе. Но папа объяснил мне психологическую подоплёку этой ситуации. А состоит она в том, что мужчина так должен переживать за время ухаживания, чтобы ему эту ситуацию больше никогда не хотелось повторить.

— Очень трогательно. Только ты пойми, Серёжа, что дело не в мужчине. Дело в женщине. Она, как правило, отталкивает мужчину и говорит ему глупости. Она во всём виновата. Я себя очень ругаю за то, что так долго не слушала своё сердце.

Платонов сделал ещё одну попытку выскользнуть из цепких ручек Веры Петровны.

— Подожди, Серёжа. Не спеши поворачиваться ко мне, потому что

я не смогу тогда договорить до конца, что хочу. Мне ужасно стыдно за всё, что между нами было. Прости меня.

— Верочка, ты ни в чём не виновата. Это всё я, моё дурацкое это, мой отвратительный характер. Это я должен просить у тебя прощение до конца дней своих.

— Нет, Серёжа, нет...

— Ты что плачешь, Верочка?

— Я не плачу. Слёзы сами льются.

— Почему, дорогая?

— Потому что ты завтра снова уедешь.

— И ты тоже.

— Что ты сказал, я не расслышала?

— Я сказал, что ты тоже завтра уедешь.

— Куда?

— В Тверь.

— Это где? Что-то у меня всё в голове перепуталось.

— Это недалеко от Москвы.

— Ты это серьёзно?

— Более чем. А дальше ты выходишь за меня замуж, потому что я тебя очень люблю.

— Ну зачем ты так шутишь, Серёжа? У меня есть муж, и ты это прекрасно знаешь.

— А при чём тут твой муж?

— Как — при чём? Я же замужем.

— Твою временную ипостась замужней женщины мы упраздним в соответствии с российским законодательством, запрещающим полигамное состояние российской женщины.

— Ничего не поняла, Серёжа. Скажи без выкрутасов? Простым и понятным языком.

— Пожалуйста. Ты разводишься со своим мужем и выходишь за меня замуж. Немедленно.

— Завтра, что ли?

— Нет, завтра не получится. Завтра мы только уезжаем в Тверь. В отличие от тебя, находящейся в отпуске, я должен выйти на работу.

— Серёжа, я боюсь тебя. Боюсь себя, своей любви к тебе. Боюсь людей, которые обязательно захотят разрушить наше счастье. Боюсь твоих планов. Всего боюсь.

— Не надо ничего, дорогая моя, бояться. Не надо.

— Подожди, Серёжа. Не спеши. О каком замужестве может идти

речь? Я уже — бабушка, а ты — молодой человек, только начинаешь жить. У тебя вся жизнь впереди...

— Я — молодой? Да мне до пенсии в два раза ближе, чем до года своего рождения.

— И всё равно, Серёжа, не надо этого делать.

— Почему?

— Потому что я тебе не пара.

— Верочка, послушай меня внимательно. Пары создают на бессознательном уровне только животные, а люди женятся, как правило, по любви. Двадцатилетний мужчина делает свой выбор на основе восторженного физического восприятия особы противоположного пола, а сорокалетний, как я, руководствуясь жизненным опытом. Я столько передумал, отрывая себя от тебя, что даже передать не могу. А ты говоришь, мы — не пара!

— Серёжа, не пытайся повернуться ко мне. У меня весь макияж поплыл.

— Да при чём тут твой макияж, Верочка! Я при единственном условии могу передумать жениться на тебе, если ты меня прямо сейчас не покормишь.

— Серёжа, ну прекрати шутить. Я тебя очень прошу.

— Да какие шутки! Это уже серьёзно.

— У меня пустой холодильник.

— Это не проблема. Где у тебя телефон?

— На тумбочке, у кровати.

Платонов прошёл во вторую комнату, набрал нужный номер телефона и уже начальственным тоном сказал:

— Василий Петрович, заносите...

Через пять минут, как будто он стоял за дверью, в квартиру вошёл молодежавый мужчина с двумя большими коробками.

— Куда это поставить, Сергей Павлович?

— Отнесите, пожалуйста, всё на кухню.

— Хорошо.

— На сегодня вы свободны. Завтра мы едем в Тверь. Подъезжайте к часу дня с пустым багажником. Всё понятно?

— Понятно, Сергей Павлович. До свидания.

— Будьте здоровы.

2.

Сергей проснулся в замечательном настроении. Вчера они с Верочкой проговорили до четырёх утра. Разговор был нервный и грустный, с взаимными претензиями и обидами. Но сейчас, когда Платонов открыл глаза и увидел сидящую напротив него роскошную женщину в голубом пеньюаре с распущенными волосами и сверкающими от счастья глазами, все плохие мысли сразу исчезли.

— Доброе утро, Серёжа. Как ты спал, дорогой?

— Не может ни один, ни один король... — запел он.

— Я вижу, у тебя прекрасное настроение?

— Не прекрасное, а замечательное!

— А не кажется ли тебе, что мы с тобой совершаем большую ошибку, решая этот вопрос без твоей мамы?

— Хорошая мысль. А давай, Верочка, чтобы был полный кворум, мы ещё твоего мужа пригласим?

— Ты не ёрничай, Серёжа. Я серьёзно тебе говорю.

— А я серьёзно тебе отвечаю. Во-первых, как воспитанный мальчик, я уже всё с мамой в отношении нас обсудил, а во-вторых, мама жаждет с большим нетерпением тебя увидеть.

— Ты мне, всё-таки, скажи, как мама отреагировала на твою информацию обо мне? Что она сказала?

— Мама сказала, что я — серьёзный и умный человек.

— С какой стати?

— Потому что нашёл жену сразу с учёной степенью и учёным званием.

— Серёжа, ты будешь когда-нибудь со мной серьёзно говорить?

— Я серьёзно говорю. Пойми, дорогая моя, любая мама счастлива, когда счастлив её ребёнок, независимо от возраста. А я сейчас от радости просто на седьмом небе.

— А я — нет. Мне не только нужно тебя всё время видеть. Мне ещё хочется продолжать работать. А если я уйду из нашего института, то меня больше туда не примут.

— Тебя, дорогая моя? С твоим умом и красотой? А кого же тогда принимать?

— Представь себе.

— Ну, тогда я тебе расскажу одну притчу, чтобы ты успокоилась. Не волнуйся, она короткая. Идёт по дороге солдат, а навстречу ему староста села. «Здоров, солдат», — говорит староста. «Здоров», — отвечает

солдат. «Как тебя звать?» — «Иван». — «Жаль. Если бы ты был Пахом, был бы нашим попом. Жил бы в своё удовольствие с любимой женой и ни о чём не думал». Солдат был смыслёный, быстро обежал дорогу лесом и снова идёт навстречу старосте. «Здоров, солдат». — «Здоров». — «Как тебя звать?» — «Пахом». — «О!.. Будешь нашим попом. Согласен?» — «Согласен». — «Только нужно будет тебе всю оставшуюся жизнь выполнять несколько наших условий». — «Каких?» — «Водку не пить, на молодых девок не смотреть, любоваться только одной попадёр». — «Нет, мне это не подходит». — «А с какой стати ты тогда два раза на дорогу выбежал?»

Вера резко встала с кресла и бухнулась на кровать рядом с Платоновым. Крепко-крепко его обняла и прошептала на ухо:

— Серёжа, ну зачем ты мне эту байку рассказал?

— Чтобы ты поняла, красавица моя, что выходишь за меня замуж один раз и на всю жизнь.

— Ой, Платонов, ой, хитрец! Как ты элегантно ушёл от ответа на вопрос о моей будущей работе.

— Потому что тут нет никакого вопроса. Будешь работать на одной из кафедр Тверского государственного университета. Доцентом.

— А кто меня туда возьмёт?

— Как — кто? Ректор.

— На каком основании?

— На простом. Авиационное объединение, в моём лице, в порядке шефской помощи образовательной организации отремонтирует Тверскому государственному университету крышу.

— А ты кем работаешь в этом авиационном объединении, Серёжа, что так распоряжаешься? Начальником?

— Нет.

— А кем?

— Директором.

— А в чём разница?

— Разница в том, что директор руководит предприятием, а начальник им командует.

— Не обманывай меня, Серёжа. Я же видела, как ты вчера говорил по телефону со своим водителем.

— Это чтобы произвести на тебя серьёзное впечатление. Для мужчины это очень важно.

3.

Серёжа, а хочешь послушать замечательную, берущую за душу музыку?

— Конечно, хочу. Что за музыка, Верочка?

— Это — «Бархатный блюз». Саксофон в сопровождении гитары. Я каждый вечер её слушала, когда тебя ждала.

— И какие у тебя возникали чувства, дорогая моя, под эту музыку?

— Чувство жуткой безысходности, страшной тоски по тебе и щемящей жалости к себе.

— Правильно, Верочка, потому что это был не наш блюз.

— Как понимать — не наш?

— Не наш и — всё. Наш — небесный. Красочный и радостный. Он звучит во всей Вселенной и его сопровождает северное сияние, переливающееся замечательными красками, как в Швеции. Ты видела когда-нибудь северное сияние?

— Ну, ты и фантазёр, Серёжа!

— Это — не фантазия, Верочка. Это — программа твоей и моей долгой счастливой жизни.

— Ты в этом уверен?

— Я не только уверен. Я это точно знаю.

— Откуда?

— Мне об этом мама сказала, а мамы своих детей не обманывают.

Израиль

Оглавление

От автора.....	4
Пролог.....	8
Часть I. Возвращение в прошлое.....	11
Глава 1. Родные люди.....	11
Глава 2. Восхождение.....	47
Глава 3. Только вперёд.....	63
Часть II. Семья.....	91
Глава 4. Черниковы.....	91
Глава 5. Платонов.....	124
Глава 6. Вера Петровна.....	166
Часть III. Новая жизнь.....	201
Глава 7. Начальник конвоя.....	201
Глава 8. Соперницы.....	229
Глава 9. Зарождение чувств.....	247
Часть IV. Проза жизни.....	260
Глава 10. Оля.....	260
Глава 11. Новые неприятности.....	286
Глава 12. Репутация.....	314
Часть V. Сколько верёвочке не виться.....	324
Глава 13. Леонид Исаакович.....	324
Глава 14. Наощупь.....	343
Глава 15. Наглость — не второе счастье.....	364
Глава 16. Криминальный дуэт.....	379
Часть VI. Мужская дружба.....	389
Глава 17. Пагубная страсть.....	389
Глава 18. Обычная жена.....	404
Глава 19. Ещё один клиент.....	421
Эпилог.....	439

Художественное издание

18+

Эдгарт Бенционович Альтшулер
НЕБЕСНЫЙ БЛЮЗ

Главный редактор Л.Н. Стрючкова
Технический редактор С.А. Стрючков
Корректор Л.Н. Курилова

Подписано в печать 05.01.2022.
Формат 60х90/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ПК Sitall:
660074, г. Красноярск, ул. Борисова, 14
с готовых файлов заказчика:
ООО Издательство «АПЕКС»
663305. г. Норильск, ул. Талнахская, 13-1
тел. (3919) 42-32-38
e-mail: apex.norilsk@yandex.ru
сайт: norkniga.ru